

65
Ж 66

Ж 12179

ЖИВАЯ СТАРИНА.

Основана В. И. Ламанскимъ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО Русского Географического Общества.

Годъ XXII.

Выпускъ III—IV.

1913.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій кан., № 45.

1914.

Редакція „ЖИВОЙ СТАРИНЫ“

ПОСВЯЩАЕТЪ НАСТОЯЩІЙ ВЫПУСКЪ

НЕЗАБВЕННОЙ ПАМЯТИ

АКАДЕМИКА

Всеволода Феодоровича

МИЛЛЕРА,

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩАГО ОТДѢЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ.

ЖИВАЯ СТАРИНА.

Основана В. И. Ламанскимъ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

Годъ XXII.

1913.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій кан., № 45.
1914.

ОГЛАВЛЕНИЕ. 1913 год. Вып. 1-4

<p>Отъ Редакціи (съ портретами Д. Н. Анучина и В. Ф. Миллера (†).</p> <p>Журналы застѣданій Отдѣленія Этнографіи (за 1912 г.)</p> <p>Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія Этнографіи и состоящихъ при немъ постоянныхъ комиссій за 1912 г.</p> <p>Журналы застѣданій Отдѣленія Этнографіи (за 1913 г.)</p> <p>Д. Н. Зеленинъ. Русскіе народные обряды со старою обувью</p> <p>А. В. Марковъ. Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи. (Образъ Горя)</p> <p>М. Б. Едемскій. О крестьянскихъ постройкахъ на съверѣ Россіи (съ 62 рис.)</p> <p>Э. К. Пенарскій и И. И. Майновъ. Программа для изслѣдованія домашняго и семейнаго быта якутовъ.</p> <p>Программа для описанія этнографическихъ музеевъ Россіи.</p> <p>И. М. Калининъ. Чудь и Паны.</p> <p>(†) Полихроній Сырку. Изъ быта бессарабскихъ румынъ. I. Народный календарь румынского населенія въ Бессарабіи</p> <p>В. А. Михайловъ. Замѣтка по поводу перевода выраженія „зэгэтэ аба“—охота па росомахъ въ статьѣ М. Н. Хангалова и Д. А. Клеменца „Общественные охоты у съверныхъ бурятъ“ . .</p> <p>А. А. Каменевъ. Два условія въ договорѣ найма пастуха въ Кемскомъ уѣздѣ Архангельской губ.</p> <p>Е. В. Аничковъ. Изъ прошлаго календаря перехожихъ .</p> <p>Ф. П. Коноваловъ. † Александръ Николаевичъ Минхъ. (Некрологъ и списокъ трудовъ А. Н. Минха) .</p> <p>И. М. Калининъ. Обязательства по обычаямъ крестьянъ Онежскаго уѣзда Архангельской губ.</p> <p>Г. И. Орѣховъ. Свадебные обряды, обычай и пѣсни въ Холмскомъ уѣздѣ, Псковской губ.</p> <p>Б. Соколовъ. Вс. Ф. Миллеръ, какъ изслѣдователь русскаго былевого эпоса</p> <p>А. Розенфельдъ. Памяти Всеволода Феодоровича Миллера</p>	<p>I—XX</p> <p>XXI—XXVII</p> <p>XXVIII—LV</p> <hr style="width: 100%; border: 0.5px solid black; margin: 10px 0;"/> <p>1—16</p> <hr style="width: 100%; border: 0.5px solid black; margin: 10px 0;"/> <p>17—24</p> <hr style="width: 100%; border: 0.5px solid black; margin: 10px 0;"/> <p>25—116</p> <hr style="width: 100%; border: 0.5px solid black; margin: 10px 0;"/> <p>117—135</p> <p>136</p> <p>137—146</p> <p>147—180</p> <p>181—182</p> <p>183—184</p> <p>185—200</p> <p>201—212</p> <p>227—304</p> <hr style="width: 100%; border: 0.5px solid black; margin: 10px 0;"/> <p>305—317</p> <p>318—336</p> <p>337—345</p>
---	--

I. Каллинниковъ. О собираниі сказокъ въ Орловской губ.	346—362
(†) П. А. Сырку. Изъ быта бессарабскихъ румынъ. II. Погребальные обычай и обряды румынъ Бессарабії	363—370
М. Моллесонъ. Русские этнографические музеи и собрания. III. Троицкосавско-Кяхтинский Музей	371—377
И. С. Абрамовъ. Повѣрья, примѣты и заговоры жителей Новоградъ-Волынского и Заславского уѣздовъ	378—383
И. В. Яновлевъ. Способъ умыканія невѣсть среди вояковъ Елабужского уѣзда	384—386
И. В. Яновлевъ. Вояцкая легенды, записанныя въ Поршурскомъ приходѣ Елабужского уѣзда Вятской губ. въ 1902 и 1903 гг.	387—394
Т. К. Борисовъ. Изгнаніе шайтана у вояковъ	395—399
Всев. Шнитниковъ. Материалы по киргизской и татарской музыке	400—416
Л. Я. Штернбергъ. В. Ф. Миллеръ, какъ этнографъ. Рѣчь	417—425
Критика и библиографія.	213—226, 426—440
1. А. И. Путинцевъ. Талагайская свадьба. Д. Зеленина (213—214). 2. С. Смирновъ, проф. Исповѣдь земѣ. Е. Елеонской (214—215). 3. Кн. Д. Ухтомскій. Чукотская стрѣлы. Алексѣя Макаренко (215—218). 4. В. Ф. Троцянскій. Наброски о якутахъ Якутского округа. Н. Виташевскаго (218—226). 5. Р. Кедрина. Обрядъ „крешенія“ и „похоронъ кукушкѣ“ въ связи съ народнымъ кумовствомъ. Ю. Соколова (426—429). 6. Даниилъ Святскій. Подъ сводомъ хрустального неба. Очерки по астральной миѳологии. Дм. Зеленина (430—432). 7. Prof. Dr. Lubor Niederle. Život starých slovanů. Дм. Зеленина (432—437). 8. Die Schröpfköpfe bei den Slaven. Von M. Murko. Дм. Зеленина (437—440).	
Б. Э. Петри. Библиографія за 1911 годъ по этнографіи, религіи, языкоznанию и фольклору	441—468
З. А. Вольтеръ. Материалы для сводного списка періодическихъ изданій по этнографіи, антропологии, фольклору и археологии въ петроградскихъ библиотекахъ	469—499

Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

V. Засѣданіе 5 апрѣля 1913 года.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи, Вс. Ф. Миллера, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ, членовъ-сотрудниковъ и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

II.

Произведены выборы Медальной Комиссии по Отдѣленію Этнографіи на 1913 годъ. Избранными оказались: С. Ф. Ольденбургъ, Д. К. Зеленинъ, В. Л. Котвичъ и Ф. К. Волковъ.

III.

Доложено о поступившихъ въ Отдѣленіе печатныхъ изданіяхъ:

1. Revue d'Ethnographie et de Sociologie. 1913, № 1—2.
- 2—6. Lietuvių Tauta. Knig. I, Dalis 1—4; Knig. II, Dalis 1.
7. Гермесъ, 1913, № 6 (112).

Постановлено: передать въ библіотеку Общества.

IV.

Б. Э. Петри сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Селеніе, дворъ и юрта кудинскихъ бурятъ въ связи съ нѣкоторыми особенностями семейно-родовыхъ отношеній“ по слѣдующей программѣ:

Общий видъ улуса, его составъ (родовой) и планировка юртъ: Экономический строй улуса. Нѣсколько словъ о разселеніи бурятскихъ родовъ.

Дворъ и его составъ (семейный).

Юрта; постройка юрты, обрядъ перенесенія огня; наружный видъ юрты; типы юрты: 8, 7, 6 и 4-хъ стѣнныя.

Внутренній видъ юрты; планъ ея; мѣсто онгоновъ; очагъ, значеніе огня и обряды по отношенію къ огню, линія огня. Распределеніе мебели и предметовъ хозяйства; чистые, грязные и священные углы.

Пристройки къ юртѣ.

Мѣста для гостей по рангамъ и поламъ.

Женская и мужская половины. Планъ юрты въ связи съ между- половыми запретами.

Жизнь въ улусѣ; мужскія и женскія работы и обряды, съ ними связанные: скотоводство, ужуги, приготовленіе войлока; кожи и та- расуна.

V.

В. А. Михайловъ прочелъ сообщеніе на тему: „Посвященіе шамана и жертвоприношенія у кудинскихъ бурятъ“ по слѣдующей программѣ:

Назначеніе дня посвященія. Сборъ подарковъ. Заготовка деревьевъ и выемка конныхъ тростей. Разстановка деревьевъ. Приготовленіе различныхъ обрядовыхъ вещей. День посвященія. Выборъ помощниковъ шаману. Предварительная обрядовая брызганія божествамъ и духамъ шамановъ. Разстановка жертвенныхъ животныхъ и прочія приготовленія. Схема призванія. Очищеніе шамана: а) огнемъ съ бого- городской травой, б) водою съ верескомъ, с) кровью козла. Присяга шамана. Призваніе у деревьевъ посвященія. Закаливаніе жертвенныхъ животныхъ. Обрядъ хороненія костей и нѣкоторыхъ частей мяса жер- твенныхъ животныхъ. Жертвоприношеніе мясомъ. Обрядъ хурі—зазы- ваніе благодати отъ божествъ. Игры и пиришства. Заключительная жертвоприношенія. Жертвоприношенія кровныя и безкровныя, обще- ственные и частныя.

VI. Заседаніе 2 мая 1913 года.

Заседаніе было открыто Предсѣдательствующимъ въ Отдѣлении Вс. Ф. Миллеромъ, который затѣмъ передалъ предсѣдательствование С. К. Буличу, какъ знатоку народной музыки. Секретарствовали А. Д. Рудневъ и А. Н. Самойловичъ.

Я. В. Прохоровъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Музыкально-поэти- ческое творчество русской женщины-крестьянки. Танковыя пѣсни“ по слѣдующей программѣ:

Что такое Танки? Вожденіе дѣвушками Танковъ въ Калужской губерніи. Танковыя пѣсни. Ихъ историческая древность и оригинальность и выдающіяся музыкальная достоинства. Затрудненія при оты- скиваніи ихъ и записяхъ.

Что говорится о Танкахъ въ литературѣ по Русскому и Южно-Славянскому фольклору; искаженіе смысла слова „Танокъ“ и, вслѣдствіе этого, ложныя мнѣнія и ошибки собирателей.

Что говорить о Танкахъ сама народная пѣсня Великороссовъ, Бѣлоруссовъ, Малороссовъ, Болгаръ и др. славянскихъ народностей.

Постепенное видоизмѣненіе Танковыхъ пѣсень и превращеніе ихъ въ пѣсни другихъ категорій. Причины этого видоизмѣненія.

Выводы изъ всего вышесказанного.

Танки—старинный общеславянскій обычай; торжественныя весення гулянья дѣвушекъ по улицамъ, полямъ и лугамъ, съ вѣнками на головахъ и съ пѣніемъ особыхъ весеннихъ (Танковыхъ) пѣсень.

Содержаніе этихъ пѣсень, ихъ музыка и нѣкоторая музыкально-психологическая особенности.

Кое-что о другихъ весеннихъ обрядахъ, во время которыхъ проходило вождение Танковъ. Празднованіе Семика. Хожденіе въ лѣсъ завивать вѣнки и пр. Общая трапеза въ лѣсу. Остатки языческаго ритуала. Завиваніе вѣнковъ, кумовство, гаданіе и нѣкоторые другіе обряды и относящіяся къ этимъ обрядамъ пѣсни.

Сообщеніе сопровождалось исполненіемъ Танковыхъ, Семицкихъ игровыхъ и др. весеннихъ пѣсень въ исполненіи г-жъ: О. Л. Зараевой-Михельсонъ, О. А. Ольгиной, А. В. Красновой, О. С. Бѣгичевой, *, Е. Б. Кристъ, а также были продемонстрированы фонограммы Танковыхъ пѣсень, записанныхъ Я. В. Прохоровымъ въ Калужской губ.

Программа:

1. По улицѣ по широкой:

Исполнили: О. Л. Зараева-Михельсонъ, О. С. Бѣгичева и А. В. Краснова.

2. Вдоль да по улицѣ...

Исполнили: О. А. Ольгина, Е. Б. Кристъ и А. В. Краснова.

3. Во сырому бору елышка...

Исп.: О. Л. Зараева-Михельсонъ, О. С. Бѣгичева и г-жа *.

4. Стояло тутъ косово дерево...

Исп.: О. А. Ольгина, Е. Б. Кристъ и А. О. Краснова.

5. Леле юано, Маленевка... (Болгарская).

Исп.: Я. В. Прохоровъ.

6. По лугу-лугу, по зеленому...

7. Ужъ я налася, нерепалася... } Фонограммы.

8. Саша по саду гуляла. Бытовая пѣсня.

Исп.: О. А. Ольгина, Е. Б. Кристъ и г-жа *.

9. Ахъ ты пчелка, пчелочка...

Исп.: О. Л. Зараева-Михельсонъ.

10. А и густо, густо на березъ листы...

Исп.: О. Л. Зараева-Михельсонъ, О. С. Бѣгичева и Е. Б. Кристъ.
11. За дворомъ, дворомъ за батюшкинымъ...

Исп.: О. Л. Зараева-Михельсонъ.
12. Наша улица широкая...

Исп.: О. Л. Зараева-Михельсонъ.
13. Въ бору сосенка колыхалася... (Бѣлорусская пѣсня).

Исп.: А. В. Краснова.
14. Ой, нерепельчика мала-невеличка...

(Малорусская).

Исп.: О. Л. Зараева-Михельсонъ, О. С. Бѣгичева и А. В. Краснова.
15. Не спала я, млада, не дремала...

(Фонограмма).
16. Пойдемте, дѣвочки, завивать вѣночки...

Исп.: Я. В. Прохоровъ.
17. Ой, улица, улица зеленая...

Исп.: О. А. Ольгина, Е. Б. Кристъ и г-жа *.*.
18. Болить мені головонъка...

(Малорусская).

Исп.: О. А. Ольгина.
19. Иойду, млада, тишкомъ—лужкомъ...

Исп.: О. Л. Зараева-Михельсонъ, О. С. Бѣгичева и А. В. Краснова.
20. Пиду у садочокъ...

(Малорусская).

Исп.: Е. Б. Кристъ.
21. Рыболовъ мой мужилушка...

Исп.: О. А. Ольгина, О. С. Бѣгичева и А. В. Краснова.
22. Ну-ка, кумушка, мы покумимся...

Исп.: О. Л. Зараева-Михельсонъ, Е. Б. Кристъ и г-жа *.*.
23. Вѣночекъ, вѣночекъ мой...

Исп.: О. Л. Зараева-Михельсонъ, Е. Б. Кристъ и г-жа *.*.
24. Не летай, соловей, не летай, молодой...

Игровые пѣсни.
25. На горѣ лужокъ зеленешенекъ...

(Веснянка).

Исп.: О. Л. Зараева-Михельсонъ, О. С. Бѣгичева, Е. Б. Кристъ, А. В. Краснова и г-жа *.*.
26. Лугава яки, сыри алаш...

(Мордовская пѣсня).

Исп.: Я. В. Прохоровъ.
27. Ахъ ты дунечка, красна дѣвица...

Исп.: А. В. Краснова и Я. В. Прохоровъ.
28. Какъ на рѣчкѣ, на лужечкѣ...

Женскій квартетъ а capella.

Исполнили: О. А. Ольгина, О. С. Бѣгичева, Е. Б. Кристъ и А. В. Краснова.

Аккомпанировалъ *Н. И. Аладовъ*.

Рояль фабрики Мюльбахъ.

Примѣчаніе: № 10-й гармонизованъ Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ; №№ 11 и 12 гармонизованы М. А. Балаки-

ревымъ; всѣ остальные нумера, за исключеніемъ фонограммъ, гармонизованы Я. В. Прохоровымъ. №№ 1, 2, 3, 4, 8, 14, 17, 19, 22, 23, 24, 25, — Тріо а капелла; 14 и 21-й — Тріо съ аккомпанементомъ фортепіано, — 27 — Дуэтъ, 28 — Квартетъ а капелла, остальные: — 5, 9, 13, 16, 18, 20 и 26 — соло съ аккомпанементомъ фортепіано.

Передъ сообщеніемъ проф. С. К. Буличъ указалъ на то, что предстоящее сообщеніе будетъ иллюстрироваться какъ чисто народными мелодіями, такъ и переработками народныхъ пѣсень, принадлежащими композиторамъ Балакиреву, Римскому-Корсакову и самому докладчику. Эти художественные переработки сырого материала народныхъ пѣсень, являясь искусственными опытами освѣщенія народной музыки съ извѣстной стороны, опытами, проникнутыми стремлениемъ постичь и выразить духъ народной пѣсни, — переработки эти имѣютъ нѣкоторое основаніе быть представленными въ ученомъ обществѣ, хотя сами по себѣ онѣ и не являются чисто-научнымъ материаломъ.

VII. Засѣданіе 27 сентября 1913 года.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ д. чл. Ф. К. Волкова, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ, членовъ-сотрудниковъ и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

II.

Доложено о выходѣ въ свѣтъ „Живой Старинѣ“ за 1913 г., вып. 1—2; „Записокъ И. Р. Г. Общ. по Отдѣлению Этнографіи“, т. 36 и 40.

III.

Доложено о поступившихъ отвѣтахъ на вопросникъ „Живой Старинѣ“ обѣ этнографическихъ музеяхъ и собраніяхъ въ Россіи.

Вопросникъ былъ разосланъ 44 музеямъ; до 27 сентября поступили отвѣты отъ 12 музеевъ:

- 1) Эстонского Национального Музея въ Юрьевѣ.
- 2) Кубанского войскового этнографического и естественно-исторического Музея.
- 3) Исторического Музея Императора Александра III въ Москвѣ.
- 4) Музея Уральского Общества любителей естествознанія въ Екатеринбургѣ.
- 5) Архангельского Городского Музея.

- 6) Городского Музея Волынской губерніи барона Штейнгеля.
- 7) Кавказского Музея въ Тифлисѣ.
- 8) Музея Терской Области.
- 9) Уфимского Губернского Музея.
- 10) Музея Украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ.
- 11) Домскаго Музея (Dom-Museum) въ Ригѣ.
- 12) Музея Оренбургскаго края въ Оренбургѣ.

IV.

Доложена справка о разсылкѣ опросниковъ Комиссіи по составленію этнографической карты Россіи:

Текущимъ лѣтомъ была произведена разсылка программъ по со-
бранію различныхъ свѣдѣній для этнографической карты Россіи.

Разсылка производилась такимъ порядкомъ —

Малорусская. Были написаны письма Предсѣдателямъ Уѣздныхъ Земскихъ Управъ губерній Екатеринославской (8 уѣздовъ) и Херсонской (6 уѣздовъ) съ просьбой принять на себя разсылку. Послѣ выраженного согласія, по ихъ требованіямъ было выслано заготовленныхъ пакетовъ, содержащихъ въ себѣ семь страницъ опросныхъ листковъ, обращеніе къ учителю и конвертъ съ печатнымъ адресомъ Общества для обратнаго возвращенія —

• по Екатеринославской губ.	545
„ Херсонской	997

Итого . . . 1.542

Отвѣты съ согласіемъ принять на себя разсылку получены отъ всѣхъ земствъ означенныхъ губерній за исключеніемъ одного — Александровскаго, Екатеринославской губерніи.

Кромѣ того, были удовлетворены пропилогодія требованія нѣко-
торыхъ земствъ Подольской и Черниговской губерній, коимъ не хватило
листковъ при разсылкѣ 1912 года; послано 260

А всего въ 1913 г. разослано малорусской программы 1.802

Башкирская. Посланы отдельныя письма съ приложеніемъ готовыхъ пакетовъ, содержащихъ въ себѣ шесть страницъ опросныхъ бланковъ, обращеніе къ учителю и печатный конвертъ для возвращенія —

Предсѣдателямъ Уѣздн. Зем. Управъ:

ПЕРМСКОЙ губ. Шадринскаго уѣзда . . .	30
Екатеринбургскаго . . .	30
Красноуфимскаго	30
Осинскаго	30

УФИМСКОЙ губ. Уфимского	100
Златоустовского	100
Мензелинского	100
Стерлитамакского	100
Белебеевского	100
САМАРСКОЙ губ. Бугульминского	25
Бугурусланского	25
Инспекторамъ Народныхъ Училищъ — Оренбургской губ., уѣздовъ Оренбургскаго, Орскаго, Верхнеуральскаго, Троицкаго, Челябинскаго по 20 экз., всего	100
Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи	120
А всего разослано башкирской программы	890

Бѣлорусская. Были написаны просьбы къ Иопечителю Виленского Учебного Округа и Директорамъ Народныхъ Училищъ Виленской, Витебской, Гродненской, Минской, Могилевской, Черниговской и Смоленской губерній.

Иопечитель Виленского Округа циркулярнымъ распоряженіемъ предложилъ Директорамъ Народныхъ Училищъ означенныхъ губерній доставить свѣдѣнія о потребномъ количествѣ программъ для каждого инспекторскаго района.

До сего времени поступило требованій отъ 11-ти инспекторовъ народныхъ училищъ, коимъ и послано готовыхъ пакетовъ, содержащихъ въ себѣ 12 опросныхъ листковъ, обращеніе къ учителю и печатный конвертъ для обратнаго доставленія, всего 925

Остатокъ — Малорусской	229
Башкирской	89
Бѣлорусской	1.075

V.

Доложено о поступившихъ въ Отдѣленіе и въ редакцію „Живой Старинѣ“ печатныхъ изданіяхъ:

- 1) Гермесъ, 1913, №№ 7—10.
- 2) Труды Оренб. Уч. Арх. Комиссіи, вып. 27.
- 3) Б. Владимірцовъ. Отчетъ о командировкѣ къ бантамъ Кобдо-скаго округа. Отд. отт. изъ Изв. Русск. Ком. для изуч. Ср. и Вост. Азіи, № 11.
- 4) Сообщенія И. Правосл. Налест. Общества, томъ 24, вып. 2, 1913.
- 5) Извѣстія Кіевск. Коммерч. Института, кн. 18, 1913.
- 6) Г. Ф. Чурсинъ. Очерки по этнографіи Кавказа. Тифлісъ. 1913. Цѣна 60 к.

- 7) Н. К. Могилянскій. Матеріалы для географіи и статистики Бес-сарабії. Кишиневъ, 1913.
 - 8) Бібліографіческія Ізвѣстія, № 1, 1913.
 - 9) Этнографическое Обозрѣніе, № 3—4, 1912. Москва, 1913.
 - 10) Труды Саратовск. Уч. Арх. Комиссіи, вып. 30, 1913.
 - 11) Григорій Де-Волланъ. Исторія общественныхъ и революціон-ныхъ движеній въ связи съ культурнымъ развитіемъ Русскаго государства. Часть I, томъ I. Издание М. О. Вольфъ. 1913.
 - 12) В. А. Кельтуяла. Курсъ исторіи русской литературы. Часть I, книга I, изданіе 2-ое. СПб. 1913.
 - 13) Русскій Филологический Вѣстникъ, №№ 1, 2, 3, 1913.
 - 14) Етнографічний збірникъ, томъ 33. Львовъ, 1912.
 - 14) Archives des traditions populaires suédoises, №№ 1—5, въ 1912 г. Стокгольмъ.
 - 16) Revue d'ethnographie et de sociologie, № 3—4, 1913.
 - 17) Národopisny Věstník Česko-slovanský, годъ VIII, №№ 3—5, Прага, 1913.
 - 18) Рецензія G. Polivka на August von Lövis of Menar: Der Held in deutschen und russischen Märchen. Отд. отт. изъ Archiv für slavische Philologie, т. 35, №№ 1—2.
 - 19) Его же. Neuere Arbeiten zur slavischen Volkskunde. Отд. отт. изъ Zeitschrift des Vereins für Volkskunde in Berlin, № 3, 1913.
 - 20) Его же. Nachträge zu dem „Trug des Nektanebos“ (ibid. № 1, 1913).
 - 21) F. F. Cominunications, № 11. Die Tiere auf der Wanderschaft, von Antti Aarne.
 - 22) Political science Quarterly, vol. 28, № 2, 1913.
 - 23) Lietuvių Tauta. 2. Mokslo Draugijos raštai. Kn. II, Dal. 2, Вильно, 1913.
 - 24) Prof. Dr. Matthias Murko. Bericht über eine Bereisung von Nordwestbosnien und der angrenzenden Gebiete von Kroatien und Dalmatien behufs Erforschung der Volkspoesie der bosnischen Mohammedaner. Отд. отт. изъ Sitzungsber. der K. Ak. der Wiss. in Wien. Вѣна, 1913.
 - 25) Его же. Bericht über phonographische Aufnahme epischer, meist mohammedanischen Volkslieder in nordwestlichen Bosnien in Sommer 1912. № XXX der Berichte der Phonogramm-Archivs-Kommission der K. Ak. der Wiss. in Wien. Вѣна, 1912.
- Постановлено: передать въ библіотеку Общества.

VI.

Доложено предложеніе редакціи „Ізвѣстій. Общества изученія Олонецкой губерніи“ обмѣниваться журналомъ съ редакціей „Живой Старинѣ“.

Постановлено: предложение принять, если библиотека Общества не получает названного журнала.

VII.

Доложено о присланныхъ въ Отдѣлениѣ рукописяхъ П. А. Ростсева, неизвѣстнаго и Чубинова.

Постановлено: передать въ Редакціонную Комиссію.

VIII.

Доложено оповѣщеніе Совѣта И. Общ. любителей естествозн., антропол. и этнографіи объ исполняющемся 15 октября с. г. пятидѣсятилѣтніи дѣятельности Общества.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

IX.

Доложена просьба Василія Шатайлло выслать ему вопросникъ о малороссахъ Комиссіи по сост. эти. карты Россіи.

Постановлено: исполнить.

X.

Предсѣдательствующій предложилъ Отдѣлению избрать въ члены-корреспонденты Исмаилъ-мурзу Гаспринскаго, издателя татарской газеты „Терджиманъ“ въ Бахчисараѣ, могущаго быть полезнымъ Отдѣлению по изученію крымскихъ татаръ.

Постановлено: избрать и дождѣть обѣ этомъ Совѣту Общества.

XI.

Д. чл. А. Н. Самойловичъ просилъ Отдѣление представить Совѣту Общества двухъ крымскихъ татаръ: Али Боданинскаго и Яхъя Байбуртлы и трехъ ставропольскихъ туркменовъ Реджеба, Торгая и Ибраева къ награжденію бронзовыми медалями Общества за содѣйствіе, оказанное ими Самойловичу во время его этнографическихъ поѣздокъ по Крыму и Ставропольской губ.

Постановлено: исполнить.

XII.

И. И. Ульяновъ прочелъ сообщеніе на тему: „Дивяя красота“ въ причитаніяхъ и обрядахъ кануна свадьбы въ селѣ Шмаковскомъ, Ирбитскаго уѣзда, Пермской губерніи“.

I.

Рѣдкіе свадебные обряды въ селѣ Шмаковскомъ. Записи 1911 г. и 1912 г. Краткая характеристика населенія и мѣстности, гдѣ производились записи. Способъ записей и ихъ провѣрки. Сложность свадебного порядка въ с. Шмаковскомъ. Схема этого порядка въ важнѣйшіе свадебные дни — „рядъ“, рукобитья, проповѣданія женихомъ невѣсты, дѣвишика и обрученья, свадьбы (вѣнчанія), столованія — и въ дни послѣ свадебные.

II.

Определеніе понятія „дивьей красоты“ по материаламъ нашихъ собирателей (украшеніе, красота, лента въ косѣ дѣвушкі) и по свадебнымъ материаламъ с. Шмаковскаго (дивья красота, какъ идея дѣвичества). Дивья красота въ причитаніяхъ: о житьѣ дѣвичьемъ, качествахъ дѣвушкі, о косѣ и лентахъ.

Дивья красота (въ домѣ родителей невѣсты) наканунѣ свадьбы — въ день дѣвишика и обрученія.

Утро. „Кличъ зари“ въ обрядовыхъ причитаніяхъ.

Приготовленіе матерью „благословенія“ (благословленая булка). Взаимныя причитанія невѣсты и родственницъ (бытовыя стороны брачной жизни). Обрядовый обѣдъ невѣстѣ съ подружками.

Время около полудня. Баня и ея роль въ обрядахъ, связанныхъ съ дивьей красотой. Приглашеніе сестры-истопницы для обряда смытанія дивьей красоты. Благословеніе родителей. Обрядъ прощанія съ домомъ. Обрядовое шествіе невѣсты къ банѣ. Обрядовая дѣйствія въ предбанникѣ и банѣ (обряды съ вѣнкомъ, поклоны, выпускъ голубя). Смытаніе красоты. Отлетъ красоты. Обряды — „зоренія“ каменки, расплескиванія воды и разрыва вѣнка. Причитанія послѣ бани при возвращеніи домой. Заплетеніе косы подружками послѣ бани и причитанія о „русой“ косѣ и отлетѣвшей дивьей красотѣ.

Вечеръ. Приготовленія къ прѣѣзу гостей. Обращеніе невѣсты въ причетахъ къ подружкамъ съ просьбой задержать жениха. Прѣѣздъ свадебного поѣзда. Обрядъ встрѣчи гостей и благословенія хлѣбомъ и иконою. Угощеніе. Обрядовое столованіе съ обмѣномъ дарами со стороны родни жениха и невѣсты. Величальныя пѣсни. Обрядъ мѣны огней. „Столованіе“. Отѣзда гостей.

Обрядовая дѣйствія и причитанія невѣсты и ея матери. Расплетеніе и заплетеніе (въ послѣдній разъ) косы невѣсты матерью въ формѣ хлѣбныхъ злаковъ и сѣмянъ. Великое благословеніе матери.

III.

Выводы доклада.

Въ преніяхъ по поводу сообщенія приняли участіе гг. Зеленинъ, Богаевскій, Едемскій, Макаренко, Золотаревъ, Матафтинъ и Волковъ.

Д. К. Зеленинъ высказалъ предположеніе, что символъ и обряды съ „дивьей красотой“ развились изъ прежнихъ обрядовъ обрѣзанія невѣстиной косы. Переживанія этого послѣдняго у великороссовъ: эпитетъ свахи „косорѣжка“ (Костромск. губ.), приговоръ мальчика во время расплетанія невѣстиной косы: „косу рѣжу“ (Исковск. губ.), ножницы въ рукахъ мальчика, продающаго косу невѣсты (Саратовск. губ.) и т. п.

Д. А. Золотаревъ указалъ на то, что основное положеніе докладчика, устанавливающаго понятіе „дивьей красоты“, какъ понятіе, обнимающее не только украшенія, ленты и пр., а главнымъ образомъ идею дѣвичества, символизирующую такъ или иначе, вполнѣ естественно. Едва ли возможно думать, что название „дивьяя красота“ относится лишь къ косѣ невѣсты. Несомнѣннымъ подтвержденіемъ взгляда докладчика является то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великороссіи „красотой“ называютъ дерево, украшенное лентами и тряпками. Самъ докладчикъ упомянулъ о Исковской губ., гдѣ называютъ такое дерево „дивьей красотой“, но не придали этому большого значенія. Между тѣмъ, въ Ярославской губ. и нѣкоторыхъ мѣстахъ Тверской губ. „дивьей красотой“ называютъ молодое деревцо, обыкновенно елку, украшенную лентами и цветами, которую ставятъ передъ домомъ невѣсты и во время дѣвичника вносятъ въ домъ. Несомнѣнно, эта молодая елочка въ данномъ случаѣ есть символъ дѣвичества, молодости и свѣжести.

Аналогія настолько очевидна и проста, что не зачѣмъ искать другого объясненія. Название украшенной елки не является новымъ, напослѣдокъ или случайнымъ. Оно существуетъ не только въ жизненномъ обиходѣ, но и въ старыхъ свадебныхъ пѣсняхъ. Такова пѣсня, записанная въ Пощеконскомъ уѣздѣ Ярославской губ. въ 1910 году Д. А. Золотаревымъ (со словъ Ир. Вас. Смирновой, мѣстной крестьянки).

М. Б. Едемскій находитъ, что подробности записи свадебныхъ причитаний, пѣсенъ и заговоровъ въ докладѣ содержать много интереснаго и цѣннаго; остается пожелать, чтобы и другія стороны свадебного обряда были переданы въ записяхъ такъ же подробно. Только напрасно докладчикъ противополагаетъ тотъ материалъ, который имъ собранъ, записавъ по этому вопросу другихъ собирателей: вѣдь, въ своемъ выводѣ о значеніи красоты онъ пользуется какъ разъ словами одной изъ цитированныхъ имъ записей свадебного обряда („Свадьба въ Кокшеньѣ Т. у.“, „Ж. Ст.“ 1910 г.).

Даже изъ самыхъ короткихъ записей, въ которыхъ нѣть никакихъ выводовъ записывающаго (да и задача эта для него была бы ужъ совсѣмъ побочнной),—все же скорѣе можно притти къ тому выводу, что „дивьяя красота“, чѣмъ бы она ни символизировалась, имѣть значеніе всего лучшаго, что связано съ дѣвической жизнью; недаромъ

въ причетахъ постоянно встрѣчаются наименования дѣвической жизни „красованьемъ“, а „красоваться“, „покрасоваться“ значить — пожить въ дѣвицахъ. Что касается еще болѣе отвлеченного значенія, заключающагося въ обрядахъ и причитаніяхъ о „дивьей красотѣ“, формулированнаго докладчикомъ, какъ идея дѣвичества, то мнѣ кажется, что въ сознаніи народа такого значенія „дивьей красотѣ“ не придается, и если бы оно въ такомъ видѣ существовало въ народномъ сознаніи дѣйствительно, то это бы несомнѣнно заслуживало бытъ особенно отмѣченнымъ.

VIII. Засѣданіе 11 октября 1913 года.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи, Вс. ѡ. Миллера, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ, членовъ-сотрудниковъ и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

II.

Доложено о поступившихъ печатныхъ изданіяхъ:

- 1) Андр. Сиротининъ. Россия и славяне. Спб. 1913.
- 2) А. А. Башмаковъ. Очерки права родового, наследственного и обычного. Спб. 1911.
- 3) Просвіта. Очерки по истории украинской культуры. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологического Общества. Томъ XX. Издание въ честь проф. Д. И. Багалля. Харьковъ, 1912.
- 4) Вѣстникъ Харьковскаго Историко-Филологического Общества. Выпуски 3 и 4. 1912 г.
- 5) Этнографическое Обозрѣніе 1913, № 1—2. Москва, 1913 г.
- 6) Труды Оренб. Уч. Арх. Комиссіи. Вып. XXVIII. Н. Н. Модестовъ: Бывшій префектъ гродненской гимназіи, Іеромонахъ доминиканскаго ордена, Кандидъ Зеленко въ Оренбургѣ. Оренбургъ, 1913. Постановлено: передать въ библіотеку Общества.

III.

Доложено о поступлениі рукописи д. чл. Калинина по обычному праву русскаго населенія Архангельской губерніи.

Постановлено: передать въ Редакціонную Комиссію.

IV.

С. Д. Маннагашевъ прочелъ сообщеніе: „Изъ материаловъ по шаманству у сагайцевъ и сосѣднихъ племенъ“ по слѣдующей программѣ:

I.

Нѣсколько общихъ замѣчаній о бытѣ сагайцевъ. Современное положеніе шаманства у сагайцевъ. Личность шамана. Шаманское облаченіе: одежда и бубенъ и связанные съ ними специальные духи шамана. Камлание и шаманское жертвоприношеніе. Демонстрированіе шаманскихъ пѣснопѣній на фонографѣ.

II.

Родовой праздникъ жертвъ Небу (Тигир тайи).

Сообщеніе сопровождалось показываніемъ діапозитивовъ и воспроизведеніемъ фонографическихъ записей.

Въ преніяхъ по поводу сообщенія приняли участіе гг. Штернбергъ, Іохельсонъ, Іоновъ, Макаренко, Евстифьевъ, Зеленинъ, Васильевъ.

В. М. Іоновъ спросилъ докладчика, не существуетъ ли у сагайцевъ дѣленія духовъ на добрыхъ и злыхъ въ связи съ распределеніемъ ихъ по странамъ свѣта, и не дѣлятся ли соответственно этому шаманы на служащихъ тѣмъ и другимъ.

Н. Н. Евстифьевъ сказалъ, что интересно было бы знать, сколько шамановъ и шаманокъ докладчику удалось узнать лично. Если такихъ оказывается только 6—7, то, принимая во вниманіе, что докладчикъ самъ сагаецъ и уроженецъ Сагайской степи, можно предположить, что шаманство за послѣдніе 20 лѣтъ значительно убыло, такъ какъ 20 лѣтъ назадъ Н. Н. Евстифьеву въ теченіе одного лѣта удалось составить списокъ 38 именъ и точныхъ адресовъ шамановъ и шаманокъ. Н. Н. Евстифьевъ до сихъ поръ не рѣшался помочь этимъ спискомъ изслѣдователямъ шаманства, такъ какъ боялся, что оглашеніе этого списка повредитъ личной судьбѣ указанныхъ лицъ. Боязнь же вызывалась тѣмъ, что среди этихъ 38 лицъ пѣкоторыя уже потерпѣли отъ антишаманского рвения, напримѣръ, отца Павла Силина. Поэтому интересно было бы знать также, измѣнилось ли отношеніе къ шаманамъ въ смыслѣ болѣшней терпимости. Во всякомъ случаѣ, въ виду того, что докладчикъ специально заинтересовался шаманствомъ, Н. Н. Ев—въ предоставляетъ въ его распоряженіе всѣ свои свѣдѣнія и записи по шаманству.

Убыль шаманского культа можно вывести не только изъ вышеуказанныхъ цифръ, но и изъ того, что докладчику не пришлось слы-

шать указаний на множественность душъ человѣка вообще и шамана въ частности. Между тѣмъ, Н. П. Ев—въ двадцать лѣтъ назадъ пришлось слышать въ той же Сагайской степи разсказъ о созданіи человѣка, изъ коего вытекало, что человѣкъ при сотвореніи своемъ полу-чилъ не сколько душъ. Насколько Н. П. Ев—въ помнить безъ справки въ своей записи, число душъ равнялось тремъ.

Д. К. Зеленинъ предложилъ вопросъ о способѣ погребенія шамана.

V.

Предсѣдательствующій предложилъ Отдѣленію избрать въ члены-сотрудники Ник. Фед. Познанскаго.

Постановлено: избрать Н. Ф. Познанскаго членомъ-сотрудникомъ и дождить обѣ этомъ Совѣту Общества.

IX. Засѣданіе 25 октября 1913 года.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи, Вс. Ф. Миллера, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ, членовъ-сотрудниковъ и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

II.

Э. А. Вольтеръ обратился къ Отдѣленію съ просьбой пожертвовать указатель этнографической литературы Д. К. Зеленина Бѣлорусскому и Украинскому студенческимъ кружкамъ при Императорскомъ С.-Петербургскому университѣтѣ.

Постановлено: просьбу удовлетворить.

III.

Л. Я. Штернбергъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Орелъ въ сравнительномъ фольклорѣ“.

Въ обсужденіи сообщенія приняли участіе гг. Іоновъ, Богаевскій, Турчаниновъ, Орбели, Пекарскій, Савенковъ, Виташевскій, Р. Д. Семеновъ-Тянъ-Шанскій, Матафтинъ, Новгородѣвъ и Вс. Ф. Миллеръ.

В. М. Іоновъ указалъ не то, что въ данномъ случаѣ мы опираемъ терминами, которые не имѣютъ точнаго опредѣленія, и данными, не всегда строго провѣренными. Сравненія при такихъ условіяхъ могутъ привести къ рискованнымъ выводамъ. Мы употребляемъ, напр., слово „шаманъ“ (орель, по словамъ докладчика, отецъ всѣхъ шамановъ), не давая ему строгаго опредѣленія, и обнимаемъ этимъ словомъ какъ бѣлыхъ, такъ и черныхъ шамановъ, тогда какъ эти двѣ категоріи по якутскимъ воззрѣніямъ не имѣютъ между собою ничего общаго, и магическое лѣченіе, о которомъ говорить докладчикъ, не входитъ въ кругъ дѣятельности якутскихъ бѣлыхъ шамановъ, которые одни только и даются орломъ.

Двуглавая птица—бѣсѣдѣ—играетъ большую роль и въ якутскихъ вѣрованіяхъ, но этимъ словомъ никогда не называютъ орла (хотои), и если якуты примѣняютъ къ этой двуглавой птицѣ заимствованное изъ русскаго языка слово бѣрѣл, то это потому, что они видѣть ея изображеніе на русскихъ монетахъ (бѣрѣллѣхъ манъята—рубль съ орломъ); но и слово бѣрѣл къ настоящему орлу никогда не примѣняется.

Выраженіе айя тоон, которое, по словамъ докладчика, служить у долганъ для обозначенія срла, очень сомнительно; оно, повидимому, сочинено при переводѣ священныхъ книгъ на якутскій языкъ. Оно проникло въ сказки, но не встрѣчается въ якутскихъ заклинаніяхъ.

Сближенія терминовъ, взятыхъ изъ разныхъ языковъ, возможны при запаніи родословной этихъ терминовъ, таъль какъ нужно имѣть увѣренность, что мы имѣемъ дѣло не съ простымъ созвучіемъ.

Ссылку на Сѣрошевскаго оппонентъ устраиваетъ указаниемъ на то, что Сѣрошевскій утверждаетъ, напр., будто якуты березу называютъ госпожей, при чемъ онъ смысливаетъ два слова—хатын (госпожа) и хатын (береза). Этотъ примѣръ показываетъ, какъ надо быть осторожнымъ при пользованіи литературными данными.

Наконецъ, В. М. Іоновъ настаивалъ на томъ, что для сравненій нужно брать народности, находящіяся на одинаковомъ уровне развитія, такъ какъ мы должны имѣть въ виду главнымъ образомъ строй религіознаго міровоззрѣнія, а не виѣшнее сходство образовъ, имъ порождаемыхъ. Поэтому В. М. Іоновъ вполнѣ присоединяется къ заключительнымъ словамъ докладчика о необходимости детальнаго изученія вѣрованій отдельныхъ народностей.

Н. В. Турчаниновъ сказалъ: У меня вызвало недоумѣніе указаніе докладчика на огромную роль орла въ шаманствѣ. Сравнивая упоминаніе докладчика объ орлѣ съ тѣмъ, что имъ говорилось на предыдущемъ докладѣ о шаманствѣ у сагайцевъ г. Майнашева по вопросу объ украшеніи шаманской одежды, когда ни разу объ орлѣ упомянуто не было, хотя въ преніяхъ вопросъ былъ расши-

рень и говорилось не только о шаманствѣ у сагайцевъ, но и вообще о шаманствѣ среди инородцевъ Сибири,—я усматриваю въ этомъ иѣ-которую недоговоренность и прошу докладчика разъяснить, въ чёмъ же тутъ дѣло?

Прошу я также докладчика разъяснить, умышленно ли онъ опустилъ—при перечислѣніи инородцевъ Сибири, у которыхъ наблюдается культь орла—остяковъ и вогуловъ, живущихъ въ низ-менихъ частяхъ Тобольской губ. и, вѣроятно, рѣдко орла видящихъ. Перечисляя инородцевъ, г. докладчикъ останавливался, по-моему, пре-имущественно лишь на такихъ, которые такъ или иначе горы видѣть и даже въ горахъ живутъ и потому обѣ орлѣ представлѣніе имѣютъ. А, между тѣмъ, выясненіе вопроса о томъ, наблюдается ли культь орла и у названныхъ мною инородцевъ, могло бы сильно подкрѣпить мысль г. докладчика обѣ общности этого культа какъ у якутовъ, такъ и у народовъ финскаго племени вообще.

Э. К. Пекарскій сказалъ: Работая исключительно въ области накопленія фактовъ лингвистического и этнографического характера и въ этомъ отношеніи вполнѣ присоединяясь къ мнѣнію В. М. Іонова, настаивающаго на необходимости дѣлать какіе-либо выводы съ боль-шою осторожностью, я, однако, всегда привѣтствую работы обобщающаго характера.

Такъ, Трощанскій, о которомъ упомянулъ докладчикъ, въ своей книгѣ: „Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ“, несомнѣнно грѣшилъ слишкомъ смѣлыми обобщеніями, ио, тѣмъ ис менѣе, его книга до сихъ порь является чуть ли не единственнымъ паслѣдованиемъ, дающимъ болѣе или менѣе полное представлѣніе о шаманствѣ вообще и о якутскомъ шаманствѣ въ частности.

Работу Л. Я. Штернберга я читалъ еще въ рукописи и про-челъ ее съ большимъ удовольствіемъ. Тѣ недочеты, которые встрѣчаются въ докладѣ, когда докладчикъ оперируетъ якутскимъ мате-риаломъ, объясняются отчасти тѣмъ, что работа В. М. Іонова: „Орель по возрѣніямъ якутовъ“, на которую ссылается докладчикъ, написана слишкомъ сжато и настолько избыточна якутскими терминами, что разобраться въ нихъ довольно трудно для человѣка, незнакомаго съ языкомъ. Самый крупный недочетъ въ оперированіи якутскимъ мате-риаломъ заключается въ томъ, что докладчикъ пріурочиваетъ терминъ ай-тоjon (творецъ - господинъ) къ орлу—хotoi ай. Это не тожде-ственныя божества. Можетъ-быть, тутъ просто типографская ошибка: нѣть запятой между ай и тоjon; это можно допустить, ибо орель въ одно и то же время и ай и тоjon (=тоjon кыл). Не могу согласиться съ В. М. Іоновымъ, что терминъ ай-тоjon привѣтъ миссионерами, а у якутовъ такого термина будто бы нѣть, а есть только ўрѹ-ай-тоjon (Іѣлый-создатель - господинъ). Я утверждаю, что ўрѹ-часто опускается, и тогда остается только ай-тоjon.

Еще ошибается докладчикъ, если отожествляетъ встрѣчающуюся въ якутской миѳологіи двуглавую птицу ѿксоку съ орломъ. Сожалѣю, что своевременно не указалъ докладчику на якутскія сказки И. А. Худякова. Тамъ докладчикъ замѣтилъ бы, что въ своемъ переводе Худяковъ никогда не рѣшается назвать эту птицу орломъ и вездѣ оставляетъ слово ѿксоку безъ перевода.

Отвѣтъ докладчика, Л. Я. Штернберга.

Прежде всего, отвѣчу В. М. Ионову. Онъ упрекаетъ этнографовъ въ опираніи „неопределеными, не строго провѣренными терминами“, но какіе именно „неопределенные и не строго провѣренные термины“ были употреблены въ настоящемъ докладѣ—онъ, къ сожалѣнію, не счелъ нужнымъ указать. Онъ, правда, привелъ въ примѣръ терминъ „шаманъ“ и указываетъ при этомъ, что шаманы дѣлятся на бѣлыхъ и черныхъ. Это дѣленіе этнографамъ давнымъ-давно извѣстно, и, когда это требуется, дѣленіе это, конечно, этнографами-специалистами всегда строго проводится. Въ данномъ случаѣ примѣненіе этого дѣленія совершенно излишне, потому что центръ вопроса въ томъ, что у якутовъ сохранилось преданіе о происхожденіи шаманства отъ орла, а какого именно шаманства, бѣлого или чернаго—это совершенно для данного вопроса безразлично.—Извѣстіе о двуглавомъ орлѣ взято мною у В. Н. Васильева, лица, которое владѣетъ якутскимъ языкомъ, какъ роднымъ, и притомъ данныя, сообщаемыя имъ обѣ этой птицѣ, въ своемъ комплексѣ настолько убѣдительны, что не остается никакого сомнѣнія, что рѣчь именно идетъ обѣ орлѣ якутской миѳологіи, а не обѣ орлѣ на русскихъ монетахъ. Наконецъ, къ свѣдѣнію г. Ионова долженъ добавить, что двуглавый орелъ фигурируетъ у цѣлаго ряда другихъ тюркскихъ и нѣтюркскихъ народовъ Азіи.—По поводу термина айы тоюн г. Ионову уже отвѣтилъ Э. К. Некарскій. Что касается вопроса о степени довѣрія къ сообщеніямъ г. Сѣроніевскаго, то я долженъ сказать, что онъ могъ, какъ и всякий другой, ошибиться во многихъ случаяхъ, но это не даетъ основанія огульно признать все сообщаемое имъ недостовѣрнымъ, тѣмъ болѣе что въ вопросѣ обѣ орлѣ онъ въ существенномъ ни въ чемъ не расходится съ г. Ионовымъ. Наконецъ, г. Ионовъ настаиваетъ на томъ, что „для сравненія нужно брать народности, находящіяся на одномъ уровнѣ развитія“. Въ данномъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о *займствованіи* фольклорныхъ сюжетовъ, этотъ принципъ совершенно неумѣстенъ. Тутъ можетъ быть только вопросъ о томъ, возможно ли, при данной комбинаціи географическихъ и историческихъ условій, допустить фактъ *займствованія* или нѣтъ. Но въ этомъ отношеніи сомнѣній въ данномъ случаѣ быть не можетъ: контактъ между народами Сибири и Средней, Передней и даже Южной Азіей—посредственно или непосредственно—несомнѣнно существовалъ съ древнѣйшихъ временъ, и потому факты *займствованія* вполнѣ допустимы.

Перехожу къ вопросамъ г. Турчанинова. Г-нъ Майнагашевъ только одно лѣто занимался изученіемъ шаманства и потому исчерпать вопроса, конечно, не могъ. Я не сомнѣваюсь, что и у сагайцевъ онъ со временемъ натолкнется на связь орла съ шаманствомъ.—Напрасно г. Турчаниновъ думаетъ, что жители низинъ не имѣютъ представлениія объ орлѣ. И у остяковъ и у самоѣдовъ извѣстны слѣды культа орла.

Наконецъ, нѣсколько словъ Э. К. Пекарскому. Онъ вслѣдъ за г. Гоновымъ говорить объ осторожности въ выводахъ, но, къ сожалѣнію, въ чемъ эта осторожность въ моемъ сообщеніи была нарушена, онъ не счелъ нужнымъ указать, изъ чего я заключаю, что его замѣчаніе—общаго характера и специально къ моему сообщенію не относится. Что же касается того, что я будто бы не совсѣмъ разобрался въ работе г. Гонова вслѣдствіе изобилія въ ней якутскихъ терминовъ, то съ этимъ я не совсѣмъ могу согласиться. Г. Пекарскому хорошо извѣстно, что при редактированіи этой работы каждое маломальски неясное мѣсто мною тщательно выяснялось при помощи какъ самого г. Гонова, такъ и г. Пекарского, такъ что въ пониманіи работы г. Гонова могу себя считать достаточно компетентнымъ.

X. Засѣданіе 29 ноября 1813 года.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи, А. А. Шахматова, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ.

I.

По предложенію Товарища Предсѣдательствующаго, почтена встановленіемъ память скончавшагося Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи, Всеволода Федоровича Миллера.

Постановлено: посвятить памяти покойнаго Вс. Ф. Миллера особое засѣданіе Отдѣленія.

II.

Обсуждалась смета расходовъ по Отдѣленію Этнографіи на 1914 годъ.

III.

Е. Э. Линева сдѣлала сообщеніе: „О пѣсняхъ Крайны“ по слѣдующей программѣ:

Верхняя Крайна. Характеръ мѣстности. Блѣдъ. Замокъ-крепость. Блѣдское озеро. Церковь Св. Маріи на островѣ. Легенды. Жизнь въ Блѣдѣ. Характерные черты населенія. Влияніе католичества. Духовные стихи. Народныя пѣсни. Первая запись пѣсенъ въ Блѣдѣ. Поѣзда въ Блѣди. Запись духовныхъ стиховъ. З сестры изъ Рѣчицы. Запись ихъ пѣсенъ. Семейство изъ Польшицы. Запись пѣсенъ. Поѣзда въ Бѣлую Крайну Черномель. Винница. Адамічи. Занимываніе пѣсенъ. Знакомство съ некоторыми дѣятелями по собиранию пѣсенъ.

Организація переписки въ Австріи. Заключеніе.

XI. Засѣданіе 6 декабря 1913 года.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ д. чл. С. К. Булича въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ, членовъ-сотрудниковъ и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Предсѣдательствующій произнесъ рѣчъ о чешско-моравской пѣснѣ въ связи съ музыкальнымъ творчествомъ другихъ славянскихъ народовъ.

II.

Г-нъ Клецанда прочелъ на русскомъ языкѣ переводъ вступительного слова проф. Ф. Ваха „О моравской народной пѣснѣ“.

III.

Хоръ Вокального общества Моравскихъ педагоговъ исполнилъ рядъ чешско-словацкихъ пѣсенъ.

Обязательства

по обычаямъ крестьянъ Онежского уѣзда Архангельской губ.

Гдѣ кака деревня, тамъ своя по-
рѣдня.

Онежская пословица.

I.

Если въ наиболѣе культурныхъ западно-европейскихъ странахъ источникомъ правовыхъ нормъ является не только законъ, но и обычай, то тѣмъ большую роль для правообразованія играетъ обычай въ нашемъ отечествѣ, значительно отставшемъ отъ своихъ сосѣдей въ культурномъ отношеніи. Въ средѣ нашего многочисленнаго крестьянства еще и до сихъ поръ цѣлые отрасли частно-правовыхъ отношеній нормируются обычаемъ; поэтому изученіе правовыхъ нормъ, создавшихся исторически въ нѣдрахъ народа, можетъ служить для цивилиста не только дополненіемъ къ общекюрическому образованію, но и весьма полезнымъ подспорьемъ въ будущей практической дѣятельности. Для криминалиста изученіе обычного права полезно тѣмъ, что онъ получаетъ возможность узнать народные взгляды на различные институты уголовнаго права. Наконецъ, всякий, кто вообще интересуется народной жизнью, будетъ ли это ученый специалистъ или простой бытоописатель, въ изученіи обычного права найдетъ богатый и интересный материалъ для удовлетворенія своей любознательности.

Въ виду столь неоспоримаго и серьезнаго значенія народныхъ юридическихъ обычаевъ, возникаетъ необходимость въ извлечениі ихъ на свѣтъ Божій изъ-подъ спуда, въ возможной систематизаціи ихъ и въ сведеніи въ сборники. Это, такъ сказать, черновая работа, добываніе сырого материала, который специалисты могутъ использовать въ научныхъ цѣляхъ. Незначительную долю этой черновой работы мы взяли на себя во время нашихъ поездокъ лѣтомъ 1912 и 1913 гг. въ Архангельскую губернію, по порученію 2-го отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

Прежде чѣмъ перейти къ изложению самыхъ юридическихъ обычаевъ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о бытѣ крестьянъ Онежскаго уѣзда вообще и обѣ условіяхъ нашей работы въ этомъ уѣзда.

Малолюдная, малопроходимая сѣверная полоса Европейской Россіи до послѣдняго времени являлась тѣмъ медвѣжимъ угломъ, гдѣ народный бытъ еще не стряхнулъ съ себя слѣдовъ глубокой старины. Но еще большій интересъ представляеть изъ себя эта окраина тѣмъ, что здѣшнее населеніе не испытало па себѣ пагубнаго вліянія крѣпостнаго ярма, не знало ни татарщины, ни хищныхъ воеводъ и дьяковъ, ни многихъ другихъ отрицательныхъ сторонъ до-Петровской и послѣ-Петровской Руси.

Однако, слѣдуетъ имѣть въ виду, что съ середины прошлаго столѣтія этотъ вѣками сложившійся укладъ жизни сѣверянъ началъ подвергаться существенному измѣненію подъ вліяніемъ бурлачества. Малоплодородіе почвы вынудило сѣверянъ покидать родныя села и пти на чужбину въ поискахъ заработковъ. Съ течениемъ времени бурлачество приняло эпидемическій характеръ, въ особенности въ Онежскомъ уѣзда, гдѣ въ данное время повальное бѣгство крестьянъ изъ деревни на заводы и лѣсные промыслы достигло своего аналога. Недаромъ, почти повсемѣстно на сѣверѣ существуетъ пословица: „Безъ онежанъ сплавъ нейдетъ“. Но, уходя на чужбину на долгіе годы, сѣверянинъ вообще и онежанинъ въ частности не порываетъ окончательной связи съ деревней, какъ это часто наблюдается въ другихъ мѣстахъ Россіи. Не боясь разстаться съ родиной болѣе, чѣмъ на полжизни, онъ любить ее, какъ вѣчную кормилицу, любить землю, сознавая ея преимущества передъ обильнымъ, но невѣрнымъ заводскимъ заработкомъ. Наживъ на чужбинѣ состояніе и передавъ своихъ образованныхъ дѣтей въ ряды интеллигенціи, онъ возвращается доживать послѣдніе дни своей жизни въ родныхъ мѣстахъ и кончаетъ свою жизнь тѣмъ, чѣмъ и начинаетъ ее, т. е. земледѣльцемъ¹⁾.

Въ виду безпрерывныхъ сношеній онежской деревни съ городомъ, бытовой укладъ началъ значительно видоизмѣняться. Слѣдствіемъ городского вліянія, между прочимъ, явилась борьба закона съ обычнымъ правомъ. Чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ болѣе и болѣе позицій отвоевываетъ законъ въ области частно-правовыхъ отношеній. Юридические обычай, на которые, какъ на незыблѣмые авторитеты, еще не такъ давно ссылались въ своихъ рѣшеніяхъ Волостные Суды, постепенно изсякаютъ даже изъ памяти новыхъ поколѣній. Все чаще и чаще встрѣчаются рѣшенія, основанныя на точномъ духѣ закона. Правда, сѣверъ такъ великъ, что не вездѣ въ одинаковой степени обычай склоняетъ свою выю передъ закономъ; но намъ, по крайней мѣрѣ,

¹⁾ О бытѣ крестьянъ Онежскаго уѣзда см. наши статьи въ журналѣ „Ізвѣстія Арх. Общ. Изуч. Русск. Сѣвера“, 1911 г., №№ 5, 8—9.

приходилось наблюдать такія мѣста, гдѣ авторитетъ обычнаго права значительно пошатнулся.

Такъ какъ въ Архангельской губ. почти каждый уѣздъ представляетъ изъ себя особый міръ, отдѣленный отъ другихъ огромными лѣсными пустынями и отличающейся своеобразнымъ говоромъ, одеждой, обычаями и т. п., то мы предполагаемъ, что изученіе обычнаго права даже въ предѣлахъ одного уѣзда можетъ оказаться не безынтереснымъ и не безрезультатнымъ дѣломъ¹⁾. Архангельская губернія пала себѣ наследѣватель въ лицѣ А. Ефименко и П. Ефименко, производившихъ изученіе мѣстнаго юридического быта въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія²⁾. Мы будемъ считать цѣль нашей работы вполнѣ достигнутой, если намъ удастся пролить хоть одинъ новый лучъ свѣта на обычное право сѣверянъ.

Источниками для нашей работы служили, прежде всего, книги договоровъ и книги Волостныхъ Судовъ, хранящіяся въ Волостныхъ Правленіяхъ. Заручившись любезнымъ разрѣшеніемъ г. Архангельскаго губернатора, мы просмотрѣли архивы шести волостей въ различныхъ частяхъ Онежскаго уѣзда³⁾. Всякій, имѣвшій дѣло съ архивной работой, отлично знаетъ о тѣхъ невзгодахъ, которыя выпадаютъ на долю того, кто отряхиваетъ пыль вѣковъ отъ пожелтѣлыхъ хартій. Съ немалыми затрудненіями пришлось встрѣтиться и намъ, прежде чѣмъ удалось найти нужный матеріаъ. Такъ, напр., въ одной изъ волостей старшина и писарь никакъ не могли вспомнить, гдѣ помѣщается архивъ. Наконецъ, кто-то напомнилъ имъ, что года четыре тому назадъ ихъ предшественники по должности переносили какія-то бумаги въ училище. Какъ на бѣду, двери разсадника просвѣщенія оказались запертыми учительницей, которая уѣхала на лѣто изъ деревни и увезла съ собой ключъ. Такимъ образомъ въ училище удалось попасть только путемъ взлома замка, самыи же архивъ разыскали въ одномъ изъ чулановъ. Можно себѣ представить, какой порядокъ царилъ въ архивѣ, о существованіи котораго даже не догадывались нѣсколько лѣтъ! Въ другой волости писарь категорически заявилъ намъ черезъ правлѣскаго сторожа, что никакихъ старыхъ дѣлъ разыскать не можетъ; въ третьей ссылались на недавно бывшій пожаръ, который, якобы, все уничтожилъ, и т. д.

¹⁾ При этомъ мы уиускаемъ изъ виду тѣ мѣстности Онежск. уѣзда, которыя расположены по берегамъ Онежской губы и которыя входять въ составъ такъ называемаго Поморья. Поморы существенно разнятся отъ собственно онежанъ, какъ по говору, такъ и по особенностямъ быта.

²⁾ П. Ефименко: Приданое по обычному праву кр-нъ Арх. губ.; Народные юридич. обычай Арх. губ.—А. Ефименко: Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ; Народные юридич. обычай инородцевъ Арх. губ.

³⁾ Въ Савинской, Кирилловской, Посадной, Мардинской, Алексѣевской и Кокоринской волостяхъ.

Но, какъ бы то ни было, послѣ нѣкоторой настойчивости и собственныхъ усилий намъ удавалось, наконецъ, разыскать нужныя свѣдѣнія, касающіяся даже того времени, когда еще существовали Волостныя Расправы.

Помимо обозрѣнія дѣлъ, хранящихся въ волостныхъ архивахъ, мы старались добывать или, по крайности, прочитывать старыя рукописи юридического характера, хранящіяся у нѣкоторыхъ крестьянъ. У одной дряхлой вдовы-крестьянки, свекоръ которой занимался „аблатствомъ“, мы приобрѣли цѣлую кипу различныхъ судебныхъ дѣлъ первой половины XIX вѣка.

Кромѣ этихъ, письменныхъ источниковъ, намъ по необходимости приходилось практиковать въ широкихъ размѣрахъ систему разспросовъ. Здѣшніе старики при случаѣ любятъ поговорить о томъ, какъ жилось въ старину, и въ разговорѣ съ ними можно почерпнуть много разній свѣдѣній. Для того, чтобы удобнѣе вести эти разспросы, мы всегда имѣли подъ рукой изданную въ 1889 г. Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ „Программу для сбиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ“ ¹⁾.

Наконецъ, послѣднимъ источникомъ для изученія обычаго права послужило для насъ народное творчество, выразившееся въ поэзіи, перлы которой мы тщательно собирали для Императорской Академіи Наукъ. Въ народныхъ пѣсняхъ, а особенно въ пословицахъ и ноговоркахъ, отыскивали мы народныя воззрѣнія на различные правовые институты и указанія на существованіе того или другого юридического обычая. Обезпечивъ себя подобнымъ матеріаломъ, мы имѣли возможность не только наблюдать самые обычай юридического характера, но и борьбу ихъ съ невѣдомымъ для нихъ пришельцемъ—закономъ.

II.

Объ обязательствахъ вообще.

Обязательства должны занимать среди гражданско-правового матеріала первенствующее мѣсто, ибо здѣсь, по словамъ Пахмана, „по преимуществу раскрывается подвижность гражданского оборота и свободное проявленіе гражданской личности“ ²⁾. Съ обязательственныхъ отношеній, мы считаемъ, удобнѣе всего начать наши очерки обычаго права, ибо въ правоотношеніяхъ этого рода проявляются наиболѣе характерныя особенности юридического быта онежанъ.

¹⁾ Названная программа, несмотря на то, что издана 25 лѣтъ тому назадъ, вполнѣ пригодна для настоящаго времени и почти не нуждается въ исправленіяхъ.

²⁾ С. В. Пахмана, Обычное гражданское право въ Россіи, т. I, стр. 53.

Отличительная черта всѣхъ вообще обязательствъ, по обычному праву онежанъ, это полное уваженіе къ личной свободѣ человѣка. Оно могло создаться только въ такомъ краю, который не испыталъ на себѣ разлагающаго вліянія сословной розни и гдѣ человѣкъ никогда не исходилъ до степени вещи. Наиболѣе рѣзко эта особенность выражается въ договорахъ личнаго найма. Вторая особенность, отличающая обязательства онежанъ, заключается въ томъ, что они не являются средствомъ для развитія кулачества. Человѣкъ, имѣвшій несчастье впасть въ долгъ, здѣсь не можетъ быть доведенъ вѣритеlemъ до полнаго разоренія, ибо здѣшнимъ обязательствамъ чужды тѣ условія, которыя отягощаютъ долгъ и превращаютъ должника въ неоплатнаго, закабаленаго кредиторомъ контрагента. Эти двѣ характерныя особенности остаются незыблѣмыми въ обычномъ правѣ онежанъ до настоящаго времени, несмотря на сильное вліяніе со стороны.

Для того, чтобы лицо могло выступать въ качествѣ субъекта обязательственнаго права, оно должно удовлетворять двумъ условіямъ, а именно: оно должно обладать 1) сознательной волей и 2) имущественной самостоятельностью.

Не почитаются обладающими сознательной волею лица малолѣтнія. Совершеннолѣтіе наступаетъ, по мѣстнымъ воззрѣніямъ, въ 15—16 лѣтъ, т. е. въ такомъ возрастѣ, когда лицо можетъ зарабатывать себѣ пропитаніе собственнымъ трудами. Косвеннымъ образомъ указывается на этотъ возрастъ слѣдующее судебное рѣшеніе. Крестьянская дѣвица З жаловалась на то, что она прижила отъ кр-на У ребенка, и просила привлечь его къ содержанію сына. Судъ постановилъ взыскивать съ отца по 10 рублей ежегодно на пропитаніе виѣбрачнаго сына до достиженія имъ 15-лѣтняго возраста, а, въ случаѣ смерти его, прекратить эти взысканія ¹⁾.

Относительно правоспособности и дѣеспособности лицъ, страдающихъ умственными и физическими недостатками, свѣдѣнія наши слишкомъ скучны, чтобы дѣлать какіе-либо общіе выводы. Впрочемъ, одно изъ судебныхъ дѣлъ наводитъ насъ на мысль, что для обладанія право и дѣеспособностью глухонѣмota не является существеннымъ препятствиемъ. 31 окт. 1890 г. Савинскій Вол. Судъ разобралъ слѣдующее дѣло. Вдова кр-ка Малыгина заявила притязаніе на амбаръ, принадлежащей глухонѣмой крестьянской дѣвицѣ X., которая будто бы уступила его истицѣ. Родственники глухонѣмой оспорили право Малыгиной на амбаръ. Судъ вызвалъ въ засѣданіе глухонѣмую, которая объяснила, что она согласна амбаръ на горкѣ уступить истицѣ. Руководясь согласіемъ глухонѣмой, судъ рѣшилъ дѣло въ пользу Малыгиной.

Далѣе слѣдуетъ упомянуть о состояніи опьяненія, при которомъ возникаетъ вопросъ о наличіи или отсутствіи у лица сознательной

¹⁾ Рѣш. Посад. Вол. Суда з марта 1875 г.

воли. Но можно безошибочно сказать, что пьяное состояніе при заключеніи договора, по возрѣніямъ онежанъ, не служить причиной, влекущей признаніе сдѣлки ничтожной.

— Пьянъ, пьянъ, а обѣ уголъ не ударится, въ рѣку не бросится! говорить мѣстная поговорка.

Заключеніе договора подъ пьяную руку въ ущербъ себѣ есть оплошность, гордый же сѣверянинъ крайне неохотно сознается въ своей оплошности, предпочитаетъ нести убытки, лишь бы не быть уличеннымъ въ ротозѣствѣ, не быть прозваннымъ простофилей. Несмотря на то, что великое множество мѣстныхъ договоровъ заключается подъ пьяную руку, чамъ не пришлось прочитать ни одного такого дѣла, которое началось бы по жалобѣ истца на то, что отвѣтчикъ воспользовался его пьянымъ состояніемъ и заключилъ съ нимъ невыгодную для него сдѣлку.

Сознательная воля часто отсутствуетъ при наличіи обмана или ошибки. Но этотъ вопросъ будетъ разсмотрѣнъ въ главѣ о куплѣ—продажѣ, такъ какъ на практикѣ наиболѣе часто возникаютъ обманы и наичаще контрагенты впадаютъ въ ошибку именно при этомъ договорѣ.

Что касается имущественной самостоятельности, то таковою, по мѣстному праву, не обладаютъ жены при мужьяхъ, не объявленныхъ „роспѣтчими“ (расточителями), и дѣти, если они не отдѣлены отъ родителей по приговору сельского схода,—тѣ и другія лишь въ отношеніи семейнаго и надѣльнаго имущества. Въ случаѣ смерти отца, сынъ при матери не считается полноправнымъ хозяиномъ, и всѣ сдѣлки, совершенныя имъ въ отношеніи вышеуказаннаго имущества, признаются недѣйствительными. Укажемъ слѣдующій примѣръ. Крестьянская вдова Помогалова жаловалась суду на то, что урожай сѣна изъ числа 24 „заколинъ“ ¹⁾ былъ раздѣленъ со спохой, по 12 „заколинъ“ на пай, но сынъ Иванъ, по прибытіи изъ отлучки, продалъ 2 „заколины“ изъ ея доли. Сынъ показалъ на судѣ, что продалъ сѣно, какъ имѣющій на то право, ибо онъ полный домохозяинъ. Судъ, имѣя въ виду, что между сыномъ и матерью не было формального семейнаго раздѣла и что, посему, сынъ не можетъ быть домохозяиномъ, обязалъ его 2 „заколины“ возвратить матери и арестовалъ на 3 дня ²⁾.

Точно также ограничивается право-и дѣеспособность тѣхъ лицъ, которыхъ объявлены „роспѣтчими“. Подобное объявление чаще всего вызывается какимъ-нибудь судебнымъ дѣломъ, напр., жалобой жены

¹⁾ Заколина (закблѣе, промѣжокъ) — количества сѣна или соломы, помѣщающееся между двумя жердями „зорбда“ (стога). Жерди эти вбиваются въ землю на разстояніи 2 аршинъ другъ отъ друга.

²⁾ Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 28 декабря 1892 г.

на продажу мужемъ продуктовъ сельского труда, въ добываніи которыхъ онъ не принималъ и не желаетъ принимать участія. Убѣдившись, что лицо своими дѣйствіями доказываетъ неразумное отношеніе къ семейному имуществу, судъ поступаетъ двоякимъ образомъ: или объявляетъ лицо „роспѣтчимъ“ своею властью, если поведеніе его—фактъ общезвѣстный, или предлагаетъ соотвѣтствующему сельскому сходу обсудить вопросъ о признаніи отвѣтчика „роспѣтчимъ“. Это признаніе распространяетъ свою силу и на прошлое время: считаются недѣйствительными всѣ тѣ сдѣлки, которая совершены по поводу семейного и надѣльного имущества и которая вызвали обращеніе занятыхъ лицъ къ суду ¹⁾.

Источники обязательствъ двояки: договоръ и правонарушеніе.

Правонарушеніе въ иныхъ случаяхъ бываетъ прямымъ, въ иныхъ случаяхъ косвеннымъ источникомъ обязательствъ. Конечно, въ томъ случаѣ, когда потерпѣвшій прямо обращается къ суду, и этотъ послѣдній признаетъ отвѣтчика обязаннымъ вознаградить истца, обязательство какъ бы возникаетъ изъ одного факта правонарушенія. Но истецъ, потерпѣвшій отъ дѣйствій отвѣтчика, не всегда сразу обращается къ суду, какъ это видно изъ слѣдующаго случая. Крестьянины, осуществляя свое право самовольного установлѣнія залога, захватили 38 овецъ, производившихъ у него потраву, и выдали ихъ лишь послѣ того, какъ взялъ съ владѣльцевъ расписку, въ которой они обязались уплатить ему за потраву по 15 коп. съ овцы ²⁾. Здѣсь правонарушеніе (т. е. въ данномъ случаѣ—потрава) влечетъ заключеніе договора, и только этотъ послѣдній устанавливаетъ обязательство. Слѣдуетъ замѣтить, что договоры, возникающіе изъ правонарушеній, исполняются неохотно и часто вызываютъ обращеніе къ суду для принудительного исполненія.

Главнымъ же источникомъ обязательствъ, конечно, являются договоры, безотносительно къ тому, по какимъ побужденіямъ они заключены.

Господствующая форма договоровъ—устная. Только болѣе крупные займы, сдѣлки относительно недвижимости и договоры, заключаемые при особыхъ обстоятельствахъ, какъ это мы видѣли въ только что приведенномъ примѣрѣ, облекаются въ письменную форму. Личный наемъ, купля-продажа, мелкие займы, т. е. тѣ роды обязательствъ, которые наичаще встречаются въ мѣстномъ быту, прекрасно обходятся безъ всякихъ контрактовъ и расписокъ, и это лишь въ рѣдкихъ случаяхъ влечетъ къ недоразумѣніямъ.

Наибольшее количество договоровъ, словесныхъ и письменныхъ, заключается зимою, въ періодъ отъ Рождества Христова до масле-

¹⁾ Рѣшеніе Кокоринскаго Вол. Суда 16 декабря 1901 г.

²⁾ Рѣшеніе Посаднаго Вол. Суда 22 августа 1871 г.

ницы. Въ это время идетъ усиленная подготовка крестьянъ къ уходу „въ бурлаки“: земля поручается „казаку“ (работнику) или же сдается въ аренду, а вещи—на храненіе; заключаются займы для покрытія дорожныхъ расходовъ, продаются для той же цѣли различныя вещи; „десятники“ (подрядчики) набираютъ артели рабочихъ и т. д.

Весьма часто договоры заключаются въ послѣпраздничные дни. Это объясняется ничѣмъ инымъ, какъ страстнымъ желаніемъ опохмелиться; при заключеніи же договора выпивка составляетъ необходиимую обрядность. Такъ, напр., въ дер. Пертемъ, какъ намъ сообщали, выборы пастуха и заключеніе съ нимъ ряды всегда производятся на второй день Рождества Христова, причемъ выпивается за счетъ пастуха значительное количество водки, непьющіе же получаютъ калачи.

Моментомъ заключенія всевозможныхъ договоровъ на Онегѣ считается „богомолье“ и непосредственно слѣдующее за нимъ „рукобитье“. Эти обряды состоять въ томъ, что контрагенты, точно опредѣливъ всѣ условия договора, встаютъ, молятся съ колѣнопреклоненіемъ Богу, а потомъ, стоя лицомъ къ лицу, берутъ другъ друга подъ руки такъ, что сперва одинъ изъ контрагентовъ обхватываетъ своей правой рукой правую же руку другого контрагента, а затѣмъ продѣлываютъ то же лѣвыми руками. Эти обрядности соблюдаются прежде всего при заключеніи брачныхъ договоровъ, что видно изъ одной свадебной пѣсни, въ которой дѣвушка умоляетъ родителей не выдавать ее замужъ. Родители объясняютъ ей нелѣпость ея требованія:

Ой ты, глупое дитятко!
У насъ дѣло-то сдѣлано,
У насъ Богу помолено,
По рукамъ-то ударено,
Платками задарено.

О томъ, что „богомолье“ является моментомъ заключенія договоровъ, порождающихъ обязательства, можно заключить на основаніи судебныхъ дѣлъ. Нерѣдко хозяева жалуются на то, что „казачиха“ (работница) не желаетъ итти служить, хотя у нихъ „было помоленоъ Богу“. Или, напр., въ одной изъ жалобъ, представленной въ Посадный Волостной Судъ пастухомъ, которому отказали до срока, читаемъ: „Въ задатокъ получить ряжене по 10 коп. и на 29 іюня получить тоже по 10 коп., а остальные (25 коп.) получить по окончаніи настѣбы на 14 сентября, на что онъ (пастухъ) съ крестьянами Богу помолился, при томъ они вырядили съ него на угощеніе одну четверть ведра водки, которую онъ имъ купилъ“¹⁾.

¹⁾ Книга Посаднаго Вол. Суда за 1882 г.; жалоба записана 15 сентября.

Относительно обеспечения обязательствъ слѣдуетъ сказать, что оно бываетъ какъ вещнаго, такъ и личнаго характера. Изъ личныхъ средствъ обеспечения известны только поручительство и задатокъ. Поручительство примѣняется преимущественно при займахъ изъ мірского капитала; самое примѣненіе его въ этомъ случаѣ находится подъ сильнымъ воздействиемъ закона, такъ что поручительство не характерно для обычнаго права онежанъ. Болѣе характернымъ представляется вознагражденіе поручителю при займахъ изъ мірского капитала. Такъ какъ поручиная запись пишется въ Волостномъ Правленіи, а хожденіе въ „волость“ сопряжено съ нѣкоторыми неудобствами, напр., въ виду распутицы, дальности разстоянія, страдной поры и т. д., то отсюда возникаетъ необходимость вознаградить поручителя. Средствомъ вознагражденія служатъ исключительно спиртные напитки, тѣмъ болѣе, что продажа питей, тайная или явная, всегда свидѣетъ себѣ гнѣзда по близости Волостныхъ Правленій.

Другой видъ личнаго обеспечения обязательствъ — задатокъ. Этотъ послѣдний не всегда имѣть денежную форму, ибо, какъ мы уже видѣли въ жалобѣ настуха, онъ можетъ заключаться въ определенномъ количествѣ спиртныхъ напитковъ.

Юридическое значеніе задатка выражается прежде всего въ томъ, что принятіе или дача его является несомнѣннымъ признакомъ заключенія договора; посему задатокъ обычно дается при „богомольѣ“. Далѣе, задатокъ есть одностороннее средство обеспеченія обязательства; сторона, дающая задатокъ, утрачиваетъ его, если по ея винѣ нарушится договоръ. Это наиболѣе рельефно обнаруживается при куплѣ-продажѣ. Всякое позднѣйшее заявленіе покупателя, касающееся качества покупаемой вещи и имѣюще цѣлью опорочить сдѣлку, не влечетъ расторженія ея, разъ былъ данъ задатокъ. Въ этомъ случаѣ говорить: „Глазокъ—смотрѣкъ“, т. е. имѣть глаза и знать, что дѣлалъ, когда давалъ задатокъ.

Небезынтересно отмѣтить бытовое значеніе задатка. Въ изслѣдованныхъ нами мѣстностяхъ онъ нерѣдко представляетъ изъ себя не что иное, какъ возмѣщеніе расходовъ по предварительнымъ переговорамъ. Какъ уже было нами говорено раньше, при заключеніи всевозможныхъ договоровъ на Онегѣ приносятся обильныя возліянія Бахусу; напр., при продажѣ коровы или лошади продавецъ угожаетъ покупателя за счетъ тѣхъ денегъ, которыхъ получаетъ въ задатокъ. Особенно бросается въ глаза подобное значеніе задатка при заключеніи браковъ. Такъ какъ всѣ предварительные переговоры о свадьбѣ ведутся въ домѣ невѣсты, но за счетъ жениха, то существуетъ обычай давать задатокъ со стороны невѣсты.

Обеспеченія обязательствъ, носящія вещнаго характеръ, суть „залоги“. Понятіе „залога“ въ народномъ быту весьма близко подходитъ къ понятію заклада, опредѣляемому нисаннымъ правомъ. „Залоги“ хотя

и распространены въ быту опежанъ при обезнеченіи преимущественно займовъ, но судебныя дѣла о нарушениі обязательствъ, обезнеченіиъ „залогомъ“, возникаютъ весьма рѣдко, самая же отдача вещей въ качествѣ „залога“ производится въ строгой тайнѣ и совершается въ средѣ самыхъ близкихъ сосѣдей. Причина такого явленія коренится въ чрезмѣрной заботливости онежанъ о доброй славѣ своего имени. Въ самомъ дѣлѣ, отдача вещей въ качествѣ обезнеченія, напр., займа, свидѣтельствуетъ о пѣкоторой неблагонадежности заемщика. Но и кредиторъ, со своей стороны, опасается прослыть профессіональнымъ заимодавцемъ. Какъ мы уже упоминали, проценты и сопряженное съ ними ростовщичество неизвѣстно мѣстному быту, обращеніе же принятой въ качествѣ залога вещи въ свою собственность, въ случаѣ неуплаты долга, сопровождается пѣкоторой выгодой для заимодавца, такъ какъ цѣнность заложенной вещи всегда превосходитъ цѣнность занятой суммы. Поэтому онежанинъ опасается даже и принимать „залогъ“, ибо это можетъ подать поводъ къ уличенію его въ рѣзиомствѣ. На той же почвѣ выросло отсутствіе въ мѣстномъ быту неустойки.

Рѣдко-рѣдко доходить до суда дѣла о нарушениі обязательствъ, обезнеченіиъ „залогомъ“. Приведемъ для примѣра два такихъ дѣла. Крестьянинъ Я. Поповъ занялъ у кр. С. Михайлова 10 руб., обязуясь, въ случаѣ неуплаты, предоставить кредитору свозить сѣно съ его пожни. Должникъ не уплатилъ въ срокъ, и кредиторъ со спокойной совѣстью отправился на пожню за сѣномъ должника; но послѣдній, провѣдавъ объ этомъ, встрѣтилъ его у сѣна съ дрекольемъ въ рукахъ и мужественно отстоялъ свою собственность. Тогда кредиторъ обратился въ Волостной Судъ, который призналъ за нимъ право увезти сѣно ¹⁾.

Второй случай таковъ. Мельникъ продалъ своему сосѣду мельницу, причемъ, по условію, покупатель долженъ былъ произвести уплату въ 4 года; если же въ этотъ періодъ онъ не выплатить всей суммы, то мельница переходитъ къ прежнему собственнику. Покупатель условія не выполнилъ, уплативъ въ теченіе 4 лѣтъ лишь незначительную часть долга. Мельникъ обратился къ Вол. Суду, который, на основаніи договора, призналъ за нимъ право собственности на мельницу ²⁾.

Въ этихъ двухъ случаяхъ „залогомъ“ служать такія вещи, которые не могутъ быть предметомъ заклада, такъ какъ при закладѣ вещь должна находиться въ рукахъ кредитора. Но такие случаи рѣдки; чаще всего „залогомъ“ являются различныя домашнія вещи, какъ-то: одежда, часы, самовары и т. п., причемъ они передаются кредитору.

О судьбѣ „залоговъ“ болѣе подробно будетъ сказано при раз-

1) Рѣшеніе Савинскаго Вол. Суда 25 ноября 1882 г.

2) Рѣшеніе Посаднаго Вол. Суда 18 сентября 1911 г.

борь займа, ибо „залоги“ главнымъ образомъ обезпечиваютъ этотъ видъ обязательствъ.

Самовольное установление права залога также практикуется на Онегѣ, причемъ оно нерѣдко приводить къ самымъ неожиданнымъ результатамъ, въ виду особенностей характера онежанъ. Изъ судебныхъ решеній памъ удалось усмотреть нѣсколько случаевъ, въ которыхъ самовольное установление права залога вызвало не менѣе самовольное прекращеніе его. Такъ, напр., одинъ крестьянинъ, замѣтивъ на своей пожиѣ чужую лошадь и жеребенка, производившихъ потраву, захватилъ ихъ и заперъ въ свою конюшню. Узнавъ объ этомъ, собственникъ лошадей ворвался въ конюшню сосѣда, вломавъ замокъ, и увелъ своихъ животныхъ домой¹⁾.

Разсмотрѣвъ вопросъ объ обезпеченіи обязательствъ, слѣдовало бы перейти къ вопросу о прекращеніи ихъ, но мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о такихъ обязательствахъ, при которыхъ въ договорѣ участвуетъ но нѣсколько лицъ на сторонѣ вѣрителя или должника. Подобныя совокупныя обязательства довольно часто въ быту онежанъ. То парни и дѣвицы нанимаютъ избу для вечеринокъ, то цѣлая деревня беретъ въ аренду церковную землю, то самъ Вол. Судъ устанавливаетъ подобное обязательство въ случаѣ правонарушенія. Но обычаю онежанъ, совокупное обязательство бываетъ долевымъ и только въ исключительныхъ случаяхъ превращается въ солидарное. Такимъ исключеніемъ являлись въ прежнее время залмы, производимые цѣлой семьей для взноса денегъ взамѣнъ отбыванія натурой воинской повинности. „Десятники“ (подрядчики) охотно ссужали нуждающихся деньгами, но требовали письменного условія, въ которомъ должники обязывались отработать занятыя деньги, причемъ между членами семьи устанавливалась круговая ответственность („окольная порука“). Слѣдуетъ замѣтить, что подобное условіе заключалось подъ сильнымъ вліяніемъ закона („Общее положеніе о крестьянахъ“, приложеніе къ IX тому), такъ какъ должники обязывались отработать долгъ на заводахъ или по силавамъ, въ составѣ формируемой „дѣсятникомъ“ артели.

Изъ всѣхъ способовъ прекращенія обязательствъ исполненіе есть наиболѣе естественный. Принимая во вниманіе простоту деревенского быта, казалось бы весьма труднымъ представить себѣ возбужденіе вопроса о томъ, гдѣ должно быть произведено удовлетвореніе кредитора. На дѣлѣ оказывается не такъ. Въ одномъ изъ Волостныхъ Судовъ разбирался такой случай. Хозяйка не доплатила работницѣ („казачихѣ“) 3 рубля. На судѣ она помирилась на 2 р. 50 коп., но при этомъ судъ постановилъ, что хозяйка должна принести деньги

1) Рѣшеніе Кирилловскаго Вол. Суда 18 сентября 1911 г.

на квартиру работницъ, такъ какъ эта послѣдняя опасалась ити къ своимъ бывшимъ хозяевамъ¹⁾.

Послѣдствіемъ неисполненія договоровъ являются, въ зависимости отъ рода обязательствъ, или опредѣленное имущественное взысканіе съ нарушителя или принудительное исполненіе договора. Первое относится къ обязательствамъ личнымъ, второе къ имущественнымъ. Въ то время какъ, по свидѣтельству Пахмана, въ средней полосѣ Россіи существуетъ обычай приуждать виновнаго въ нарушеніи личнаго найма къ выполненію его²⁾, на Онегѣ это совершено не принято. Самая мысль о принудительномъ служеніи одного человѣка другому здѣсь не могла получить развитія благодаря счастливъмъ историческимъ условіямъ. Поэтому въ дѣлахъ о нарушеніи личнаго найма судъ ограничивается лишь производствомъ самого тщательнаго разсчета между наймодавцемъ и наемникомъ, въ рѣдкихъ случаяхъ санкционируя какое-либо невыгодное послѣдствіе для виновной стороны.

Нарушеніе договоровъ имущественного характера хотя можетъ повлечь принудительное исполненіе по суду, но и здѣсь проглядываетъ удивительная гуманность, которая, казалось бы, такъ несвойственна суровымъ сѣверянамъ. Эта гуманность выражается прежде всего въ допущеніи судомъ самой широкой разсрочки. Иногда она простирается на весьма почтенный періодъ. Изъ одного рѣшенія видно, что судъ призналъ долгъ въ размѣрѣ 28 рублей, но уплату его разсрочилъ на 6 лѣтъ³⁾. Если принять во вниманіе общую зажиточность онежанъ, то подобное постановленіе суда кажется излишнимъ снисхожденіемъ.

Допускается и отсрочка платежа, причемъ моментомъ, на который переносится уплата, служатъ: 1) уборка урожая, 2) поряженіе въ работники, 3) возвращеніе члена семьи „изъ бурлаковъ“ и т. п. Далѣе, судъ нерѣдко производить зачетъ, причемъ не требуетъ, чтобы обязательства были однородны по вещественному субстрату. Разматривая рѣшенія Вол. Судовъ, мы наблюдали погашеніе денежныхъ обязательствъ въ цѣломъ или въ части путемъ зачета 1) работы, совершенной должникомъ въ пользу кредитора, 2) вознагражденія, слѣдуемаго должнику за проживаніе кредитора въ его домѣ, 3) предметовъ, данныхъ должникомъ кредитору. Работа, которую погашается денежное обязательство, можетъ быть самой различной, какъ-то: починка дома, косьба, жатва, подковываніе лошади и т. п. Работа въ подобныхъ формахъ служитъ также эквивалентомъ денегъ при обновленіи обязательствъ. Оцѣнка работы, при переводѣ ея на деньги, производится судомъ на основаніи свидѣтельскихъ показаній.

¹⁾ Рѣшеніе Алексѣевскаго Вол. Суда 30 апрѣля 1911 г.

²⁾ Пахманъ, Обычное гражд. право въ Россіи, т. I, стр. 203 и слѣд.

³⁾ Рѣшеніе Кирилловскаго Вол. Суда 4 декабря 1888 г.

Относительно прекращенія обязательствъ силою давности слѣдуетъ сказать, что въ быту онежанъ не выработалось опредѣленнаго понятія объ этомъ институтѣ. Правда, здѣсь часто цитируется поговорка „Что было, то прошло, какъ быльѣмъ поросло“; она какъ бы свидѣтельствуетъ, что народному сознанію не чуждо представление о погашающей силѣ времени; тѣмъ не менѣе опредѣленной обычной давности у онежанъ не существуетъ. Разновременныя и не всегда ясныя толкованія Сената относительно примѣненія или непримѣненія Волостными Судами общегражданской давности даютъ обильную пищу для извортливыхъ умовъ деревенскихъ казуистовъ и порождаютъ самыя произвольныя решенія. Такъ, напр., Посадный Волостной Судъ истолковалъ одно сенатское решеніе о примѣненіи давности (отъ 18 окт. 1885 г., № 4656) въ томъ смыслѣ, что будто бы отъ усмотрѣнія самого Волостного Суда зависитъ примѣнить или не примѣнить десятилетнюю давность, и, основываясь на такомъ заблужденіи, допустилъ рядъ противозаконныхъ решеній. 22 июня 1903 года этотъ судъ, руководясь вышеупомянутымъ своевольнымъ толкованіемъ нѣсколькихъ словъ сенатскаго решенія, призналъ долгъ кр-на Парамонова кр-ну Ершову, несмотря на то, что протекла гражданская давность. А 29-го февраля 1904 года тотъ же судъ отказалъ кр-ну Дорохову въ искѣ 19 руб. съ кр-на Патракѣева, мотивируя это тѣмъ, что истецъ 21 годъ не предъявлялъ расписки.

Прекращеніе обязательства путемъ обновленія его, въ силу миролюбивой сдѣлки, явленіе весьма частое въ быту крестьянства. Если миролюбивая сдѣлка заключается во время судебнаго разбирательства, то роль суда сводится лишь къ одной формальности, именно, къ провозглашенію сдѣлки законной и действительной. Въ случаѣ, если одинъ изъ контрагентовъ, послѣ состоявшагося полюбовнаго соглашенія, возбудить новый искъ по прежнему обязательству, то судъ, естественно, отказывается принять подобный искъ ¹⁾.

III.

Личный наемъ и два отдельныхъ его вида.

Изъ всѣхъ личныхъ обязательствъ наиболѣе характернымъ для мѣстнаго обычного права является личный наемъ. Разбирая его, мы наткнемся на нѣкоторыя любопытныя особенности и, дабы наилучше оттѣнить ихъ, считаемъ не лишнимъ, помимо разбора личнаго найма вообще, привести для примѣра два отдельныхъ его вида, именно договоры о наймѣ „казачихи“ (работницы) и пастуха. При систематизации обычного права какого-либо громаднаго района можно удоволь-

¹⁾ Рѣшеніе Савин. Вол. Суда 15 окт. 1883 г.

ствоваться одними отвлечениями общего характера; но для того, чтобы дать наглядную характеристику юридического быта одного уезда, не слѣдует пренебрегать разборомъ нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ, хотя бы въ качествѣ иллюстрацій.

Личный наемъ, по обычаямъ крестьянъ Онежского уезда, прежде всего отличается отъ всѣхъ другихъ обязательствъ тѣмъ, что зиждется на наиболѣе опредѣленныхъ, устойчивыхъ и общепризнанныхъ обычно-правовыхъ нормахъ. Въ созданіи ихъ, главнымъ образомъ, принимало участіе творчество мѣстного населенія; вліяніе же со стороны почти совершенно не отразилось на юридической структурѣ личного найма, несмотря на развитіе бурлачества,透过 которое легко могли привиться народному правосознанію специфическая черты фабрично-заводского законодательства.

Опредѣленность обычая имѣеть колоссальное значеніе въ практическомъ отношеніи: ею значительно ослабляется произволъ такого несовершенного судилища, какъ судъ волостной. Поэтому дѣла, касающіяся нарушений личного найма, рѣшаются болѣе или менѣе однообразно въ самыхъ разныхъ мѣстахъ уезда; постановленія Волостныхъ Судовъ по этимъ дѣламъ почти никогда не вызываютъ обжалованія въ высшую инстанцію. А вѣдь при разборѣ этихъ дѣлъ судейской совѣсти грозятъ серьезныя искушенія, такъ какъ заимодавцами, въ большинствѣ случаевъ, являются лица съ приличнымъ имущественнымъ достаткомъ. Но ясность обычая, хорошо известнаго и суду и тѣющимся, въ значительной степени умѣряетъ вредное вліяніе магарыча.

Договоръ личного найма заключается всегда въ устной формѣ. Этотъ порядокъ имѣеть свои положительныя и отрицательныя стороны. Если бы письменная форма вошла въ обычай, то многіе бывалые люди, въ особенности же „десятники“, освоившіе на чужбинѣ фабрично- заводскимъ наймомъ, могли бы привить правосознанію своихъ земляковъ новые взгляды, ввести въ моду другія понятія о личномъ наймѣ. Полуневѣжественный волостной судья судить такъ, какъ онъ можетъ, т. е. руководствуется усвоенными съ молокомъ матери правовыми воззрѣніями. Но авторитетъ писаной и печатной бумаги для него чрезвычайно великъ, и если бы ему представился случай разбирать дѣло о нарушеніи договора, облеченнаго въ письменную форму да еще вдобавокъ переполненнаго ссылками на законъ, хотя бы не всегда соотвѣтствующій обстоятельствамъ дѣла,—въ этомъ случаѣ волостной судья едва ли бы разрѣшилъ коллизію нормъ закона съ нормами обычно-правовыми въ пользу послѣднихъ. При частомъ повтореніи такихъ дѣлъ и такихъ решеній нетрудно вывернуть наизнанку самое представленіе о личномъ наймѣ, сложившееся исторически въ нѣдрахъ народа.

Но и устная форма неудобна тѣмъ, что судъ нерѣдко лишенъ

возможности установить существование сделки, или же вынуждается решить этот вопрос по совести, что может вызвать злоупотребление.

Вступать въ договоръ личнаго найма въ качествѣ панимателя и наемника можетъ всякое дѣспособное лицо. Только дѣти, хотя бы и совершеннолѣтнія, но не обладающія имущественной самостоятельностью, могутъ заниматься въ услуженіе не иначе, какъ съ согласіемъ родителей. Юридическая несамостоятельность дѣтей въ дѣлахъ личнаго найма простирается даже до того, что, при нарушеніи этого договора, родители наемниковъ нерѣдко выступаютъ на судѣ въ качествѣ полноправныхъ истцовъ и отвѣтчиковъ, а не представителей тяжущихся. Это подтверждается слѣдующимъ примѣромъ. Кр-ка Ефимова заявила Вол. Суду, что кр-ка Шадрина, панивъ къ ней въ работницы свою дочь, взяла задатокъ (деньги, рыба и работа на лошади истицы), а затѣмъ порадила дочь въ другое мѣсто. Судѣ постановилъ взыскать задатокъ и наказать кр-ку Шадрину 3-мя днями ареста за обманъ¹⁾. Отсюда видно, что въ глазахъ суда дѣти не считаются свободными вступать въ договоры личнаго найма: иначе не было бы основанія судамъ наказывать родителей за провинности ихъ дѣтей. Но если дѣло обстоитъ такъ юридически, то фактически при личномъ наймѣ решающее значеніе придается согласію самихъ дѣтей, а не родителей, потому что отношенія онежанъ къ своимъ дѣтямъ, въ большинствѣ случаевъ, отличаются гуманностью; они не принуждаютъ дѣтей итти въ услуженіе, но и не ирепятствуютъ имъ въ этомъ, въ случаѣ желанія. Чаще всего, имъ въ виду порядить свою дочь въ „казачихъ“, родители заявляютъ ей, что у нихъ нѣть средствъ, чтобы „обряжать“ (наряжать) ее, и поэтому предоставляютъ ей на выборъ: или зарабатывать себѣ деньги на „обряды“ (наряды), или ходить бѣдно одѣтой. Но дѣти, разумѣется, всегда склонны винить родителей въ томъ, что имъ приходится служить чужимъ людямъ. Если спросить какую-либо здѣшнюю „казачиху“ о причинахъ, побудившихъ ее итти въ услуженіе, то она отвѣтить:

— Знамо дѣло, воля не своя, матка (или батька) отдала.

Пастухъ въ одной изъ пѣсенокъ жалуется на свою судьбу:

Батька отдалъ въ пастушки,
Сѣль на камешекъ, заплакалъ:
Всѣ коровушки ушли.

Что касается супругъ, которыхъ въ силу 2202 статьи I ч. X тома не могутъ заниматься безъ согласія мужей, то по мѣстному праву онѣ вполнѣ свободны располагать своей волею въ этомъ отношеніи. Право супругъ заниматься безъ согласія мужей вытекаетъ изъ со-

¹⁾ Рѣшеніе Кокоринскаго Вол. Суда 14 сент. 1902 г.

временныхъ взглядовъ онежанъ па сущность брачнаго союза. Въ старые годы, при существованіи круговой поруки въ платежѣ податей, суды иногда постановляли рѣшенія, обязывающія жену возвратиться къ мужу, ибо безъ жены, какъ рабочей силы, супругъ могъ разстроить свое хозяйство и явиться неисправнымъ плательщикомъ податей, а это влекло увеличеніе налогового бремени для всѣхъ остальныхъ членовъ общины. Въ данное время подобная практика волостными судами оставлена; народному сознанію все болѣе и болѣе прививается та мысль, что жена отнюдь не раба мужа и, въ случаѣ несносной жизни, можетъ свободно покинуть супружескій домъ. Весьма часты случаи, когда бѣглая жена рѣдится въ „казачихи“, и супругъ безсиленъ предпринять что-либо противъ нея.

Моментъ заключенія договоровъ личнаго найма—рукобитье и богомолье, причемъ нанимателемъ тутъ же дается задатокъ наемнику. Условія каждой ряда, т. е. тѣ вопросы, которыхъ касается договоръ, бываютъ двоякаго рода: опредѣленно-выраженные (необходимы) и подразумѣваемы по самой сущности дѣла (естественны). Первая варьируются въ каждомъ отдельномъ случаѣ каждого отдельнаго вида личнаго найма; вторыя подразумѣваются сами собою, и если въ договорѣ о нихъ ничего не говорилось, то судъ все-таки признаетъ эти условія. Истинность и общеизвѣстность нормъ, опредѣляющихъ личный наемъ, допускаютъ существованіе естественныхъ условій ряда.

Срокъ необходимо долженъ быть обозначенъ въ договорѣ; этотъ послѣдній считается дѣйствительнымъ только въ томъ случаѣ, когда заключенъ на срокъ не болѣе года. Фактически идѣтъ даже и годового найма. По особымъ свойствамъ характера онежанъ, безпрерывная личная зависимость кажется имъ самымъ тѣжкимъ изъ всѣхъ золъ. Отсутствіе долгосрочнаго найма въ мѣстномъ быту препятствуетъ образованію особаго класса лицъ, имѣющихъ своей профессіей продажу личныхъ услугъ и являющихся поэтому какъ бы низшимъ, подчиненнымъ слоемъ населенія.

Другое существенное условіе ряда—вопрѣкъ о денежнѣмъ вознагражденіи. По мѣстнымъ обычаямъ, вознагражденіе непремѣнно слагается изъ денежной суммы и платы натурою. Служить ли одно лицо другому, служить ли одно или нѣсколько лицъ обществу, натуральная плата, въ противоположность денежнѣй, считается естественнымъ условіемъ договора. Почему это такъ, понять не трудно. Въ старину, при слабомъ развитіи денежнаго хозяйства, плата за услуги вся цѣликомъ состояла изъ произведеній сельскаго труда; денежная форма платы—явленіе позднѣйшее. Сначала деньги являлись какъ бы привѣскомъ къ натуральной платѣ, и при томъ необязательнымъ. Поэтому и въ данное время, по усвоенному издревле взгляду, стороны обязаны условиться лишь о денежнѣй платѣ, натуральная же сама собой подразумѣвается; если о ней не было условлено, то тѣмъ

не менѣе, какъ это видно изъ слѣдующаго судебнаго дѣла, она можетъ быть присуждена наемнику самимъ судомъ, на основаніи мѣстнаго обычая. Кр-нъ Ар. Харитоновъ обязался вспахать поле для кр. Ушакова на своей лошади. Исполнивъ работу, онъ пожаловался суду на то, что Ушаковъ не давалъ корму для его лошади, и просилъ о взысканіи стоимости такового. Судъ рѣшилъ, что, хотя, какъ это выяснилось при разборѣ дѣла, Харитоновъ былъ пораженъ со своимъ кормомъ для лошади, но такъ какъ, по мѣстнымъ обычаямъ, Ушаковъ долженъ былъ доставить нѣкоторую часть корма для лошади Харитонова, то постановилъ взыскать одинъ рубль въ пользу истца ¹⁾.

Въ договорахъ, которые заключаетъ сельское общество съ перевозчиками въ письменной формѣ, о вознагражденіи натурою совершенно не упоминается; тѣмъ не менѣе перевозчики неукоснительно собираютъ съ крестьянъ то, что имъ полагается по обычая, сверхъ денежной суммы.

Для образчика укажемъ, въ чемъ заключается плата натурою. „Казачиха“ и „пѣстунья“ (нянька) получаютъ, главнымъ образомъ, наряды и обувь, пастухъ—хлѣбъ и масло, подпасокъ получаетъ то же самое отъ пастуха, просвирня и перевозчикъ—хлѣбъ, сметану или масло, повитуха—„житникъ“ (житный хлѣбъ), „рыбникъ“ (пирогъ съ рыбой) и „ставецъ“ ²⁾ соли, свѣженикъ—голову освѣженнаго имъ животнаго.

Опредѣленіе тѣхъ услугъ, которыя обязывается совершить наемникъ въ пользу нанимателя, отнюдь не обязательно для многихъ видовъ личнаго найма; услуги, напр., пастуха ясны всѣмъ и всякому изъ мѣстныхъ жителей.

Точно также почти никогда не дѣлается никакого заблаговременнаго условія относительно довольствія наемника. Въ подавляющемъ большинствѣ отдельныхъ видовъ личнаго найма наниматель долженъ кормить нарята.

Права и обязанности сторонъ, вытекающія изъ договора личнаго найма, несложны. Наниматель имѣть право требовать исполненія той работы, которая или вытекаетъ изъ существа данного договора, напр., работа пастуха, или прямо была обусловлена. Наемникъ имѣть право на полученіе вознагражденія: денежнаго—въ опредѣленные договоромъ сроки, натурального—въ тѣ сроки, которые указываются обычаемъ для данного вида найма. Такъ, напр., пастухъ и перевозчикъ получаютъ хлѣбъ и масло въ Петровъ день (петропвщина), и только одинъ хлѣбъ—по окончаніи договора (осенпщина). Въ тѣ же сроки получать „казачиха“ подарки отъ хозяевъ.

Но самое главное право сторонъ—это полная возможность одпо-

1) Рѣшеніе Кирилловскаго Вол. Суда 5 марта 1889 г.

2) Ставецъ—большая деревянная миска, изъ которой хлебаютъ щи.

сторонняго отступленія отъ обязательства во всякое время, безъ опасенія быть вынужденнымъ по суду выполнить его. Никогда и нигдѣ намъ не приходилось читать такихъ рѣшеній суда, въ которыхъ онъ принуждалъ бы панимателя держать у себя уволеннаго до срока наемника, или, наоборотъ, вмѣняль бы въ обязанность самовольно ушедшему отъ хозяина наемнику отработать то, что онъ не доработалъ до срока. Въ этомъ характерная особенность мѣстнаго юридического быта: одинъ человѣкъ никогда не можетъ быть заставленъ служить другому; всякая услуга есть результатъ свободнаго волеизъявленія лица.

Нельзя сказать, чтобы здѣшніе Волостные Суды всегда и во всѣхъ случаяхъ оставляли безъ отвѣтственности виновнаго въ нарушеніи договора личнаго найма; намъ приходилось читать такія рѣшенія, въ которыхъ суды постановляли то или другое невыгодное послѣдствіе для нарушителя договора. Но самое нормальное рѣшеніе по такимъ дѣламъ—это производство тщательнаго разсчета между сторонами, т. е. вычисленіе, сколько долженъ дополучить наемникъ съ хозяина или сколько излишне забранныхъ денегъ долженъ возвратить онъ хозяину. Судъ часто не интересуется вопросомъ, кто является истиннымъ виновникомъ нарушенія договора: это весьма затруднительно обнаружить, ибо при личномъ наймѣ черезчуръ сближены различные интересы контрагентовъ, и коллизіи ихъ могутъ возникать на каждомъ шагу и по самому ничтожному поводу. Можно провести иѣкоторую параллель между рѣшеніями Волостныхъ Судовъ по дѣламъ личнаго найма и по дѣламъ о семейныхъ ссорахъ. Суды нерѣдко отказываются разбирать эти вторыя дѣла, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что въ семейномъ быту судъ не можетъ найти виновнаго. А такъ какъ во множествѣ случаевъ наемникъ живетъ совмѣстно съ хозяиномъ, то, конечно, столкновенія возможны довольно часто, причемъ трудно выяснить, кто первый нарушилъ чужой интересъ. Къ тому же слѣдуетъ принять во вниманіе особенности характера онежанъ. Чувство собственнаго достоинства—черта, присущая всемъ онежанамъ, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ. При томъ вѣковая личная свобода воспитала въ нихъ сознаніе иолнаго равенства другъ съ другомъ; поэтому наемница или наемникъ видятъ въ своемъ временному хозяину не барина, не господина, а своего же брата, сознаваютъ свою независимость и привыкаютъ горою стоять за свое достоинство. Пустое оскорблѣніе со стороны хозяевъ, намекъ, двусмысленность, упреки,—все это способно вызвать немедленную репрессію со стороны обиженныхъ, именно, уходъ отъ панимателя.

Меня хозяева ругаютъ,
Что я много хлѣба Ѳмъ,—
Вы отдайте, что миъ ряжено,
Уйду не надо Ѳмъ—

такъ поетъ „казачиха“, душа которой не мирится съ хозяйственными по-преками.

Суды, естественно, сознаютъ, что въ большинствѣ случаевъ, такъ или иначе, прямо или косвенно, въ нарушеніи договора личного найма виновны наниматели, ибо они являются стороной сильнѣйшей, которая легко можетъ злоупотреблять своимъ болѣе выгоднымъ положеніемъ. Это сознаніе судовъ подтверждается тѣмъ, что невыгодныя послѣдствія, которымъ онъ подвергаетъ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ нарушителей договора, гораздо ощущительнѣе для нанимателя, нежели для наемника.

Разберемъ эти случаи отвѣтственности, — сперва нанимателей, потомъ наемниковъ.

„Десятникъ“ Гр. Савинъ предъявилъ искъ къ цѣлой группѣ рабочихъ, требуя возвратить задатки. На судѣ выяснилось, что Савинъ забралъ этихъ рабочихъ па Умбскіе лѣсопильные заводы, но тамъ въ это время возникла забастовка, учиненная „биржевыми“ (т. е. постояннymi заводскими служащими). Савинъ за все время забастовки не показывался, а затѣмъ уѣхалъ, бросивъ рабочихъ на произволъ судьбы. Тогда рабочіе поступили къ другому хозяину, хотя, по ихъ заявлению на судѣ, они съ удовольствіемъ отработали бы Савину взятый задатокъ послѣ забастовки, если бы онъ не уѣхалъ. Судъ призналъ Савина дѣйствовавшимъ недобросовѣстно, и, въ виду исключительности случая, въ искѣ ему отказалъ¹⁾.

Точно также отказать наемнику въ такое время, когда онъ лишенъ возможности найти заработокъ (напр., послѣ полевыхъ работъ) влечеть для нарушителя договора лишеніе всего того, что наемникъ забралъ у него впередъ. Такихъ рѣшеній намъ удалось вычитать достаточное количество, но приводить конкретные примѣры не представляеть особаго интереса.

Если судъ признаетъ, что въ нарушеніи договора вина лежитъ на наемнике, то опять-таки онъ санкционируетъ какое-либо невыгодное для него послѣдствіе только въ томъ случаѣ, если вина эта усугубляется какими-либо посторонними обстоятельствами, напр. обманомъ, страдной порой, когда трудно достать рабочія руки, и т. п. Обманное полученіе задатка съ одного лица и поступленіе къ другому лицу влечеть, помимо взысканія, возвращеніе задатка и арестъ за обманъ. Примѣръ быть приведенъ въ началѣ настоящей главы (стр. 241). Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ нарушенія договора наемникомъ, какъ намъ удалось выяснить, единственнымъ невыгоднымъ послѣдствіемъ, которому подвергается виновный, является лишеніе права требовать натуральную часть платы, если она не была получена заблаговременно. Чаще всего такая гражданская отвѣтственность за нарушеніе договора

¹⁾ Рѣшеніе Кокоринскаго Вол. Суда 10 декабря 1906 г.

сводится къ пустой фикціи, такъ какъ едва ли какой-нибудь наемникъ упустить случай забрать плату натуорою своевременно. Кромъ того, эта часть общей платы довольно малоцѣнна, и потеря ея не является большой невыгодой.

Эти правила о взысканіи съ нарушителей договора личного найма незыблемо соблюдаются повсюду до сихъ поръ, и, какъ видимъ, интересы наемниковъ защищаются ими въ большей степени, чѣмъ интересы нанимателей.

Разсмотримъ теперь отдѣльные виды договоровъ личного найма.

I. Договоръ о наймѣ „казачихъ“. Въ виду ухода мужчинъ на заводы въ лѣтнее время, вся тяжесть полевыхъ работъ ложится на женщинъ. Нерѣдки случаи, когда въ деревнѣ, состоящей изъ 5—10 домовъ, не бываетъ налицо ни одного, вполнѣ работоспособнаго, мужчины. Необходимость наемной рабочей силы ощущается прежде всего въ зажиточныхъ семьяхъ, а такихъ здѣсь не мало. Продавцами рабочей силы являются по преимуществу дѣвушки изъ бѣдныхъ семействъ, а также вдовы; мужчины же находять болѣе выгоднымъ продавать свой трудъ на заводахъ.

Если одно лицо нанимается къ другому исполнять строго определенную сельско-хозяйственную работу, причемъ живеть отдѣльно отъ наймодавца, то такое лицо называется, по мѣстному „казакомъ“, безразлично, будетъ ли это женщина или мужчина (послѣднее весьма рѣдко). „Казачихой“ же называются лицо женского пола, нанившееся къ кому-либо для оказанія услугъ вообще и живущее въ его семье; въ „казачихъ“ рядятся дѣвушки, бездѣтныя вдовы и бѣглые жены. Въ одномъ и томъ же семействѣ иногда бываетъ нанять „казакъ“ и „казачиха“, притомъ оба могутъ принадлежать къ женскому полу.

Договоры о наймѣ собственно „казачихъ“ совершаются всегда въ устной формѣ; время заключенія этихъ договоровъ—январь или февраль; срокъ договора—не свыше 10 мѣсяцевъ. Отсутствіе годового найма „казачихъ“ объясняется не только экономическими соображеніями нанимателей, но и психологическими мотивами наемницъ. Нанимаясь на добрыхъ $\frac{3}{4}$ года въ услуженіе, „казачиха“ имѣть въ виду послѣднюю, самую веселую, часть года (Святки) пользоваться благами полной свободы наравнѣ со своими прежними хозяевами.

Начальные и конечные моменты срока, на который нанимается „казачиха“, весьма различны. Изъ судебныхъ рѣшеній мы видимъ, что въ однихъ случаяхъ за начальный моментъ считается юлиано воскресенье, а за конечный—Воздвиженіе, въ другихъ—вторая недѣля Великаго поста и Николинъ день (6 декабря), въ третьихъ—чистый понедѣльникъ и Филиппово заговѣніе. Весьма рѣдко, но бываютъ такие случаи, когда „казачиха“ нанимается не на одинъ сплошной періодъ года, а на два или три, отдѣляющихся другъ отъ друга нѣко-

торыми промежутками. Такъ, напр., изъ одного рѣшенія Вол. Суда видно, что „казачиха“ была нанята на 6 недѣль весною во время посѣва и съ 1-го іюля по 14 ноября ¹⁾). Самый наибольшій срокъ, какой мы наблюдали, и, какъ намъ извѣстно—исключительный, это съ 4 февраля по 25 декабря ²⁾); но и въ этомъ случаѣ, какъ мы видимъ, „казачиха“ обеспечила себѣ полную свободу на время Святокъ.

Вознагражденіе „казачихъ“ слагается изъ двухъ частей: денежной суммы и „приклада“ (подарковъ). Такъ какъ намъ удалось просмотрѣть судебныя рѣшенія почти за 70 лѣтъ, то мы имѣли возможность наблюдать возрастаніе цѣнности рабочихъ рукъ въ Онежскомъ уѣздѣ. Еще 50 лѣтъ тому назадъ средняя плата „казачихамъ“ не превосходила 10—12—15 рублей; въ 70-хъ годахъ, когда начало развиваться бурлачество, плата повысилась до 20—25 рублей; постепенно она дошла до 35—40 рублей, а въ наше время не трудно встрѣтить „казачиху“, получающую 50—55 рублей. Такая плата настолько значительна въ крестьянскомъ быту, что про современную „казачиху“ выражаются такъ:

— „Казачиха“ лѣто прожіла да-й жениха себѣ купила! т. е. что она обеспечила себѣ приданое.

Размѣръ денежнаго вознагражденія видоизмѣняется въ зависимости отъ срока, подарковъ и отъ вида работы. Извѣстная часть денежной суммы дается задаткомъ при заключеніи ряды. Такъ какъ въ мѣстномъ быту подъ задаткомъ разумѣется весь заборъ денегъ, сдѣланный „казачихой“ у хозяевъ до окончанія срока найма, то изъ судебныхъ рѣшеній трудно опредѣлить величину задатка, получааемаго при заключеніи договора. По разсказамъ старожиловъ, онъ не превосходитъ 2—3 рублей.

Вторая часть условленной платы—„прикладъ“, т. е. подарки; они бываютъ самые разнообразные. Изъ одного судебнаго дѣла видно, что „казачиха“ вырядила себѣ ситцу на платье 12 аршинъ, ситцу же на рукава $2\frac{1}{2}$ аршина, бумажный платокъ, „полсапожки“ (башмаки) и одинъ фунтъ шерсти. ³⁾ Изъ другихъ рѣшеній видно, что подарки „казачихамъ“ при переводе на деньги составляютъ отъ 4 руб. до 6 руб. 75 коп. ⁴⁾). Часть подарковъ „казачиха“ иногда получаетъ при заключеніи договора, другую часть въ серединѣ своей службы (въ Петровъ день), остальное—по окончаніи срока найма.

Третье условіе ряды—опредѣленіе тѣхъ услугъ, которыя обязана совершить наемница въ пользу наймодавца. Обыкновенно въ рядѣ усла-вливаются только относительно пашни и „метанія сѣна“ въ стоги, т. е. болѣе тяжелой работы. Она не подъ силу молоденькимъ дѣвушкамъ,

1) Рѣшеніе Кирилловскаго Вол. Суда 22 ноября 1881 г.

2) Рѣшеніе Посаднаго Вол. Суда 1 ноября 1881 г.

3) Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 14 окт. 1885 г.

4) Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 22 сент. 1909 г.

идущимъ въ работницы, но подъ силу взрослымъ, окрѣпшимъ въ трудѣ женщинамъ, вдовамъ и бѣглымъ женамъ; поэтому въ самой рядѣ дѣлается оговорка относительно производства или непроизводства этого рода работы, въ зависимости отъ личности наемницы. Чаще всего тяжелая полевая работа ложится на мужчинъ, членовъ семьи, или на наемнаго „казака“. Если же „казачиха“—сильная, здоровая женщина, то, нанявшись съ условіемъ производить и болѣе тяжелыя работы, она, конечно, получаетъ большее вознагражденіе, причемъ иногда называется „казакомъ“, въ виду того, что исполняетъ мужскую работу.

Если не считать пашни и „метанія сѣна“, то, не дѣляя большой ошибки, можно сказать, что на „казачиху“ возлагаются всѣ хозяйственные работы, какъ полевые, такъ и домашнія; но и тѣ и другія всей тяжестью ложатся не исключительно на наемницу. Если хозяева сами живутъ дома, то „казачиха“ имѣеть вспомогательное значеніе; она дѣлаетъ все то, что и хозяева, не исключая даже отѣванія иѣко-торыхъ повинностей общественнаго характера. Такова, напр., ночная караульная служба, тушеніе лѣсныхъ пожаровъ и т. п. При этомъ небезынтересная подробность: получаемое отъ казны вознагражденіе за тушеніе лѣсныхъ пожаровъ, по обычаю, идетъ въ пользу „казачихи“. Вообще же слѣдуетъ имѣть въ виду, что, хотя договоры о наймѣ „казачихъ“ нарушаются, но источникомъ нарушенія никогда не служить самыи трудъ, такъ что неопределенность работы при заключеніи договора не порождаетъ существенныхъ недоразумѣній.

Точно также въ рядѣ не дѣлается никакихъ условій касательно довольствія, ибо предполагается, что „казачиха“, по обычаю, будетъ пить и ѣсть за однимъ столомъ съ хозяевами. Одежду „казачиха“ имѣеть, по обычаю, свою; „прикладъ“ служить иѣкоторымъ возмѣщениемъ той порчи одежды, которая неизбѣжна при выполненіи сельскихъ работъ. Не дѣлается также никакихъ условій относительно отлучекъ наемницы на побывку къ родителямъ или въ гости, хотя эти отлучки изъ хозяйстваго дома нерѣдко продолжаются съ недѣлю.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, онежское обычное право допускаетъ въ договорахъ найма „казачихъ“ множество естественныхъ условій, т. е. такихъ, которые хотя и не упоминаются въ рядѣ, но подразумѣваются сами собой.

Остается сказать иѣсколько словъ о положеніи „казачихъ“ въ домѣ хозяевъ.

Такъ какъ сѣверное крестьянство не видѣло дурного примѣра въ лицѣ сословнаго или классового различія, то посему въ его средѣ еще до сихъ поръ сохраняются самыя патріархальныя отношенія къ наемницамъ. „Казачиха“ пользуется правами члена семьи; если у хозяевъ имѣются дочери, то она является ихъ подругой. Дѣвушки вмѣстѣ ходятъ на зимнія вечеринки и на весеннія ночныхъ гулянья,

причёмъ „казачиха“ безъ малѣйшаго стѣсненія становится въ хоро-
водѣ рядомъ съ самыми первѣйшими богачихами. Никому не прихо-
дить въ голову видѣть въ этомъ аномалію.

Конечно, чѣмъ дальше идетъ время, чѣмъ сильнѣе сказывается вліяніе города, тѣмъ болѣе начинаетъ видоизмѣняться положеніе „казачихъ“. Но покамѣсть ихъ доля несравнѣма съ положеніемъ какъ городской прислуги, такъ и фабричныхъ работницъ. Изучая современную деревенскую иѣсню, такъ называемую „частушку“, мы только въ двухъ изъ нихъ нашли сѣтованіе „казачихъ“ на свою долю:

„Казачихи“ бѣдныя!
У нихъ колечки мѣдныя,
Брошки оловянныя,
Хозяйки окаянныя.

„Казачихи“ бѣдны люди,
Ихъ хозяева не любять,
Долго чаемъ не поятъ,
На работушку турятъ.

Но не будетъ парадокса, если мы скажемъ, что эти пѣсенки характеризуютъ не столько бѣдственное положеніе „казачихъ“, сколько ихъ чрезмѣрную избалованность, вызывающую крайне требовательное отношеніе къ хозяевамъ.

Обратимся теперь къ послѣдствіямъ, сопровождающимъ неисполненіе договора найма „казачихи“. Конечно, нарушителями бываетъ какъ та, такъ и другая сторона, на судѣ же объясняютъ нарушеніе договора причинами, порожденными противной стороной. Изъ судебныхъ решений видны тѣ причины, которыми „казачихи“ мотивируютъ свой уходъ отъ хозяевъ, а именно: 1) опасность заразиться отъ большой хозяйки, 2) склоненіе хозяиномъ къ прелюбодѣянію, 3) притѣсненія со стороны хозяевъ. Наоборотъ, со стороны хозяевъ бываютъ заявлены слѣдующія причины нарушенія договора: 1) гостьба „казачихи“ у родителей долье срока, указанного хозяиномъ, 2) оскорблениія, наносимыя хозяйкѣ со стороны „казачихи“, и т. п.

При разборѣ подобныхъ дѣлъ, Волостные Суды строго отличаютъ договоръ о личномъ наймѣ отъ другихъ видовъ обязательствъ, что, къ сожалѣнію, не всегда соблюдается въ средней полосѣ Россіи и на черноземѣ. Какъ это можно заключить, онежскіе Волостные Суды на договоры личного найма смотрятъ такъ же, какъ на брачные договоры, неисполненіе которыхъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ повлечь принудительного исполненія. Можно, пожалуй, объяснить подобное явленіе различными экономическими причинами, напр., тѣмъ, что средства существованія сѣверянъ не заключаются въ однихъ только продуктахъ сельскаго труда, и посему досрочный уходъ „казачихъ“, даже въ разгаръ страды, не можетъ нанести особаго ущерба благо-
состоянію хозяевъ. Но эти соображенія ничуть не умаляютъ господ-
ствующаго въ средѣ онежанъ уваженія къ личной свободѣ человѣка.

Далѣе, невыгодныя послѣдствія, которые выпадаютъ на долю

нарушителей договора найма „казачихъ“, не имѣютъ ничего общаго съ суровыми послѣдствіями для нарушителей договора личнаго найма въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Первое, что дѣлаетъ судъ при рѣшеніи этихъ дѣлъ, заключается въ производствѣ самого подробнаго расчета между наемницей и хозяевами. Судъ опредѣляетъ количество мѣсяцевъ, на которые наята „казачиха“, количество прожитыхъ мѣсяцевъ, условленное вознагражденіе и задатокъ, причемъ подъ задаткомъ разумѣется вся забранная во время службы сумма денегъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ затрудняется выяснить, сколько времени прослужила „казачиха“, въ виду разнорѣчивыхъ показаній сторонъ, онъ беретъ средннее ариѳметическое изъ указываемыхъ сторонами периодовъ времени ¹⁾). Вычи-сливъ среднюю мѣсячную или недѣльную плату и умноживъ ее на число прожитыхъ мѣсяцевъ или недѣль, судъ опредѣляетъ, сколько слѣдуетъ получить „казачихъ“. Конечное рѣшеніе суда варіируется въ зависимости отъ того, на чьей сторонѣ вина (конечно, если она достаточно тяжела), и отъ количества забранныхъ денегъ.

Если зaborъ превышаетъ слѣдуемую „казачихъ“ сумму и если судъ признаетъ наемницу повинной въ нарушеніи договора, то она обязывается вернуть остатокъ, получающійся отъ вычитанія изъ забранныхъ денегъ слѣдуемой ей суммы. Если же зaborъ менѣе этой суммы то „казачиха“, хотя бы повинная въ самовольномъ уходѣ отъ хозяевъ, во всякомъ случаѣ дополучаетъ до этой суммы. Въ случаѣ вины хозяевъ, они безповоротно теряютъ всѣ данные впередъ деньги или же присуждаются доплатить то, что полагается „казачихъ“ за прожитую часть условленнаго времени.

Это, такъ сказать, нормальный расчетъ. Онъ нѣсколько усложняется въ зависимости отъ того, прожила или нѣть „казачиха“ мѣсяцы страды. Работа въ эти мѣсяцы оцѣнивается выше. Точно также иногда, при опредѣлѣніи слѣдуемой „казачихъ“ суммы, принимается во вниманіе стоимость подарковъ. Приведемъ примѣръ судебнаго расчета при наличіи этихъ обстоятельствъ.

Крестьянская дѣвица Спицина жаловалась Посадному Волостному Суду на то, „что порядилась она въ работницы на лѣто сего года къ кр. П. Ашмарину жить съ Фоминой воскресенья до 15 ноября сего года, за это вырядила съ него платы деньгами 25 рублей и подарки. 27 сентября я съ дозволенія хозяина отправилась къ празднику домой на 3 дня, а пробыла лишнихъ 3 дня, какъ онъ мнѣ говорилъ: „Если у тебя дѣло есть кое-что поправить, то можешь пробыть и болѣе трехъ дней“; но нынѣ, 4 сего октября, явилась я къ хозяину Ашмарину; онъ меня не принялъ дожить до сроку, сказалъ, что теперь у меня дѣла нѣть, я ему не нужна. Въ число платы я полу-

¹⁾ Рѣшеніе Кокоринскаго Вол. Суда 12 марта 1899 г.

чила съ него деньгами 18 руб., а остальныхъ денегъ 12 рублей и вырженихъ вещей Ашмаринъ мнѣ добровольно не отдаетъ и дожить до срока не беретъ. Посему прошу судъ взыскать недополученные 12 рублей и вещи". 1885 года 14 октября судъ произвелъ разсчетъ между Ашмаринъ и Спициной. „Всего Спициной съ Ашмарина слѣдовало получить 29 рублей (25 руб. + стоимость подарковъ), а получено ею 13 рублей; за недоживъ $2\frac{1}{2}$ мѣсяца, какъ время нестрадное, вычесть за каждый 1 руб. 50 коп., итого 3 руб. 75 коп.; еще она должна невѣсткѣ Ашмарина 25 коп., итого забору 17 руб., а остатокъ 12 рублей должна получить съ Ашмарина. Такъ какъ тяжущіеся не помирились, то судъ постановилъ взыскать съ Ашмарина эти 12 рублей въ пользу Спициной".

Подобныхъ приговоровъ мы встрѣчали по нѣсколько въ каждой изъ волостей, и вездѣ мѣсяцъ страды цѣнится однимъ рублемъ выше другихъ мѣсяцевъ.

Изъ другихъ рѣшеній выясняется участъ „приклада“. Если „казачиха“ уходитъ послѣ страды и если выставленыя ею причины ухода судъ признаетъ неуважительными, то она лишается права получить подарки, которые ей не доданы; въ случаѣ же вины хозяевъ, они присуждаются къ принудительной выдачѣ подарковъ, если „казачиха“ ушла отъ нихъ послѣ страды. Иногда же, какъ мы видѣли, стоимость подарковъ присовокупляется къ суммѣ денежнаго вознагражденія, такъ что судебнѣя рѣшенія о „прикладѣ“ бываютъ двухъ родовъ.

Итакъ, разсмотрѣвъ послѣдствія нарушенія договора найма „казачихъ“, видимъ, что единственнымъ взысканіемъ, которому подвергаются хозяева за безпричинное увольненіе „казачихи“ или вынужденіе ея къ уходу, является потеря всѣхъ денегъ, данныхъ впередъ, и принудительная выдача подарковъ, если договоръ нарушенъ послѣ страды. Наоборотъ, неисполненіе договора „казачихою“ влечетъ за собою потерю подарковъ, если она не получила ихъ ранѣе, и возвращеніе хозяевамъ незаслуженной части денегъ. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ судъ какъ бы неохотно дѣлаетъ свое постановленіе; это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ одного изъ рѣшеній: „Судъ постановилъ остатокъ задатка (зabora) возвратить Поповой (хозяйкѣ), потому что она должна понести убытокъ въ виду дорогоизны рабочихъ рукъ во время страды“ ¹⁾.

Никакихъ дѣлъ о взысканіяхъ съ „казачихъ“ за порчу вещей намъ не приходилось наблюдать; точно также не встрѣчали мы, за исключеніемъ одного случая, жалобъ хозяевъ на дерзость или своееволіе „казачихъ“. Единственная жалоба, поданная кр-ой III. въ Посадный Волостной Судъ, заключалась въ томъ, что „казачиха“ нарушаетъ ея семейное счастье и наносить ей оскорблениія. Судъ поста-

¹⁾ Рѣшеніе Посаднаго Вол. Суда 5 авг. 1873 г.

новилъ вывести работницу изъ дома хозяевъ и арестовать ее на трои сутки за оскорблениe хозяинки ¹⁾). До чего благожелательно относятся Волостные Суды къ „казачихамъ“, можно судить изъ слѣдующаго факта. „Казачиха“ дѣвица Залѣзская самовольно ушла отъ кр. Епифанова, который вынужденъ былъ отказаться отъ работы на заводахъ и вернуться домой, такъ какъ въ разгаръ страды трудно было нанять другую работницу. Несомнѣнно, что хозяинъ понесъ существенный ущербъ, но судъ тѣмъ не менѣе ограничился только производствомъ разсчета между тяжущимися ²⁾.

Вообще, при разборѣ дѣлъ въ Волостныхъ Судахъ о нарушеніи договоровъ найма „казачихъ“ проглядываетъ замѣчательное единобразіе рѣшеній, столь несвойственное такимъ несовершеннымъ судилищамъ, какими безспорно являются наши народные суды. Эта устойчивость рѣшеній доказываетъ не что иное, какъ опредѣленность и ясность правовыхъ нормъ, которыми руководствуются суды въ подобныхъ дѣлахъ. Если недостатки законовъ искупаются юридическимъ образованіемъ судей, то несовершенства обычая могутъ пагубно отражаться на разборѣ дѣлъ полуграмотными волостными судьями. Наоборотъ, чѣмъ яснѣе и опредѣлѣнѣе обычай, тѣмъ сильнѣе сковываетъ онъ произволъ судей, устрания ихъ мудрствованія, порождаемыя различными, подчасъ весьма нечестными, мотивами. Единообразіе, наблюдаемое нами при разборѣ дѣлъ о „казачихахъ“ въ разные годы и въ разныхъ волостяхъ, несомнѣнно доказываетъ большую справедливость и менѣе пристрастіе судовъ. Между тѣмъ, гдѣ какъ не въ этихъ дѣлахъ должно было бы сказываться вліяніе мага-рыча! Наймодавцами, по преимуществу, являются люди зажиточные и вліятельные. Однако слѣдующій фактъ прямо указываетъ на то, что ихъ воздействиe на Волостные Суды въ дѣлахъ о „казачихахъ“ разбивается о твердость и опредѣленность правовыхъ нормъ, регулирующихъ этотъ договоръ. Крестьянинъ Л. Р., по профессіи „десятникъ“, и при томъ столбовой ³⁾, человѣкъ, привыкшій къ власти надъ людьми, подалъ жалобу въ Волостной Судъ на свою „казачиху“, которая ушла отъ него самовольно до срока, и просилъ понудить ее дожить у него, согласно условію. Однако требование торговца человѣческой работой, сильного и вліятельного, не нашло себѣ отклика, не могло поколебать вѣками установившихся взглядовъ на свободу личности. Судъ, согласно обычая, произвелъ разсчетъ между тяжущимися и санкционировалъ лишь единственное невыгодное послѣдствіе для „казачихи“ — лишеніе подарочныхъ денегъ, тѣмъ болѣе,

¹⁾ Рѣшеніе Посаднаго Вол. Суда 9 июля 1900 г.

²⁾ Рѣшеніе Кокоринскаго Вол. Суда 1 авг. 1897 г.

³⁾ Столбовыми десятниками въ Онеж. уѣздѣ зовутъ такихъ лицъ, у которыхъ предки промышляли тѣмъ же, чѣмъ и они сами, т. е. подрядами.

что, въ силу условія, она должна была получить ихъ по окончаніі срока ¹⁾.

При возьмемъ другой случай. Кирилловскій Вол. Судъ разбиралъ дѣло „казачихъ“ Агр. Баженовой, которая заявила, что она ушла отъ хозяйки А. Шомонтьевой до срока, получивъ отъ нея всего лишь 1 р. 90 коп., тогда какъ по разсчету ей полагается 3 руб., которая и просить взыскать съ хозяйки. Хотя просительница не представила ни одного свидѣтеля, который могъ бы подтвердить условія найма, но судъ постановилъ по совѣсти взыскать съ Шомонтьевой 1 р. 10 к. ²⁾. Наконецъ, въ этой же главѣ мы приводили случай, когда судъ обязалъ хозяйку отнести недоданныя деньги на домъ „казачихъ“. Несужели все это не свидѣтельствуетъ объ удивительной гуманности, объ удивительномъуваженіи онежскихъ крестьянъ къ личности наемника?

Для того, чтобы еще болѣе оттѣнить договоры о личномъ наймѣ по обычному праву онежанъ, разберемъ, хотя бы вкратцѣ, тѣ контракты, которые заключали „десантники“ съ бурлаками въ 60, 70 и 80-ые годы, руководясь „Общимъ положеніемъ о крестьянахъ“ (глава „Временные правила о наймѣ сельскихъ рабочихъ“). По нѣкоторымъ чертамъ эти контракты схожи съ договорами найма „казачихъ“. Бурлакъ—тотъ же лѣтній работникъ, только нанятый для ухода въ другія губерніи на сплавъ лѣса или на заводы; служилъ у подрядчика примѣрно съ 25 марта по 14 ноября, харчи имѣлъ хозяйскіе, обувь и одежду свою, работа точно не опредѣлялась. Но если вникнуть поглубже въ суть этихъ контрактовъ, заключавшихся на основаніи закона, то сразу почувствуется пропасть, отдѣляющая ихъ отъ неписанныхъ, наивныхъ, патріархальныхъ договоровъ найма „казачихъ“.

„Во все срочное время обязуемся мы, говорится въ одномъ изъ такихъ контрактовъ, быть въ полномъ послушаніи и повиновеніи у Л., и всѣ его приказанія по работе исполнять безъ отговорокъ у его самого или кого онъ прикажеть. Рабочій день имѣть отъ 3 час. утра до 9 ч. вечера (18 часовъ работы!), отдыхъ по назначению подрядчика. За прогулъные и пьянскіе дни штрафъ до 1 руб. 15 коп. въ день, а за время болѣзни—вычетъ по разсчету стоимости дня; за несвоевременную явку—штрафъ 50 коп.; за промотаніе хозяйственныхъ вещей, помимо уплаты убытковъ, тотъ долженъ судиться, какъ воръ, уголовнымъ порядкомъ. Въ случаѣ болѣзни и невозможности возвратить задатокъ—заслужить ³⁾“. Вотъ какія обязательства налагали на себя тѣ изъ онежанъ, которыхъ прельщалъ заработка на чужбинѣ. А если принять во вниманіе, что за нарушеніе контракта полагались розги, столь чуждая съверному быту, то станутъ вполнѣ понятны

1) Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 1 ноября 1881 г.

2) Рѣшеніе Кириллов. Вол. Суда 26 окт. 1875 г.

3) Книга сдѣлокъ и договоровъ Посаднаго Вол. Суда.

онежскія пословицы: „Дома хоть походиши рабой, зато за столъ сядешь госпожей“ и „Осінка¹⁾ горька, зато своя волька“.

II. Договоръ о наймѣ пастуха. Разработкѣ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ договора о наймѣ пастуха, П. С. Ефименко посвятилъ особую монографію, въ которой онъ систематизировалъ весь имѣвшиіся у него подъ руками матеріаль. Отдавая должное почтенному труду П. С. Ефименко, мы все-таки не можемъ не обмолвиться хоть нѣсколькими словами объ этомъ любопытнѣйшемъ видѣ договоровъ, въ силу двухъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, изслѣдованія П. С. Ефименко относятся къ эпохѣ 60-хъ годовъ и, следовательно, имѣютъ болѣе историческое значеніе, нежели значеніе сборника нормъ дѣйствующаго обычнаго права; во-вторыхъ, „Договоръ найма пастуховъ“ имѣть въ виду не только взаимоотношенія пастуха и хозяевъ на сѣверѣ, но и повсемѣстно въ Россіи. Мы же систематизируемъ юридические обычаи одного только уѣзда, о которомъ Ефименко почти не упоминаетъ. Конечно, многое изъ сообщеннаго нами не будетъ носить на себѣ прелести новизны, ибо существуетъ не мало сходныхъ чертъ между юридическими обычаями Онежскаго уѣзда и другихъ мѣстностей сѣвера. Но все же наши изслѣдованія, мы надѣемся, добавятъ хоть нѣсколько лишнихъ штриховъ къ той картинѣ, на которой представлены г. Ефименко взаимоотношенія между пастухомъ и хозяевами. Не наша вина, если эти штрихи окажутся болѣе общебытового, нежели чисто-юридического характера. Въ этомъ повинна сама природа народныхъ юридическихъ обычаевъ, въ которыхъ правовые нормы нерѣдко бываютъ заслонены отъ глазъ наблюдателя сплошной стѣной самаго разнообразнаго этнографическаго материала.

Соответственно тремъ видамъ животныхъ, имѣющихся у онежанъ, пастухи бываютъ трехъ категорій: 1) собственно пастухъ (для крупнаго рогатаго скота), 2) лошадинный пастухъ и 3) овечій пастухъ.

Въ отношеніи пастыбы лошадей не мѣшаетъ замѣтить, что ихъ нерѣдко отпускаютъ въ лѣсъ безъ всякаго присмотра. Умныя животныя въ теченіе трехъ—четырехъ дней и даже цѣлой недѣли пасутся на подножномъ корму за 5—10 верстъ отъ двора. Особый конскій пастухъ назначается только въ большихъ деревняхъ, и вся его обязанность сводится къ тому, чтобы прогнать лошадей въ лѣсъ, коль скоро онъ появится подлѣ деревни. Несложнымъ обязанностямъ соответствуетъ мизерное вознагражденіе, что-то въ родѣ 10 коп. съ лошади въ лѣто.

Овцы и телята чаще всего выгоняются въ „тѣлетникъ“ (испорченное слово телятникъ). Подъ этимъ названіемъ разумѣется огороженная лужайка, на которой растетъ плохая трава; таковы, напр., высокіе

¹⁾ Осиновая кора, которую їдятъ въ голодные годы.

берега рѣчекъ, пригорки и т. п. Въ большихъ же деревняхъ нерѣдко нанимаютъ особаго овечьяго пастуха, чаше всего мальчугана лѣтъ 12—15, и платить ему также копеекъ десять съ овцы. Вся обязанность подобнаго пастуха заключается въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы животныя не выбѣжали изъ „телефоника“ и не произвели потравы.

Что касается личности нанимателя, то таковою является совокупность крестьянъ одной деревни или нѣсколькихъ мелкихъ деревень, смежныхъ между собою. Въ пастухи же нанимаются лица безъ различія пола и возраста, но преимущественно мужчины и не моложе 12—15 лѣтъ. Несовершеннолѣтіе не служить препятствіемъ къ занятію должности пастуха, какъ это прямо сказано въ одномъ изъ судебныхъ решеній¹⁾. Выборы пастуховъ происходятъ зимою на сходкахъ. Малыя смежныя деревушки выбираютъ общаго пастуха, преимущественно изъ подростковъ, причемъ иногда руководствуются не столько личностью избираемаго, сколько его семейнымъ положеніемъ, стараясь дать заработокъ кому-либо изъ бѣдныхъ семействъ. Въ большихъ деревняхъ на это дѣло смотрятъ посерѣзнѣе: тамъ стараются найти взрослаго искуснаго пастуха. Не смущаются нанимать и чужака; въ особенности цѣнятся шенкуряне, специалисты-пастухи, изредка приходящіе сюда на лѣтніе заработки.

Въ рядѣ усавливается только относительно срока найма, платы и количества „литокъ“. Остальнаяя условія сами собой подразумѣваются. Изъ вышеприведеной жалобы пастуха (см. стр. 234) на нарушение ряды крестьянами мы видимъ ясно опредѣленный конечный моментъ пастьбы, а именно 14 сентября, начало же пастьбы, конечно, не можетъ быть опредѣлено при заключеніи ряды точной датой, такъ какъ оно находится въ зависимости отъ климатическихъ условій. Общая формула, опредѣляющая начало пастьбы и составляющая естественное условіе ряды, заключается въ словахъ: „какъ только вода уйдетъ изъ наволоковъ“, т. е. когда разлившаяся рѣчнай вода возвратится въ свое русло²⁾.

Вознагражденіе пастухамъ слагается изъ двухъ видовъ: денежной платы и продуктовъ сельскаго хозяйства натурой. Естественно, немаловажную роль при назначеніи платы играетъ какъ личность нанимаемаго, такъ и мѣстная условія. Развитіе бурлачества также отразилось на платѣ пастухамъ. Въ 1882 г. въ деревнѣ Пертемѣ, какъ мы

1) Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 3 ноября 1879 г.

2) Не мѣшаетъ замѣтить, что осенью, по окончаніи пастухомъ своей службы у общества, скотъ еще продолжаетъ пастьбы, но уже подъ наблюденіемъ крестьянской лѣтворы. Пастухъ же несетъ свои обязанности до тѣхъ поръ, пока скотъ гоняется на пастбища общаго пользованія, именно лѣса и наволоки. Осеню же каждый пасеть скотъ на той изъ своихъ поженъ, на которой, по его мнѣнію, выросла лучшая „отава“ (вторая трава). Конечно, при такихъ условіяхъ дѣятельность пастуха становится немыслимой.

видѣли изъ жалобы пастуха на крестьянъ, плата составляла 45 коп. съ коровы, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что эта деревня сравнительно большая и къ выборамъ пастуха относятся серьезно, стараясь нанять взрослого, опытного мужчина. Теперь же, черезъ 30 лѣтъ, въ той же Пертемѣ платить съ коровы 70 коп. деньгами, да кромѣ того, по самой скромной оцѣнкѣ, копеекъ на 15—20 различныхъ принасновъ.

Чтобы судить о вліяніи мѣстныхъ условій на вознагражденіе пастухамъ, мы приведемъ для примѣра ту плату, которую получали пастухи за лѣто 1912 года въ разныхъ мѣстахъ Онеж. уѣзда. Въ с. Шелексѣ, наиболѣе глухой лѣсной мѣстности, пастуху платить по 1 р. 20 коп. съ коровы; въ Беричевскомъ приходѣ, лежащемъ среди лѣсистыхъ горъ, пастухъ получаетъ 1 р. 50 к. Въ мѣстностяхъ же болѣе культурныхъ, гдѣ поступательное движеніе колонизаціи привлекло опустошеніе лѣсовъ, плата пастуху не превышаетъ 70—80 коп.

Другой видъ вознагражденія, натуральный, заключается, главнымъ образомъ, въ сборѣ масла, хлѣба и шанегъ¹⁾. Въ рядѣ обыкновенно договариваются только относительно количества масла. За единицу измѣренія принимается „пѣхтусъ“, такой комъ масла, который умѣстится между пригоршнями, если ихъ сложить шарообразно. Вѣсъ „пѣхтуса“ не превышаетъ 1—1½ фунта. Иногда, во избѣженіе недоразумѣній, весьма возможныхъ въ виду неточной опредѣлности единицы измѣренія, стоимость масла переводить на деньги, которые уплачиваются пастухамъ. Такъ, въ деревняхъ Беричевского прихода вмѣсто масла пастухъ получаетъ 10 коп. съ коровы. Но даже и безъ особаго, заранѣе установленного условія, пастухи охотно берутъ деньги вмѣсто масла, такъ какъ этимъ они избавляются отъ необходимости отыскивать сбыть полученному продукту.

Плату, какъ денежную, такъ и натуральную, пастухи получаютъ въ нѣсколько приемовъ. Деньги обыкновенно уплачиваются въ 3 срока: при рукобитьѣ, въ Петровъ день и по окончаніи найма. Масло собирается преимущественно въ Петровъ день, а хлѣбъ въ тотъ же праздникъ и, кромѣ того, по окончаніи пастѣбы. Сборъ, совершаемый 29 іюня или около этого времени, называется „петровицой“, а сборъ по окончаніи пастѣбы—„осенющіи“ или „отпасно“. Количество хлѣба и шанегъ, получаемыхъ при этихъ сборахъ, доходитъ до 3 фунтовъ за каждую корову.

Естественные условія ряды касаются довольствія, одежды, обязанностей и отвѣтственности за гибель скота.

Способъ довольствія не характеренъ, такъ какъ онъ практикуется аналогично во многихъ другихъ мѣстахъ, кромѣ Онежского уѣзда. Этотъ способъ состоитъ въ томъ, что пастухъ „ѣсть“, т. е. довольствуется

1) Шаньгѣ—лепешка изъ житной муки, покрываемая сверху сметаной, картошкой, пшеномъ и т. п.

поочередно у крестьянъ,—по одному или по два, по три дня подрядъ въ одномъ семействѣ, въ зависимости отъ количества скота. Но, если мы обратимся теперь къ роду довольствія, то тутъ скажется особенность, характерная для мѣстнаго быта. Первую „выть“ (ѣду) пастухъ получаетъ въ очередномъ домѣ передъ уходомъ на пастбище (въ серединѣ лѣта—около 2—3 часовъ ночи). Къ этому времени хозяинки стараются напечь самыхъ вкусныхъ кушаний, какъ-то горячихъ блиновъ, шанегъ, аладій и т. п. Пастухъ въ волю ѿстъ, пьетъ и забирается себѣ провизіи цѣлый „пестеръ“ (кошель изъ бересты), причемъ этого забраннаго провіанта хватаетъ ему для прокормленія цѣлой семьи. Вечеромъ, пригнавъ скотъ, онъ опять идетъ въ очередной домъ, гдѣ получаетъ обильный ужинъ.

Человѣколовіе и мягкосердечіе, вполнѣ уживающееся съ замкнутостью и видимой непривѣтливостью сѣверянина, кажется, нигдѣ не проявляется такъ, какъ въ отношеніяхъ къ пастухамъ. До чего доходитъ вниманіе хозяевъ къ пастухамъ, видно изъ того, что очередная ѿда пастуха въ какомъ-либо домѣ есть цѣлое событие. Готовятся къ этому дню, точно къ большому празднику ¹⁾). Если пастухъ рачителенъ къ своимъ обязанностямъ, то въ видѣ чрезвычайной награды онъ иногда получаетъ къ ужину сотку или сороковку водки (Пертема).

Въ иѣкоторыхъ мѣстахъ Онежскаго уѣзда, напр. въ деревняхъ Беричевскаго прихода, пастухъ получаетъ верхнюю одежду изъ того дома, въ которомъ „юстъ“. Но въ большинствѣ мѣстностей одежда и обувь у него бываетъ своя.

Рассмотримъ теперь права пастуха. Въ этомъ отношеніи можно замѣтить не мало такихъ особенностей, которыя присущи только быту онежанъ.

Прежде всего, пастухъ имѣетъ полное право на неприкосновенность личности, особа его окружается почти священнымъ ореоломъ. Важныя обязанности и суевѣрный страхъ содѣйствуютъ возникновенію этихъ правъ пастуха. И не только нравственный характеръ носять эти нормы,—онъ находить защиту во виѣшнемъ авторитетѣ, и слѣдовательно вполнѣ подходитъ подъ понятіе юридическихъ нормъ. Доказательствомъ этому служитъ любопытное рѣшеніе Савинскаго Вол. Суда. Пастухъ произвелъ страшное буйство, за которое, при случайнѣ, не постыснялись бы примѣнить розги, весьма рѣдкое наказаніе въ здѣшнемъ краѣ. Однако, въ отношеніи пастуха суды ограничились только тѣмъ, что присудили его къ краткосрочному аресту, но при этомъ постановили отложить исполненіе приговора до осени, когда виновный будетъ освобожденъ отъ своихъ обязанностей ²⁾.

¹⁾ Объ угощеніяхъ пастуха см. жур. „Ізвѣстія Арх. Общ. Изуч. Рус. Сѣвера“, 1910 г., № 24, статья Богданова: „Домашняя жизнь, нравы и иѣкоторые обычаи поморовъ“.

²⁾ Рѣшеніе Савинскаго Вол. Суда 4 июля 1882 г.

Далѣе, никто не имѣеть права оскорбить пастуха. Если малыя ребятишки позволять какую-либо неприличную выходку въ отношеніи его личности, онъ можетъ, не опасаясь отвѣтственности, пороть ихъ „вицей“ (прутомъ). Ни одна чадолюбивая мать никогда не заступится за своихъ дѣтей, видя, какъ пастухъ наказываетъ ихъ за проступки въ отношеніи его личности.

По словамъ корреспондента изъ Онежскаго уѣзда въ газету „Сѣверное Утро“ (см. № 132, за 1912 г.), „передъ пастухомъ никто не имѣеть права показываться съ голыми ногами, и онъ имѣеть право отлупить всякаго по босымъ ногамъ своимъ батогомъ“ ¹⁾). Даже всѣ вещи пастуха получаютъ священный характеръ: нельзя дотронуться до его одежды, „пестеря“, трубы и батога.

Второе право пастуха, охраняемое не столько юридическими нормами, сколько нравственными императивами, состоить въ требованіи отъ нанимателей исполненія всѣхъ запретовъ (такъ наз. „отпусковъ“), налагаемыхъ имъ на крестьянъ. Эти запреты бываютъ довольно невиннаго свойства, напр., не ломать вереску, не разорять птичихъ гнѣздъ и т. п. Съ течениемъ времени, въ особенности, если одинъ и тотъ же запретъ повторяется часто, онъ переходитъ въ суевѣрный обычай.

Нечего и говорить, что происхожденіе „отпусковъ“ вызывается практическими соображеніями пастуховъ. Для того, чтобы во всякое время снять съ себя нравственную отвѣтственность за гибель скота, при наличіи запретовъ они могутъ ссылаться на то, что скотина погибла, по всей вѣроятности, изъ-за ненадлежащаго соблюденія кѣмъ-либо изъ крестьянъ установленного запрета.

Обставляя суевѣріями пастьбу скота, внушая къ себѣ уваженіе и и боязнь, пастухи склонны притязать на безсмѣнность въ теченіе лѣта. Но претвореніе этого притязанія пастуховъ въ право едва ли когда-нибудь можетъ осуществиться; въ данное же время охрана этого узурпированного пастухами права крайне проблематична, такъ какъ въ договорахъ личнаго найма стороны остаются вполнѣ свободными во всякое время отступить отъ обязательства, не опасаясь какихъ-либо серьезныхъ невыгодныхъ послѣдствій. Поэтому, случан отказа пастухамъ до срока, хотя и весьма рѣдко, но наблюдаются, и результаты ихъ таковы же, какъ это мы видѣли, разсмотривая нарушеніе договоровъ о наймѣ „казачихъ“. Но если нарушеніе ряды съ пастухомъ не влечетъ никакихъ серьезныхъ послѣдствій материальнаго характера, то суевѣрная боязнь возмездія свыше ложится всей своей тяжестью на душу нарушителей договора и является однимъ изъ побужденій воздерживаться отъ досрочнаго отказа пастуху.

Можно усмотрѣть еще одно право пастуховъ, охраняемое въ

¹⁾ См. газету „Сѣверное Утро“, 1912 г., № 132, корреспонд. „Онежскіе обычаи“, Ваг.

наше время исключительно ви́шнимъ авторитетомъ, въ лицъ общественного мнѣнія. Сущность его состоять въ томъ, что пастухъ можетъ воспрещать продажу или убой скота во время пастьбы.

Наконецъ, пастуху не возбраняется напинать на свой счетъ подпасковъ и возлагать на нихъ всѣ свои обязанности, оставляя за собою только общее наблюденіе за ихъ дѣятельностью. Такимъ образомъ, пастухъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ выступать въ роли подрядчика. И, дѣйствительно, намъ неоднократно приходилось слышать такие отзывы о пастухѣ:

— Нашъ пастухъ, какъ десятникъ: самъ только командуетъ, а дѣло дѣлаютъ подпаски.

Обязанности, лежащія на пастухахъ, въ свою очередь имѣютъ двойственную природу. Однѣ изъ нихъ проис текаютъ изъ вполнѣ осмысленного источника, другія—изъ суевѣрій. Къ числу первыхъ относится обязанность пастуха передъ выгономъ скота пройти по деревнѣ и протрубить иѣсколько разъ. Ему не вмѣняется въ обязанность ждать того момента, когда въ „улицѣ“¹⁾ сберается весь скотъ. Поэтому, если кто-либо запаздываетъ выгнать корову въ „улицу“, то такому домохозяину не остается ничего другого, какъ догонять стало, хотя бы вплоть до самаго пастбища. Самая пастьба скота—дѣло несложное и нетяжелое, тѣмъ болѣе, что у пастуха, помимо наемныхъ подпасковъ, являются добровольные помощники въ лицѣ деревенскихъ ребятишекъ, находящихъ особую прелестъ въ идиллической жизни среди лѣсныхъ дебрей. Главная обязанность пастуха во время пастьбы состоить въ наблюденіи за безопасностью стада. Но, конечно, одинъ пастухъ, тѣмъ болѣе малолѣтній, безсиленъ бороться съ нападеніемъ такихъ хищниковъ, каковы, напр. медвѣди. Поэтому, единственное вѣрное средство для предохраненія стада отъ хищниковъ, это—возбужденіе тревоги, какъ только удается замѣтить приближеніе звѣря. Если деревня невдалекѣ, то тревога поднимается своевременно, и кровожадные хищники встрѣчаются неожиданный отпоръ.

Далѣе, пастухъ обязанъ слѣдить за тѣмъ, чтобы скотъ не разбродился по лѣсу и не засѣдалъ въ топяхъ и при переправахъ че резъ ручьи. Но ему не вмѣняется въ вину, если онъ пригонить изъ лѣсу не все стадо. Въ тѣхъ случаяхъ, когда стадо невелико, и пастухъ имѣть возможность замѣтить, чья корова отсутствуетъ, то онъ сообщаетъ хозяевамъ о пропажѣ скотины. Въ большинствѣ же случаевъ сами хозяева замѣчаютъ отсутствіе своихъ животныхъ и отправляются на поиски ихъ.

Что же касается тѣхъ велѣній, которыя проис текаютъ изъ суевѣрій и которыя обязательны для пастуха, то они аналогичны тѣмъ

¹⁾ Улица—обгороженная дорога, идущая вдоль деревни, по направленію къ лѣсу.

запретамъ, которыя налагаются пастухами на крестьянъ. Какъ особы съ чрезвычайнымъ положенiemъ, пастухъ подвергается извѣстнымъ ограничениямъ, приблизительно такимъ же, какія налагались на древнихъ пророковъ. Такъ, онъ не долженъ стричь волосъ и ногтей. Далѣе, въ иныхъ мѣстахъ пастуху запрещается ломать жерди отъ изгородей и самолично открывать ворота. Въ основѣ обоихъ этихъ запретовъ лежать практическія соображенія. Запрещеніе пастуху ломать жерди отъ изгороди проистекаетъ изъ весьма естественнаго стремленія крестьянъ предохранить свое имущество, такъ какъ для пастуха, гораздо чаще чѣмъ для кого-либо другого, представляется соблазнъ къ этимъ дѣяніямъ, влекущимъ за собой порчу изгородей. Наоборотъ, запрещеніе пастуху открывать самолично ворота проистекаетъ изъ стремленія пастуховъ облегчить себѣ трудъ, тѣмъ болѣе, что количество воротъ, устраиваемыхъ въ изгородяхъ, бываетъ довольно значительно на протяженіи деревни.

Какъ видимъ отсюда, пастухъ и его контрагенты конкурируютъ другъ съ другомъ въ изобрѣтеніи запретительныхъ нормъ, налагаемыхъ на противную сторону съ цѣлью охранить собственный интересъ.

Обратимся къ вопросу обѣ отвѣтственности пастуховъ. По общему правилу, за гибель скотины пастухи не отвѣчаютъ; причиной этому служать мѣстныя условія—дикія лѣса, болота, множество хищниковъ. Точно также не вмѣняются въ вину пастухамъ потравы, произведенныя скотомъ. Всѣ здѣшнія пашни и поля обносятся изгородями; посему здѣсь существуетъ точный и неоспоримый обычай, устанавливающій отвѣтственность за потраву не владѣльцевъ скота, а владѣльцевъ изгороди, черезъ которую скотъ забрался въ поле. Наличіе пастуха при стадѣ судъ признаетъ лишь за обстоятельство, препятствующее полной безнаказанности владѣльцевъ скота. Разсмотримъ, напр., слѣдующій судебнѣй казусъ. Скотъ крестьянъ д. Колосова произвелъ потраву у крестьянъ сосѣдней деревни. Потерпѣвшіе, ссылаясь на наличіе пастуха при скотѣ, во что бы то ни стало хотѣли добиться вознагражденія за причиненный вредъ. Судъ призналъ, что потерпѣвшіе сами повинны въ плохомъ состояніи своихъ изгородей и, слѣдовательно, въ произведенной потравѣ. Но такъ какъ скотъ колосовианъ имѣлъ пастуха, то судъ постановилъ взыскать съ нихъ половину стоимости истребленаго сѣна ¹⁾.

Такое рѣшеніе вызвано ничѣмъ инымъ, какъ возмущеніемъ суда противъ небрежности пастуха. Но, не считая себя въ правѣ возложить на него отвѣтственность и возлагая таковую на владѣльцевъ скота, судъ, разумѣется, постановилъ это рѣшеніе съ тою цѣлью, чтобы вызвать нѣкоторыя репрессивныя мѣры со стороны скотовладѣльцевъ въ отношеніи своего наемника. Освобождая пастуха отъ

1) Рѣшеніе Посаднаго Вол. Суда 3 ноября 1879 г.

юридической ответственности, судъ перенесъ на него, хотя и косвеннымъ образомъ, нѣкоторую долю нравственной ответственности.

Но другое дѣло, если пастухъ умышленно впустить скотъ въ поле, и потрава произойдетъ по его прямой винѣ. Въ этихъ случаяхъ онъ отвѣчаетъ на общемъ основаніи за истребленіе чужого имущества ¹⁾.

Имѣя весьма несложный кругъ обязанностей, безответственный и хорошо обезпеченный, онежскій пастухъ можетъ не только чувствовать себя бариномъ, но и безнаказанно злоупотреблять своими обязанностями. И дѣйствительно, добросовѣстное отношеніе къ дѣлу со стороны пастуха въ наше время составляетъ рѣдкое явленіе. Главный корень зла таится въ тѣхъ безчисленныхъ сувѣріяхъ, съ которыми сопряжена пастьба животныхъ въ лѣсу. Нерѣдко, ссылаясь на хорошій „отпускъ“, пастухъ не считаетъ нужнымъ даже ходить въ лѣсъ.

А между тѣмъ материальное положеніе пастуха отнюдь не такъ плохо. Если принять за среднюю плату 80 коп. съ головы, то пастухъ, имѣющій стадо въ 100 головъ, зарабатываетъ въ четыре лѣтнихъ мѣсяца 80 руб. деньгами, не говоря уже о томъ, что отъ продажи масла и хлѣба онъ можетъ выручить до 15 рублей. При этомъ надо не упускать изъ виду того, что пастухъ зарабатываетъ эту сумму, никуда не уходя изъ своего уѣзда, ничего не затрачивая на дорогу и довольствуясь наготово, причемъ получаемой отъ хозяевъ пищи хватаетъ на прокормленіе всей его семьи, если она живетъ при немъ. Сличивъ этотъ заработокъ съ заработкомъ бурлаковъ, отправляющихся иногда за 1000 верстъ ²⁾ на тридцатирублевое мѣсячное жалованье, не трудно замѣтить, что обезпеченіе онежскихъ пастуховъ весьма и весьма прилично.

Но возникаетъ вопросъ, почему же мало желающихъ итти въ пастухи, почему предпочитаютъ ходить на чужбину, когда дома есть заработокъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ можно весьма просто: бурлакчество, сдѣлавшееся въ наше время стихійнымъ явленіемъ, развилось тогда, когда не было особой материальной выгоды итти въ пастухи, ибо предложеніе превышало спросъ. Теперь же, вкусиивъ плоды городской культуры, онежане, естественно, избѣгаютъ такого труда, какъ пастушій, протекающій среди безжизненныхъ лѣсовъ, въ уединенной обстановкѣ. Теперьшняго онежскаго шаря тянетъ въ городъ, ибо тамъ веселѣе, ибо, по мѣстнымъ воззрѣніямъ, тутъ не

1) Рѣшеніе Посаднаго Вол. Суда 16 августа 1895 г.

2) Онежанъ можно встрѣтить на лѣсопильныхъ заводахъ въ г. Онегѣ, Архангельскѣ, въ Олонецкой губ., Костромѣ, Старой Руссѣ, Псковѣ; значительное количество ихъ служить въ С.-Петербургѣ въ Новомъ Порту, при экспортѣ лѣса заграницу.

женихъ, кто не бурлакъ, тому нѣть почета, кто не бывалъ на чужой сторонѣ. И никто уже не считается со старицкой поговоркой, которая гласитъ: „Батюшка Питеръ поитъ и кормитъ, да и нагихъ водитъ“.

IV.

П о д р я д ъ.

Изслѣдователю народной жизни приходится потратить не мало труда, чтобы уловить хоть одинъ такой признакъ, который возводилъ бы подрядъ по обычному праву въ самостоятельный видъ обязательствъ. Нѣкоторые теоретики-цивилисты, какъ напр. Мейеръ, считаютъ наиболѣе характернымъ для подряда тѣ послѣдствія, которыя порождаются этимъ договоромъ, а именно—рядъ послѣдующихъ договоровъ личного найма между подрядчикомъ и рабочими, фактическими исполнителями условленной работы ¹⁾. Цѣйствительно, въ общежитіи подъ подрядчикомъ разумѣются поставщика чужой рабочей силы, которую онъ долженъ пріобрѣсти прежде ея примѣненія. При несложности деревенского быта нерѣдко само лицо, именуемое подрядчикомъ, лично выполняетъ всю условленную работу, и этимъ окончательно сливаетъ себя съ наемникомъ. Но самое существованіе слова „подрядъ“ должно свидѣтельствовать о томъ, что въ народномъ сознаніи имѣется какая-то, болѣе или менѣе опредѣленная, разница между личнымъ наймомъ и подрядомъ.

Въ Онежскомъ уѣздѣ слово „подрядъ“ въ большомъ ходу, и примѣняется оно къ обязательствамъ опредѣленного рода. Слѣдуетъ различать подряды двоякаго сорта: одни—порожденіе болѣе поздняго времени, создавшіеся подъ вліяніемъ закона и имѣющіе общественный или промышленный характеръ, таковы—исправление дорогъ, вырубка лѣса, вывозка бревенъ отъ мѣста порубокъ до сплавныхъ рѣчекъ и т. д.; другіе суть наслѣдіе глубокой старинны, покоятся на нормахъ обычного права и имѣютъ чисто мѣстное хозяйственное значеніе. Къ числу ихъ относится постройка дома, производство сельскихъ работъ, перевозка тяжестей по грунтовымъ дорогамъ и т. д.; на нихъ-то мы и будемъ обращать главное вниманіе.

При тщательномъ изученіи мѣстной жизни можно сказать, что характерный для подряда признакъ, указываемый Мейеромъ, здѣсь не имѣть мѣста, ибо, если характеризовать подрядъ послѣдующими договорами подрядчика съ рабочими, то одинъ и тотъ же договоръ придется признавать въ одномъ случаѣ подрядомъ, въ другомъ случаѣ—личнымъ наймомъ. Все зависитъ отъ того, будетъ ли лицо, обязавшееся оказать другому известную услугу, пользоваться наем-

1) См. Русское Граждан. Право Д. И. Мейера, изд. 1902 г., стр. 572.

ной силой. Слѣдовательно, существуетъ какой-нибудь другой признакъ для отличія подряда отъ личнаго найма.

Въ то время, какъ наемникъ становится при выполненіи работы лицомъ къ лицу съ хозяиномъ, такъ что здѣсь главную роль играютъ отношенія личныя, при подрядѣ на первый планъ выступаетъ работа, какъ таковая, безотносительно къ тому, кто ее совершилъ. При наймѣ хозяинъ знаетъ только наемника и имѣеть въ виду только его работу; при подрядѣ хозяину безразлично, кто исполнитъ работу, лишь бы она была совершена. Поэтому и характерныи признакомъ для подряда, по мѣстному праву, будетъ выполненіе работы, но своими или чужими силами, безразлично. Съ этой точки зреянія, онежскій пастухъ будетъ подрядчикомъ, ибо онъ можетъ нанять подпасковъ и свою собственную работу свести лишь къ наблюденію за ними. И дѣйствительно, какъ уже упоминалось, мѣстнаго пастуха крестьяне иногда приравниваютъ къ десятнику. Какъ бы ни было въ глаза такое наименование пастуха, какъ бы ни казалось оно курьезомъ съ фактической стороны, но юридическая сущность дѣла отъ этого нисколько не меняется.

То же самое слѣдуетъ сказать и про „казакъ“, т. е. такого наемника, которому поручается вся тяжелая полевая работа. Хозяинъ не интересуется, кто выполнитъ эту работу, самъ ли „казакъ“, члены ли его семьи или его ставленники; иногда хозяинъ даже знать этого не можетъ, находясь долгіе годы на заводахъ. И поэтому „казакъ“ также будетъ подрядчикомъ, доказательствомъ чему служить мѣстное выраженіе „сдать работу на подрядъ «казаку», „сдать такому-то на подрядъ пашню или косью“.

Но другое дѣло „казачихи“. При наймѣ ея, хозяинъ имѣеть въ виду, главнымъ образомъ, человѣка съ его особыми качествами. Работа „казачихи“ точно не опредѣляется, и поэтому не она, а личность наемницы выступаетъ на первый планъ. Посему здѣсь будетъ наемъ.

Или возьмемъ, напр., поденщицу. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы работу выполнила не сама нанятая: заключая съ ней договоръ, хозяинъ имѣеть въ виду, что тѣ деньги, которыя онъ обязуется заплатить, возмѣстятся ея, именно ея, работою. Если же поденщица вмѣсто себя поставить другого работника, то этотъ послѣдній можетъ быть настолько мало работоспособенъ, что не оправдается и половины условленной платы. Нанимая поденщицу, хозяинъ разсматриваетъ ее, какъ опредѣленную рабочую силу, и оцѣниваетъ ее, въ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей, какъ-то пола, возраста, здоровья и т. д. Другими словами, личность здѣсь выступаетъ на первый планъ, и мы будемъ видѣть передъ собою личный наемъ.

При разборѣ тѣхъ юридическихъ отношеній, которыхъ возникаютъ изъ договора личнаго найма, пастуха, „казака“, перевозчика мы считали простыми наемниками, а не подрядчиками. Причина этому та,

что названныя лица въ большинствѣ случаевъ единолично выполняютъ всю условленную работу и почти ничѣмъ не отличаются отъ простыхъ наемниковъ. Но такъ какъ они имѣютъ право передать выполнение даже всей условленной работы, конечно, за своею отвѣтственностью другимъ лицамъ, простые же наемники этимъ правомъ не пользуются, то между пастухомъ, „казакомъ“, перевозчикомъ съ одной стороны и „казачихой“ и поденщицей съ другой существуетъ довольно опредѣленная юридическая разница.

Оставляя въ сторонѣ договоры о наймѣ лицъ первой категоріи, хотя по существу это договоры о подрядѣ, обратимся къ разбору тѣхъ договоровъ, которые именуются, главнымъ образомъ, подрядами.

Они заключаются въ письменной и устной формахъ, условія ряды опредѣляются возможно точнѣе, и то, что не упоминается въ рядѣ, само собой не подразумѣвается. Срокъ работъ назначается не всегда, а если и назначается, то въ самыхъ общихъ чертахъ, напр., „построить домъ до зимы“, „загородить «огороды» (изгороди) до выгона скота въ «наволоки»“, и т. п.

Обезпеченія договоровъ также не существуетъ никакого, если не считать надежды на добродѣйность и честность подрядчика; но это уже выходитъ изъ области юридическихъ понятій. Когда мы спросили одного престарѣлого крестьянина, какъ поступаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда подрядчикъ не выполнитъ условленной работы, то онъ отвѣчалъ, что подобныхъ случаевъ неисполненія работы къ сроку ему не пришлось наблюдать ни одного разу за всю свою долгую жизнь.

Слѣдующее условіе ряды касается вознагражденія. Такъ какъ въ Онежскомъ уѣздѣ подрядчиками являются свои сосѣди, въ большинствѣ случаевъ не обладающіе никакимъ капиталомъ¹⁾, то уплата денегъ производится не въ одинъ срокъ, а частями, причемъ сначала дается задатокъ, значительная доля котораго прописывается при заключеніи ряды (богомолье и рукобитье). При постройкѣ дома, напр., плата подрядчику производится въ три приема: часть денегъ дается въ видѣ задатка, слѣдующая дача—по возведенію фундамента и, наконецъ, остатки уплачиваются по окончаніи работы.

Другія условія ряды зависятъ отъ вида подряда и развиваются болѣе или менѣе подробно.

Особенностю договора о постройкѣ дома являются условія относительно трехъ традиціонныхъ выпивокъ для рабочихъ, которыхъ носятъ слѣдующія названія: 1) „окладнѣ“ (выпивка при закладкѣ), 2) „мостовѣ“ или „бѣлочно“ (выпивка при наведеніи пола или стро-

1) Подрядчиковъ, про которыхъ мы сейчашь говоримъ, слѣдуетъ отличать отъ „десятниковъ“: послѣдніе промышляютъ по сплавамъ лѣсовъ, большую частью въ другихъ мѣстахъ сѣвера; они набираютъ въ Онеж. уѣздѣ артели и уводятъ ихъ на сплавы.

пиль), 3) „князево“ (выпивка при наведеніи крыши). Печнику полагается особое угощеніе—„дымово“ . Если внутреннюю отдельку производить тотъ-же самый подрядчикъ, который возводить срубъ, то въ рядѣ уставливаются относительно особой выпивки для рабочихъ, имеющей „отработно“.

Всѣ вышеперечисленныя попойки не есть простое угощеніе, соответствующее дачѣ „на чай“; онъ имѣютъ юридическое значеніе, такъ какъ относительно ихъ въ рядѣ существуетъ особое условіе, на чай счетъ онъ должны быть отнесены, па счетъ ли подрядчика или домохозяина.

Старики, наблюдая вырожденіе прежнихъ обычаевъ, съ сожалѣніемъ отмѣчаютъ, что изъ всего наслѣдія прошлаго наиболѣе незыблемо сохраняются до сего времени именно эти вредные обычанія. Они до того вошли въ плоть и кровь онежанъ, что ни одинъ хозяинъ, строющій домъ самостоятельно, безъ подрядчика, никогда не рискнетъ отказать въ этихъ выпивкахъ своимъ рабочимъ ¹⁾.

1) Эти выпивки, обычныя при постройкѣ дома, очевидно, практикуются во всей Архангельской губ., какъ это видно изъ слѣдующей замѣтки, напечатанной въ газетѣ „Сѣверное Утро“, въ апрѣлѣ 1913 года:

О биженныя рабочіе.

Работая въ газетѣ, иногда приходится наталкиваться на смѣшныя исторіи. Одну изъ такихъ исторій я рѣшилъ вамъ описать.

4 апрѣля, по дорогѣ изъ редакціи „Сѣв. Утра“, меня встрѣтила партія рабочихъ. Молодой рабочій, знакомый мнѣ, выдѣлился изъ партіи и подойдя ко мнѣ обратился:

— Намъ васъ то, господинъ, и надо... Пропечатайтѣ, пожалуйста... Видители, нась работаетъ артель въ зо человѣкъ. Строимъ вотъ тутъ по Петербургскому пр., домъ г. М—ву. Постройку оканчиваемъ и дошли уже „до балочныхъ“. Вы, конечно, знаете, что съ закладкой балокъ, т. е. строилъ, испоконъ вѣковъ, по установленвшемуся въ Архангельскѣ обычаю, отъ хозяина дома полагается угощеніе. М—въ обѣщалъ намъ „выставить“ угощеніе, но дальше обѣщанного дѣло не идетъ... Три раза ходили и просили, а онъ только завтраками кормить. А вѣдь скоро домъ закончимъ и тогда нужно „съ окончаніемъ“...

Я полюбопытствовалъ:

— А сколько вы считаете „балочныхъ“.

— Сущіе пустяки:—только $1/2$ ведра водки на всю артель!—Ну, а ежели онъ намъ не „выставить“, мы по двугривенному-то выдали: сдѣлаемъ складчину и выпьемъ за его здоровье... Конечно, понимаете, что не въ такой пустяковой водкѣ дѣло, а не хотимъ портить обычая нашихъ дѣдовъ. Такъ ужъ, пожалуйста, еще разъ просимъ васъ, господинъ, пропечатайтѣ!..

И рабочій крѣпко пожалъ мнѣ руку.

V.

Артельное начало въ быту онежанъ.

Великая идея солидарности испоконъ вѣка была присуща сознанию всего русского народа. Но особенно величественное выражение получила она на сѣверѣ, гдѣ воспитанный въ древней волѣ народѣ долгое время пользовался довольно широкимъ самоуправлениемъ. Заброшенные въ лѣсныя дебри, вдали отъ центральной правительственной власти, потомки древнихъ новгородцевъ по необходимости должны были крѣпко держаться другъ друга, чтобы не распылиться среди финскихъ племенъ и чтобы съ успѣхомъ отражать нападенія сѣверныхъ нѣмцевъ. Общинная форма землевладѣнія также содѣйствовала виѣдренію въ сознаніе сѣверянъ духа товарищества, артельного, компанейского начала.

Посмотримъ, въ какихъ формахъ сохранилось это наслѣдіе сѣдой старины до нашего времени. Внѣшнимъ выражениемъ товарищескаго духа онежанъ служить, прежде всего, взаимное привѣтствіе при встрѣчѣ. Трудящійся въ полѣ всегда услышитъ отъ прохожихъ „Богъ на помочь“, приходящій въ избу, кто бы онъ ни былъ, услышитъ приглашеніе „Приходи да садись“! Бурлакъ, возвратясь на родину, долженъ надѣлить гостинцами всѣхъ ребятишекъ, приходящихъ поздравить его съ прибытіемъ. Но наиболѣе рельефно товарищеское начало проявляется въ такъ называемыхъ „выжанкахъ“, во взаимопомощи при окончаніи жатвы. Единственнымъ вознагражденіемъ лицъ, явившихся на „выжанку“, служить угощеніе. Приглашеніе на „выжанку“ чаще всего носить характеръ объявленія о ней, т. е. заранѣе оповѣщается, что у такого-то тогда-то будетъ „выжанка“. Всякій желающій, не ожидая личнаго приглашенія, можетъ пожаловать на работу и принять участіе въ пиршествѣ. Женщины охотно идутъ на „выжанку“, имѣя въ виду: 1) нѣсколько повеселиться въ разгарѣ полевыхъ работъ, 2) обеспечить себѣ подобную же помощь со стороны хозяевъ. Чаще всего на „выжанку“ являются съ полудня, а иные даже съ „пѣужны“¹⁾. Работаютъ съ пѣснями и шутками, одинъ другого подбодряя. Успѣхъ работы при этомъ бываетъ настолько великъ, что иные оставляютъ къ „выжанкѣ“ добрую половину всей своей жатвы.

Само собой разумѣется, что лицо, воспользовавшееся помощью сосѣдей, никогда не рискнетъ отказать имъ въ подобной же помощи.

1) Пѣужна—одна изъ четырехъ „вытей“ въ теченіе сутокъ. Первая „выть“—„зѣврокъ“—въ 7—8 ч. утра; вторая—обѣдъ, въ 12 ч.; третья—„пѣужна“, въ 4 ч. дня и четвертая—„ужина“, передъ сномъ.

Въ противномъ случаѣ его ждетъ достойное возмездіе въ будущемъ году. Даже богачи, у которыхъ хватило бы средствъ обойтись одною наемной силой, никогда не отступаютъ отъ этого обычая.

Тотъ же духъ товарищества проявляется въ устройствѣ общественныхъ увеселеній и пиршествъ. Про вечеринки будетъ сказано при разборѣ имущественнаго найма, теперь же скажемъ нѣсколько словъ о „брѣтчины“, древнемъ новгородскомъ обычая, сохранившемся кое-гдѣ на съверѣ даже до нашихъ дней. Въ Онежскомъ уѣздѣ „брѣтчины“ долѣе всего продержались въ дикой Шелексѣ, и поэтому только тамъ намъ удалось получить кой-какія свѣдѣнія о нихъ. Сущность „брѣтчины“ состояла въ слѣдующемъ. Наканунѣ Троицы, возлѣ часовни въ честь св. Антонія Сійского, шелековяне варили пиво; продукты, необходимые для сего, солодъ и хмель, собирались особымъ староста. Женщины приносили сюда съѣстные припасы—„рыбники“, „шаньги“ и прочія произведенія деревенской кухни. Богомольцы являлись на шелековское торжество изъ-за 50—100 и болѣе верстъ, и всякий, безъ особаго приглашенія, имѣлъ право принять участіе въ общественномъ угощеніи въ день праздника. Въ настоящее время подобныя угощенія вышли изъ употребленія, но и до сего дня пришли богомольцевъ мѣстные жители дѣлать между собою и уводить въ свои избы, гдѣ ихъ угощаютъ наравнѣ съ самыми близкими гостями. Въ иныхъ хлѣбосольныхъ домахъ принимаютъ но 15—20 богомольцевъ.

Такъ какъ хожденіе на храмовые праздники изъ одного прихода въ другой, иногда весьма отдаленный, сохранилось и до сего времени, то можно думать, что „брѣтчины“ нѣкогда были широко распространены во всемъ Онежскомъ уѣзда. Нечего и говорить про то великое значеніе, которое имѣли „брѣтчины“ въ прежнее время: онѣ содѣйствовали взаимному ознакомленію обитателей лѣсныхъ дебрей; обмѣнъ мнѣній и обмѣнъ цѣнностей, несомнѣнно, являлся неизбѣжнымъ спутникомъ ихъ; завязывались узы дружбы, возникала взаимная гостьба и, какъ слѣдствіе всего этого,—заключеніе браковъ между обывателями и обывательницами самыхъ дальнихъ мѣстностей. Однимъ словомъ, жители почти всего уѣзда приходили въ благодѣтельное соприкосновеніе другъ съ другомъ, передавая и заимствуя другъ отъ друга плоды духовной и материальной культуры.

Естественно, что въ средѣ такого народа, пропитанаго духомъ товарищества, слѣдовало бы искать самаго широкаго развитія артелей, какъ кооперацій труда. Къ сожалѣнію, мы затрудняемся сказать что-либо опредѣленное относительно прежняго времени, за отсутствиемъ письменныхъ и даже устныхъ памятниковъ. Въ болѣе позднѣйшую эпоху, именно съ 50—60-хъ гг. прошлаго столѣтія, здѣсь развились бурлацкія артели, имѣющія весьма мало общаго съ тою формою товарищества, которая называется въ теоріи гражданскаго

права артелью. Мѣстныя бурлацкія артели, въ сущности, совершенно случайное единеніе рабочихъ, нанятыхъ однимъ и тѣмъ же подрядчикомъ („десятникомъ“) для работы по сплавамъ бревенъ. Составляются эти артели путемъ договора „десятника“ съ рабочими, съ каждымъ въ отдѣльности, и никакого предварительного соглашенія рабочихъ между собою не заключается. Поэтому, подобная форма совмѣстнаго труда только по имени напоминаетъ ту артель, которую опредѣляетъ Пахманъ, какъ „юридический союзъ, въ которомъ нѣсколько лицъ соединяютъ свои личныя, а иногда и имущественныя средства съ цѣлью извлеченія изъ данного предпріятія общей прибыли“ ¹⁾.

Но и бурлацкія артели теперь вырождаются. Въ наше время въ Онежскомъ уѣздѣ существуютъ, или, вѣрнѣе, оперируютъ по временнымъ слѣдующія артели: 1) рыболовныя, 2) звѣроловныя, 3) почтово-станціонныя (для содержанія почтовыхъ лошадей), 4) землекопательныя, 5) нищенскія, 6) по вырубкѣ и вывозкѣ лѣса.

Для образованія артели необходимо предварительное соглашеніе, но самая форма его можетъ быть весьма примитивнаго свойства.

Такъ артели сузѣмлянъ-землекоюсовъ ²⁾, образующіяся въ сосѣднемъ Пудожскомъ у. Олонецкой губ., но оперирующая въ Онежскомъ, получаютъ свое бытіе такимъ образомъ. Собирается компанія мужиковъ на бесѣду. Среди разговоровъ кто-нибудь воскликнетъ:

— А что, ребята, не пойти ли на Онегу копать „нѣвины“ ³⁾?
— Пожалуй, пойдемте! отвѣчаютъ согласившіеся.

Вотъ и весь договоръ!

Позднѣйшее вступленіе въ члены артели происходитъ такимъ же манеромъ.

— Куда, ребята, пошли? спрашиваетъ землекоповъ кто-либо изъ встрѣчныхъ.

— На Онегу „нѣвины“ копать.
— Ну, и я иду съ вами.
— А съ Богомъ!

И новый членъ вступаетъ въ товарищество.

Иногда самый родъ предпріятія обусловливаетъ артельный характеръ сообщества предпринимателей. Такъ, всякое участіе лица въ ловлѣ хищныхъ звѣрей Волостные Суды разсматриваютъ, какъ участіе въ артельномъ предпріятіи. Это видно изъ слѣдующаго дѣла. Кр.нъ Д. Бахматовъ и М. Цѣяновъ заявили волостному суду, что они, въ товариществѣ съ кр. Н. Шайтановымъ, нашли берлогу съ

¹⁾ С. В. Пахманъ, Обычное Гражд. Право въ Россіи, т. I, стр. 250.

²⁾ Сузѣмокъ—дикій лѣсъ, глухое мѣсто; сузѣмленінъ или суземлякъ—человѣкъ изъ-за лѣса; въ частности такъ зовутъ обитателей Пудожскаго уѣзда, которые живутъ въ лѣсахъ.

³⁾ Нѣвина—новь; только что распаханное поле.

двуумя медвѣдями, которыхъ убили всѣ троє. Освѣживъ медвѣдей, они шкуры оставили на квартирѣ Шайтанова, которая толь продалъ за 18 руб. безъ вѣдома товарищѣй и даль имъ лишь по 3 руб. Шайтановъ на судѣ показалъ, что берлогу выслѣдили онъ и что они двое шли къ нему за поденную плату. Судѣ, приходя къ убѣжденію, что на охоту за медвѣдями итти никто не согласится за поденщину, постановилъ взыскать съ Шайтанова то, что имъ слѣдовало дополу-чить до равной части, т. е. еще по 3 рубля ¹⁾.

Изъ дргихъ рѣшеній Вол. Судовъ можно убѣдиться, что даже лица, фактически не принимавшія участія въ убийствѣ звѣрей, считаются пайщиками наравнѣ съ прочими охотниками ²⁾.

Въ болѣе совершенной формѣ происходит заключеніе договора объ образованіи рыболовныхъ артелей, такъ какъ для данного предпріятія необходимъ иѣкоторый первоначальный капиталъ на приобрѣтеніе рыболовныхъ принадлежностей. Помимо предварительного соглашенія, здѣсь иногда происходитъ складчина, деньгами или натурою (сѣтями), иногда же владѣлецъ рыболовныхъ принадлежностей приглашаетъ къ себѣ компаніоновъ для совмѣстнаго промысла, уставливаясь съ ними относительно дѣлежа прибыли ³⁾.

Нищенскія артели формируются не въ Онежскомъ, а въ сосѣднемъ Каргопольскомъ уѣзда Олонецкой губ. Цѣлые волости промышляютъ этимъ постыднымъ занятіемъ; зажиточные и бѣдные, убогіе и работоспособные, всѣ безъ исключенія, не считаютъ позорнымъ отправляться въ сосѣдніе уѣзды и выправливать Христа ради хлѣбъ, рыбу, чай, сахаръ и т. п.

— Кто кривой или убогой, за тѣмъ не пропадешь! говорятъ, напр., въ с. Коневѣ, Каргопольскаго уѣзда.—И, конечно, убожество даетъ особенно обильный источникъ дохода. Иные умышленно себя увѣчать, другіе обжигаютъ свои оглобли или сани и просить на по-горѣлое, третыи поютъ Лазаря.

Вотъ стереотипная фраза, которую произносятъ эти нищіе при входѣ въ дома:

— Нѣть ли у васъ, добрые люди, шѣрсточки съ горсточку, чайку на напоечку, мучки да рыбки на рыбничекъ, бѣдному человѣку для пропитомства.

Цинизмъ этихъ нищихъ доходитъ до того, что они иногда даже не скрываютъ своего истиннаго материальнаго положенія. Одинъ старый онежанинъ, въ домѣ котораго останавливаются эти нищенскія

1) Рѣшеніе Посаднаго Вол. Суда 11 января 1899 г.

2) Рѣшеніе Кокоринскаго Вол. Суда 16 ноября 1880 г.

3) Здѣсь мы не будемъ касаться юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ участія въ такихъ рыболовныхъ предпріятіяхъ, которые принадлежать сельскимъ обществамъ, какъ напр. Порожскій семужій промыселъ. Этотъ вопросъ будетъ разобранъ въ отдѣлѣ о собственности.

артели, передавалъ мнѣ, какъ одна баба, стоявшая во главѣ артели, рассказывала ему, что ей нужно сѣздить еще одинъ разъ „на на- живу“, и тогда она окончить постройку своего нового дома.

Когда я спрашивалъ мѣстныхъ крестьянъ, зачѣмъ же они по- даютъ каргополамъ, разъ имъ извѣстно, что они симулируютъ свою бѣдность, то мнѣ отвѣчали:

— Какъ же можно не подать ради Христова имени?

И что гнуснѣе всего,—эти симулянты-нищіе, набравъ разныхъ припасовъ на Онегѣ, проникаютъ въ Поморье, выпрашиваютъ тамъ цѣлые возы рыбы и на обратномъ пути въ томъ же Онежскомъ уѣздѣ являются уже въ образѣ торговцевъ рыбью.

Такъ какъ намъ не удалось побывать на мѣстѣ возникновенія нищенскихъ артелей, то объ организаціи ихъ мы не можемъ сказать чего-либо опредѣленнаго. Составъ ихъ рѣдко превышаетъ 4 человѣка; чаще же всего попрошайничаетъ одна семья. Бываютъ случаи, когда соединяются двѣ семьи, причемъ одна поставляетъ сани, другая лошадь ¹⁾.

Вообще же, всѣ онежскія артели отличаются малолюдіемъ; звѣ- роловныя и рыболовныя рѣдко когда превосходятъ 4 человѣка; только артели сузѣмлянъ-землекоповъ и рубщиковъ лѣса достигаютъ до 10 человѣкъ.

Личный составъ артелей, по большей части, однороденъ, т. е. нѣть такихъ лицъ, которыхъ пользовались бы какими-либо особыми правами. Вступающій въ артель новый членъ становится совершенно равноправнымъ съ остальными.

Артельное имущество, если таковое есть, составляется путемъ складчины. Въ рыболовныхъ артеляхъ, какъ уже упоминалось, невода заводятъ или покупкою, или совмѣстнымъ плетеніемъ. Починка не- вода производится поочередно; одну недѣлю половина всѣхъ членовъ артели слѣдитъ за исправностью бережного, другую недѣлю—за ис- правностью рѣчного крыла.

Особыхъ лицъ для управлениія дѣлами, въ виду малочисленности артелей, не существуетъ. Только полученіе доходныхъ денегъ и дѣ- лежъ ихъ поручается иногда наиболѣе старѣшему или наиболѣе почетному члену артели. Такихъ лицъ называютъ старостами, но въ юридическомъ ихъ положеніи нѣть никакой разницы отъ прочихъ членовъ.

Трудъ въ здѣшнихъ артеляхъ, по большей части, одинаковъ для всѣхъ участниковъ. Напр., при рыбной ловлѣ общимъ неводомъ всѣ одновременно принимаютъ участіе въ дѣлѣ. Въ однѣхъ лишь арте- ляхъ сузѣмлянъ-землекоповъ наблюдается нѣкоторое раздѣленіе труда.

¹⁾ Въ виду преслѣдованія полиціей, въ настоящее время число нищенствую- щихъ каргополовъ въ Онеж. уѣздѣ сократилось до minimum'a.

Въ то время, какъ большая часть артели занята вскашиваніемъ „нá-
винъ“, одинъ или два члена ея, по выбору остальныхъ, отправляются
въ окрестныя деревни за сборомъ подаянія. Собранный Христа ради
хлѣбъ идетъ на довольствіе артели.

Продукты труда, въ натуральномъ или денежномъ видѣ, дѣлятся
въ большинствѣ случаевъ поровну между всѣми участниками. Въ
отношениі звѣроловныхъ артелей это основное правило принято Во-
лостными Судами; наличіе собакъ у того или другого охотника вно-
сить въ него нѣкоторая видоизмѣненія. Приходилось читать такія рѣ-
шенія Вол. Судовъ, гдѣ участіе собакъ въ охотѣ игнорируется, и вла-
дѣлецъ ихъ не получаетъ никакой особой доли барыша. Но приходи-
лось встрѣчать рѣшенія иного свойства, причемъ нѣть устойчивости
въ опредѣленіи лишней доли барыша въ пользу владѣльцевъ собакъ.
Для примѣра приведемъ два рѣшенія Кокоринскаго Вол. Суда. Кр-нъ
Кузнецовъ заявилъ, что его сынъ Степанъ совмѣстно съ кр-омъ Збру-
нимъ убили въ лѣсу куницу, подлаянную собакою Збруна, и про-
дали ее за 5 руб. 30 коп. Збрунъ далъ Кузнецovу всего лишь 30 коп.,
тогда какъ ему слѣдовала $\frac{1}{3}$ часть добычи. Судъ призналъ право
истца и присудилъ съ отвѣтчика то, что слѣдовало въ пользу его
компаніона ¹⁾). Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ на долю вла-
дѣльца собаки пришелся лишній пай.

Другое дѣло. Кр-нъ Семенъ Липнинъ заявилъ суду, что по осени
сего (1880) года онъ вмѣстѣ съ кр-нами Сем. Рябовымъ и Мих. Лип-
ниннымъ убили медвѣдя, съ бывшими при томъ собаками, помога-
вшими дѣлу; шкуру съ него продали за 20 руб. 20 коп.; изъ числа
этихъ денегъ Семенъ Рябовъ далъ Семену Липнину только 1 р. 60 к.,
а остальная, слѣдующая на его часть, присвоилъ на пай своего отца,
бывшаго только зрителемъ охоты. Судъ, производя разборъ дѣла,
призналъ всѣхъ участниками охоты, не исключая и того, который
былъ только зрителемъ, причемъ на долю владѣльцевъ собакъ, Сем.
Липнина и Мих. Липнина, положилъ по лишнему полуපаю. Такимъ
образомъ образовалось пять пaeвъ, каждый по 4 руб. 4 коп., вла-
дѣльцы же собакъ получили по 4 р. 4 к. $\times 1\frac{1}{2} = 6$ р. 6 к. ²⁾).

Дѣленіе добытыхъ продуктовъ труда претерпѣваетъ существен-
ное видоизмѣненіе также въ тѣхъ случаяхъ, когда орудія производ-
ства принадлежать кому-либо одному изъ членовъ артели. Таково,
напр., положеніе вещей въ рыболовныхъ артеляхъ, гдѣ неводъ мо-
жетъ составлять собственность одного изъ рыболововъ. Такіе собствен-
ники, разумѣется, получаютъ болѣе прочихъ участниковъ. То же въ
нищенскихъ артеляхъ: владѣльцы саней и лошадей получаютъ больше,
чѣмъ прочія лица, приглашенныя въ компанію.

¹⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 30 декабря 1901 г.

²⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 16 ноября 1880 г.

Способы дѣлѣжа добытыхъ продуктовъ въ натуральномъ видѣ самые примитивные. Рыбу, напр., дѣлятъ иногда прямо „на глѣзъ“; большія рыбины или продаются, или, если участниковъ только двое, разрѣзаются пополамъ. Въ нищенскихъ артеляхъ собранный чай иногда дѣлятъ чашками.

Скажемъ нѣсколько словъ объ отвѣтственности артелей. Слѣдуетъ различать отвѣтственность: 1) передъ контрагентомъ артели, 2) передъ посторонними лицами, въ случаѣ правонарушенія, 3) передъ членами артели, собственниками орудій производства.

Имѣючиася у насъ свѣдѣнія объ отвѣтственности первого рода касаются лишь такихъ артелей, которые заключали условія съ работодателемъ на основаніи закона; поэтому исполненіе артелью взятаго подряда обусловливалось круговой порукой, чуждой мѣстному быту. При отказѣ кого-либо изъ членовъ отъ исполненія полагавшейся на него долю работы, таковую исполняли прочіе сотоварищи, причемъ, конечно, они имѣли право регресса въ отношеніи своего неисправнаго компаніона. Это видно изъ слѣдующаго дѣла. Крестьяне Мих. Дим. и Мих. Пет. Шайтановы обратились къ Волостному Суду съ письменнымъ прошленіемъ, въ которомъ говорили, что они вмѣстѣ съ кр. Уткинымъ взялись по контракту и съ общею порукою другъ за друга доставить дровъ къ усольскимъ солянымъ варницамъ. Уткинъ обязался вывезти туда 5 саж., чего не исполнилъ, а подъ ихъ поруку получилъ задатку 3 р. Они за Утина вывезли дрова, почему и просятъ вернуть задатокъ 3 руб. и за неустойку въ подрядѣ 3 рубля. Сдѣлка окончилась миролюбиво: Уткинъ заплатилъ своимъ сотоварищамъ 1 руб. 60 коп. ¹⁾.

Въ этомъ дѣлѣ наиболѣе интересно требованіе неустойки съ сотоварища. Безъ сомнѣнія, въ предварительномъ договорѣ объ образованіи этой артели не говорилось ни о какомъ взысканіи съ того изъ сотоварищѣй, который будетъ неисправенъ въ работѣ; но такъ какъ въ самомъ контрактѣ, заключенномъ артелью съ казеннымъ управлѣніемъ, упоминалось о неустойкѣ,—на случай неисполненія договора всею артелью,—то сотоварищи хотѣли воспользоваться этимъ условіемъ договора подряда для наказанія своего неисправнаго компаніона. Будь упомянуто о неустойкѣ въ ихъ предварительномъ договорѣ о составленіи артели, миролюбивая сдѣлка на такихъ условіяхъ, какъ уплата 1 р. 60 коп. вмѣсто 6 руб., едва ли бы могла состояться.

Если артелью совершено правонарушеніе въ отношеніи постороннихъ лицъ, и если они привлекаютъ къ отвѣтственности лицъ иѣкоторыхъ членовъ ея, то суды, руководясь здравымъ смысломъ, признаютъ отвѣтственными и прочихъ членовъ артели. Таково, напр., слѣдующее дѣло. Купецъ Язиковъ, скупщикъ порожской семги, жа-

¹⁾ Рѣшеніе Посаднаго Вол. Суда 23 авг. 1881 г.

луется Кокоринскому Волостному Суду, что крестьяне-поездники ¹⁾ (следует перечислить) нарушают контрактъ, продавая рыбу другому купцу, между тѣмъ какъ по контракту, заключенному имъ, Язиковымъ, съ волостью, они обязаны продавать семгу только ему. Судъ рѣшилъ, что, такъ какъ рыбу „поѣздомъ“ можно ловить только вдвоемъ, и у каждого изъ отвѣтчиковъ есть товарищъ, слѣд. не одни они должны нести ответственность, и посему постановилъ вызвать въ судъ всѣхъ прочихъ членовъ этихъ рыболовныхъ артелей. Дальнѣйшая судьба дѣла неизвѣстна ²⁾.

Наконецъ, возможенъ и такой случай, когда артель несетъ ответственность передъ однимъ изъ членовъ ея, которому принадлежать орудія производства. Таково, напр., слѣдующее дѣло. Кр-не Поповъ, Дьячковъ, Привалихинъ и кр-ка Харина ловили кореховъ, причемъ лопнула бичевка, и лодка погибла. Она принадлежала Попову, который и обратился въ судъ, требуя съ каждого изъ сотоварищѣй по $\frac{1}{4}$ стоимости лодки. Судъ удовлетворилъ требование истца, обязавъ отвѣтчиковъ уплатить ему по 2 руб. 50 коп. (10 руб.: 4) ³⁾.

Въ заключеніе следуетъ упомянуть еще объ измѣненіи состава артелей и о способахъ прекращенія ихъ.

Въ виду малочисленности здѣнинихъ артелей и кратковременаго ихъ дѣйствія измѣненіе состава происходитъ въ нихъ рѣдко. Чаще всего это наблюдается въ артеляхъ суземлянъ-землекоповъ. Если подобная артель уже нанялась и совершила часть работы, то для вступленія въ нее новаго члена требуется общее согласіе. Когда таковое послѣдуетъ, то измѣряютъ площадь вскопанной земли и вычисляютъ для памяти ту сумму, которая полагается за расчистку, произведенную прежнимъ составомъ артели ⁴⁾, а новый членъ допускается къ работѣ.

Прекращеніе артелей происходитъ, прежде всего, вслѣдствіе достижения цѣли. Напр., нищенская артель, проѣздивъ зиму по Онежскому уѣзду и набравъ подаянія столько, сколько влѣзаетъ въ сани, возвращается домой, гдѣ и дѣлать свой доходъ. Суземляне-землекопы, окончивъ подрядъ, получаютъ разсчетъ и идутъ въ другія деревни на заработки или отправляются на родину. Звѣроловыя артели прекращаютъ свое существование по сѣть добычи.

Другой способъ прекращенія артелей—гибель имущества. Напр., межу можетъ унести водою, неводъ можетъ затонуть. Но сама собой разумѣется, что въ этихъ случаяхъ отъ участниковъ за-

¹⁾ Пѣздъ—особая сѣть для ловли семги. Подробное описаніе—см. Словарь Област. Арх. нарѣчія, Алекс. Подвысоцкій, стр. 136.

²⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 29 сент. 1902 г.

³⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 9 мая 1900 г.

⁴⁾ Плата суземлянамъ за расчистку колеблется отъ 2 коп. до 5 коп. за 1 кв. саж.

висить, не теряя прежней связи другъ съ другомъ, пріобрѣсти новое имущество и продолжать артельное предпріятіе.

Таковъ юридический строй мѣстныхъ артелей. Въ немногихъ сло-вахъ изложили мы тотъ скучный матеріаъ, который удалось собрать въ Онежскомъ уѣздѣ. Какъ видимъ, артели, оперирующія въ данной мѣстности, не многочисленны, и экономическое значеніе ихъ весьма невелико. Паденіе артелей можно объяснить развитіемъ бурлачества въ одиночку, „одинкомъ“. Уходя на долгіе годы въ самая различ-ныя мѣста Россіи, онежане постепенно порываютъ связи другъ съ другомъ, значение компанейского начала само собой улетучивается изъ ихъ сознанія. Каждый привыкаетъ надѣяться исключительно на свои личныя силы, и зачастую жестоко ошибается въ этомъ. За по-слѣднее время артельное начало снова возрождается въ Онежскомъ уѣздѣ, но уже въ другой формѣ, именно въ формѣ потребительныхъ обществъ.

VI.

Купля-продажа.

Относительно договора купли-продажи въ мѣстномъ быту существуетъ слѣдующая поговорка: „Животъ на животъ, денежки положиль“. Она указываетъ, что пародному сознанію присуще понятіе о куплѣ-продажѣ, какъ о такомъ обязательствѣ, въ силу которого одно лицо обязуется передать другому какое-либо имущество въ собственность, за соотвѣтствующій денежный эквивалентъ. Но понимая самую сущность этого обязательства, мѣстные крестьяне не выработали для него опредѣленного, отличительного термина. Случается, что въ мѣстномъ быту куплей-продажей именуютъ тотъ видъ обязательствъ, который въ теоріи обозначается другимъ названіемъ. Напр., кое-гдѣ по-падается выраженіе „купилъ (или продалъ) пожню на одинъ годъ“¹⁾; это означаетъ или заблаговременную покупку (или продажу) травы, которая должна вырасти въ такомъ-то году на данной пожнѣ, или, что будеть точнѣе, наемъ пожни на одинъ годъ.

Далѣе, въ правленскихъ книгахъ купля-продажа иногда име-нуетъ запродажей; напр., попадаются такія выраженія: „запродано съю и взять задатокъ, а съю продано другому“²⁾. Конечно, здѣсь вовсе не разумѣется тотъ предварительный договоръ запродажи, который въ торговомъ быту нерѣдко предшествуетъ собственно куплѣ-продажѣ. Но съ другой стороны, смѣщеніе терминовъ „запродажа“ и „продажа“ вовсе не доказываетъ того, что оба эти наименованія употребляются одно вмѣсто другого безъ всякаго разбору. Какъ намъ удалось выяс-

¹⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 3 декабря 1895 г.

²⁾ Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 3 янв. 1907 г.

нить, подъ запродажей здѣсь понимается договоръ купли-продажи въ той его стадіи, когда еще не совершилась передача проданной вещи. Ниже увидимъ, какое значеніе имѣтъ въ мѣстномъ быту фактическая передача, и тогда будетъ ясно, почему существуетъ два названія для одного и того же договора.

Для того, чтобы лицо могло выступать въ качествѣ продавца, требуется владѣніе имуществомъ, составляющимъ объектъ сдѣлки, на правѣ собственности и возможность распоряжаться имъ безъ ограничения. Не признаются действительными тѣ сдѣлки о куплѣ-продажѣ, которые заключены кредиторомъ относительно заложенныхъ ему, но не выкупленныхъ къ сроку, вещей. По мѣстнымъ обычаямъ, прежде таковой продажи кредиторъ долженъ обратиться въ судъ за признаніемъ за нимъ права на продажу заложенного; въ противномъ случаѣ сдѣлка теряетъ свою силу, и, кромѣ того, кредиторъ подвергается уголовной ответственности¹⁾.

Точно также признаются недѣйствительными сдѣлки относительно вещей, взятыхъ мастеромъ въ обдѣлку и не выкупленныхъ собственникомъ ихъ. Такъ, кр-ка Рѣпникова сдала кр-ну Порошину въ обдѣлку кожу. Чолтора года она не требовала своего товара, и мастеръ кожу продалъ. Судъ обязалъ Порошина возвратить истицѣ стоимость кожи, а за растрату чужой собственности постановилъ арестовать отвѣтчика²⁾.

Лицо, объявленное „роспутчимъ“ (расточителемъ), не признается правомочнымъ продавцомъ имущества, отъ которого онъ считается отрѣшившимъ³⁾.

Говоря объ объектѣ купли-продажи, слѣдуетъ упомянуть: 1) о вещахъ, изъятыхъ изъ гражданского оборота, 2) о принадлежностяхъ продаваемыхъ вещей, 3) о тѣхъ мѣрахъ, которая употребляются для опредѣленія количества замѣненныхъ вещей.

По сувѣріямъ соображеніямъ, не могутъ быть предметомъ купли-продажи всѣ атрибуты пастушьяго званія, какъ-то, труба, „пестерь“ и т. п.⁴⁾. Цалѣе, не продаются коровы въ то время, когда скотъ ходитъ въ лѣсу. По мѣрѣ разсѣянія народной темноты, эти обычай выходятъ изъ употребленія, но въ глухихъ мѣстахъ, главнымъ обра-

1) Рѣшеніе Кокор. Вол. Суда 3 дек. 1895 г.

2) Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 24 мар. 1891 г.

3) Рѣшеніе Кокор. Вол. Суда 16 дек. 1901 г.

4) Въ бытность нашу въ с. Шелекѣ лѣтомъ 1912 г. мы сдѣлали попытку купить у овечьяго пастуха берестянный рожокъ, довольно оригинальной конструкціи. Отецъ пастуха, человѣкъ бывалый, ничего не имѣлъ противъ, но самъ юный пастухъ, выросшій въ атмосфѣрѣ деревенскихъ сувѣрій, категорически отказался отъ сдѣлки, хотя мы давали приличное вознагражденіе. А, чтобы отецъ какъ-нибудь не продалъ рожокъ тайкомъ, онъ на слѣдующій же день послѣ переговоровъ сжегъ его въ полѣ.

зомъ, среди женщинъ они поддерживаются до сихъ поръ. Во всякомъ случаѣ, если договоръ купли-продажи скота и заключаютъ въ то время, когда скотъ ходить въ лѣсу, то передача все-таки состоится по миновеніи этого периода пастьбы¹⁾.

Представленіе о такихъ второстепенныхъ вещахъ, которыя должны слѣдовать судьбѣ главныхъ, т. е. о принадлежностяхъ, также не чуждо мѣстнымъ крестьянамъ. Такъ, принадлежностями дома считаются: 1) икона, 2) рамы, 3) столъ, 4) печка съ вышинками и заслонкой,— „однимъ словомъ все, что требуется при жиломъ строеніи“, какъ говорится въ одномъ договорѣ о продажѣ дома. При продажѣ коровы необходимо дать крынку, при продажѣ лошади—узду.

Для измѣренія замѣнныхъ вещей употребляются слѣдующія мѣстныя единицы. Сыпучія тѣла измѣряются „малёнками“ или „осьминами“, равными четверику; двѣ „малёнки“ составляютъ „пузину“, двѣ „пузіны“— „мѣшокъ“. Соответственно этому, площадь пахатной земли измѣряется количествомъ засѣваемаго хлѣба. Напр., говорить, „полоса на мѣшокъ“, „полоса на пузину“; это значитъ, такая полоса, для засѣва которой необходимъ „мѣшокъ“ или „пузина“ стѣмянъ.

Сѣно продается „заколинами“ (см. стр. 232); отруби („париво“)— „облуками“, т. е. такимъ количествомъ, которое вмѣщается въ сани. При покупкѣ дровъ примѣняютъ „печатную“ сажень, т. е. обыкновенную квадратную сажень, которой измѣряютъ переднюю площадь „костра“ (полѣнницы); кубическая сажень здѣсь не въ ходу. Веревки измѣряютъ „маховыми“ саженями, т. е. размахомъ рукъ.

Договоръ купли-продажи заключается всегда въ устной формѣ относительно движимости и въ письменной формѣ относительно недвижимости (дома, мельницы). До послѣдняго времени договоры о купилѣ-продажѣ строеній заносились въ правленскую книгу сдѣлокъ и договоровъ; нынѣ же правительство требуетъ, въ интересахъ фиска, заключенія подобныхъ договоровъ у нотаріусовъ.

1) Намъ лично пришлось присутствовать при заключеніи договора о купилѣ-продажѣ коровы на этихъ условіяхъ, причемъ, какъ продавцомъ, такъ и покупателемъ являлись женщины. По выясненіи всѣхъ условій договора, хозяйка, продавщица, заявила:

— Что, пожалуй, можно помолиться Богу?

— Во святой часъ! отвѣчала покупательница.

— Носи, Господи, коровушку здорово лѣто! проговорили обѣ разомъ.

Затеплившисъ лампаду передъ иконами, женщины начали отвѣшивать поклоны съ колѣнопреклоненіемъ. Послѣ этого совершили установленнымъ порядкомъ рукоятіе съ восклицаніями:

— Даї, Господи!

— Помоги Господи!

Покупательница дала 5 руб. въ задатокъ, обѣщая додатъ остальное послѣ лѣта, когда состоится передача коровы.

— Какъ же вы будете считаться, если корова погибнетъ въ лѣсу до осени? спросилъ я.

— А на Бога надѣимся, Богъ насть росчитаетъ! отвѣчали женщины.

Моментъ заключенія договора—богомолье и рукобитье, но переходъ права собственности на вещь считается лишь со времени передачи ея изъ рукъ продавца въ руки покупателя. До тѣхъ поръ, пока купленная вещь находится у продавца, она не считается принадлежащей покупателю, но разъ этотъ послѣдній получилъ купленную вещь, сдѣлка не подлежитъ расторженію. Это положеніе подтверждается многочисленными судебными рѣшеніями по поводу тѣхъ сдѣлокъ, которыя покупатели хотятъ опорочить въ виду показавшагося имъ обмана со стороны продавца. Коль скоро судъ признаетъ, что обмана не было, и вещь передана, сдѣлка оставляется въ силѣ; если обмана нѣтъ, но вещь не передана, то покупатель, не желающій брать купленаго, лишается задатка; продавецъ же, не желающій передавать проданную вещь, обязывается выдать задатокъ, если таковой былъ имъ полученъ. Примѣръ: кр-нъ Каменевъ купилъ у кр-на Епифанова часы, причемъ будто бы тотъ выдавалъ ихъ за неиспорченные и съѣврностю хода, но на самомъ дѣлѣ они оказались сломанными. Свидѣтели подтвердили, что часы куплены по согласію, что обмана тутъ не было никакого, поэтому судъ не нашелъ возможнымъ расторгнуть сдѣлку, какъ того требовалъ истецъ¹⁾.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда покупатель недоволенъ купленнымъ, стороны чаще всего рѣшаютъ дѣло миролюбиво, до суда или во время судебнаго разбирательства. По этимъ мировымъ продавцы соглашаются принять обратно проданное, но взыскиваютъ съ покупателя убытки, причиненные имъ расторженіемъ договора. Таковы слѣдующіе примѣры.

1) Кр-ка Дьячкова купила у кр-на Липнина корову. Убѣдившись, что корова плохо стоитъ во время доенія, она привела ее къ Липнину. Этотъ послѣдній возвратилъ ей добровольно стоимость коровы, кромѣ 3 р. 50 коп., какъ неустойку и какъ вознагражденіе за прокормъ животнаго отъ момента заключенія договора до момента передачи. Поэтому Дьячкова обратилась въ судъ, требуя взыскать эти деньги съ Липнина. Отвѣтчикъ показалъ, что Дьячкова корову выбирала изъ трехъ любую и что онъ виновнымъ себя ни въ чемъ не признаетъ, а удержалъ 3 р. 50 коп. въ возмѣщеніе убытокъ. Судъ въ искѣ Дьячковой отказалъ, сознавая, что Дьячкова такъ или иначе должна вознаградить Липнина за убытки²⁾. 2) Кр-нъ Крысановъ купилъ у кр. Миронова за 55 руб. лошадь; впослѣдствіи она оказалась нездорова, и онъ вернулъ ее продавцу, а денегъ не получилъ обратно, почему и обратился въ судъ съ просьбой понудить Миронова выдать заплаченную за лошадь часть рядной суммы, именно 30 руб. На судѣ стороны заключили такого рода миролюбивую сдѣлку: Мироновъ возвратилъ Крысанову 30 руб.; если осенью лошадь поправится, то Кры-

1) Рѣшеніе Кокоринскаго Вол. Суда 30 ноября 1897 г.

2) Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 21 мая 1910 г.

сановъ долженъ взять ее, съ уплатой 55 руб.; въ случаѣ продажи Мироновымя лошади въ чужія руки за сумму менѣе 55 руб., Крысановъ долженъ заплатить Миронову недостающую сумму ¹⁾.—Въ этомъ второмъ случаѣ на покупателя, расторгнувшаго сдѣлку послѣ передачи, возлагается обязанность возмѣстить продавцу будущіе убытки.

Бывають и такія миролюбивыя сдѣлки, когда продавецъ, сознавая недоброкачественность товара, дѣлаетъ уступку покупателю, уменьшая ему сумму долга.

Самая сущность передачи движимыхъ вещей происходитъ въ болѣе или менѣе торжественной формѣ. При продажѣ скота передаютъ поводья или веревку изъ рукъ въ руки и говорятъ:

— Съ богомъ владай!

или —

— Даи Богъ тебѣ владать ею здорово!

Для того, чтобы избавить продавца отъ нареканій со стороны покупателя на недоброкачественность товара, при отводѣ коровъ къ новому хозяину совершаются различныя сувѣрные обряды. Частымъ поводомъ къ расторженію сдѣлокъ послѣ передачи служить чрезмѣрная привязанность животнаго къ прежнему жилищу; новый хозяинъ сплошь и рядомъ вынуждается бѣгать за своей животиной къ ея старому хозяину, куда она уходитъ съ пастбища. Чтобы предотвратить это, покупатель долженъ, во время отвода животнаго домой, вынимать изъ земли его слѣды и бросать ихъ въ направлѣнія своего жилища. Приведя ко двору, онъ долженъ поклониться коровѣ въ ноги, говоря: — Черноношкa, какъ ты служила старому хозяину, такъ и мнѣ послужи.—Если продавецъ самъ приводить корову къ жилищу покупателя, то онъ стучится во дворъ, приговаривая:

— Хозяинъ батюшко! пусти мою скотинку Красулюшку (или какое-либо другое имя), пой, корми, храни и береги, и тепломъ обогрѣвай и не обирай ей.—Когда новый хозяинъ заведетъ корову въ хлѣвъ, то долженъ срѣзать ножницами клюкъ шерсти и забить его въ пазы хлѣвныхъ столбовъ.

Если всѣ эти обрядности будутъ выполнены, то покупатель уже не въ правѣ жаловаться, что, моль, корова пришла не ко двору; продавецъ же освобождается отъ нравственной отвѣтственности за подобную недоброкачественность товара.

Обезнеченіемъ договора купли-продажи является задатокъ. Онъ всегда имѣть денежную форму и дается покупателемъ продавцу. Безъ задатка самое заключеніе договора не имѣть юридического значенія. Если же задатокъ данъ, то покупатель, виновный въ нарушеніи договора, лишается его.

1) Рѣшеніе Кокор. Вол. Суда 17 апрѣля 1879 г.

Разберемъ вопросъ объ обманахъ, которые случаются при куплѣ-продажѣ. Хотя этотъ договоръ, какъ и всѣ прочіе, предполагаетъ соглашеніе двухъ лицъ, чтб, между прочимъ, свидѣтельствуется мѣстной поговоркой—„нѣть торгу не любя“, но тѣмъ не менѣе при куплѣ-продажѣ открывается богатое поле дѣятельности для недобросовѣстныхъ лицъ. Покупатель зачастую можетъ совсѣмъ не знать свойствъ какъ товара, такъ и самаго продавца; нерѣдко торгъ совершается быстро, такъ что покупатель не успѣваетъ тщательно разсмотрѣть товаръ. Наконецъ, случается, что покупатель совершаєтъ сдѣлку по просьбѣ другихъ и не особенно заинтересованъ въ ней. Поэтому, пожалуй, ни при одномъ родѣ сдѣлокъ не бываетъ такого количества обманыхъ дѣйствій, какъ при куплѣ-продажѣ.

Онеждане хорошо сознаютъ сущность обмана и строго отличаютъ его отъ ошибки. При обманѣ покупателя дѣятельность продавца но-сить активный характеръ, при ошибкѣ его—пассивный. Если, допу-стимъ, проданная лошадь оказалась хромой, но продавецъ не при-бѣгалъ ии къ какимъ ухищреніямъ, чтобы скрыть недостатокъ ея или навязать ее покупателю, то здѣсь, по мѣстному воззрѣнію, не будетъ никакого обмана со стороны продавца, а будетъ лишь ошибка со стороны покупателя. Другое дѣло, если продавецъ ста-рался скрыть недостатки товара или принималъ какія-либо мѣры, чтобы усыпить бдительность покупателя.

Однако, слѣдуетъ сказать, что гордый духомъ онежданинъ не совсѣмъ охотно сознается въ своей оплошности. Его характеру пре-титъ извиненіе своего недосмотра какими-либо причинами, свидѣтельствующими о его близорукости и простофильствѣ.

— На гнилой товаръ и слѣпой купецъ! такъ презрительно отзы-вается здѣшняя поговорка о тѣхъ рогозѣяхъ, которые поддаются обману. Конечно, въ суды нерѣдко поступаютъ жалобы, въ особен-ности отъ женщинъ, о вовлечениіи въ обманъ при куплѣ-продажѣ, но чаще всего эти дѣла оканчиваются миролюбиво, путемъ компромисса, безъ обращенія къ суду. Если же новація обязательства происходитъ на судебномъ разбирательствѣ, то роль суда ограничивается призна-ніемъ законности вновь заключенной сдѣлки.

Обманъ при куплѣ-продажѣ иногда принимаетъ особенно злост-ную форму, именно продажу одной и той же вещи двумъ покупате-лямъ. Такъ какъ подобные поступки свидѣтельствуютъ о боль-шемъ напряженіи злой воли у продавца и такъ какъ уберечься отъ подобнаго обмана весьма трудно, то продавецъ, помимо гра-жданскихъ послѣдствій, подвергается еще и уголовному наказанію. Гражданскія же послѣдствія состоять въ томъ, что первому покуп-телю возвращается задатокъ, сдѣлка же со вторымъ покупателемъ остается въ силѣ. Такое отношеніе Волостныхъ Судовъ къ двойной продажѣ одного и того же имущества можно считать прочно устано-

вившимся, и оно вытекает, какъ логическое слѣдствіе народнаго взгляда на то, что право собственности на купленную вещь переходитъ къ покупателю лишь съ момента ея передачи. Хотя сдѣлка заключена, но вещь еще въ рукахъ продавца, есть только „запродаажа“, настоящая же купля-продажа, суть которой заключается въ переходѣ права собственности на вещь отъ одного лица къ другому, будетъ только при фактической передачѣ. Поэтому-то первый покупщикъ можетъ только требовать задатокъ, взыскивать убытки и требовать наказанія за обманъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о такъ называемой условной купль-продажѣ, нерѣдко наблюдаемой въ мѣстномъ быту. Наиболѣе широкое примѣненіе она получила при возмездномъ переходѣ права собственности на жилища, причемъ суть условія заключается въ представлѣніи продавцу жительствовать въ проданномъ домѣ („вырядить себѣ уголь“). Вопросъ о продажѣ домовъ съ подобными условіями будетъ разсмотрѣнъ ниже.

Другимъ условіемъ является своевременная уплата долга за купленное имущество. Таковъ слѣдующій случай, уже разъ приводимый нами (см. стр. 236): владѣлецъ мельницы продалъ ее одному крестьянину, причемъ, согласно договору, покупатель долженъ былъ произвести уплату долга въ 4 года; если же онъ не уплатитъ за этотъ срокъ долга, то продавецъ получаетъ мельницу обратно. Покупатель за всѣ 4 года уплатилъ лишь 10 руб.; тогда мельникъ обратился въ судъ, требуя возврата мельницы, и судъ призналъ за нимъ право собственности на нее ¹⁾.

У Волостныхъ Судовъ вообще существуетъ тенденція смотрѣть на всякую продажу непотребляемаго имущества въ кредитъ, какъ на условную продажу. Это объясняется тѣмъ, что зачастую продавецъ, передавшій вещь покупателю и, слѣдовательно, право собственности на нее, лишенъ возможности произвести взысканіе задолженной части цѣны иначе, какъ путемъ обратнаго полученія вещи.

Если разсматривать куплю-продажу въ кредитъ, какъ состоящую изъ двухъ сдѣлокъ, а именно: 1) собственно купли-продажи и 2) займа, то покупаемая вещь носить характеръ „залога“, хотя бы въ рядѣ вовсе не упоминалось о такомъ обезпеченіи этого сложнаго обязательства. Въ подобныхъ случаяхъ самъ судъ признаетъ проданную вещь „залогомъ“ и поступаетъ съ нею соотвѣтствующимъ образомъ при неуплатѣ долга, т. е. обращаетъ въ пользу продавца или продажей ея или признаніемъ за нимъ права собственности на вещь. Примѣръ: кр-ка Чирова заявила, что она продала кр-кѣ Прокопьевой свой домъ за 25 руб., въ счетъ коихъ Прокопьева уплатила ей 20 руб., а остальныхъ 5 рублей не уплатила ей въ назначенный срокъ и вообще укло-

¹⁾ Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 18 сент. 1911 г.

няется отъ уплаты, посему просить взыскать эти деньги съ Прокопьевой. Вызванная въ судъ отвѣтчица признала долгъ. Судъ постановилъ: обязать Прокопьеву уплатить 5 руб. черезъ 3^{1/2} мѣсяца, въ противномъ случаѣ купленный домъ долженъ поступить обратно въ собственность Чировой¹⁾.

Изъ этого рѣшенія видно, что судъ, при разборѣ дѣлъ обѣ условной куплѣ-продажѣ, поступаетъ совершенно такъ же, какъ онъ поступаетъ вообще при разрѣшеніи дѣлъ о займахъ, обезпеченныхыхъ залогомъ (см. ниже, глава VIII).

Изъ договоровъ обѣ условной продажѣ имущества наиболѣе интересна купля-продажа дома съ условіемъ предоставить продавцу право жительства въ немъ до смерти. Побужденія, которыми руководствуются при этомъ продавцы, довольно разнообразны. Иногда какая-либо одинокая вдова чувствуетъ себя безсильной содергать въ исправности свой домъ,—тѣмъ болѣе, что онежские дома очень часто достигаютъ весьма внушительныхъ размѣровъ. Иногда беспомощная старушка, нуждаясь въ деньгахъ для пропитанія, продаѣтъ свое жилище, „вырѣживая себѣ уголъ до смерти“ и обезпечивая себѣ какъ бы пенсію, состоящую изъ периодическихъ получекъ въ теченіе продолжительного времени.

Договоры этого рода, какъ уже упоминалось, заключаются всегда въ письменной формѣ. Условіемъ сдѣлки ставится зачастую не только предоставленіе продавцу жительствовать въ проданномъ домѣ, но и еще иѣкоторая другія, налагаемая на покупателя, обязанности, преимущественно, нравственного характера. Напр., въ одномъ изъ договоровъ читаемъ: „Продала я (Шомонтьева) ей (Смородиной) деревянный одноэтажный домъ за цѣну 15 руб., но съ тѣмъ, чтобы мнѣ, Шомонтьевой, проживать въ ономъ до смерти, и ей, Смородиной, отапливать и ухаживать за мной при старости лѣтъ, какъ дочери съ матерью“²⁾.

Но совмѣстное проживаніе продавца и покупателя можетъ привлечь къ различнымъ недоразумѣніямъ и ссорамъ, почему иные продавцы предусматриваютъ этотъ случай при продажѣ. Такъ, въ одномъ договорѣ читаемъ: „Жить ей, продавщицѣ, въ общей съ покупателемъ квартирѣ, а въ случаѣ несогласія—въ „гиренкѣ“ (комната, отдѣленная отъ горницы сѣнями), со своимъ отопленіемъ и иконой, на сараѣ имѣть ларь для храненія хлѣба“³⁾. Такъ какъ сѣверные дома довольно большихъ размѣровъ, то подобныя неудобства легко устранимы и безъ этой оговорки; неуживчивой продавщицѣ всегда можно отвести отдѣльную коморку.

1) Рѣшеніе Кокоринскаго Вол. Суда 4 декабря 1905 г.

2) Книга сдѣлокъ и договоровъ Кирилловскаго Вол. Правленія за 1898 годъ.

3) Книга сдѣлокъ и договоровъ Посад. Всл. Правленія.

Болѣе существенnoй является предусмотрительность другихъ лицъ, которая ставить условiемъ, чтобы покупатель до ихъ смерти не отчуждалъ дома. Соглашаясь жить подъ одной крышей съ покупателемъ, нерѣдко на правахъ члена его семьи, продавцы, при совершенніи купли-продажи, болѣе всего принимаютъ во вниманiе личные качества покупателя, величину его семьи, материальный достатокъ, и т. д. А при перепродажѣ дома первые продавцы, остающiеся жить въ немъ, могутъ попасть въ несносное положенiе, такъ какъ новые хозяева не всегда окажутся обладающими такими же качествами, какiя были присущи первымъ покупателямъ. Но это не болѣе, какъ теоретическое разсужденiе: на практикѣ перепродажа дома почти невозможна, и вотъ почему. Такъ какъ купля-продажа домовъ всегда совершается въ кредитъ, съ разсрочкою долга на многiе годы, и такъ какъ, по взглядамъ Вол. Судовъ, при всякой продажѣ въ кредитъ проданная непотребляемая вещь служить обезпеченiемъ аккуратнаго исполненiя покупателемъ лежащихъ на немъ обязанностей, то перепродажа дома явилась бы отчужденiемъ такого имущества, на распоряженiе котораго владѣлецъ не уполномоченъ. Самое отсутствiе судебныхъ дѣлъ о перепродажѣ домовъ, купленныхъ съ условiемъ предоставленiя продавцу права жительствовать въ немъ, доказываетъ, что такое явленiе не случается въ мѣстномъ быту. Причина этого коренится, прежде всего, въ томъ, что сама по себѣ купля-продажа домовъ явленiе не особенно частое, а во-вторыхъ, что перепродажа дома до выплаты всего долга явилась бы продажей имущества, которое обременено правомъ залога. Если бы лицо задумало совершить продажу дома при наличiи этого обстоятельства, то оно едва ли бы нашло покупателя, ибо сдѣлка относительно имущества, въ распоряженiи которымъ владѣлецъ ограниченъ, подлежала бы расторженiю.

VII.

Имущественный наемъ вообще и одинъ отдельный видъ его; ссуда.

Предметами найма въ мѣстномъ быту бываютъ слѣдующiе роды имущества: изъ недвижимости—земля и дома, изъ движимости—лошади и телѣги. Сдача земли въ аренду—явленiе наиболѣе частое, такъ какъ неѣть ни одной деревни, въ которой не отсутствовало бы отъ 10% до 25% полноправныхъ членовъ сельскаго общества. Уходя бурлачить на долгiе годы, онеждане нерѣдко увозять съ собою свои семьи, а землю, какъ надѣльную, такъ и „билетную“ (расчистки), сдаются въ аренду кому-либо изъ односельчанъ. Въ виду отсутствiя мужчинъ въ лѣтнюю пору, обработка земель всею тяжестью ложится на женщины, которая едва справляется съ собственными участками,—поэтому не всегда находится достаточное количество лицъ, желаю-

щихъ обременить себя наемной землей. Для бурлака остается одинъ выходъ—сдать землю въ безвозмездное пользованіе или, точище, за платежъ податей. Совершенно же отказаться отъ земли онежанинъ опасается, ибо сознаетъ ея великое значеніе, сознаетъ, что какъ ни обиленъ заводскій заработка, но онъ не вѣренъ, шатокъ, между тѣмъ, какъ земля будетъ ему вѣчной кормилицей.

Кромѣ бурлаковъ, въ сдачѣ земли въ аренду нуждаются лица безпомощныя, чаще всего—бездѣтные или брошенные дѣтьми старини и старухи.

Дома нанимаютъ сравнительно рѣдко, главнымъ образомъ, подъ какія-либо общественныя или государственныя учрежденія, напр. школы, почтовыя отдѣленія и т. п. Наемъ помѣщеній уже явленіе болѣе частое, такъ какъ въ селахъ живеть не мало разныхъ пришлыхъ людей, напр., чиновники, торговцы, ссыльные, которые нуждаются въ квартирахъ. Наконецъ, молодежь нуждается въ помѣщеніи для вечеринокъ.

Лошадь нанимаютъ для полевыхъ работъ, а телѣгу—для проѣзда на станцію желѣзной дороги за бурлаками и т. п.

Договоръ имущественного найма заключается словесно; письменная форма употребляется лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда происходитъ сдача „билетныхъ“ земель, причемъ сдѣлка иногда заносится въ правленскую книгу сдѣлокъ и договоровъ.

Наймодавецъ долженъ имѣть право распоряженія имуществомъ. Несамостоятельный члены крестьянскихъ семей не пользуются этимъ правомъ въ отношеніи семейной собственности. Вдова, которой отводится особое помѣщеніе въ домѣ родителей ея покойнаго мужа, не имѣеть права сдавать его въ наемъ безъ согласія главы семейства. Это видно изъ слѣдующаго судебнаго казуса. Кр-ка Ирина Дядькина заявила Волостному Суду, что сноха ея, Фекла, пустила въ „горенку“, гдѣ она имѣла право проживать по смерти мужа, вечеринку. Судъ постановилъ: „Феклу Дядькину, 30 лѣтъ отъ роду, хотя и живущую послѣ смерти мужа въ отдельной горницѣ, но въ одномъ домѣ, за неповиновеніе свекрови своей подвергнуть заключенію на хлѣбъ и на водѣ на 2 сутокъ¹⁾“.

Условія ряды касаются срока и вознагражденія. Наемъ земли рѣдко производится болѣе, какъ на одинъ годъ. Такая краткосрочность объясняется непостоянствомъ заводскаго заработка, отвлекающаго онежанинъ отъ земли. Бурлакъ можетъ по самымъ различнымъ причинамъ лишиться заработка на заводѣ и возвратиться на родину, чтобы снова приняться за соху.

Вознагражденіе за нанятое имущество бываетъ троекое: 1) денежная плата; 2) плата натурою; 3) исполненіе общественныхъ и го-

¹⁾ Рѣшеніе Посаднаго Вол. Суда 28 іюня 1865 г.

сударственныхъ повинностей вмѣсто наймодавца. При наймѣ земли иногда одна уплата податей является достаточнымъ вознаграждениемъ за арендованную землю; иногда къ этому присоединяется денежная плата; чаще же всего плата производится натурою. Если земля сдается изъ половины или трети урожая, то такой видъ найма называется „бтысьпъ“; въ подобную сдѣлку вступают преимущественно одинокія престарѣлія лица.

Что касается правъ и обязанностей сторонъ при наймѣ, то о нихъ можно сказать слѣдующее. Имѣя право получить въ условленное время вознаграждение, наймодавецъ обязанъ не препятствовать нанимателю осуществлять свое право пользованія нанятымъ имуществомъ. Въ свою очередь наниматель, обязанный своевременно уплатой вознагражденія, можетъ производить въ отношеніи нанятаго имущества всѣ тѣ дѣйствія, которыми обусловливается пользованіе нанятымъ имуществомъ для достиженія опредѣленныхъ цѣлей. Напримеръ, при наймѣ избы для вечеринки наниматели имѣютъ право удалять перегородку, раздѣляющую избу на двѣ половины, придвигать къ стѣнамъ скамейки, прибивать такъ называемыя „люстры“ (деревянныя подставки для свѣчей), и т. д. Волостные Суды, руководясь здравымъ смысломъ, признаютъ это право нанимателя, хотя бы о немъ не упоминалось въ рядѣ. Слѣдующій судебный казусъ подтверждаетъ сказанное. Крестьянинъ Е. въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ нанималъ домъ подъ трактирное заведеніе, причемъ приспособилъ его согласно назначенію и, между прочимъ, вдѣлалъ въ печку кубъ для кипченія воды. По закрытіи трактира, въ виду введенія казенной продажи пинтей, договоръ найма прекратился, и пользованіе домомъ перешло къ его владѣльцу. Трактирщикъ хотѣлъ было взять кубъ, но домохозяинъ воспротивился, ссылаясь на то, что кубъ вдѣланъ въ печку безъ его разрѣшенія. Дѣло перешло въ Волостной Судъ, который призналъ кубъ собственностью трактирщика ¹⁾, т. е., говоря иначе, призналъ его право утилизировать нанятое помѣщеніе въ тѣхъ цѣляхъ, ради которыхъ нанималось зданіе и о которыхъ владѣлецъ былъ освѣдомленъ.

Но, съ другой стороны, наниматель имѣть извѣстныя обязанности въ отношеніи нанятаго имущества. При наймѣ земли арендаторъ не долженъ запускать ее, т. е. истощать почву, обходясь безъ удобренія. Обычно ему вмѣняется въ обязанность содержать въ исправности „огороды“ (изгороди), которыя въ мѣстномъ быту имѣютъ большое значеніе. За сохраненіемъ въ исправности арендованной надѣльной земли обыкновенно слѣдить само сельское общество. При наймѣ избы для вечеринки наниматели не должны производить какихълибо, не вызываемыхъ цѣлью найма, видоизмѣненій въ убранствѣ

¹⁾ Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 8 декабря 1902 г.

избы. Напр., они не могутъ выносить иконъ, снимать рукою иконы и проч. Въ случаѣ порчи наятої движимости, по общему правилу наниматель обязанъ вознаградить наймодавца. Чаще всего порча наятої имущества происходитъ при паймѣ избы для вечеринокъ; наниматели обыкновенно безъ замедленія производятъ починку или поправку самолично. Нерѣдки случаи небрежнаго обхожденія нанимателей съ наятої лошадью и обращенія владѣльцевъ къ суду за взысканіемъ убытковъ. Таковъ слѣдующій случай: кр-нъ Дудкинъ паяялъ лошадь кр-ки Чировой для возки дровъ. Отъ побоевъ лошадь захвата. Волостной Судъ, разбирая это дѣло, рѣшилъ: „если не поправится лошадь и, чего Боже упаси, околѣтъ, то взыскать съ Дудкина за лошадь по ея стоимости“ ¹⁾). Другое дѣло: кр-нъ Еппрановъ Ѵадилъ на лошади кр-на Круткова въ г. Онегу и ушибъ лошадь. Владѣлецъ привлекъ нанимателя къ отвѣтственности за неаккуратное обращеніе съ лошадью. На судѣ стороны заключили мировую сдѣлку, въ силу которой отвѣтчикъ обязался опустить нѣсколько денегъ въ кружку Краснаго Креста ²⁾).

Договоръ имущественнаго найма прекращается: 1) истечениемъ срока; 2) отказомъ наймодавца отъ договора въ виду неполученія условленнаго вознагражденія или вслѣдствіе небрежнаго обращенія съ имуществомъ; 3) отступлениемъ отъ обязательства безъ объясненія причинъ.

Порча имущества является чаще всего поводомъ къ расторженію договора о паймѣ избы для вечеринки. Но и наемъ земли можетъ быть прекращенъ вслѣдствіе небрежнаго обращенія съ нею, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее судебное дѣло. Кр-нъ Самсоновъ сдалъ земельный участокъ кр-ну Каменеву на 10 лѣтъ; но такъ какъ Каменевъ плохо удавоживалъ землю и плохо содержалъ изгороди, то просилъ Волостной Судъ расторгнуть условіе. Судъ выяснилъ путемъ свидѣтельскихъ показаній, что Каменевъ виновенъ въ плохомъ содержаніи земли и постановилъ нарушить условіе его съ Самсоновымъ ³⁾.

Въ виду несовершенныхъ юридическихъ понятій, онежданамъ не чуждо представление о договорѣ имущественнаго найма, аналогичное съ представлениемъ о договорѣ личнаго найма, т. е., какъ тамъ, такъ и здѣсь, признается право контрагентовъ отступить отъ обязательства во всякое время. Установленію такого взгляда отчасти содѣйствуетъ сплошь и рядомъ наблюдавшее безвыходное положеніе неудачниковъ-бурлаковъ, которые сначала сдаются землю въ аренду, а затѣмъ внезапно возвращаются домой, лишившись заработка на заводѣ, и тре-

¹⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 27 марта 1891 г.

²⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 30 ноября 1897 г.

³⁾ Рѣшеніе Кокоринскаго Вол. Суда 8 ноября 1901 г.

буютъ землю обратно. При такихъ условіяхъ передъ судомъ стонть диллемма: или пустить наймодавцевъ по міру или расторгнуть сдѣлку.

Для выясненія взглядовъ Волостныхъ Судовъ на прекращеніе имущественного найма по одностороннему желанію разсмотримъ слѣдующія судебныя рѣшенія. Кр-нъ Поповъ арендовалъ сѣнокосъ у кр-ки Привалихиной на 3 года (1904—1906), причемъ заплатилъ ей деньги впередъ, по 1 р. 30 к. за годъ. Два лѣта Поповъ пользовался пожніями безпрепятственно, а на третью лѣто владѣлица не позволила ему произвести косьбу травы. Судъ рѣшилъ дѣло такъ: „въ виду того, что 1 р. 30 к. съ Привалихиной взыскать трудно, то обязать ее, чтобы она предоставила Попову косить покосы въ 1908 году“¹⁾). Въ данномъ случаѣ судъ какъ бы не видѣть никакого правонарушительного дѣянія въ томъ, что Привалихина отказалась арендатору до срока; если онъ не отказалъ Попову въ искѣ, то только потому, что тотъ заплатилъ деньги впередъ, а вернуть таковые невозможно иначе, какъ путемъ предоставленія арендатору права скосить сѣно съ пожень наймодательницы.

Но другое дѣло, если наймодавецъ прекращаетъ договоръ найма съ какими-либо преступно-корыстными цѣлями, напр., имѣть въ виду взять задатокъ съ одного лица, а имущество передать другому лицу. Въ этихъ случаяхъ, какъ и въ договорѣ личнаго найма,—при получении задатка съ одного лица и поступленіи на работу къ другому лицу,—Волостные Суды видѣть уголовный элементъ и, хотя не расторгаютъ договора съ другимъ лицомъ, но налагаютъ на виновнаго, помимо гражданскихъ послѣдствій, еще и уголовное наказаніе. Таковъ, напр., слѣдующій случай. К-нъ Ворзогорской волости Н. Захаровъ жалуется Кокоринскому Волостному Суду на то, что крестьяне д. Софоновской, Н. Савинъ, Иванъ и Андрей Каменевы и М. Самсоновъ, „продавъ“ ему, Захарову, на скосъ пожню подъ названіемъ Корела на 1894 годъ за 6 руб., взяли задаткомъ съ него 3 руб., что подтверждается документомъ, но пожню эту „продали“ въ другія руки. Судъ постановилъ взыскать съ виновныхъ задатокъ, присудилъ съ нихъ 1 руб. убытковъ въ пользу Захарова и арестовалъ каждого на одинъ сутки²⁾.

Относительно найма надѣльной земли слѣдуетъ замѣтить, что иногда само сельское общество вмѣшивается въ отношенія между наемателемъ и наймодавцемъ и своей властю прекращаетъ договорные отношенія между сторонами или, вѣрнѣе, производить замѣну одного изъ контрагентовъ. Такъ какъ сохраненіе надѣльной земли въ надлежащей годности для земледѣлія имѣть значеніе не только для ея фактическаго владѣльца, но и для всей общины, которая является настоящимъ собственникомъ надѣловъ, то сельчане зорко слѣдятъ за

¹⁾ Рѣшеніе Кокоринскаго Вол. Суда 1907 г.

²⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 3 дек. 1895 г.

обращениемъ наимателей съ арендованою землею. Если сельскій сходъ признаетъ, что наиматель запустилъ землю, то передаетъ ее другому лицу на прежнихъ условіяхъ (уплата податей). Наймодавецъ ничего не проигрываетъ отъ такой замѣны контрагента, совершившейся безъ его вѣдома и согласія; общество же предохраняетъ такимъ путемъ свою землю отъ истощенія и приведенія въ негодность для земледѣлія.

Для того, чтобы лучше охарактеризовать имущественный наемъ по обычаямъ онежанъ, приведемъ одинъ частный видъ его, именно— наемъ избы для вечеринки.

Помимо своего увеселительного значенія, вечеринки или посѣдки въ мѣстномъ быту имѣютъ значеніе выставокъ певѣсть. Такъ какъ здѣшніе парни, несмотря на многолѣтнее пребываніе на чужбинѣ, женитесь все-таки прѣѣжаютъ на родину, то безъ вечеринокъ они были бы лишены возможности въ теченіе своего кратковременного пребыванія въ родной деревнѣ произвести болѣе или менѣе тщательный выборъ будущей подруги жизни. Обыкновенно бурлаки возвращаются домой осенью. Тѣ, которые имѣютъ постоянную должность, прѣѣжаютъ домой просто погостить или со специальной цѣлью, напр. для призыва, для женитбы и т. д.; другіе же, уходящіе только на лѣтніе заработки по лѣсному дѣлу, являются домой на всю зиму. Ужѣ съ конца сентября начинаетъ понемногу увеличиваться народонаселеніе опежскихъ деревень. По трактамъ то и дѣло мчатся со станцій телѣги, на которыхъ возвращаются домой бурлаки, везя съ собою огромные короба пажитаго добра и разныхъ питерскихъ гостинцевъ. Щеголевато разодѣтые, съ самодовольнымъ видомъ, расхаживаютъ „пітерцы“ по деревнѣ, привлекая къ себѣ вниманіе сосѣдей и заставляя усиленно биться дѣвичьи сердца. И какъ только земля покроется снѣгомъ, какъ только притокъ бурлаковъ тойдетъ до апогея, въ деревняхъ все чаще и чаще начинаютъ поговаривать о свадьбахъ. Стоя въ церкви въ Покровъ, молодыя дѣвушки втайне вздыхаютъ, приговаривая:— „Покровъ—батюшко, покрой землю снѣжкомъ, а меня женишкомъ“ ¹⁾.

Съ Покрова же начинаются вечеринки. Въ одномъ и томъ же приходѣ, растянутомъ на нѣсколько верстъ и состоящемъ изъ многихъ поселковъ, существуетъ нѣсколько „округъ“, въ каждой изъ которыхъ сидятъ особыя вечеринки. Въ составъ „округи“ входитъ

1) Другія моленія на этотъ случай слѣдующія:

1) Покровъ Пресвятая Богородица! Покрой сыру землю снѣжкомъ, а мою буйну голову женишкомъ.

2) Пятница святая мученица Парасковея, пошли мнѣ женишкѣ-то поскорѣе.

3) Воскресеніе Христово! пошли мнѣ жениха холостого, въ чулчонкахъ да въ порчонкахъ.

4) Даї Богъ жениха хорошаго, въ саногахъ да съ колошами, не на коровѣ, а на лошади.

или нѣсколько смежныхъ деревушекъ (5—8), или же одна большая деревня. Молодежь такого особаго района уже съ осени принимаетъ мѣры для того, чтобы подыскать подходящее помѣщеніе для вечеринокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Архангельской губ., въ особенности тамъ, гдѣ еще до сихъ поръ сохранились патріархальные нравы, вечеринки сидѣть поочередно въ тѣхъ домахъ, гдѣ имѣются молодые парни или дѣвушки. Въ Онежскомъ же уѣздѣ, уже значительно утратившемъ свою прежнюю простоту, практикуется наемъ избы, специально предназначающейся для вечеринокъ, которая бываютъ двухъ родовъ—обыкновенная и чрезвычайная. Послѣднія устраиваются или въ мѣстные праздники, или въ особое, заранѣе опредѣленное время зимы, называемое „госьдами“, отличаются многолюдіемъ и, поэтому, нерѣдко вызываютъ необходимость въ особомъ, болѣе просторномъ, помѣщеніи. Для обыкновенныхъ же вечеринокъ довольствуются такой избой, какую удастся подыскать у кого-либо изъ болѣе бѣдныхъ крестьянскихъ вдовъ. Тѣ же изъ онежанъ, которые живутъ маломальски безбѣдно, никогда не сдаются своей избы подъ вечеринку, въ виду того, что собраніе молодежи сплошь и рядомъ превращается въ сплошное побоище и доставляетъ хозяевамъ большое беспокойство.

Нанимателями являются парни и дѣвушки всей „округи“. Наемъ избы производится ими съ общаго соглашенія; тѣмъ не менѣе, сдѣлка, въ которую вступаетъ компанія молодежи съ наймодавцемъ, не пріобрѣтаетъ характера солидарного обязательства. Напротивъ, какъ уже говорилось раньше, сложныя онежскія обязательства всегда являются долевыми; поэтому, въ отношеніи исполненія обязанностей, налагаемыхъ на молодежь договоромъ найма вечериночной избы, каждый изъ нанимателей отвѣчаетъ самостоитѣльно передъ хозяевами.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ моментомъ заключенія договора о наймѣ избы служить такъ называемая „складыня“. Этотъ обрядъ состоитъ въ томъ, что черезъ нѣсколько дней послѣ окончательныхъ переговоровъ молодежь собирается въ нанятую избу; парни покупаютъ водку, а дѣвушки приносятъ съѣстные припасы, и устраиваютъ угощеніе, какъ для себя, такъ и для хозяевъ (Шелекса).

Предметъ найма—изба, подъ которой подразумѣвается самая большая горница въ домѣ („передняя изба“), „горенка“ же, отдѣленная отъ нея сѣнами, остается въ распоряженіи хозяевъ. Если изба раздѣлена перегородкою надвое, то наниматели получаютъ право пользоваться обѣими частями; точно также они могутъ приспособлять помѣщеніе соотвѣтствующимъ образомъ.

Первое условіе ряды касается того срока, на который нанимается изба. Въ иныхъ мѣстахъ избу нанимаютъ на всю зиму, считая таковую отъ Покрова до масленицы; въ другихъ—на ползимы, сначала отъ Покрова до Рождества, а затѣмъ отъ Рождества до масленицы. Наконецъ, въ позднѣйшее время кое-гдѣ началь практиковаться наемъ по-

недѣльно (Турчаково). Причина такого явленія коренится въ безчисленныхъ вечериночныхъ скандалахъ, которые побуждаютъ хозяевъ нарушать договоръ. Опасаясь пропажи уложенныхъ денегъ, вслѣдствіе отказа хозяевъ впустить вечеринку, подъ предлогомъ частыхъ безчинствъ, молодежь не находитъ ничего лучшаго, какъ нанимать избу лишь на недѣлю: по миновеніи недѣли можно продолжить договоръ еще на такой же срокъ, а въ случаѣ отступленія хозяина отъ договора—убытки весьма ничтожны.

Плата за пользованіе избою въ настоящее время преимущественно денежная, но сохранилась кое-гдѣ и натуральная. Въ Савинской волости, напримѣръ, дѣвушки платятъ, помимо денегъ, по одной „малѣнки“ жита за зиму. Въ Кокоринской волости дѣвушки, сверхъ денегъ, обязаны приносить наймодавцамъ „празынисънѣ“, т. е. праздничное угощеніе, состоящее изъ издѣлій деревенской кухни.

Денежная плата не превышаетъ 35 коп. съ парня и 25 коп. съ дѣвушкы за ползмы. Подростки платятъ еще меньшіе. Есть мѣстности, гдѣ плата за избу цѣликомъ ложится на дѣвушекъ. Таковы Шелекса и Порогъ. Каждый изъ молодежи платить самостоятельно хозяевамъ въ тѣ сроки, какіе найдетъ для себя удобными; но чрезмѣрная задержка платы вызываетъ нѣкоторая репрессію со стороны хозяевъ, состоящія въ двусмысленныхъ намекахъ или даже въ открытыхъ оскорбленіяхъ. Чѣмъ ниже культурный уровень той или другой волости, тѣмъ грубѣе производится расправа съ неисправными плательщиками, въ особенности же съ плательщицами. Въ прежнее время не стѣснялись даже закрывать двери передъ самимъ лицомъ несостоятельной дѣвушкы.

Помимо ряженой платы, хозяйки получаютъ отъ дѣвушекъ различныя подачки натурали, безъ вѣдома ихъ родителей. Необходимость такихъ подачекъ вытекаетъ изъ опасенія, какъ бы хозяйка, свидѣтельница всего происходящаго на вечеринкѣ, не насплетничала родителямъ чего-либо нехорошаго. Тѣ изъ молодежи, которые прѣѣзжаютъ въ деревню въ серединѣ зимы и потому при заключеніи ряды не присутствуютъ, платить хозяевамъ столько, сколько найдутъ нужнымъ; но, конечно, чтобы не „обезлѣвить“ себя, стараются сдѣлать взносы не менѣе прочихъ, участвующихъ въ договорѣ, лицъ.

Слѣдующее условіе ряды касается отопленія. Самая топка печей всегда относится къ обязанностямъ хозяевъ, но дрова поставляютъ дѣвушки. Такъ, напр., въ „округахъ“ Савинской, Кокоринской и другихъ волостей каждая дѣвушка, идя на вечеринку, должна приносить полѣно дровъ. Живущія вдали, а также всѣ другія желающія, вместо этого могутъ привезти единовременно цѣлый возъ.

Освѣщеніе всегда относится на счетъ нанимателей, и притомъ только на парней. Лучина въ наше время почти повсемѣстно вывѣлась изъ домашняго обихода, раньше же ею пользовались и на ве-

черинкахъ. Въ будни довольствуются лампой и платятъ хозяекъ за керосинъ копеекъ пять за вечеръ или же и болѣе, въ зависимости отъ материального благосостоянія плательщиковъ. Въ праздники, а также и въ тѣ будни, когда собраніе многолюдно, между „холостыми“ (парнями) составляется складчина на свѣчи, или же кто-нибудь изъ парней съ широкой замашкой выбросить деньги на одну—две дюжины свѣчекъ. Количество зажженныхъ свѣчей опредѣляетъ достоинство вечеринки, поэтому между болѣе состоятельными парнями возникаетъ соревнованіе по поводу пожертвованія денегъ на освѣщеніе.

Содержаніе помѣщенія въ чистотѣ и исправности ложится частью на хозяевъ избы, частью на нанимателей женскаго пола. Хозяева обязаны подметать избу („пахать полъ“), а девушки обязаны разъ въ недѣлю являться для мытья половъ. Тѣ, которые не желаютъ чести этой повинности, откупаются лишнимъ пятакомъ.

Условія ряды, касающіяся отопленія, освѣщенія и содержанія избы въ порядкѣ, относятся къ естественнымъ и могутъ вовсе не упоминаться въ каждомъ отдельномъ случаѣ заключенія договоровъ этого рода.

Рассмотримъ права и обязанности сторонъ.

Наниматели получаютъ право сходить на посѣдку ежедневно, за исключеніемъ субботъ и кануновъ праздниковъ. Допущеніе вечеринки въ эти дни считается не только грѣховнымъ¹⁾, но и уголовно-наказуемымъ дѣяніемъ, какъ это видно изъ одного судебнаго дѣла: кр-нъ Дѣяновъ допустилъ у себя вечеринку наканунѣ праздника Введенія Пресвятой Богородицы, за что и былъ оштрафованъ судомъ на 25 коп.²⁾. Обычно вечеринка продолжается отъ сумерокъ до полуночи, въ праздники же—до разсвѣта, тоинѣ, до тѣхъ поръ, пока хозяйка не затопить печки и не скажетъ:—Пора, девушки, домой!, тогда только начинаютъ расходиться.

Къ обязанностямъ нанимателей относится необходимость вознаградить хозяевъ за причиненный ущербъ. Битье стеколъ, поломка мебели, лами, даже дверей, составляетъ послѣдствіе почти каждой праздничной вечеринки. Но къ чести онежскихъ парней слѣдуетъ сказать, что они никогда не остаются въ долгу передъ хозяевами, и вопросъ о вознагражденіи за причиненный ущербъ никогда не переносится на разсмотрѣніе Волостныхъ Судовъ. Состоятельные виновники откупаются деньгами, другіе же собственоручно производятъ починку или мастерятъ новыя вещи взамѣнъ приведенныхъ въ негодность.

Хозяева сохраняютъ за собой право общаго наблюденія за поряд-

¹⁾ Въ Онежскомъ уѣздѣ повсемѣстно распространено преданіе о томъ, какъ изба ушла въ землю со всею вечеринкою въ наказаніе за то, что молодежь собралась на посѣдку подъ праздницъ. См. нашу статью „Онежскія повѣрья“, газета „Олонецкія Губ. Вѣдомости“, 1911 г., № 127.

²⁾ Рѣшеніе Кирилловскаго Вол. Суда 22 декабря 1889 г.

комъ на вечеринкъ, но, въ дѣйствительности, это не болѣе, какъ фикція, ибо фактически они лишены возможности прекратить начинающееся буйство или драку.

На хозяевъ возлагается обязанность хранить верхнее платье молодежи. Складомъ одежды чаще всего служитъ „горенка“, гдѣ ются хозяева и ихъ семьи во время вечеринокъ. Пропажи одежды почти никогда не бываетъ, поэтому трудно сказать что-нибудь объ ответственности хозяевъ за утрату ея.

Другая обязанность хозяевъ—имѣть всегда въ достаточномъ количествѣ сласти, калачи, пряники и подавать чай, если того потребуютъ желающіе (разумѣется, за особую плату). Угощеніе гостинцами всѣхъ присутствующихъ дѣвушекъ въ большомъ ходу среди онежскихъ парней. Въ особенности бываютъ щедры тѣ кавалеры, которые усиленно ухаживаютъ за какой-либо дѣвушкой („поддѣнять“). Купить гостинцы для одной только „носижальницы“ считается неприличнымъ, поэтому кавалеру приходится угощать и подругъ ея. Для хозяевъ весьма выгодно торговаться гостинцами на вечеринкахъ, такъ какъ парни изъ ложнаго стыда платятъ не торгуясь.

Скажемъ нѣсколько словъ о чрезвычайныхъ вечеринкахъ. Какъ уже упоминалось, онѣ устраиваются въ такое время, когда ожидается большое стеченіе молодежи и когда помѣщеніе, панятое для обыкновенныхъ вечеринокъ, оказывается недостаточнымъ. Кроме того, въ виду ненизбѣжныхъ скандаловъ при многолюдномъ собраніи хозяева требуютъ повышенаго вознагражденія. Поэтому необходимо заключеніе нового договора относительно найма вечериночной избы въ этихъ слу-чаяхъ. Наиболѣе характерны вечеринки во время такого периода зимы, который носитъ название „госын“. „Госын“—это сосредоточеніе молодежи въ теченіе трехъ сутокъ сначала въ одной какой-нибудь „округѣ“, потомъ въ другой, третьей и т. д. Устройство „госьевъ“ зависить исключительно отъ парней, которые устанавливаются между собою относительно времени „госьевъ“, расходовъ на освѣщеніе во время вечеринокъ и т. д. Если соглашеніе послѣдовало и срокъ назначенъ, то, по порученію парней, какой-нибудь малыши, панятый за полфунта карамели, бѣгааетъ по деревнямъ вечеринской „округи“, колотить въ окна и кричать:

— „Госын“ съ такого-то дня, „госын“! Везите „госей“!

Всѣдѣ за такимъ объявленіемъ начинается созывъ гостей. Почти каждая семья приглашаетъ изъ сосѣднихъ „округъ“ по нѣсколько душъ молодежи, причемъ не только родственниковъ, но и просто знакомыхъ. Вечеринки во время „госьевъ“ сидять или въ той же избѣ, гдѣ сидѣть въ обыкновенное время, или же панимаютъ особое помѣщеніе. Въ первомъ случаѣ съ хозяевами заключается особая ряда и назначается особая плата, но зато хозяинъ обязанъ предоставить панимательямъ отсидѣть три линии обычныхъ вечеринки впослѣд-

ствіц, по истечениі срока. Напр., если изба напята на первую полу-
зиму и въ этотъ періодъ были „гости“, то молодежь, не приплачивая
ничего, имѣть право собираться еще въ слѣдующіе три дня послѣ
Рождества Христова.

Найдавецъ избы для вечеринокъ во время „госьевъ“ обязывается предоставить молодежи избу на три вечера, кромъ того въ послѣдній день устраивается еще дневное собраніе—„бесѣда“.

Плата за помѣщеніе, а равно и освѣщеніе, ложится всецѣло на парней, ибо устройство „госьевъ“ есть любезность съ ихъ стороны въ отношеніи своихъ дѣвшекъ. Наемная плата не превосходитъ $2\frac{1}{2}$ руб. за вечеръ. Количество свѣчей, зажигаемыхъ на вечеринкахъ, зависитъ отъ предварительного соглашенія парней; въ первый день освѣщеніе бываетъ самое яркое.

Чтобы предохранить вечеринки во время „госьевъ“ отъ разгона, а также чтобы избавить своихъ гостей отъ приставанія „стариковъ“ съ требованіемъ на водку, парни заранѣе опредѣляютъ извѣстную сумму для угощенія ихъ.

Приведемъ для примѣра списокъ расходовъ, которые были произведены семью парнями деревни Нертемской, Посадной волости, при устройствѣ „госевъ“ въ 1911 году:

Первый день	70	свѣчей
Второй "	30	"
Третій " { бесѣда	10	"
" вечеринка	30	"

Итого.	140 свѣчей, по 5 к. шт.	7 "
Старикамъ на водку		3 "
	Всего	18 руб.,
а съ каждаго изъ семи парней по 2 рубля 57 коп.		

Деньги собираетъ и расходуетъ выборный староста. Нервона-
чально хозяевамъ даютъ только часть условленной платы, такъ какъ
опасаются, что найдавцы, получивъ впередъ всю ряженую сумму,
со второго же дня отступятъ отъ договора подъ предлогомъ чини-
мыхъ имъ непріятностей пьяницами и скандалистами. На второй
день хозяева получаютъ еще иѣкоторую часть денегъ, а на третій—
остальное.

Права и обязанности сторонъ тѣ же, что и при наймѣ избы для обыкновенныхъ вечериночъ.

Рассмотримъ теперь послѣдній вопросъ, именно,---о прекращеніи договоровъ этого рода. За нормальный способъ прекращенія слѣдо-

вало бы считать истечеіе срока, но на практикѣ чаше всего наблю-
дается прекращеніе найма избы для вечеринки путемъ отступленія
отъ обязательства со стороны наймодавцевъ, обыкновенно мотивирую-
щихъ свой поступокъ чрезмѣрными безобразіями молодежи. Объ
отступленіи же отъ обязательства со стороны нанимателей не можетъ
быть и рѣчи, такъ какъ въ наше время найти избу для вечеринки
весьма затруднительно. Всякій, кто пускаетъ къ себѣ вечеринку,
глядитъ на себя, какъ па благодѣтеля молодежи, несмотря на то,
что получаетъ приличное вознагражденіе.

Ссуда на поддержаніе. Скажемъ иѣсколько словъ о ссудѣ на
поддержаніе, юридическая конструкція которой весьма схожа съ иму-
щественнымъ наймомъ. Ссуда—явленіе самое обычное у онежанъ:
сознаваемая ими необходимость взаимной поддержки порождаетъ
весьма часто наблюдаемое предоставление своего имущества въ без-
мездное пользованіе другимъ. Предметомъ ссуды бываютъ, главнымъ
образомъ, лошади, земледѣльческія орудія и разныя хозяйственныя
вещи. До послѣдняго времени отдавались въ ссуду старинные „по-
вѣзки“ (кокошники), въ которыхъ нуждались родители невѣсты, чтобы
„обрядить“ дочь согласно старинному обычай во время „заплачки“,
предвѣнчанаго прощанія съ родицемъ. Хотя старинные костюмы давно
уже вышли изъ моды, но „заплачку“ невѣста непремѣнно должна
совершать въ „поязкѣ“. А такъ какъ этотъ головной уборъ сохра-
нился въ немногихъ семьяхъ, то тѣ лица, которые выдавали замужъ
дочерей и не имѣли своей „поязки“, вынуждались брать ее въ
ссуду.

Отъ ссудопринимателя требуется возвращеніе вещи въ преж-
немъ видѣ; въ случаѣ же порчи ея онъ несетъ только гражданскія
послѣдствія, или же, сверхъ того, подвергается уголовному наказа-
нію,—все зависитъ отъ того, неумышленно или умышленно произве-
дена имъ порча вещи. Пользованіе иѣкоторыми предметами, хотя бы
и безъ согласія хозяина, разсматривается Волостными Судами, какъ
ссуда; таковы средства нереправы, лодки и плоты. Лицо, которое
пользуется ими, обязано вернуть ихъ на прежнее мѣсто по миновеніи
надобности. При утратѣ ихъ виновный несетъ отвѣтственность, какъ
и всякой ссудоприниматель.

VIII.

З а е мъ

Всякому извѣстно, до какой степени доходитъ у крестьянъ цуяда
въ кредитѣ; она бросаетъ ихъ въ цѣпкія лапы деревенскихъ кула-
ковъ—рѣзоимцевъ и создаетъ два класса деревенского населенія,
могущественныхъ міроѣдовъ и закабаленныхъ ими бѣдняковъ. Въ
Онежскомъ уѣздѣ, какъ и повсемѣстно, договоры займа заключаются
сплошь и рядомъ, но мы можемъ констатировать весьма отрадный

фактъ: ростовщичества здѣсь не существуетъ. А разъ нѣть его, то и власть болѣе богатыхъ надъ малосостоятельными почти совершенно не ощущается.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы въ прежнее время не было попытокъ насадить ростовщичество въ Онежскомъ уѣздѣ. Такъ какъ взиманіе процентовъ въ чистомъ видѣ, т. е. въ денежному, чуждо мѣстному быту, то богачи—„десятники“ одолжали нуждающихся въ крупныхъ суммахъ денегъ, подъ условіемъ уплаты долга работою, которая, разумѣется, оцѣнивалась на этотъ случай весьма низко. Наиболѣе часто такого рода займы заключались въ прошломъ столѣтіи, до 1874 г., т. е. до военной реформы Императора Александра II. До этой эпохи населеніе Архангельской губерніи имѣло право откупаться отъ личной воинской повинности путемъ взноса въ казну по 1.000 руб. ассигнациями или по 300 рублей серебромъ за каждого рекрута. Этимъ пользовались не только богачи, но и лица малосостоятельный. Преву величенній ужасъ передъ воинской затмѣнялъ разсудокъ у многихъ малозажиточныхъ мужиковъ, которые приводили въ полное разстройство свое хозяйство, имѣя въ виду какъ-нибудь сколотить „рекрутскую тыщу“. Сдавали землю въ аренду за безцѣнокъ, продавали скотъ, земледѣльческія орудія, хлѣбъ, строенія; но, что самое главное, производили обременительные займы у мѣстныхъ деревенскихъ богачей, въ особенности же у „десятниковъ“, всегда готовыхъ укрѣпить за собой нужная имъ рабочія руки. Для большей вѣрности договоры займа заключались письменно съ занесеніемъ въ правленіскую книгу сдѣлокъ; исполненіе принятаго на себя обязательства обеспечивалось круговой порукой всѣхъ членовъ той семьи, на которую выпала очередь поставить рекрута; расплата производилась работою на сплавахъ. Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ заемщиковъ, подрядчики ставили эту работу въ невыгодныя условія. Отработка занятой „тыщи“ семьею, состоящей изъ трехъ работниковъ, продолжалась лѣтъ пять, причемъ за это время производился новый заемъ у подрядчика на необходимые расходы. Для уплаты новаго долга срокъ подневольной службы у заемодавца удлинялся еще на годъ или на два; въ случаѣ же смерти или болѣзни кого-либо изъ содолжниковъ, остальнымъ приходилось растягивать срокъ отработки снова на пѣсколько лѣтъ. Встрѣчающіяся въ этихъ договорахъ выраженія краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуютъ о той степени власти, которую пріобрѣталъ заемодавецъ надъ должникомъ. Такъ, напр., въ одномъ изъ договоровъ говорится: „Съ настоящаго времени должны мы (должники) поступить подъ вѣдѣніе и полное распоряженіе К. (заемодавца). А по заслугѣ всѣхъ денегъ К-овъ обязать отпустить насъ на волю“ ¹⁾.

¹⁾ См. книгу сдѣлокъ и договоровъ Мардинскаго Вол. Правленія.

Итакъ, результатомъ стремлениі бѣдняковъ избавиться отъ нату-ральной воинской повинности являлось полное разореніе хозяйства, задолженность и кабала, едва ли лучшая той, которая ждала рекрута на службѣ. Разговаривая со стариками по этому поводу, намъ приходилось слышать такія рѣчи:

— Зря такъ дѣлали! Почти что одно и то же выходило: міроѣды плодились, а мы бѣднѣли. То бы одинъ горевалъ на службѣ, а тутъ вся семья шла на сплавы да заводы. Но 20 лѣтъ иные не выходили изъ подъ начала десятниковъ.

Но, слава Богу, эти времена отошли въ область преданій. Обра-тимся къ настоящему времени.

Какъ и въ быту культурнаго населенія, займы онежанъ относи-тельно мелкихъ денежныхъ суммъ совершаются устно, болѣе крупныя долговыя обязательства облекаются въ письменную форму. Отсутствіе документальныхъ данныхъ при мелкихъ заемахъ создаетъ не малое затрудненіе для Волостныхъ Судовъ, лишенныхъ возможности опре-дѣлить наличіе или отсутствіе долга. Мѣстные суды не требуютъ письменныхъ доказательствъ для признанія дѣйствительности дого-вора займа; но такъ какъ займы совершаются чаще всего наединѣ, то истецъ не можетъ представить и свидѣтелей; поэтому судамъ остается признавать притязанія истца недоказанными, разъ отвѣтчикъ не признаетъ за собой долга. Но такие случаи, когда должникъ отка-зывается отъ дѣйствительно существующаго долга, въ крестьянствѣ весьма рѣдки, какъ это подмѣтилъ Пахманъ.

Обезпеченіе займа практикуется въ здѣшнемъ быту гораздо чаще, чѣмъ какихъ-либо другихъ обязательствъ; оно носить исключительно вещный характеръ и состоить въ „залогѣ“, т. е. въ передачѣ должни-комъ какой-либо принадлежащей ему вещи въ руки заемодавца. Слу-чается, что въ качествѣ „залога“, согласно договору, считается какая-нибудь вещь должника, которая остается на своемъ мѣстѣ, но въ поль-зованіи или распоряженіи которой собственникъ ея ограничивается, напр., скотъ и т. д.

Заемъ чаще всего совершается на неопределенный срокъ; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ срокъ опредѣляется, но не точной датой, а какимъ-нибудь событиемъ, напр. приходомъ сына или мужа заемщицы „изъ бурлаковъ“, окончаніемъ полевыхъ работъ и т. д.

Юридическія отношенія, возникающія изъ договора займа, весьма несложны; должникъ обязанъ платить деньги въ срокъ, если таковой назначенъ; кредиторъ обязанъ принимать деньги.

Рѣшенія Волостныхъ Судовъ, касающіяся займа, крайне одно-образны и мало интересны, за исключеніемъ тѣхъ, въ которыхъ вы-ясняется судьба „залога“. Какъ намъ удалось установить на основа-ніи нѣсколькихъ аналогичныхъ рѣшеній, кредиторъ не можетъ отчуждать „залога“ самостоятельно, въ случаѣ неуплаты долга. Онъ

долженъ предварительно обратиться къ суду за признаніемъ этого права. Судъ назначаетъ должнику срокъ (15—30 дней), въ теченіе коего онъ обязанъ уплатить долгъ; если же онъ этого не выполнить своевременно, то кредиторъ снова обращается къ суду, и тотъ даетъ ему право продать „залогъ“ или же поручаетъ Волостному Правлению произвести публичные торги ¹⁾.

Если кредиторъ утратить „залогъ“ съ корыстною цѣлью, безъ вѣдома суда, то подвергается уголовному наказанію, помимо гражданскихъ послѣдствій. Если „залогъ“ будетъ испорченъ по винѣ или небрежности кредитора, то этотъ послѣдній обязывается привести его въ надлежащей видъ. Это подтверждается слѣдующимъ примѣромъ. Кр-ка Широколобова дала кр-къ Едошиной пальто въ обезпеченіе займа. При разачетѣ Широколобова замѣтила, что пальто выѣдено мышами. Дѣло перешло въ судъ, но кончилось миролюбивой сдѣлкой: Едошина обязалась пальто потянуть новымъ сукномъ такого же качества ²⁾.

Если „залогомъ“ служить зерно или вообще замѣнныя вещи, то заемодавцу не возвращается пользоваться „залогомъ“ въ случаѣ несвоевременной уплаты долга. Примѣръ: Кр-нъ Хамонинъ заявилъ суду, что онъ долженъ кр-къ Кедриной 3 р. 50 коп., въ обезпеченіе какового долга Кедриной дано 4 четверинка ячменя; нынѣ ему эти сѣмена нужны, и онъ обращался къ Кедриной за ихъ полученіемъ съ уплатой долга, но Кедрина ему отказалась, а потому просить взыскать съ нея 4 чтк. ячменя. Отвѣтчица показала, что долгъ образовался $1\frac{1}{2}$ года тому назадъ, что въ обезпеченіе долга было дано 4 чтк. ячменя, который Хамонинъ обѣщался выкупить къ осени того же года или въ началѣ слѣдующаго, при порядкѣ въ бурлаки; а когда пришелъ срокъ, то она, Кедрина, предложила Хамонину выкупить ячмень, чего онъ не исполнилъ; посему она ячмень этотъ смолола на муку, такъ какъ ей нечего было есть. Судъ рѣшилъ: Хамонинъ долженъ уплатить Кедриной 3 р. 50 к. и процентовъ за $1\frac{1}{2}$ г. — 32 коп., а всего 3 р. 82 к. съ тѣмъ, что Кедрина должна возвратить 4 чтк. ячменя ³⁾.

Но вообще слѣдуетъ замѣтить, что судебныхъ рѣшеній, въ которыхъ внясняется судьба „залога“, весьма мало; это объясняется, какъ уже было сказано въ общей части, заботами онежанъ о доброй славѣ资料 of its name: вынося на публичное судилище сиоръ о „залогѣ“, кредиторы рискуютъ прослыть профессіональными заемодавцами.

Если эквивалентомъ занятыхъ денегъ является работа, что случалось въ прежнее время при займахъ „рекрутской тыщи“, то мѣстные суды, при обращеніи кредиторовъ съ жалобами на должниковъ

1) Рѣшенія Кокорин. Вол. Суда 3 дек. 1895 г. и 5 мая 1891 г.

2) Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 21 сент. 1886 г.

3) Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 1 марта 1906 г.

на неотработку долга, ограничивались лишь имущественнымъ взысканиемъ, присоединяя къ этому, на основаніи „Времен. правилъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ и служителей“, уголовное наказаніе,—послѣднее въ томъ случаѣ, если должникъ самовольно ушелъ со слава или съ дороги. Но ни одинъ судъ не рѣшался вмѣнить въ обязанность должнику принудительную отработку долга (такъ называемый заживъ).

Самое главное зло при займахъ—проценты—мало известны въ мѣстномъ быту. Только въ Кокоринской волости намъ пришлось прочитать иѣсколько судебныхъ рѣшеній, въ которыхъ, помимо долга, за истцомъ признается право на проценты. Но надо принять во вниманіе, что эта волость подгородня, и понятіе о процентахъ могло перейти къ крестьянамъ отъ горожанъ; въ прочихъ же волостяхъ, какъ болѣе удаленныхъ отъ вліянія города, процентъ совершенно чуждъ представлению крестьянъ. Даѣще, наличіе его въ Кокоринской волости отчасти объясняется и тѣмъ, что здѣшній судъ, руководимый, очевидно, какимъ нибудь грамотеемъ, долгое время присуждалъ истцамъ по собственной инициативѣ проценты. При такой практикѣ суда, проводника и выразителя правовыхъ воззрѣй, рѣзюмство могло безъ особаго затрудненія привиться къ мѣстному быту и сдѣлаться обычнымъ явлениемъ. Но, насколько намъ известно, въ настоящее время и въ этой волости рѣзюмство значительно сократилось.

IX.

Обязательства, проистекающія отъ причиненія ущерба.

А. Неправое владѣніе. Въ народномъ быту весьма часто случается такое завладѣніе чужой собственностью, которое носить всѣ признаки кражи или присвоенія, и тѣмъ не менѣе, по практическимъ соображеніямъ, не признается уголовно-наказуемымъ дѣяніемъ. Малая напряженность злой воли, совершение проступка инстинктивно, малочѣнность похищенаго или присвоеннаго, наконецъ весьма легкое обнаружение этихъ проступковъ,—вотъ причины, по которымъ Волостные Суды нерѣдко облагаются однимъ гражданскимъ взысканіемъ такія дѣянія, которая любой криминалистъ не задумываясь призналъ бы преступленіями. Въ Онежскомъ уѣздѣ такихъ судебныхъ рѣшеній великое множество. Но вслѣдствія, которая влекутъ за собой эти правонарушенія, бываютъ слѣдующихъ родовъ, въ силу постановленія суда: 1) виновному предписывается возвратить украденное или присвоенное; 2) если предметъ кражи или присвоенія уже превозведенъ въ чужія руки, то взыскивается стоимость его; въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстонахожденіе предмета не выяснено на судебномъ разбирательствѣ, судъ создаетъ альтернативное обязательство, при-

зинавая за истцомъ право требовать съ отвѣтчика или вещь или стоимость ея ¹⁾; 3) въ случаѣ порчи похищенныхъ вещей, виновникъ обязывается возмѣстить ущербъ, причемъ размѣръ вознагражденія опредѣляется самимъ судомъ ²⁾; 4) виновнику вмѣняется въ обязанность вознаградить истца за убытки, которые онъ потерпѣлъ вслѣдствіе того, что былъ лишенъ возможности эксплуатировать похищенную вещь; напр., въ случаѣ кражи топора хозяинъ лишается возможности работать имъ, въ случаѣ захвата остроги—ловить рыбу. Судъ вычисляетъ величину убытка. Напр., если похищенный топоръ былъ отобранъ у вора лишь черезъ 3 дня, то, принимая во вниманіе среднюю поденную плату на какихъ-нибудь мѣстныхъ заработкахъ, умноженіемъ ея на три вычисливаются тотъ доходъ, который могъ бы получить владѣлецъ топора, если бы топоръ не былъ похищенъ ³⁾.

Б. Неправое пользованіе чужимъ имуществомъ. Къ этой области правонарушений относятся засѣвы чужой земли, порубки въ чужихъ лѣсахъ и самовольная ёзда на чужой лопади.

По общепринятымъ обычаямъ, при засѣвахъ чужихъ полей полученный урожай идетъ въ пользу владѣльца земли, по на него возлагается обязанность возвратить сѣмена тому, кто произвелъ засѣвъ ⁴⁾. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда урожай весьма плохъ, то владѣлецъ земли отъ этой обязанности освобождается. Разсмотримъ слѣдующій случай. Кр-нъ Онохинъ сдавалъ землю въ аренду кр-ну Кузнецову, но черезъ годъ отказалъ ему и сдалъ другому арендатору, Щелкунову. Кузнецовъ, однако, носилъ засѣять поля. Тогда новый арендаторъ обратился въ судъ, который рѣшилъ дѣло такъ: будущій урожай ржн идетъ въ пользу Щелкунова, но онъ долженъ возвратить сѣмена Кузнецову; что касается ячменя, то если онъ родится наравнѣ съ ячменемъ другихъ крестьянъ, то Кузнецовъ можетъ требовать сѣмена со Щелкунова; а если явится плохой, какъ прежде временно засѣянный, то Кузнецовъ со Щелкунова сѣмянъ требовать не можетъ ⁵⁾.

Самовольныя порубки въ казенныхъ лѣсахъ встрѣчаются сплошь и рядомъ, и никому не приходитъ въ голову видѣть въ этомъ преступное дѣяніе. „Лѣсь Божій, казна не рѣстила его!—обычная фраза въ устахъ опежанъ. Обиліе лѣса содѣйствуетъ установлению такого взгляда на порубки. Частныхъ лѣсовъ въ строгомъ смыслѣ этого слова здѣсь нѣть; но иногда казна отводить отдельнымъ крестьянамъ участки лѣса подъ расчистки. Въ отношеніи такихъ участковъ возможны тѣ правонарушенія, которыя подходятъ подъ понятіе само-

¹⁾ Рѣшеніе Кирилловскаго Вол. Суда 28 авг. 1872 г.

²⁾ Рѣшеніе Савинскаго Вол. Суда 8 декабря 1882 г.

³⁾ Рѣшеніе Савин. Вол. Суда 1 окт. 1882 г. и 17 марта 1891 г.

⁴⁾ Рѣшеніе Савин. Вол. Суда 3 августа 1886 г.

⁵⁾ Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 6 мая 1909 г.

вольного пользования чужимъ имуществомъ. Но такъ какъ при обилії лѣсовъ умышленная порубка на чужомъ участкѣ почти не случается, то встрѣчаются лишь такія судебныя рѣшенія, которыя касаются ошибочныхъ порубокъ. Таковъ слѣдующій примѣръ. Кр-ка Марѣа Валявкина жалуется на то, что ея работникъ по ошибкѣ нарубилъ дровъ на участкѣ Ивана Валявкина, причемъ послѣдній эти дрова увезъ, почему и просить судъ взыскать за нихъ 5 руб. съ И. Валявкина. Судъ отклонилъ это ходатайство, признавъ, что материалъ отвѣтчика, и посему онъ могъ увезти дрова ¹⁾.

Относительно ъезды на чужой лошади слѣдуетъ замѣтить, что къ суду обращаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда лошадь заболѣть или падеть, а также и тогда, когда стороннее лицо пользуется чужимъ животнымъ для заработка. Лицо, умышленно воспользовавшееся чужой лошадью для ъезды и причинившее ей смерть или пораненіе, помимо гражданскихъ послѣдствій, подвергается еще и уголовному наказанію ²⁾. Лицо, заработавшее на чужой лошади извѣстную сумму, присуждается къ уплатѣ нѣкоторой части ея владѣльцу животнаго. Таковъ слѣдующій примѣръ: кр-ка Каменева по ошибкѣ взяла лошадь кр-на Ермолина, похожую на ея, и работала на ней нѣсколько дней. Свидѣтели выяснили, что она заработала 50 коп. Судъ рѣшилъ дѣло такъ: хотя Каменева получила 50 коп., но такъ какъ она работала и сама, то въ пользу Ермолина взыскать лишь 25 коп. ³⁾.

В. Потравы. Въ Онежскомъ уѣздѣ потравы возникаютъ, несравненно рѣже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Россіи. Причина этому та, что здѣшнія поля обносятся изгородями; для устройства ихъ материала болѣе, чѣмъ достаточно. Но такъ какъ изгороди содержатся не всегда въ надлежащемъ видѣ, то потравы все-таки возникаютъ. По общему правилу, примѣняющемуся въ Онежскомъ уѣздѣ, за потраву отвѣчаетъ то лицо,透过 изгородь котораго скотъ проникъ въ поле ⁴⁾. Въ тѣхъ случаяхъ, когда скотъ зашелъ изгородью, принадлежащей самому потерпѣвшему, жалоба его оставляется безъ послѣдствій. Приведемъ примѣры. Кр-нъ Дядькинъ жалуется суду, что его „зорбды“ (стоги) подъѣдены овцами Чинина. Судъ жалобу отклонилъ въ виду того, что, по мѣстнымъ обычаямъ, то мѣсто, где стоять стоги („остожье“), должно быть обнесено изгородью ⁵⁾. Точно также оставляется безнаказанной потрава, произведенная въ необгороженномъ полѣ. Примѣръ: кр-нъ Савинъ жаловался суду на то, что скотъ

1) Рѣшеніе Помад. Вол. Суда 8 марта 1893 г.

2) Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 21 сентября 1886 г.

3) Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 3 декабря 1895 г.

4) Рѣшеніе Савин. В. С. 30 июня 1891 г., Кокорин. Вол. С. 15 авг. 1905 г., Мардин. В. С. 20 авг. 1884 г. и многія другія.

5) Рѣшеніе Помад. Вол. Суда 29 дек. 1910 г.

повредилъ его поле. Судъ нашелъ, что потрава произошла отъ собственного невниманія Савина: разъ онъ распахалъ поле, то долженъ быть его охранять изгородью или другими способами и надѣяться на готовыя изгороди и ворота не въ правѣ, и въ виду того, что тѣ поля, которыхъ охраняются воротами и изгородями отвѣтчиковъ, оказались не потравленными, постановилъ въ искѣ Савину отказать¹⁾.

Если бы всѣ здѣшнія земли были въ частномъ владѣніи, то о судебнѣмъ вознагражденіи потерпѣвшаго отъ потравы не могло быть п рѣчи, ибо истецъ всегда сливался бы съ отвѣтчикомъ, какъ это видѣли въ только что приведенныхъ примѣрахъ. Но такъ какъ земля здѣсь находится въ обицнномъ владѣніи, а изгородь, окружающая ее, дѣлится на участки, по числу членовъ общинны, причемъ наблюденіе за исправностью каждого такого участка возлагается на опредѣленнаго общинника, то возможны и такие случаи, когда скотъ зайдетъ въ поле изгородью, принадлежащей одному лицу, а потраву произведетъ на полосѣ или пожиѣ, отведенной другому лицу. Въ этихъ-то случаяхъ и отвѣчаетъ за потраву владѣлецъ изгороди, а не владѣлецъ скота.

Изъ этого общаго правила допускаются слѣдующія исключенія.

1) Если доказано, что скотина, произведшая потраву, „каностліва“, т. е. беспокойна, любить проказить и т. п., а изгородь, черезъ которую она зашла, была достаточно крѣпка, то отвѣчаетъ владѣлецъ скотины²⁾. На практикѣ такие случаи отвѣтственности хозяевъ животнаго весьма рѣдки, такъ какъ потрава, по преимуществу, производится цѣлымъ стадомъ, и весьма трудно опредѣлить, имѣли ли какое-нибудь значеніе для проникновенія цѣлаго стада въ поле особья свойства нѣкоторыхъ, входящихъ въ составъ его, животныхъ. Но если удастся какимъ-нибудь путемъ установить, что „каностливая“ корова или лошадь обвала изгородь или зашла въ поле первою, то отвѣтственность за потраву возлагается на владѣльца этого животнаго.

2) Рогатый скотъ, по мѣстному обычая, долженъ имѣть пастуха; если же крестьяне отпустятъ скотъ безъ пастуха, и произойдетъ потрава, то отвѣтственными признаются владѣльцы скота, а не владѣльцы изгороди³⁾. 3) Если потрава произведена скотомъ, имѣющимъ специального пастуха, то возмѣщеніе ущерба возлагается на владѣльцевъ стада и на владѣльцевъ изгороди, съ тѣхъ и другихъ по равной части⁴⁾. Пастухъ имущественной отвѣтственности не несетъ, но морально отвѣчаетъ передъ своими нанимателями. Опредѣляя половину вознагражденія за потраву со скотовладѣльцевъ, какъ за недосмотръ за пастухомъ, суды, главнымъ образомъ, имѣютъ въ виду вызвать

¹⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда.

²⁾ Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 22 авг. 1871 г.

³⁾ Рѣшеніе Кирил. Вол. Суда 20 окт. 1869 г. и Посад. Вол. Суда 5 авг. 1873 г.

⁴⁾ Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 3 ноября 1879 г.

съ ихъ стороны нѣкоторую репрессію по адресу пастуха за небрежное выполненіе имъ своихъ обязанностей. 4) Наконецъ, когда потрава произошла по явной винѣ пастуха, отвѣтственность за причиненный вредъ возлагается всецѣло на него одного, и при этомъ не принимается въ разсчетъ малолѣтіе пастуха ¹⁾.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы изгороди, черезъ которую зашель скотъ, освобождаются отъ отвѣтственности за потраву, они все-таки предупреждаются судомъ, что, при неисправности принадлежащихъ имъ изгородей на будущее время, они будутъ подвергнуты, помимо возмѣщенія убытковъ, строгому наказанію. Лица же, виновныя въ умышленной порчѣ изгородей, безпощадно арестуются на болѣе или менѣе продолжительный срокъ.

Обнаруживъ потраву своего имущества, потерпѣвшій приглашаетъ сельского старосту, который, въ присутствіи понятыхъ, производить освидѣтельствованіе потравленныхъ полей, опредѣлять размѣръ причиненнаго ущерба и выясняетъ, чьей изгородью зашель скотъ. Обо всемъ этомъ сельскій староста составляетъ актъ, который ложится въ основу иска. Бываетъ и такъ, что сельскій староста прямо предъявляетъ актъ о потравѣ Волостному Суду, и этотъ послѣдній возбуждаетъ дѣло ео ipso безъ жалобы потерпѣвшаго.

Вознагражденіе, присуждаемое судами за потраву, бываетъ слѣдующихъ трехъ видовъ. 1) Чаще всего лицо, признанное отвѣтственнымъ за потраву, подвергается денежному взысканію, размѣръ котораго зависитъ отъ количества ущерба. 2) Иногда же виновный въ потравѣ присуждается къ возмѣщенію натураю урожая, который могъ бы снять владѣлецъ поля, если бы не произошло потравы. 3) Если скотъ, принадлежащий одному лицу, произведетъ потраву на полѣ, принадлежащемъ также одному лицу, и судъ признаетъ владѣльца скота отвѣтственнымъ за потраву, то практикуется мѣна полей, т. е. отвѣтчикъ снимаетъ урожай съ потравленного поля, а истецъ имѣеть право снять урожай съ равновеликаго поля, принадлежащаго отвѣтчику ²⁾.

Еще болѣе разнообразный характеръ носить вознагражденіе за потраву въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло рѣшается миролюбивой сдѣлкой. Тутъ можно наблюдать принимаемую на себя отвѣтчикомъ обязанность вспахать поле истца, сковать ему косу, возмѣстить причиненный ущербъ натураю и т. д.

Г. Порча чужого имущества. По мѣстному праву, порча чужого имущества, въ зависимости отъ послѣдствій для виноваго, бываетъ трехъ родовъ: 1) безнаказанная, 2) влекущая только гражданскія взысканія, 3) влекущая, помимо гражданскаго взысканія, еще и уголовное наказаніе.

1) Рѣшеніе Помад. Вол. Суда 16 авг. 1895 г.

2) Рѣшеніе Кириллов. Вол. Суда 9 июля 1867 г.

Безнаказанность имѣть мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда чужое имущество подвергается порчѣ въ силу традиціи, при выполненіи молодежью тѣхъ или иныхъ, унаследованныхъ отъ глубокой старины, обычаетъ. Такъ, напр., въ ночь на Ивановъ день существуетъ обычай „выкатьвать ржи“, т. е. мять ихъ, валяясь по полосѣ. Затѣмъ, въ эту же ночь дѣвушки ищутъ на пожняхъ особое растеніе, такъ называемый „ибановскій борщъ“ (*Heradeum borealis*), якобы имѣющій цѣлительную силу. Такъ какъ дѣвицы отправляются цѣлыми компаніями, въ сопровожденіи парней, то подобные поиски волшебнаго растенія сопровождаются играми и возней, и травы подвергаются значительному вытаптыванію. Далѣе, въ ночь на Новый Годъ и Крещеніе существуютъ слѣдующіе обычай, вредно отражающіеся на чужомъ имуществѣ: 1) „костры пружать“, т. е. опрокидываютъ полѣнницы дровъ, 2) закладываютъ чѣмъ попало ворота, причемъ сваливаются въ кучу и портятъ многія хозяйственныя вещи, которая удастся разыскать подлѣ дома, 3) забираются на крышу и закрываютъ досками трубы, съ цѣлью наполнить избу дымомъ, въ случаѣ топки печей. Объ этихъ праздничныхъ проказахъ такъ поется въ частушкѣ:

По деревенкѣ пройдемъ,
Что-нибудь да сдѣлаемъ:
Дровъ полѣнницу разсыплемъ
Или двери закладемъ.

Бороться съ этими вредными обычаями, къ счастію, нынѣ выходящими изъ моды, долгое время никому не приходило въ голову. Намъ удалось вычитать только одно судебное дѣло, касающееся этой традиціонной порчи чужого имущества. Кр-нъ М., человѣкъ богатый, просвѣщенный и вліятельный, пожаловался Волостному Суду на цѣлую группу дѣвицъ, которая въ ночь на 24 июня „выкатали“ его рожь. Какъ ни тяжело было судьямъ, но они отступили отъ вѣкового обычая оставлять безнаказанными эти проказы молодежи и, чтобы уважить богача, присудили виновныхъ къ возмѣщенію причиненного ущерба¹⁾. Однако, народное сознаніе не было удовлетворено такимъ рѣшеніемъ, и старини еще до сихъ поръ говорятъ:

— Знамо дѣло, обсудили ни за что!

Порча чужого имущества влечетъ одни только гражданскія послѣдствія въ тѣхъ случаяхъ, когда она учинена по ошибкѣ, по легкомыслію, въ пылу гнѣва, или же, хотя и умышленно, но виновный приносить чистосердечное раскаяніе. Примѣры: 1) кр-нъ ѣхалъ изъ города и, желая обогнать своего сосѣда, опрокинулъ его сани, изъ которыхъ вывалилась четверть водки и разбилась; судъ постановилъ

1) Рѣшеніе Савин. Вол. Суда 25 июня 1887 г.

взыскать съ него стоимость водки ¹⁾; 2) парень на гуляньѣ изодралъ платокъ дѣвушки. Судъ постановилъ изодранный платокъ оставить владѣлицѣ и взыскать 3 р. 20 коп. съ виновнаго ²⁾; 3) пьяный кр-нъ вышибъ въ сосѣднемъ домѣ оконную раму; дѣло кончилось миролюбивой сдѣлкой, по которой виновный обязался сдѣлать новую раму, и т. п. ³⁾.

Но если умышленная порча чужого имущества сопровождается какими-либо отягчающими вину обстоятельствами, то, сверхъ гражданского взысканія, на виновнаго налагается уголовное наказаніе. Примѣръ: кр-нъ Кабановъ повредилъ топоромъ чужую корову, но запирался въ этомъ. Судъ взыскалъ съ него стоимость леченія коровы и арестовалъ на 2 сутки за запирательство ⁴⁾.

Д. Безчестье. Наконецъ, скажемъ нѣсколько словъ о гражданскомъ взысканіи за личныя обиды. Этотъ пережитокъ стараго времени въ Онежскомъ уѣздѣ никогда не имѣлъ широкаго распространенія. Измѣреніе чести рублями и полтинами претитъ сознанію самолюбивыхъ сѣверянъ. На личныя оскорбленія онежанинъ привыкъ реагировать тою же монетою, выносить же на публичное разбирательство дѣла обѣ опозореній не соответствуетъ его гордому характеру. Поэтому, требованіе гражданского взысканія за обиду, хотя и встрѣчающееся, вѣрнѣе встрѣчавшееся въ Онежскомъ уѣздѣ, есть явленіе наносное, а не специфически мѣстное. Въ наиболѣе глухихъ волостяхъ, никогда не терявшихъ своей дѣвственной простоты, взысканіе за оскорбленіе чести совершенно не встрѣчается; такова Шеллакса. Да и въ другихъ мѣстностяхъ этотъ странный видъ возстановленія поруганаго достоинства не нашелъ достаточной почвы для своего развитія, что свидѣтельствуется сравнительно ничтожнымъ количествомъ судебныхъ дѣлъ, возникшихъ по искамъ о присужденіи безчестья. Только стараніями разныхъ „аблакатовъ“ и грамотеевъ вводился въ моду и поддерживался этотъ, позаимствованный изъ писанаго права, институтъ. Въ подтвержденіе сказанаго можно привести то обстоятельство, что нѣрѣдко самъ судъ присуждаетъ безчестье, помимо просьбы жалобщика; бывали такие случаи, когда, при разборѣ дѣлъ обѣ обидахъ, суды присуждали безчестье совокупно съ уголовнымъ наказаніемъ ⁵⁾; въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ, которыми присуждается безчестье безъ требованія жалобщика, дѣлается оговорка „если этого пожелаетъ истецъ“ ⁶⁾. Такимъ образомъ выходить, что

¹⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 8 марта 1895 г.

²⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 3 окт. 1898 г.

³⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 29 дек. 1905 г.

⁴⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 31 июля 1888 г.

⁵⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 18 февр. 1897 г.

⁶⁾ Рѣшеніе Помор. Вол. Суда 16 декабря 1863 г.

сами Волостные Суды, состоящие изъ болѣе книжныхъ людей или же руководимые какимъ-либо грамотеемъ, навязывали крестьянамъ деньги за унижение ихъ нравственного достоинства. Но эти старанія судовъ не принесли должныхъ результатовъ: въ наше время требование безчестья почти отошло въ область преданій.

И. Калининъ.

Свадебные обряды, обычаи и пѣсни

въ Холмскомъ уѣздѣ, Псковской губ.

Въ настоящій очеркъ вошли свадебные обряды, обычаи, и пѣсни, лично мною собранные въ южной части Холмского уѣзда (приходы—Галибицкій, Зуевскій) въ 1908—1912 г.г.

Личныя наблюденія свадебныхъ обрядовъ мною производились главнымъ образомъ въ д.д. Усвятовъ и Стенинъ Галибицкой волости и Стенинъ Зуевской волости Холмского уѣзда; но это не значитъ, что въ сосѣднихъ съ названными деревнями селеніяхъ существуютъ иные обряды и обычаи. Описанные обряды распространены довольно широко и, насколько мнѣ известно, существуютъ въ селеніяхъ волостей: Галибицкой, Зуевской и Нѣмчиновской. То, чего я не имѣлъ возможности наблюдать лично, записано со словъ крестьянъ, названныхъ въ настоящемъ очеркѣ. Въ пѣсняхъ я придерживался мѣстнаго произношенія и выговора. Отсюда—неправильности этимологическихъ сочетаній и оборотовъ рѣчи.

Сватовство.

Сватомъ избирается человѣкъ, обладающій способностью „красно“ говорить. Въ большинствѣ случаевъ эта роль выпадаетъ на кого-либо изъ родственниковъ жениха (старого или молодого—безразлично), хотя, при отсутствіи въ родствѣ подходящаго человѣка, таковая получается и совершенно постороннему человѣку.

При выходѣ свата изъ избы для исполненія порученнаго ему дѣла, мать жениха снимаетъ съ себя поясъ и три раза ударяетъ имъ свата по спинѣ, приговаривая:

— „Не я бью,—удача бѣть!“

При отсутствіи матери, это дѣйствіе исполняетъ одна изъ сестеръ жениха (старшая) или-же тетка.

Много разъ присутствуя при совершенніи этого дѣйствія (у крестьянъ дер. Усвятова и Стенина Холм. у.), я никогда не наблюдалъ, что-бы таковое исполнялось мужчинами.

— Это—бабье дѣло,—пояснилъ мнѣ на мой вопросъ по этому поводу крестьянинъ д. Стенина Мих. Поликарповъ,—мужику такими глупостями заниматься не пристало!

Крестьянка Наталья Ивановна (той-же деревни) на мой вопросъ о значеніи этого дѣйствія отвѣтила:

— А какъ-же безъ этого? Какая же удача будетъ? Мы, вонъ, и скотинку стегаемъ поясомъ, когда по первому разу выпускаемъ въ поле: не будетъ блыкаться,— а будетъ все къ дому наровить!

Болѣе подробной мотивировки названаго обычая я получить не могъ. Очевидно, въ данное время обычай этотъ сохраняется лишь по традиціи, какъ наслѣдіе глубокой старины.

При выходѣ свата изъ избы, мать или отецъ жениха, а при отсутствіи ихъ старшій по возрасту членъ семьи (мужчина или женщина—безразлично) бросаютъ подъ ноги ему шубу.

Обычай этотъ мнѣ пришлось наблюдать въ дер. Степанцевъ (Зуевской вол.).

„Бросить шубу—значить произвести много шума, т. е. сыграть свадьбу“—вотъ какъ объяснялъ значеніе этого обычая крестьянинъ названной деревни Никита Семеновъ.—Вѣроятно, все дѣло здѣсь въ созвучіи словъ: „шубу—шуму“.

Выѣхавъ за деревню, свать кнутовищемъ проводить позади своего экипажа черту.

Вотъ въ какихъ словахъ передавалъ мнѣ свои похожденія „посваты“ крест. д. Степанина Василій Михайловъ (въ 1910 г.):

„Выѣхалъ я, значитъ, за деревню, отѣхалъ стрѣльбища два,— стой, думаю. Слѣзаю съ саней и кнутовищемъ провожу позади себя, поперекъ дороги, бороздку, а самъ гомоню: „Аминь, аминь!“

А дѣлалъ я эту штуку для того, что-бы, значитъ, мнѣ назадъ не воротиться. Мало-ли что бываетъ: а вдругъ передумаешь? А тутъ зааминиши, значитъ, назадъ не оглядывайся.

Подѣхалъ я къ Михайлову жилью. Постучалъ. Впустили. Тихонъко, никому невдомекъ, провелъ рукою по печкѣ. Это, что-бы угощали не скучись. Вѣриая примѣта! Ну и началъ. Такъ и такъ, нѣть-ли у васъ поросъть продажныхъ?—Нѣту.—А дѣвокъ?—Смѣются: есть одна, да про себя.—Ну и пошелъ торгъ. Вижу, что мой женихъ любъ. Подпросилъ коровку въ придачу, да двѣ овцы. О другомъ про чемъ обѣщали сгомониться на рукобитьѣ.

Поехалъ я домой веселешенекъ.

Рукобитье.

На „рукобитьѣ“ мнѣ пришлось лично присутствовать много разъ. Опишу этотъ обрядъ, какъ наблюдалъ его у крестьянина дер. Степанина, Михаила Поликарпова, въ 1910 году.

Поликарповъ выданалъ свою дочь замужъ въ другую деревню, Въ назначеній день, вечеромъ, въ избу Поликарпова явились: женихъ, его отецъ и старшій братъ жениха. Женихъ принесъ съ собою четверть водки, которую и поставилъ подъ лавку.

— Ну, што-жъ: коли совѣтъ да любовь промежъ нашими моло-дыми,—предложилъ отецъ невѣсты,—то можно дѣло и начать?

— За этимъ, любезный сватушка, и путь къ тебѣ держали,—отозвался отецъ жениха.

Всѣ по очереди стали подходить къ рукомойкѣ. Невѣста стояла тутъ-же и подавала каждому уручникъ (полотенце). Умывъ руки, разсѣлись въ переднемъ углу на лавкахъ. На одной сторонѣ сидѣла родня невѣсты, на другой—жениха. Минуты двѣ молились сидя. Затѣмъ отецъ невѣсты всталъ, а за нимъ поднялись и другіе. Всѣ сдѣлали по иѣсколько земныхъ поклоновъ. Невѣста, горько плача, поклонилась своему отцу и матери въ ноги. Сватовья, т. е. отцы же-ниха и невѣсты, одѣли рукавицы и иѣсколько разъ хлопнули другъ друга по рукѣ.

— Хорошъ товаръ!—говорилъ отецъ невѣсты.

— По товару и купецъ!—отзывался отецъ жениха.

Описанное дѣйствіе называется „разводъ поводами“ и практикуется крестьянами при куплѣ-продажѣ болѣе или менѣе цѣнныхъ предметовъ, особенно лошадей.

По приглашенію хозяина гости сѣли за столъ. Женихъ торжественно поставилъ на послѣдній принесенную имъ водку.

— Отъ хлѣба-соли не отказываемся, а на счетъ другого-прочаго ужъ не взыщи, сватушка: сами распорядимся!—съ поклономъ отвѣтилъ отецъ жениха, садясь за столъ.

Женихъ съ невѣстой занимали центральное мѣсто за столомъ. Вскорѣ невѣста пересѣла на колѣни къ жениху. Время отъ времени молодые цѣловались. Старики вели свои разговоры. Угощеніе состояло изъ холоднаго (студень или холодецъ), варенаго мяса, щей, житной каши и яичницы.

Къ концу трапезы невѣста одарила жениха и его родственниковъ, перваго—бумажнымъ платкомъ и послѣднихъ—самодѣльными поясами. Женихъ, въ свою очередь, одарилъ невѣсту пятирублевымъ золотымъ.

Старики долго еще шумѣли за столомъ, а женихъ съ невѣстой поѣхали кататься по деревнѣ.

Прощанье невѣсты съ деревней. Дивичникъ.

Въ послѣдніе дни передъ свадьбой невѣста прощается съ деревней. Обычай „прощанья“ мнѣ пришелось наблюдать лично во многихъ деревняхъ описываемаго района въ періодъ съ 1908 по 1913 г. Для примѣра опишу прощанье невѣсты съ деревней, наблюдавшееся мною въ дер. Стенинѣ, въ январѣ 1912 г.

Какъ-то утромъ я увидѣлъ на улицѣ деревни такую картину: группа женщинъ, человѣкъ въ 15, медленно шествовала по направ-

вленію къ полю. За воротами деревни женщины остановились. Изъ круга ихъ вышла дѣвушка и сдѣлала поясные поклоны на всѣ че- тыре стороны. Женщины тянули какую-то заунывную пѣсню, слова которой разобрать было трудно.

Затѣмъ шествіе направилось обратно къ деревнѣ. Здѣсь невѣста останавливалась передъ каждымъ жильцомъ и, плача, приговаривала:

— Прости, хозяинъ съ хозяюшкой и милыми дѣтками, коли въ чёмъ когда попречила!

— Богъ простить!—слышится въ отвѣтъ. Невѣста и окружаю- щія ее женщины низко кланяются и переходятъ къ другой избѣ. „Прощеніе“ происходитъ утромъ и вечеромъ въ теченіе двухъ-трехъ дней передъ свадьбой.

Наканунѣ свадьбы невѣста въ сопровожденіи дѣвушекъ подругъ идетъ въ баню, послѣ которой послѣднія расчесываютъ невѣстѣ косу, такъ назыв. „дивичью косу“. Вечеромъ того-же дня справляется „дивичникъ“.

На „дивичникѣ“ я присутствовалъ въ домѣ крестьянина Гаврилы Петрова (въ дер. Стешинѣ) въ январѣ 1912 года.

Въ переднемъ углу подъ образами былъ накрытъ столъ. Въ центрѣ стола стояла „елка“, украшенная разноцвѣтными лоскутками матеріи и бумаги.

„Елка“—это верхушка, приблизительно въ аршинъ вышинаю, обыкновенной ели. Украшается она въ день „дивичника“ подругами невѣсты (боярками) и служить символомъ вѣчной юности.

По крайней мѣрѣ, на мой вопросъ о значеніи елки, крестьянинъ дер. Усвятова Максимъ Петровъ отвѣтилъ.

— А што-бы, значить, невѣста не спортилась: вѣдь елка всегда зелена; ну и невѣста будетъ, какъ елка.

Подобные разговоры приходилось слышать и отъ другихъ.

Невѣста, грустная и молчаливая, заняла мѣсто подъ образами. Кругомъ усѣлись подруги—боярки и нѣсколько замужнихъ родствен- ницъ. Передъ каждой участницей на столѣ особый кувертъ—лента, перевязанная бантомъ. Нѣсколько минутъ царило глубокое молчаніе. Набившаяся въ избу посторонняя публика и та, какъ-бы сознавая торжественность минуты, притаяла дыханіе.

И вотъ, среди жуткой тишины, раздается печальная пѣсня дѣ- вушекъ и женщинъ:

— Какъ у насъ было при вечери,
При послѣднемъ часу вечера,
При поры было, при времячки,
При княгининомъ дивичники:
Были столики снаряжены,

Браннымъ скатертямъ украшены.
Какъ за этимъ за дубовымъ за столомъ
Полный столъ гостей насыщено.
Всѣ-то гости—красны дѣвушки,
Не все дѣвушки—молодушки,
Все покрытыя головушки.
Всѣ гостики веселыя сидѣть,
Одна княгинюшка невесела:
Она мылася, чесалася,
Подъ вѣнецъ златой спрѣвлялася.
Со всѣмъ дѣвушкамъ прощалася:
— „Вы прощайте-ка, подруженьки мои,
Я не на вѣкъ съ вами прощаюся,
Съ вами не на вѣкъ разлучаюся,
Завтра въ церкви обвѣнчиваюся,
И вернуся къ вамъ не дѣвушкой,
А вернуся къ вамъ молодушкой,
Со покрытою головушкой!“

Невѣста, склоняясь надъ столомъ, плакала.
Женщины затянули другую пѣсню:

— Княгиня, княгинюшка,
Дорогая гостюшка,
Золотая метелушка.
Намела, повымела
Вездѣ съ подлавочекъ.
Вымела горностаюшку—
Горностаюшку бѣлова.
Посадила на ручушку,
Понесла къ родному батюшки:
— „Государь, родимый батюшка,
Што это за звѣрюшечка?“
— „Мое милое дитятко,
Ты неси къ родимой матушки:
Твоя матушка съ чужихъ людей—
Она знаетъ звѣрюшечку“.
— „Сударыня-матушка,
Што это за звѣрюшечка?“
— „Мое милое дитятко
Это не звѣрюшечка,
Это не звѣрюшечка—
Вѣчнай разлучушка!“

Прѣхалъ женихъ. Одна изъ подругъ невѣсты взяла его за руку,
завела за столъ и посадила рядомъ съ невѣстой. Подали на столъ

самоваръ, началось чаепитіе. Предварительно женихъ обнесъ всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ, не исключая своей невѣсты и ея подругъ, водкой. Послѣдняя приносится съ собою женихомъ.

Подкрепившись чаемъ и выпивъ водки, женщины опять запѣли:

„Затрубили во трубушку
Рано по зари,
Заплакала дѣвушка
По своей косы:
— „Коса моя, косынька,
Русая коса!
По утру ранешенько
Маменька плела,
Ввечеру позднешенько
Дѣвушки плели,
Алыми цвѣточками
Заплетали!
Пріѣхала сватъюшка
Немнілая,
Взяла мою косыньку
Въ обѣ руки;
Обрѣзала русую,
Не жалѣя!“

Дівичникъ затянулся до полуночи и продолженіе его слѣдовало въ томъ же родѣ: пѣлись женщины пѣсни, продолжалось чаепитіе, плачъ невѣсты.

День свадьбы.

Утромъ, въ день свадьбы, какъ въ домъ жениха, такъ и невѣсты происходить благословеніе.

Такъ какъ обрядъ этотъ въ томъ и другомъ случаѣ почти тождественъ, то передамъ здѣсь благословеніе невѣсты, очевидцемъ котораго я былъ въ 1912 г. въ дер. Стешинѣ, въ домѣ крест. Григорія Титова.

Въ переднемъ углу избы стоялъ столъ, покрытый бѣлой домотканой скатертью. На столѣ лежалъ большой черный хлѣбъ съ солонкой. Тутъ-же стояла деревянная тарелка. Роль „дружка“ исполнялъ мѣстный захаръ, слившій на десятки верстъ кругомъ за колдуна, безъ участія котораго обходилась рѣдкая свадьба, какъ въ названной такъ и въ сосѣднихъ деревняхъ. Не пригласить дѣда Семена—такъ звали захаря—считалось среди крестьянъ, по меньшей мѣрѣ, легкомысленіемъ поступкомъ.

Дѣдъ Семенъ, сознавая свою власть надъ крестьянами, отлично

пользовался создавшимся положениемъ. Получая за свой „трудъ“ приличное вознаграждение (по большей части зерномъ, холстомъ), онъ заставлялъ еще нуждающихся въ немъ упрашивать себя до нѣсколькихъ разъ.

Такъ было и въ данномъ случаѣ. Все было готово для благословенія, но дружка не являлся.

— „А развѣ нельзя безъ него?“—обратился я къ хозяину.

— Боже сохрани!—испуганно, удивляясь, видимо, моему вопросу, замахалъ тотъ руками,—какъ можно безъ дѣда: еще свадьбу испортить!

Наконецъ дѣдъ явился.

Невѣста была уже одѣта. Дружко взялъ ее за руку и, что-то шепча про себя, три раза обвелъ ее вокругъ стола. Невѣста осталась за столомъ, рядомъ стоялъ дружко, съ другой стороны боярки.

Первымъ подошелъ къ столу отецъ невѣсты и, положивъ на тарелку мелкую мѣдную монету, проговорилъ:

— Благословляю тебя, доченька, на житѣе въ чужихъ людяхъ.

Далѣе подходили и другіе родственники и посторонніе и молча бросали на тарелку мѣдныя монеты. Болѣе почетныхъ посѣтителей дружко угощалъ водкой.

Собравшіяся въ избу женщины пѣли „благословенныя“ пѣсни. Изъ этихъ пѣсень мною тогда-же записаны слѣдующія:

— „Благослови, Боже-Боженька,
Свадьбу играть, Боженька,
Начинати, Боженька,
Князя женити Илью, Боженька,
Княгиню брати Авдотью, Боженька,
Случати вмѣсто
Двухъ молоденыхъ,
Двухъ зачаженыхъ.
Надъ нимъ Божья милость
Мать Божья—Богородица,
Воскресенъице Свѣтлое.
Надъ нимъ свѣчи топятся,
Свѣчи воску ярова,
Еще шелку бѣлаго.
Святоѣ око, Боженька,
Будь на свадьбѣ, Боженька,
Скѣй наамъ свадьбу, Боженька,
Крѣпкую, твердую, Боженька,
Долговѣчну, Боженька,
Съ младости до старости
До маленькихъ дѣточекъ.

Есть-ли въ избѣ, Боженька,
Матушка съ батюшкой?
Приступайте по одной доскѣ
Ко дубовому столу надѣляти
Свою дитятку милую
Серебромъ да золотомъ,
Еще скатнымъ жемчугомъ,
Еще Божьей милостью!

Здѣсь-же за столомъ невѣстѣ въ послѣдній разъ подруги-боярки расчесали косу. Невѣста въ это время горько плакала.

Кто-то сообщилъ, что въ деревню пріѣхалъ женихъ. Невѣсту закрыли большимъ платкомъ, приблизительно также одѣлись и ея подруги-боярки, и она въ сопровождѣніи послѣднихъ вышла на улицу. Задача жениха состояла въ томъ, что-бы изловить невѣсту и посадить въ свои сани. Но всѣ его попытки въ этомъ не удавались. Какъ только онъ подъѣжалъ къ дѣвушкамъ, тѣ быстро поворачивали въ сторону. Подруги невѣсты, осмѣявшись жениха за его неловкость, отправились съ невѣстой въ избу. Женихъ также послѣдовалъ съ прибывшими съ нимъ родственниками въ избу. Здѣсь онъ долженъ былъ выкупить „красу“, т. е. подарками заставить дружка невѣсты и ея боярокъ снять съ невѣсты покрывало и занять мѣсто за столомъ рядомъ съ нею. Произошелъ торгъ между „поѣзжанами“, т. е. лицами, пріѣхавшими съ женихомъ, и дружкомъ и подругами невѣсты. Торгъ происходилъ довольно долго, причемъ съ той и другой стороны то и дѣло сыпались остроты чисто народнаго юмора.

Наконецъ, дружко невѣсты нашелъ, что выкупъ, предложенный „поѣзжанами“, достаточенъ. Боярки раскрыли невѣсту.

Дружко, взявъ за руки жениха и невѣсту, завель ихъ за столъ. Затѣмъ сняль съ бояницы вѣнчальные образа и, по очереди, слегка удариль ими жениха и невѣсту по головѣ. Взяль въ руки каравай хлѣба и нѣкоторое время кружиль имъ надъ головами брачущихся. Этотъ-же каравай разрѣзаль на ломти и, шепча что-то про себя, одѣлиль таковыми сначала жениха съ невѣстой, а затѣмъ и гостей, сидѣвшихъ за столомъ. Точно также онъ единолично распоряжался и водкой. Хотя предъ женихомъ и невѣстой и стояли яства, но они до нихъ не лотрогивались: по издавна установленнemuся въ названной деревнѣ обычаю, молодые до вѣнца не вкушаютъ пищи. Пока гости угощались, женщины и дѣвушки, столпившися у обѣденнаго стола, сильно топоча ногами и привескаивая, пѣли такъ назыв. „отѣзжя пѣсни“, изъ которыхъ мною записаны:

I. Весела горенка Григорьева:
Во сыромъ бору она валена,
Вострымъ топоромъ она рублена,

На борзыхъ коняхъ съ лѣсу вожена,
Внизъ по водѣ она сплавлена,
Высоко на гору она тягана,
На веселомъ мѣстечкѣ поставлена.
Въ той-ли горенки пиръ пировати,
Пиръ пировати—свадьбу играти,
Свадьбу играти—сыновей женити,
Сыновей женити—дочекъ отдавати.
Сына женю—я подмогу веду,
Дочку отдаю—я пайлочку.

II. Смородина, сморода, смородушка!
•Отчего ты, сморода, не весела?
Отчего ты, рѣчушка, мутно потекла?
— Какъ-же мнѣ рѣчушкѣ не мутной быть?
На мнѣ-ли рѣчушки три рати стоять:
Какъ первая рать-то литовская,
А вторая рать-то татарская,
А какъ третья рать-то крестьянская.
Въ литовской рати конечекъ проржалъ,
Конечекъ проржалъ—онъ съ войны бѣжалъ.
У татарской рати побрячки бречать,
Побрячки бречать—головки летятъ.
А въ крестьянской рати дѣвица плачетъ,
Дѣвица плачетъ—замужъ не хочетъ.
Что просваталъ ее—не батюшка родной,
Проговаривала—не родна матушка,
Была свашенькой не крѣсная,
Во бояркахъ—не сестрицы родны,
Во пріѣзжихъ—не братцы-соколы!
А просваталъ ее—свѣтель мѣсяцъ,
Проговаривало—красно солнышко,
Была свашенькой—ясна зорюшка,
Во боярочкахъ—часть звѣздочи,
Во пріѣзжихъ—сини облаки!

III. Съ восходу до западу
Протекалъ серебряный ручей,
Еще рѣчушка быстрая,
Быстрая, каменистая.
За той за быстрой рѣчушкой
Стоить церковь Божія—

Низкая, плоская,
Верхомъ чуденъ крестъ позолоченый.
Въ этой церкви Божіей
Двое молоденовъ
Стоя Богу молятся:
Просята въ Бога милости,
Три здоровья въ голову,
А четверто—въ ретиво сердце.
Здравствуй, здравствуй, князь молодой,
Со своею суженою!

Обѣденный столъ окончился. Дружко, взявъ молодыхъ за руки, вывелъ изъ-за стола. Невѣста съ женихомъ сѣли въ сани. Первая держала въ рукахъ елку, бывшую во время „дивичника“ на столѣ. Дружко, съ полотенцемъ черезъ плечо, поѣхалъ впереди. Со двора выѣхало всего около 10 саней. Многіе гости еле уже сидѣли въ саняхъ.

Примѣты во время вѣнчанья (по словамъ кр. д. Стешина Вас. Михайлова): кто изъ молодыхъ первымъ ступить на платокъ, разстиляемый у аналоя,—тотъ первымъ умретъ; кто во время совершения таинства держитъ свѣчу выше,—тотъ будетъ господствовать надъ другимъ; чья свѣча по окончаніи обряда окажется короче,—того и вѣкъ короче.

Изъ церкви молодые и ихъ родственники їдуть въ домъ жениха.

Моментъ приѣзда молодыхъ и послѣдующее теченіе свадебнаго торжества мною описывается по собственному наблюденію (дер. Стешино, въ 1912 г., въ домѣ кр. Трифона Артемьевы):

Подѣзжая къ жилищу жениха, одна изъ боярокъ невѣсты накрыла послѣднюю платкомъ. Въ сѣняхъ молодыхъ встрѣтилъ отецъ жениха и, осыпая ихъ хмѣлемъ и житомъ—приговаривалъ:

— Жито—на житѣе, хмѣль—на веселье!

Молодые вошли въ избу; дружко завелъ ихъ за столъ. Молодая стояла подъ покрываломъ.

Свекоръ киутошиемъ нѣсколько приподнялъ покрывало молодой невѣстки.

Женщины, бывшія въ избѣ, пѣли:

— „Рыбинка, не прыгайся!
Авдотьушка, догадайся:
Ладятъ тебя раскрывать—
На весь честной народъ показати.
Покажите-ка молодую—
Семеновну появальную!“

Свекоръ рѣшительнымъ движеніемъ сбрасываетъ съ невѣстки покрывало.

Собравшаяся въ избу публика громко кричить:

— Хороша молода! Хороша молода!

Молодая невѣстка повѣсила на кнутовище, которымъ свекоръ раскрывалъ ее, ситцевый платокъ: это подарокъ свекру. Затѣмъ невѣстка взяла ковшъ съ домашнимъ пивомъ и преподнесла свекру. Свекоръ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ подношенія невѣстки.

Женщины запѣли:

— Жарко, жарко уголье!
Тошненоночко молодушкѣ:
Пристояла ноженьки,
Придергала рученьки
Къ медову ковшу!
Скоро:ль свекоръ-батюшка
Приметь ковшъ со брагою!

Свекоръ принимаетъ ковшъ.

Начался такъ назыв. „княжай столъ“.

Молодые сидѣли въ углу подъ образами, кругомъ занимали мѣста родственники ихъ. Гости, вышивая, то и дѣло кричали:

— Горько! Тараканъ въ рюмкѣ! —

Молодые при этихъ возгласахъ должны были цѣловаться.

Во время стола боярки и другія женщины пѣли пѣсни, требуя за нихъ отъ гостей плату.

I. Умны бояры князевы—

Поумнѣй ихъ князь молодой:
Подсѣкъ березу во темномъ бору,
Побралъ ягоду во сыромъ лѣсу,
Подкопалъ медуню въ зеленомъ саду—
Укралъ дѣвушку отъ батюшки,
Не даль березы раскинутися,
Не даль медунѣ повызвѣсти,
Не даль ягодки повызрѣти,
Красна дѣвушка додѣвнити!
Раскиньяся береза подсѣченная!
Расцвѣти медуня подкопаная!
Дозрѣй ягодка побраная,
Додиви, дѣвушка, за моей головой,
Носи златъ вѣнецъ не складывая,
Терпи горюшко не сказывая!

II. Не у пасть-ли полонъ дворъ саней?

Цѣла горница сидитъ людей?

Нѣту гостя самолучшаго,
Что и батюшки родимаго!
Благословить меня сиротушку
Въ эту путь-ли во дороженьку,
Ко чужому отцу—матери,
Ко чужимъ братьямъ и сестрымъ,
Ко чужимъ людямъ—насмѣшникамъ.

Далеко за полночь кончился свадебный пиръ. Дружко, шепча какія-то заклинанія, вывелъ молодыхъ изъ-за стола и передалъ сказъ. Та отвела ихъ въ другую избу, гдѣ была приготовлена брачная постель.

По рассказамъ крестьянъ описываемаго района, молодая жена въ первый вечеръ снимаетъ съ ногъ мужа сапоги, а онъ слегка ударьетъ ее кнутомъ. Лично провѣрить эти рассказы мнѣ не пришлось, но въ достовѣрности такого обычая сомнѣваться не приходится.

О второмъ днѣ послѣ брака передамъ разсказъ крестьянки дер. Стешина, Натальи Ивановой, записанный мною въ декабрѣ 1911 г.

— Чуть начало свѣтать, слышу—кто-то зоветъ меня поимянно:

— Вставай, Наталья: гости давно опохмѣлились и поджидаютъ молодыхъ.

Встала я, пріодѣлась, пошла въ другую избу умываться. Хвать—въ рукомойкѣ ни капли воды. Ахъ ты, головушка бѣдная! А тетка Репинья (сваха) шепчетъ:

— Поясокъ къ рукомойкѣ подвяжи, поясокъ подвяжи!

Дѣлать нечего, сходила въ сундукъ, захватила двѣ пары поясовъ да, какъ велѣла тетка Репинья, положила за пазуху два кисета и ситцевый платокъ—пятіалѣтній заплоченъ былъ. Ну вотъ, привязала къ рукомойкѣ поясъ—глядь золовка Машка ковшикъ воды преть. Умылась. Вдругъ дядя Матвѣй (мужнинъ дядя) и гомонитъ:

— А ну-ка, молодушка, подпиши-ка избу—сумѣешь-ли?

Я однова разу поняла, что съ меня требоваеца. Привязала къ вѣнику другой, значить, поясъ. Тая-же золовка схватила вѣникъ и подпахала избу.

Потомъ глядь—Анаха (брать мужа) притащилъ въ избу телку.

— А ну-ка, гомонитъ, молодушка—какъ ты на счетъ скотинки? Дохона-ли?—Вытащила кисетъ и повѣсила на теленка: „этимъ и отбоярилась“.

Въ этотъ-же день, въ деревняхъ описываемаго района, молодымъ на обѣдъ подаютъ „курникъ“—пирогъ, въ которомъ запеченъ пѣтухъ. „Курникъ“, по убѣждѣнію крестьянъ, способствуетъ жизнерадостности молодыхъ и вліяетъ на плодовитость молодой жены.

На третій день молодожены ёдутъ на такъ назыв. „отводины“ въ домъ жены. По пріѣздѣ, молодой зять дѣлаетъ земной поклонъ тещѣ, благодаря ее за то, что она сумѣла сберечь до брака невинность своей дочери.

Обычай этотъ мнѣ пришлось лично наблюдать въ д. Лотаковѣ въ 1910 году. Въ прежнее время—лѣтъ 10—15 тому назадъ—названный обычай былъ распространенъ довольно широко, но теперь постепенно исчезаетъ и сохранился лишь въ наиболѣе глухихъ уголкахъ уѣзда.

Свадебное веселье, смотря по достатку молодоженовъ, продолжается отъ одного до четырехъ дней.

Г. Орѣховъ.

Вс. О. Миллеръ, какъ изслѣдователь русскаго бытевого эпоса.

5 ноября 1913 г. безпощадная смерть унесла изъ среды русскаго образованнаго общества выдающагося и талантливаго ученаго академика Всеволода Федоровича Миллера, оставившаго послѣ себя весьма почетное и славное имя въ различныхъ областяхъ научнаго знанія. Покойныи ученый много потрудился, пролилъ ясный свѣтъ и внесъ много новыхъ освѣжающихъ мыслей въ область сравнительнаго языко-знанія, сравнительной этнографіи и фольклора, востоковѣдѣнія и кавказовѣдѣнія, археологіи и исторіи русской словесности. Съ цѣлымъ рядомъ крупныхъ научныхъ фактовъ его имя уже неизмѣнно будетъ связывать исторія перечисленныхъ научныхъ дисциплинъ. Здѣсь мы постараемся дать посильный очеркъ той стороны дѣятельности Миллера, которая близко касается интересовъ и задачъ журнала и которая вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ имя покойнаго ученаго извѣстнымъ и популярнымъ въ широкихъ кругахъ русской интеллигенціи. Мы будемъ говорить о Всеволодѣ Миллерѣ, какъ изслѣдователь русскаго эпоса.

Всеволодъ Федоровичъ Миллеръ, несмотря на то, что значительную часть своей научной работы отдалъ языко-знанію и даже вплоть до 90-хъ годовъ занималъ офиціально каѳедру сравнительнаго языко-знанія, очень рано, еще на студенческой скамьѣ, обнаружилъ большую склонность и интересъ къ народной словесности, фольклору. Это единеніе сравнительнаго языко-знанія, сравнительной миѳологіи и сравнительнаго фольклора, которое мы наблюдаемъ у Вс. О. Миллера, было весьма естественно и вытекало изъ самой сущности и метода этихъ, сравнительно новыхъ для того времени, липъ становившихся на ноги научныхъ дисциплинъ. Языкъ, миѳъ, сказаніе—это три близкіе, другъ другомъ обуславливаемые, тѣсно связанные первичные элементы духовнаго творчества всего человѣчества. Въ научной разработкѣ ихъ кромѣ того объединялъ методъ, выковавшійся ко времени Миллера въ ясные, опредѣленные принципы на основахъ сравнительнаго языко-знанія и, какъ разъ, въ эпоху выступленія Миллера на самостоятельный путь изученія выдвинувшійся въ примѣненіи къ народнымъ

върованіямъ и сказаніямъ. Такое же соединеніе этихъ родственныхъ знаній мы наблюдаемъ въ научной дѣятельности и другихъ, какъ западно-европейскихъ, такъ и русскихъ ученыхъ, и нельзя не признаться въ важности подобнаго единенія для результатовъ научной работы...

Примѣръ сліянія интересовъ и занятій народной поэзіей и языкомъ, въ сравнительно-историческомъ изученіи котораго Миллеръ въ скоромъ времени усовершенствовался за-границей подъ руководствомъ извѣстныхъ лингвистовъ, Вс. Ф. имѣлъ еще въ студенческие годы въ лицѣ своего даровитаго учителя Ф. И. Буслаева, которому Вс. Ф. несомнѣнно многимъ обязанъ въ развитіи своихъ научныхъ интересовъ и поэтическихъ симпатій. Отъ Ф. И. Буслаева съ той же знаменитой каѳедры русской словесности въ Московскомъ Университетѣ Вс. Ф. могъ получать полныя завлекательности и глубокаго интереса свѣдѣнія и указанія по русскому былевому эпосу, привлекшему вниманіе будущаго извѣстнаго его изслѣдователя въ самомъ началѣ его ученой дѣятельности.

Русскій былевой эпосъ это, по словамъ Вс. Ф., „драгоценное достояніе русского народа“, въ шестидесятые годы, на конецъ которыхъ приходится университетское образованіе и сложеніе научныхъ интересовъ Миллера, привлекаетъ особое вниманіе зарождающейся русской науки и предлагаетъ много новыхъ и неизвѣстныхъ ранѣе фактовъ. Въ 60-е годы появились въ печати знаменитые сборники былинъ Кирѣевскаго и Рыбникова, а въ годъ окончанія Миллеромъ университета (1870) въ Олонецкомъ краѣ производить собираніе былинъ ревностный Гильфердингъ. Къ 60-мъ же годамъ относится и начало собственно научной разработки эпоса—вышли работы Буслаева, а также извѣстныя въ наукѣ, хотя и противоположныя другъ другу по направленію, болѣпія монографіи В. В. Стасова и Ор. Миллера посвященные русскимъ былинамъ.

Такимъ образомъ ко времени выступленія Вс. Ф. на научное по-прище открылось невѣдомое раньше богатство русского эпоса, многочисленные захватывающіе своей архаичностью и своеобразіемъ родники народной поэзіи, а научные изслѣдователи сдѣлали опредѣленныя попытки разгадать это открывшееся чудесное сокровище, полное загадочности, едва уловимыхъ, но тѣмъ болѣе завлекательныхъ и заманчивыхъ для научной мысли, отолосковъ далекой, еще мало понятой старины. Русскій былевой эпосъ—это трудная, но заманчивая загадка, рѣшенію которой съ рвениемъ и увлечениемъ за протекшее полстолѣтіе отдавали лучшія свои силы русскіе выдающіеся ученые, имѣвшіе въ своихъ рядахъ Буслаева, Ор. Миллера, Ал-ра Веселовскаго, Жданова, Дацкевича, Халанскаго и другихъ. И вотъ среди этихъ именъ одно изъ самыхъ почетныхъ и видныхъ мѣстъ должно быть по справедливости отведено Вс. Ф. Миллеру, какъ по величинѣ

достигнутыхъ имъ результатовъ, такъ и по продолжительности и настойчивости его научныхъ разысканій. Русскій былевой эпосъ со всей его загадочностью, сложностью, историческими отголосками и иноzemными литературными вліяніями на всю жизнь приковалъ къ себѣ пытливую научную мысль Вс. Миллера, несмотря на другія свои разностороннія занятія, никогда не выпускавшаго изъ своего научнаго кругозора и сдѣлавшаго изъ него предметъ своихъ любимыхъ специальныхъ работъ.

Въ предисловіи къ одному изъ своихъ извѣстныхъ трудовъ (Экскурсы) Вс. Ф. далъ блестящее образное опредѣленіе русскаго былевого эпоса, уясняющее его особенно сложный характеръ и обуславливающее особые пріемы его научной разработки.

„Нашъ былевой эпосъ представляется мнѣ грандіозной развалиной, обширнымъ многовѣковымъ сооруженіемъ, полнымъ таинственныхъ ходовъ и переходовъ, съ пристройками и настройками отъ разныхъ временъ. Въ этомъ зданіи жили нѣкогда князья, пристраивая къ нему терема и вышки, украшая его византійской мусей и восточными коврами. Въ свое время пограбили въ немъ половцы и татары; въ свое время проживали московскіе бояре, ночевали казаки и наконецъ въ кое-какихъ еще обитаемыхъ закутахъ устроился неприхотливый олонецкій крестьянинъ“... „Какое необозримое поле для изслѣдований, восклицаетъ Вс. Фед., представляетъ эта удивительная постройка“! Вс. Ф. Миллеръ, подобно другимъ ученымъ, съ глубокимъ интересомъ отдается ея изученію, старается уяснить эту постройку, дѣлаетъ разнообразные проекты ея реставраціи. Ему понятно, что „когда эта постройка была открыта, цѣлое поколѣніе изслѣдователей еще бродило подъ обаяніемъ первого впечатлѣнія: оно было поразительно! Мысль невольно окрылялась, хотѣлось скорѣй найти такой пунктъ, съ котораго можно было бы обнять все зданіе однимъ взоромъ, сразу понять его планъ, уяснить его происхожденіе“... Но свѣтлый, правда неисключающій увлеченія и даже крайности, критическій умъ Миллера уже съ самаго начала его научной работы принуждаетъ его прежде всего подумать о методѣ реставраціи, о пріемахъ изученія и воскрешенія изъ груды развалинъ цѣлаго сложнаго зданія. Самый первый печатный трудъ Вс. Ф. (1871) какъ разъ иосвященъ опредѣленію метода по изученію нашихъ былинъ. Поводъ для этого былъ данъ ему одной изъ означенныхъ выше самыхъ смѣлыхъ попытокъ „съ одного пункта обнять все зданіе и уяснить его происхожденіе“, которая была предложена въ извѣстномъ трудѣ В. В. Стасова „Происхожденіе русскихъ былинъ“ (1868 г.) Миллеръ, основываясь на данныхъ окрѣпнувшаго сравнительного языкоznанія и указывая уже осознанные, столь естественные, кривые пути и ошибки въ исторіи этой дисциплины, подвергаетъ жестокой критикѣ сравнительный методъ Стасова. Излагая въ ясныхъ чертахъ „ходъ сравнительного

метода въ лингвистикѣ, гдѣ сравненіе возвышалось до степени научнаго метода, примѣнимаго и къ ироичимъ областямъ филологіи вообще", Вс. Фед. Тѣмъ самыи старается извлечь нѣкоторыя весьма цѣнныя указанія, "могущія предостеречь изслѣдователя былинъ отъ крайностей и увлечений". На основаніи разбора одной главы труда Стасова, именно былинъ о Садкѣ, Вс. Фед., идя чисто объективнымъ путемъ, чуждый страсти и предвзятости тона другихъ критиковъ Стасова, приходитъ къ выводу о несостоительности метода, а потому и выводовъ, взятыхъ въ цѣломъ, автора восточной гипотезы происхожденія русскихъ былинъ. Главными недостатками Стасова Миллеръ считаетъ механичность сравненій, зависимость сравненій отъ восточнаго материала, обусловленность сравненій цѣлью, съ которой предпринято изученіе, неточность въ передачѣ русскихъ былинъ, предвзятое стремленіе видѣть тождество былинъ съ восточными сказками и въ цѣломъ, и подробностяхъ, желаніе лишить русскія былины всего русскаго, національнаго и наконецъ отсутствіе критики сравниваемаго материала. Вс. Ф. Миллеръ не отрицаєтъ возможности восточнаго вліянія на русскія сказанія, но не считаетъ пріемлемымъ доказательства Стасова. Разъ ошибоченъ методъ реставраціи русскаго эпоса, то и все возведеніе Стасовымъ восточное зданіе не имѣть прочности и не получаетъ оправданія. „Отъ прочности отдѣльныхъ камней, говорить въ заключеніи Вс. Ф., зависитъ прочность зданія: отъ прочности отдѣльныхъ сравненій зависитъ прочность гипотезы г-на Стасова. Но мы видѣли, что сравненія его не прочны, что отдѣльные камни зданія не обдѣланы, положены вкривь и вкось и потому имѣемъ, кажется, достаточное основаніе заподозрить и прочность всей грандиозной и многоэтажной постройки"...

Стасовская реставрація въ восточномъ стилѣ потерпѣла крушеніе. Русскій былевой эпосъ по прежнему оставался загадочными огромными и сложными развалинами. Большая монографія Ор. Миллера, несмотря на то, что было привлечено много материала, затрачено много энергіи, сдѣланъ рядъ весьма цѣнныхъ сопоставленій, также не оправдала возлагаемыхъ на нее надеждъ. Виной этому были нѣкоторыя предвзятые точки зрѣнія, стремленіе видѣть то, что желалось и мечталось, и вообще еще слабость методологіи и историческихъ свѣдѣній. Передъ изслѣдователями по прежнему лежало широкое поле гипотетическихъ построеній, отдѣльныхъ частичныхъ разысканій, привлеченіе всевозможныхъ новыхъ могущихъ пролить, хоть нѣкоторый, свѣтъ историческихъ и литературныхъ материаловъ.

Въ теченіе 70-хъ годовъ Вс. Фед. Миллеръ занять изученіемъ языка и культуры древняго Востока. Онъ занять сравнительнымъ изученіемъ индо-европейскихъ языковъ, индусскихъ сказокъ, арійской міѳологіи, основанной на сравнительномъ методѣ изученія. Но и при этихъ занятіяхъ онъ не упускаетъ изъ виду славянскаго, въ частности

русского, фольклора и литературы, а въ 1877 году онъ бросаетъ свой новый проникновенный взглядъ на не менѣе загадочное, особенно въ то время, другое сокровище древне-русской поэзіи—Слово о полку Игоревѣ и въ этомъ проявляеть свое постоянное стремлениѳ къ рѣшенію путемъ сравнительного метода самыхъ сложныхъ вопросовъ. Этотъ „Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ“, идеть въ разрѣзъ со многими господствовавшими въ то время воззрѣніями—онъ доказываетъ, что Слово не пѣснь, а книжное произведеніе, написанное въ стилѣ и подъ вліяніемъ переводной повѣствовательной литературы, приходившей на Русь черезъ Болгарію, для примѣра указываетъ разительныя сходства съ художественными пріемами повѣсти о Дигенисѣ, отрицаеть значеніе Слова, какъ свѣжаго непосредственнаго источника для древне-русской мифологіи, видя въ ней украшающіе книжные пріемы, наконецъ считаетъ личности Бояна и Трояна заимствованіемъ изъ болгарскихъ сказаний. Пусть нѣкоторые выводы Вс. Ф. Миллера грѣшатъ излишней категоричностью и нуждаются въ существенныхъ поправкахъ, однако, по признанію такого авторитета, давшаго живой откликъ на трудъ Вс. Фед., какъ А. Н. Веселовскій, „авторъ впервые высказалъ откровенно то, что лежало на сердцѣ у многихъ, ставшихся отнести къ развитію древне-русской литературы трезво и безъ предвзятыхъ убѣждений“. Призналъ заслуги Вс. Фед. Миллера, несмотря на представленныя возраженія, и Ор. Миллеръ, но съ другой стороны въ лицѣ Е. В. Барсова Вс. Фед. нашелъ горячаго противника своему Взгляду. Во всякомъ случаѣ въ исторіи разработки нашего драгоцѣннаго памятника древне-русской литературы Взглядъ Вс. Миллера составилъ цѣлую эпоху.

Однако при всѣхъ этихъ занятіяхъ у В. Ф. Миллера по прежнему не исчезаетъ мысль о реставраціи и разгадкѣ русского былого эпоса. Какой бы областью изъ своихъ специальныхъ занятій онъ не увлекался, онъ все время слѣдитъ за научной литературой о русскомъ эпосѣ и ищетъ въ сферѣ своихъ занятій матеріала и источниковъ, хоть къ частичному, его уразумѣнію. Несомнѣннымъ отголоскомъ занятій Миллера „Словомъ о полку Игоревѣ“ являются двѣ работы, посвященные былинамъ. Установливая болгарскіе книжные источники для Слова о полку Игоревѣ, Вс. Ф. Миллеръ весьма справедливо усматриваетъ подобное же воздействиѳ одной популярной книжной повѣсти—именно Александріи—на былину о поѣздкѣ Вольги въ Индійское Царство („Отголоски Александріи въ болгаро-русскихъ былинахъ“. Журн. М. Н. Пр. 1877 г. Окт.). При разысканіяхъ юго-славянскаго прототипа для Бояна и Трояна, находя эти имена въ юго-славянскихъ пѣсняхъ, Миллеръ дѣлаетъ, правда рискованную, попытку объяснить былину о ветрѣчѣ Вольги съ Микулой изъ фригийскихъ, перешедшихъ къ южнымъ славянамъ, сказаний о Гордіасѣ и Александрѣ Македонскомъ. („По поводу Трояна и Бояна „Слова о полку Игоревѣ“.

Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 Дек. стр. 239—267). Статья эта вызвала справедливые возражения со стороны Ор. Миллера и Халанского, да и самъ Вс. Фед. впослѣствіи отказался отъ этой гипотезы, хотя съ другой стороны, указалъ рядъ другихъ дѣйствительно очень близкихъ параллелей къ этой былинѣ изъ восточныхъ сказаний о томъ же Александрѣ Македонскомъ (перепечатано въ „Очеркахъ“, I, стр. 443). „Но изслѣдуя южную культурную струю въ нашемъ эпосѣ, говорить въ это время Вс. Ф. Миллеръ, намекая на свои только что указанныя двѣ работы, этотъ потокъ, достигавшій Киева, мы разрѣшаемъ только часть задачи исторической постановки древне-русской народной поэзіи“, и Вс. Фед. указываетъ на необходимость считаться съ исторической жизнью на съверѣ—въ частности съ столкновеніемъ славянской национальности съ Чудью и Варягами, и въ своей блестящей статьѣ „Отголоски финского эпоса въ русскомъ“ (Журн. М. Н. Пр. 1879 г. Дек.) устанавливаетъ рядъ интересныхъ вліяній финскихъ сказаний на русскія былины. Такими отголосками являются, между прочимъ, былинныя свѣдѣнія о Колыванѣ и былины о Садкѣ-гуслярѣ и морскомъ царѣ. Такимъ образомъ уже здѣсь чувствуется у Вс. Фед. Миллера раздѣленіе русского эпоса на двѣ струи—южную и съверную, мысль, впослѣствіи подробно развитая и самимъ Вс. Фед., и другими изслѣдователями.

Въ 80-е годы Вс. Ф. Миллеръ главными своими научными интересами уходитъ въ далекій Иранъ и въ сильно за эти годы полюбившіяся ему высоты Кавказа. Для Вс. Фед-ча 80-е годы это время написанія знаменитыхъ Осетинскихъ этюдовъ. (1881, 1882, 1887) время пристальнаго личнаго ознакомленія съ Кавказомъ, глубокаго интереса къ языку и духовной жизни, поэзіи и вѣрованіямъ разнообразной, пестрой кавказской народной массы. Вс. Фед-ча особенно привлекаютъ народы, стоявшіе въ близкомъ родствѣ съ иранцами, перенесшіе на Кавказъ иранскій языкъ, духовную культуру и бытъ. Въ связи съ этими вопросами Вс. Фед. обращаетъ вниманіе на древнихъ наслѣниковъ южной Руси и доказываетъ ихъ прямую родственную связь съ Ираномъ. Надышавшись чудеснымъ міромъ кавказскихъ сказокъ и легендъ, преданий и пѣсенъ, пристально изучивъ это огромное богатство народнаго творчества кавказцевъ, Вс. Фед. Миллеръ, съ одной стороны, подобно своимъ наблюденіямъ надъ языками и некоторыхъ кавказскихъ народовъ, замѣтилъ близкое соответствие многихъ входящихъ въ него мотивовъ и сюжетовъ съ древней привлекательной поэзіей Ирана, съ другой стороны, въ томъ же сказочномъ и героическомъ мірѣ Кавказа тонкій слухъ Вс. Миллера уловилъ знакомые мотивы родного русского эпоса. Результаты своихъ первыхъ наблюдений Вс. Фед. собираетъ въ двухъ статьяхъ, трактующихъ указанныя темы, это „Иранскіе отголоски въ народныхъ сказанияхъ Кавказа“ (Этногр. Обозр., кн. II, 1889, № 2) и „Кавказско-русскія параллели“ (Этнографическое Обозрѣніе, кн. X, 1891 и XI, 1892).

Дальнѣйшее углубленіе въ эту область въ концѣ концовъ приводить Вс. Фед-чакъ созданию цѣлой стройной системы, позволяющей, какъ казалось автору, уяснить, если не весь русскій былевой эпосъ, то, по крайней мѣрѣ, одну изъ главныхъ и основныхъ его частей. Эту систему онъ излагаетъ въ своихъ извѣстныхъ „Экскурсахъ въ область русскаго народнаго эпоса“ (1892 г.). Миллеру кажется, что на высотахъ Ирана и Кавказа, онъ нашелъ тотъ пунктъ, съ котораго сталь виднымъ и яснымъ одинъ изъ главныхъ фасадовъ развалившагося грандіознаго зданія—русскаго эпоса. Такимъ исходнымъ пунктомъ оказались перешедшія и на Кавказъ, и къ тюркамъ иранскія сказанія о славномъ Рустемѣ. Въ послѣднемъ Вс. Фед. усмотрѣлъ прототипъ нашего главнаго богатыря, стараго казака Ильи Муромца. Наиболѣе популярными эпизодами иранской Рустеміады и у тюрковъ, и на Кавказѣ были повѣствованія о поѣздкѣ Рустема въ Мазендеранъ и о боѣ его съ своимъ сыномъ Сохрабомъ. Эти два эпизода перешли и на Русь, и въ русскихъ былинахъ „О трехъ поѣздкахъ Ильи Муромца“ и о его „боѣ съ сыномъ“ Вс. Фед. различаетъ еще довольно явно, по его мнѣнію, сохранившуюся иранскую основу. Подтвержденіемъ перехода Рустеміады на Русь для него служить извѣстная сказка объ Ерусланѣ Лазаревичѣ, на восточное происхожденіе которой указалъ еще Стасовъ; Миллеръ дополняетъ сдѣланныя послѣднимъ сопоставленія указаниемъ промежуточныхъ кавказскихъ параллелей, находить сходства съ былинами обѣ Ильѣ и дѣлаетъ выводъ, что былины обѣ Ильѣ и сказка обѣ Ерусланѣ являются разновременными обработками одного и того же иранскаго сюжета. Наиболѣе убѣдительными явились у Миллера лишь сопоставленія иранскихъ и русскихъ сказаній о боѣ отца съ сыномъ. Эта сравнительная убѣдительность обусловливалась въ данномъ случаѣ наиболѣе полно и правильно приложенными сравнительными методомъ изученія.

Именно—„детальное разсмотрѣніе русскихъ пѣсенъ о боѣ Ильи съ сыномъ сдѣлало вѣроятнымъ, что въ нихъ слѣдуетъ видѣть не просто русскія версіи общераспространеннаго эпического сюжета, а отголоски этого сюжета именно въ иранской редакціи, прошедшей, впрочемъ чрезъ непранскую среду раньше своего проникновенія въ нашъ народный эпосъ“. Но Вс. Фед. не остановился на исторіи только этихъ указанныхъ эпическихъ мотивовъ. Вслѣдъ за установлениемъ ихъ иранскаго происхожденія, онъ увлекся мыслью доказать еще большее отраженіе иранской Рустеміады на русскомъ былевомъ эпосѣ. Исходя изъ положенія, что на личности главнаго русскаго богатыря наслонились черты Рустема, Вс. Ф. Миллеру кажется, что „вмѣстѣ съ Рустемомъ сохранились въ нашихъ былинахъ и иѣкоторыя другія личности иранскаго эпоса, находящіяся съ нимъ въ связи и служащія для его характеристики, для оттѣненія его нравственнаго облика“. Таковъ царь Кейкаусъ, отразившійся, по мнѣнію Миллера, на эпиче-

скомъ обликъ трусливаго, малодушнаго и деспотичнаго князя Владимира, развратная жена персидскаго царя Судабэ на легкомысленной княгинѣ Апраксіп. Въ образѣ русскаго Соловья разбойника Миллеръ усматриваетъ соединеніе чертъ иранскихъ героевъ Симурга, Кергара, бѣлага дива и т. д. Нѣть сомнѣнія, что въ этихъ послѣдніхъ сопоставленіяхъ талантливый, но не лишенный увлеченія, авторъ слишкомъ поддался своей иранской системѣ и въ результатѣ сдѣлалъ рядъ рискованныхъ и малоубѣдительныхъ гипотезъ. Въ объясненіи „мозаичности“ образовъ русскаго эпоса и въ отысканіи составныхъ его элементовъ въ раздѣльныхъ мотивахъ и подробностяхъ иранской словесности Вс. Ф. Миллеръ проявилъ, незамѣтно для себя, то же увлеченіе, правда въ значительно уменьшенномъ видѣ, въ чемъ самъ упрекалъ раньше Стасова. Но для характеристики научнаго облика Миллера нужно всегда имѣть въ виду, что въ своемъ проектѣ реставраціи русскаго эпоса на иранскихъ основахъ и мотивахъ, онъ всегда подчеркивалъ мысль, что это именно лишь проектъ и гипотеза отнюдь не высказываемая имъ въ категорической формѣ. Онъ не закрывалъ глаза на то, что у него въ трудѣ найдутся „частныя ошибки и увлеченія, отъ которыхъ не гарантированъ ни одинъ изслѣдователь, какъ бы онъ ни старался быть остороженъ“, но онъ и убѣжденъ, что „такіе промахи будутъ своевременно замѣчены критикой“ (стр. 13). Въ данномъ случаѣ вполнѣ примѣнимы справедливыя слова самаго Вс. Фед-ча, сказанныя имъ по поводу одного покойнаго собирателя русскаго народнаго творчества: „Отъ промаховъ свободенъ лишь тотъ; кто ничего не дѣлаетъ. Разъ промахи замѣтны для науки, они уже исправимы и не могутъ затормазить научныхъ успѣховъ“ (П. В. Шейнъ, Биографический очеркъ. Этногр. Обозрѣніе, кн. XLVI, 1901).

Научная критика въ лицѣ Н. П. Дацкевича отнеслась къ гипотезѣ Вс. Фед-ча, выставленной имъ въ Экскурсахъ довольно сурово; были сдѣланы указанія на сходство пріемовъ и нѣкоторыхъ выводовъ со Стасовской теоріей. Однако нельзя не подчеркнуть и существенной разницы между восточной гипотезой Миллера и Стасова. Прежде всего къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ сказаніямъ (какъ о бой отца съ сыномъ) Вс. Ф. блестяще и всесторонне примѣняетъ теорію заимствованія мотивовъ; во вторыхъ, система Миллера, съ чѣмъ согласенъ и ак. Дацкевичъ, подкупаетъ своей необычайной стройностью въ отношеніи у становленія историческихъ путей перехода восточныхъ сказаний. Мы видѣли, въ своихъ Экскурсахъ Вс. Фед. подошелъ къ русскому эпосу отъ Ирана черезъ Кавказъ. Эта связь Ирана, Кавказа и Руси выяснилась изъ сходства сравниваемыхъ имъ сказаний. Оставалось разрѣшить вопросъ: кто же былъ посредникомъ въ передачѣ иранскихъ сказаний на Русь. На основаніи анализа языка, въ которомъ Вс. Фед. находитъ замѣтные слѣды иранизма, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ и наконецъ, на основаніи, правда немногочисленныхъ, но въ высшей сте-

пепи интересныхъ свѣдѣній о поэтическомъ творчествѣ—Вс. Ф. дѣлаетъ очень убѣдительное предположеніе, что такими посредниками были одни изъ многочисленныхъ находившихъ на древнюю Русь тюрковъ—именно половцы. Они то и занесли въ южно-русскія степи восточныя пѣсни, а, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ, притомъ не только враждебныхъ, съ русскимъ народомъ, они и передали ему эти пѣсни. Интересное подтвержденіе своей гипотезы объ отраженіи въ русскомъ эпосѣ иранской Рустеміады и о передачѣ ея на Русь половцами, Вс. Ф. Миллеръ находитъ въ талантливо доказываемой имъ мысли о первоначальномъ черниговско-сѣверскомъ происхожденіи русскихъ сказаний объ Ильѣ Муромцѣ, что обнаруживается изъ анализа географической номенклатуры этихъ сказаний. Но вѣдь юго-восточная русскія—Переяславская-Черниговско-Сѣверская области—и были ближайшими къ половцамъ областями, онѣ-то и приходили съ ними въ наиболѣе частыя и тѣсныя сношения. Такимъ образомъ и съ этой стороны гипотеза Миллера находила себѣ подтвержденіе и въ результатахъ получилась стройная система—Иранъ—Кавказъ и Тюри (половцы)—на конецъ, южно-русскія области. Научная гипотеза, основанная на сравнительномъ методѣ, удовлетворяла, какъ будто, обоимъ необходимымъ требованиямъ, чтобы не только были доказаны близость и сходство сказаний, но и опредѣлены историческіе пути перехода... И тѣмъ не менѣе, какъ мы видѣли, эта иранская реставрація русского эпоса именно въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, какъ намѣчалась она въ Экскурсахъ Вс. Ф. Миллера, оказалась мало пріемлемой. На это указала научная критика Экскурсовъ, съ этимъ въ концѣ концовъ, согласился и самъ Вс. Ф. Вообще у Вс. Ф. Миллера началось нѣкоторое разочарованіе въ сравнительномъ методѣ при изученіи пародныхъ сказаний. Теорія заимствованія не давала полной убѣдительности и, въ концѣ концовъ, по самой своей сути только отчасти могла объяснить туземный словесный памятникъ. Вс. Ф. Миллеръ все болыше и болыше убѣждается въ этомъ, и возстановленіе основныхъ редакцій былій и уясненіе путей кочеванія международныхъ сказаний представляется ему дѣломъ гораздо болые сложнымъ, чѣмъ прежде, и результаты такихъ изысканій онъ начинаетъ считать вообще весьма гадательными. (Очерки II, стр. 181. Ср. также предисловіе къ 1-му тому Очерковъ).

Значительно большій интересъ въ глазахъ Вс. Фед-ча съ того времени пріобрѣтаетъ историческая национальная основа русского эпоса, разнообразные жизненные въ немъ отраженія. Историческая точка зрѣнія на русскій эпосъ, собственно говоря, всегда была присуща научнымъ взглядамъ Вс. Фед-ча, но въ предыдущихъ работахъ она отходила на задній планъ передъ вопросами иноземнаго заимствованія эпическихъ мотивовъ. Но все же въ первомъ своемъ трудѣ, въ рецензіи на работу Стасова и въ указанныхъ выше статьяхъ 70-хъ

годовъ, Миллеръ подчеркиваетъ историческій національный элементъ русскихъ эпическихъ пѣсень и указываетъ на необходимость съ нимъ считаться. Въ Экскурсахъ эта мысль получаетъ еще большее обоснованіе, несмотря на то, что въ общемъ во всемъ этомъ трудѣ доминируютъ вопросы литературнаго заимствованія. Въ Экскурсахъ Вс. Фед. подчеркиваетъ, что „присутствіе въ напицѣ эпосѣ значительнаго количества историческихъ именъ указываетъ на то, что въ основѣ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, былинъ лежали историческія пѣсни, въ которыхъ, какъ въ эпосахъ другихъ народовъ, съ теченіемъ времени историческіе факты и лица были вытѣснены фантастическими, сказочными и лишь кое-гдѣ сохранились въ видѣ глухихъ отголосковъ. Поэтому, если, для выясненія множества былевыхъ сюжетовъ, исследователь долженъ привлекать къ сравненію сходные сюжеты въ сказаніяхъ другихъ народовъ, то не меньшее значеніе имѣютъ работы такихъ изслѣдователей, которые уясняютъ историческіе отголоски, сохранившіеся въ нашихъ былинахъ, слѣдя за отраженіемъ историческихъ личностей и событий въ народномъ сознаніи и словѣ“. (Экскурсы, стр. 36). Въ самихъ Экскурсахъ Вс. Фед. далъ блестящіе примѣры историческаго истолкованія русскихъ былинъ. Таковы его извѣстныя историческія объясненія былинъ о Добрынѣ, дядѣ Владимира, содѣйствовавшемъ крещенію Руси и пораженію язычества, символизированнаго народной фантазіей въ лицѣ чудовищнаго змѣя, таковы и разысканія Вс. Фед-ча по исторіи типа Ильи Муромца и о степныхъ мотивахъ въ русскомъ эпосѣ.

Послѣ выхода Экскурсовъ Вс. Ф. Миллеръ уже безповоротно за весь оставленный ему судьбой двадцатилѣтній періодъ научной работы развиваетъ историческую точку зреїнія на эпосѣ. Онъ по прежнему занять мыслью о реставраціи этого сложнаго многовѣковаго сооруженія, но центръ своихъ разысканій переносить на установлѣніе родной его почвы, на воскрененіе его историческаго фундамента и основныхъ частей этого сооруженія. Но на основаніи предыдущихъ попытокъ реставраціи, какъ другихъ изслѣдователей эпоса, такъ и своихъ собственныхъ, Вс. Ф. Миллеръ отказывается отъ мысли опредѣлить главный характеръ и основу этого сооруженія и угадать руководящую идею его строителей. Вс. Ф. убѣждается въ необычайной сложности, въ необычайной продолжительности этой загадочной постройки, въ поразительной смѣси и пестротѣ ея составныхъ элементовъ. Для того, чтобы реставрація оказалась успѣшной, чтобы ближе всего соотвѣтствовала дѣйствительности, нужна была детальная, внимательная разработка отдельныхъ подробностей, нуженъ точный анализъ самой природы того пѣсеннаго материала, изъ котораго создано сооруженіе, нужно опредѣленіе техники его строителей, чтобы по ней обнаружить самихъ мастеровъ. Наконецъ, чтобы добраться до основъ многовѣковой постройки много разъ передѣлываемой, разрушающейся и обrostавшей другими

настройками, Вс. Фед. приходитъ къ ясно осознанной мысли о необходимости предварительно снять эти позднѣйшія наслоенія и, только послѣ такой частичной бережной разработки подробностей, уяснить и воскресить все таинственное и грандіозное сооруженіе, какимъ является нашъ эпосъ.

Передъ Вс. Ф. Миллеромъ раскрылась кропотливая по своему методу, но необыкновенно широкая по своимъ размѣрамъ, хотя и трудная, но за то много обѣщающая, завлекательная работа. Въ теченіе 20-ти послѣднихъ лѣтъ вплоть до самой кончины Вс. Фед. со свойственнымъ ему интересомъ и энергией отдастся этому дѣлу и основные, выработавшіеся путемъ внимательного и пристальнаго изученія, принципы этой работы остаются для него до конца уже неизмѣнными. Это даетъ намъ возможность обозрѣвать, весь указанный періодъ научной работы Миллера за разъ.

Для своей детальной работы по реставраціи русскаго эпоса Вс. Ф. естественно прежде всего озабоченъ мыслью наиболѣе полнаго собранія всего уцѣлѣвшаго отъ древнаго времени пѣсенного матеріала. Ему цѣны и дороги не только хорошо сохранившіяся части, для него не менѣе важны всѣ, хоть маленькие, развалившіеся отрывки и обломки. И вотъ съ этою цѣлью въ теченіе всего указанного періода Вс. Ф. прилагаетъ зависящія отъ него мѣропріятія къ объединенію и собранію былиннаго матеріала. Такъ возникаютъ два большихъ сборника, составленные подъ его ближайшимъ руководствомъ, объединяющіе напечатанный въ отдѣльныхъ изданіяхъ или еще совсѣмъ не обнародованный былинный матеріалъ: „Русскія былины старой и новой записи“ (1894 г. въ сотрудничествѣ съ ак. Н. С. Тихонравовымъ) и „Былины новой и недавней записи изъ разныхъ мѣстностей Россіи“ (М. 1908 г. въ сотрудничествѣ съ Е. Н. Елеонской и съ А. В. Марковымъ). Кромѣ того въ самое послѣднее время Вс. Ф. Миллеръ былъ занятъ печатаніемъ сборника „Историческихъ пѣсень Московскаго періода“, но внезапная смерть прервала на половинѣ начатую работу. Съ большимъ вниманіемъ и участіемъ слѣдилъ Вс. Ф. за новыми отдѣльными записями былинъ разныхъ мѣстностей Россіи, и давалъ ту или другую свою авторитетную оцѣнку даже небольшихъ, но съ его точки зрѣнія весьма цѣнныхъ, записей; таковы его два отзыва: о „Новыхъ записяхъ былинъ въ Якутской области г. Богораза“ („Очерки“ I и Извѣстія Отд. Р. Я. и Слов. И. Академіи Наукъ С.П.Б. 1900 г. т. V кн. 1), „О новыхъ записяхъ былинъ изъ Донской области“ (Этн. Об. III) и въ Архангельской губерніи (Извѣстія 1899 г. IV кн. 2) и др. Естественно съ какой радостью и съ какимъ искреннимъ удовольствіемъ встрѣчаетъ Вс. Ф. успѣшныя и значительныя въ количественномъ отношеніи записи былинъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эпическая поэзія еще свѣжа и откуда исследователь можетъ получить еще новый богатый, столь ему необходимый матеріалъ. Большиня собранія былинъ

на крайнемъ съверѣ двухъ учениковъ Вс. Фед-ча—А. В. Маркова „Бѣломорскія былины“ (1901 г.) и А. Д. Григорьева „Архангельскія былины и историческая пѣсни“ (т. I м. 1904 и т. III м. 1910 г.), собрания, сдѣланыя подъ вліяніемъ захватывающаго живого интереса къ русскому эпосу, который проявлялъ и на своихъ лекціяхъ и въ своихъ статьяхъ, докладахъ и словесныхъ бесѣдахъ ихъ учитель, встрѣчаются со стороны Вс. Фед. особенно сердечный привѣтъ и быстро вводятся имъ въ научный оборотъ. Въ самое послѣднее время живой откликъ у Вс. Ф. Миллера встрѣчаются появившіяся недавно собрания казацкихъ эпическихъ пѣсень, разборъ и научное, весьма интересное, освѣщеніе которыхъ Вс. Ф. далъ въ своихъ двухъ послѣднихъ научныхъ докладахъ въ Московскому Этнографическому Отдѣлѣ незадолго до своей смерти.

Ознакомленіе со всѣмъ имѣющимся въ наличности былиннымъ материаломъ, прежде всего дало Вс. Фед.-чу возможность внимательно и детально прослѣдить исторію пѣсеннааго текста, установить имѣющіяся редакціи, снять позднѣйшія измѣненія и искаженія и такимъ образомъ приблизиться къ основному его изводу. Съ такого кропотливаго анализа варіантовъ начинается почти каждая работа Вс. Фед-ча, посвященная исторіи отдѣльного былиннаго сюжета. Нельзя не отмѣтить, что именно только послѣ такой филологической и исторической разработки текста достигалась прочность и убѣдительность выводовъ. Затѣмъ разсмотрѣніе всѣхъ былинъ и въ хорошей, и плохой сохранности давало Вс. Фед.-чу возможность постигнуть пріятливую жизнь эпической пѣсни въ народныхъ устахъ, обнаружить и выяснить законы ея развитія, новаго примѣненія, переработки и наконецъ отмирания.

Изученіе стиля и строя эпической пѣсни, поющеїся въ настоящемъ времени, главнымъ образомъ, въ съверной крестьянской средѣ, позволило Вс. Ф. Миллеру разглядѣть за этой современной былинной и способомъ ея исполненія болѣе древнюю технику профессіональныхъ мастеровъ пѣнія и сложенія, какими въ древней Руси были скоморохи. Вс. Ф. Миллеръ блестяще подробно выяснилъ ихъ большую роль въ дѣлѣ распространенія и обработки былинъ и показалъ явные слѣды этой скоморошней техники. Но за ними еще въ болѣе древнее время Вс. Ф. предполагалъ другихъ пѣвцовъ—княжескихъ дружинниковъ. Мало того обзоръ всего накопившагося въ печати былиннаго материала далъ Вс. Ф.-чу возможность сдѣлать свои интересныя „Наблюденія надъ географическимъ распространеніемъ былинъ“, которые будучи поставлены въ связь съ вопросами русской колонизации весьма много способствовали уясненію мѣста сложенія и разницы въ былинныхъ репертуарахъ различныхъ полосъ Россіи. Такимъ образомъ, мы видимъ. Вс. Фед. съ самыхъ различныхъ точекъ зренія подходитъ къ изучаемому имъ материалу и дѣлаетъ талантливая и

остроумныхъ заключенія, стараясь основательно и научно реставрировать загадочное строеніе.

Затѣмъ передъ Вс. Ѳ. Миллеромъ лежали главныя поставленныя имъ задачи при опредѣлениі исторической основы этой постройки: ему нужно было разрѣшить вопросы о мѣстѣ и времени сложенія отдѣльныхъ былинъ, составившихъ въ концѣ концовъ грандіозный русскій эпосъ. Здѣсь Вс. Ѳед. обнаруживаетъ необыкновенную гибкость ума, тонкое чутье исторической эпохи, большое остроуміе въ комбинированіи и научномъ освѣщеніи, надо сказать, очень скучныхъ и сбивчивыхъ историческихъ данныхъ. Изучивъ хорошо законы пѣсенной жизни и народной фантазіи, онъ дѣлаетъ для человѣка, мало посвященнаго въ эту прихотливую и своенравную область, можетъ быть, неожиданнаго заключенія, и тѣмъ не менѣе оять въ большинствѣ случаевъ стоять на правильномъ пути. Народная былина въ талантливомъ освѣщеніи Вс. Ѳ-ча начинаетъ намъ говорить гораздо больше, чѣмъ это казалось при первомъ взглядѣ, она воскрешаетъ передъ нами историческую свою жизненность и переносить насъ въ отдаленное старое время. Вс. Ѳед. дѣйствительно проявилъ необычную разносторонность и цѣлкость своихъ научныхъ пріемовъ. Методъ его при опредѣлениі историческихъ и мѣстныхъ отраженій обращенъ на анализъ именъ, отчествъ, географическихъ названий, черты быта и природы, уже изжитыхъ, отошедшихъ въ область преданія, идеологій и т. и. Только хорошо вооруженный взглядъ Миллера и свойственная ему тонкость мысли могли разсмотрѣть въ передѣланныхъ до неузнаваемости историческихъ названіяхъ и терминахъ ихъ дѣйствительную сущность. Въ этомъ отношеніи Вс. Ѳед-чу помогли его хорошее знаніе законовъ развитія языка и законовъ такъ называемой „народной этимологіи“. Въ лицѣ Азвяка Таврульевича Миллеръ видѣть Узбека, съ приставленнымъ къ нему отчествомъ изъ имени Товруль (Холстоврула), шурина Батыя, въ отчествѣ Соловья Рахматовичъ, Миллеръ указываетъ передѣлку изъ „воръ Ахматовичъ“, при чемъ это отчество получилось изъ имени хана Ахмата (въ 1480 г. находившаго на Русь). Въ отчествѣ богатыря Сухмана Долмантьевича, Однокамтьевича онъ видѣть передѣлку имени псковскаго князя Доманта (или Довмонт), въ былинномъ имени Артакъ, упоминаемомъ въ былинахъ рядомъ съ Кончакомъ (Кончакомъ), Вс. Ѳед. усматриваетъ имя половецкаго князя Отрокъ или, наконецъ, въ имени Бутмана Колывановнча видѣть народную передѣлку фамиліи современника Петра Великаго Андрея Бутенанть фонъ Розенбушъ.

Подобныхъ примѣровъ мы найдемъ въ трудахъ Вс. Ѳ. Миллера очень много. Тоже самое въ отношеніи географическихъ названий. Припомнимъ его заключенія о г. Моровскѣ и Каравеѣ, къ которымъ сначала, какъ предполагаетъ В. Ѳ. Миллеръ, быль пріуроченъ Илья Муромецъ, или название Камское побоище, въ которомъ Вс. Ѳед. усматри-

ваеть вполнѣ справедливо передѣлку изъ Калкскаго побоища. Этому объясненію на дніяхъ проф. М. Н. Сперанскій нашелъ подтвержденіе въ одной рукописи ¹⁾). Для уясненія исторіи былинъ Вс. Ф. привлекать всѣ имѣющіяся письменныя, идущія изъ древности свѣдѣнія о богатыряхъ, другихъ герояхъ былинъ. Отразившимися въ былинахъ бытовыми чертами Вс. Ф. Миллеръ особенно много воспользовался при уясненіи обширнаго, съ его точки зрѣнія, городского новеллистическаго эпоса, какимъ былъ, въ отличіе отъ богатырскаго-южнаго, эпосъ сѣверный-новгородскій.

Мы не будемъ за обширнотью научнаго наслѣдія Вс. Фед-ча подробно останавливаться на всѣхъ его многочисленныхъ цѣнныхъ работахъ послѣдніхъ 20-ти лѣтъ, посвященныхъ опредѣленію мѣста и времени сложенія отдѣльныхъ былинъ, мы постараемся лишь въ самыхъ общихъ чертахъ указать на достигнутые имъ результаты. Тѣмъ болѣе трудно перечислить всѣ отдѣльные частные выводы Миллера, что за свою научную дѣятельность онъ не обошелъ своимъ вниманіемъ почти ни одного былиннаго сюжета.

Относительно мѣста созданія русскаго эпоса Вс. Ф. на основаніи своихъ собственныхъ изысканій и на основаніи работъ другихъ ученыхъ, съ мнѣніями которыхъ онъ всегда считался, пришелъ къ признанію необычайной сложности эпоса и въ этомъ отношеніи. Дѣйствительно русскій эпосъ въ освѣщеніи Вс. Ф. Миллера по своему происхожденію охватываетъ почти все пространство европейской Россіи и является результатомъ творчества почти всѣхъ главныхъ областей русскаго племени. Черты Переяславскихъ и чернигово-сѣверскихъ элементовъ были указаны Миллеромъ еще въ его Экскурсахъ. Изъ этихъ мѣсть, по его мнѣнію, сказанія объ Ильѣ Муромцѣ (сначала м. б., Моровцѣ) перешли въ Муромо-Рязанскую область, также наложившую значительный слѣдъ на былинномъ эпосѣ. Въ своихъ отдѣльныхъ статьяхъ, какъ вошедшихъ въ „Очерки по русской народной словесности“ (Т. I. М. 1898 г. и т. II, М. 1910 г.), такъ и невошедшихъ, Вс. Ф. Миллеръ доказывалъ и подчеркивалъ участіе и другихъ русскихъ областей. Не говоря уже о Кіевской Руси, Вс. Ф. Миллеръ указывалъ на основаніи нѣкоторыхъ былинныхъ названій и анализа былинъ о Дюкѣ, Дунаѣ, Михайлѣ Потыкѣ и кн. Романѣ галицко-волынскія отраженія изъ эпохи наиболѣшаго расцвѣта этихъ княжествъ въ XII—XIII в. Въ другихъ случаяхъ, въ частности на основаніи былинъ и письменныхъ свидѣтельствъ объ Ильѣ Муромцѣ, Вс. Ф. говорилъ объ отраженіи на былинахъ западно-русскихъ областей. Указывалъ также на возможность отраженія полоцкихъ (былины о женитьбѣ кн. Владимира) сказаній, а на основаніи анализа былинъ

¹⁾ Именно въ Лѣтописи о началѣ Новгорода по рукоп. И. Е. Забѣлина № 439 (перв. полов. XVIII в. л. 19 об.) „Калкское“ побоище, названо „Камскимъ“.

о Колыванѣ и Суханѣ возможность псковскихъ отраженій. Но особенно большую роль въ сложеніи былинъ Вс. Фед. отводилъ Новгородской области и съверному району, находившемуся въ предѣлахъ новгородского культурного вліянія. На долю новгородского творчества Миллеръ относилъ значительное количество былинъ, а именно былины „п-воинскихъ“. (Таковы Вольга и Микула, Чурила, Соловей Будимировичъ, Хотѣнъ Блудовичъ, Иванъ Гостинный сынъ, Ставръ, Садко, Василій Казимировичъ, Сорокъ каликъ со каликою, а также былины о Добрынкѣ-змѣборцѣ). Ростово-Сузdalльская область разработала былины главнымъ образомъ о своемъ мѣстномъ герое Алешѣ (Александрѣ) Поповичѣ и былины о столкновеніяхъ съ татарами. (Ср. Ростово-Сузdalльские отголоски въ былинахъ о братьяхъ Сузdalльцахъ, обѣ Алешѣ Поповичѣ, Калкскомъ (Камскомъ) Побоищѣ и т. п.). Большой отпечатокъ, какъ на прежнія эпическая пѣсни, такъ и на созданіе новыхъ естественно наложила Москва. Эти многочисленные отголоски именно Московской Руси Вс. Ф. Миллеръ подчеркиваетъ не только въ болѣе ясныхъ по мѣсту и времени происхожденія многочисленныхъ „историческихъ пѣсняхъ“, но и въ цѣломъ рядѣ, такъ называемыхъ, былинъ. Приложили свою руку къ постройкѣ русского эпоса, какъ показывалъ Вс. Ф. Миллеръ, и съверные области, въ болѣе позднее время, вообще, явившіяся хранительницами былого эпического богатства. Такъ чисто олонецкой передѣлкой является былина о Рахтѣ, печерской былина о Бутманѣ; въ вологодскихъ предѣлахъ нашла свою окончательную обработку былина о Сорока каликахъ.

Не менѣе разнообразнымъ представляется въ освѣщеніи Вс. Фед. русскій эпосъ и по времени своего сложенія. Дѣйствительно онъ является многовѣковымъ сооруженіемъ. Сохранились иѣкоторые отголоски еще языческаго периода (былины о Вольгѣ-Олегѣ), болѣе подробно отразилась эпоха Владимира (самъ князь Владимиръ, Добрыня, его дядя, крещеніе Руси, женитьба Владимира на Рогнѣдѣ и пр.), дошли, если не въ видѣ отдѣльныхъ пѣсень, такъ по крайней мѣрѣ въ болѣе или менѣе ясныхъ отголоскахъ черты половецкой эпохи (таковы напр. былинныя имена этого периода, какъ Казаринъ, Кончакъ, Артакъ, Тугорканъ, возможно Владимиръ Мономахъ, и рядъ тѣхъ половецкихъ отголосковъ, на какія указалъ Вс. Ф. Миллеръ въ своихъ Экскурсахъ). Значительно ярче, и именно на основаніи соотвѣтствующихъ разысканій и указаній Вс. Фед-ча, въ русскомъ эпосѣ нашла себѣ отраженіе эпоха тяжелой татарщины. Былины донесли намъ отголоски самаго начала татарскаго нашествія, таковы напр., какъ подтвердилъ Миллеръ, разнообразныя пѣсенные воспоминанія о Калкской битвѣ (былины о Калинѣ, о Калкскомъ побоищѣ, о гибели богатырей и др.) одинаково былины отразили и конечную стадію борьбы съ татарами въ XV и XVI вв. вплоть до знаменитаго взятія Казаніи и Астраханіи. (Къ „татарскимъ“ былинамъ относятся по указанію Вс.

Фед., кроме цѣлаго ряда другихъ, ранѣе въ этомъ отношеніи освѣщенныхъ, такія былины какъ о Василіи Казиміровичѣ, о Михаилѣ Даниловичѣ, не говоря о массѣ отдельныхъ наслоеій татарщины на большинствѣ эпическихъ пѣсенъ). Богатое количество отдельныхъ чертъ въ русскомъ эпосѣ и даже цѣлыхъ пѣсенъ, должно быть по указанію Вс. Ф. Миллера отнесено на долю Московскаго периода русской исторіи—именно XV—XVII вв. Здѣсь есть, какъ будто, отголоски и эпохи великаго князя Даниила, и времени Василія III-го, и Ивана III-го и особенно оставившей крупный следъ въ народной памяти эпохи царя Грознаго. Этой послѣдней эпохѣ Вс. Ф. Миллеръ особенно за послѣдніе годы удѣлилъ особое вниманіе. (Таковы его статьи о пѣсняхъ о „Казанскомъ Царствѣ“, „О сказкахъ обѣ Иванѣ Грозномъ“, разборъ „Пѣсень и памфлетовъ XVI в.“. С. К. Шамбина, статья „О русскихъ и инородческихъ преданіяхъ о казанскомъ походѣ Ивана Грознаго“ и др.). Наконецъ въ обширной и интересной статьѣ Вс. Ф. Миллеръ вскрылъ разнообразныя и крупныя наслоенія на былинахъ Смутнаго времени, оставившаго свои отголоски въ былинахъ не только въ многочисленныхъ терминахъ и подробностяхъ, но и соавшаго свои особые былинные типы, какъ напримѣръ знаменитая Маринка Кайдаловна или даже самыи образъ „старого казака“ Ильи Муромца. Въ нѣкоторыхъ своихъ статьяхъ Вс. Фед. указалъ и еще болѣе поздніяя черты XVII и даже XVIII вѣка, напр. черты и даже личности изъ Петровской эпохи. (Напр. Бутманъ). Обнаруживая такую многовѣковую постройку, какъ русскій эпосъ, Вс. Фед. вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что „XVI вѣкъ, особенно его вторая половина, была періодомъ реставраціи старыхъ былинныхъ сюжетовъ соотвѣтственно съ современными историческими условіями и общественными понятіями“ („О нѣкоторыхъ мѣстныхъ отголоскахъ въ былинахъ“ 1913 г. Стр. 15). Такимъ образомъ подобно тому, какъ былины по своей формѣ прошли черезъ руки профессіоналовъ скомороховъ, они получили именно въ указанное время нѣкоторую общую передѣлку и въ содержаніи.

Таковы общіе результаты научныхъ изысканій Вс. Ф. Миллера по опредѣленію мѣста и времени сложенія русскихъ былинъ. Однако Вс. Фед., занимаясь за послѣдніе 20 лѣтъ исторической основой нашихъ былинъ, не упускалъ изъ виду ихъ поэтической, литературной стороны. Если онъ и усомнился нѣсколько въ прочности и плодотворности теоріи литературиаго заимствованія, то все-же онъ не отрицалъ ея значенія для уясненія вопросовъ „поэтизациіи историческаго факта“. Если ему интересно возстановить саму основу и главные своды величественнаго зданія русскаго эпоса, то интересными также являлись для него вопросы о мотивахъ украшающихъ, дѣлающихъ привлекательнымъ это зданіе. Здѣсь Вс. Ф. Миллеръ признавалъ предложенные другими изслѣдователями, а также въ нѣкоторыхъ случаяхъ и имъ

самимъ, иностранные источники этихъ мотивовъ, какъ восточные (припомнить нѣкоторые прочные выводы его Экскурсовъ), такъ и западные (гл. образомъ по указаніямъ ак. Веселовскаго и проф. Халанскаго), такъ и финскіе (ср. выше) и др.

При этомъ, самъ не будучи историкомъ древней русской письменности, несмотря на то, что и въ этой области, какъ мы видѣли, сказалъ свое яркое и вѣкое слово по поводу самаго виднаго памятника древней Руси, Вс. Фед. отнюдь не игнорировалъ теоріи книжнаго влиянія на русскій эпосъ, что убѣдительно доказывали такие ученые, какъ Куслаевъ, Веселовскій и Ждановъ. Наоборотъ Вс. Ф. самъ въ эту область внесъ рядъ весьма цѣнныхъ дополненій. Вс. Ф., хотя самъ и не занимался древней письменностью въ ея первоисточникахъ, но онъ внимательно слѣдилъ за научной литературой, особенно касавшейся того отдѣла древне-русской письменности, какой всего ближе подходилъ подъ понятіе изящной литературы, беллетристики и своимъ содержаніемъ быть родствененъ съ свѣтскимъ эпосомъ. Здѣсь Миллеръ замѣчательно умѣло перебрасывалъ мостъ отъ выводовъ одной специальности къ другой, ей близкой. Достаточно вспомнить, что работы А. Н. Веселовскаго о повѣстяхъ о Соломонѣ, дали Вс. Фед-чу материалъ для заключеній по поводу былинъ о Василіи Окуловичѣ, выводы ак. В. М. Истрина о „Сказаніяхъ объ Индѣйскомъ Царствѣ“ были приложены къ исторіи былинъ о Дюкѣ, работа ак. И. Н. Жданова о повѣстяхъ о Вавилонскомъ царствѣ дала материалъ для заключеній по поводу сказокъ объ Иванѣ Грозномъ и пѣсень о Казанскомъ Царствѣ; для послѣдняго вопроса были использованы выводы работы г. Кунцевича о книжныхъ повѣстяхъ о Казанскомъ царствѣ. Монографія С. К. Шамбина о „Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ“ дала Вс. Ф-чу возможность уяснить отголоски этихъ сказаний въ былинахъ, работа А. С. Орлова „Повѣсти объ Азовскомъ сидѣніи“ послужила поводомъ къ замѣчаніямъ о пѣсняхъ про Петра Великаго и т. д. и т. д.

Уже изъ приведенныхъ данныхъ ясно, насколько широкъ былъ научный взглядъ Вс. Ф. Миллера, проявившійся и въ томъ, что, идя очень часто самостоятельнымъ путемъ, Вс. Ф. никогда не игнорировалъ труды другихъ работниковъ въ излюбленной имъ области, а стремился къ объединенію и согласованію научныхъ результатовъ. При этомъ мы должны подчеркнуть его необыкновенную терпимость къ другимъ мнѣніямъ, а также постоянную готовность отказаться отъ своей гипотезы или предположенія, какъ только онъ сознавалъ ихъ ошибочность. Въ этомъ сказывалась необычайная добросовѣстность научнаго дѣятеля, для котораго научная правда выше мелкаго самолюбія и упорства. Изъ того же широкаго, объективно-научнаго взгляда вытекало у Вс. Ф. полное отсутствіе узко-националистическихъ тенденцій, столь часто прилагавшихся къ освѣщенію того самаго материала, надъ которымъ оперировалъ въ своихъ работахъ Вс. Ф. Но съ другой

стороны въ своихъ работахъ Вс. Ф. избѣгалъ и ложносентиментального отношения къ „народному духу“ и „народному“ творчеству: и тѣмъ не менѣе каждая его статья дышала искреннимъ гуманизмомъ, а въ занятіяхъ и оцѣнкѣ народной словесности проявлялась глубокая и искренняя вѣра въ могучія духовныя силы русского крестьянства. И можно смѣло сказать, что своей научной дѣятельностью Вс. Ф. немало способствовалъ поддержанію и развитію въ наше время обществъ искреннихъ симпатій къ простому народу.

Мы постарались дать посильный очеркъ болѣе чѣмъ 40 лѣтней настойчивой дѣятельности покойнаго Вс. Ф. Миллера по уясненію и научной разработкѣ загадочнаго русскаго эпоса и опредѣлить въ общихъ чертахъ результа ты, къ коимъ пришелъ въ концѣ концовъ почтенный изслѣдователь. Къ сожалѣнію Вс. Ф. Миллеръ не успѣлъ дать синтезирующаго очерка развитія русскаго эпоса, какъ оно выяснилось на основаніи его и другихъ изслѣдованій. Его статьи были объединены въ Экскурсахъ, 2-хъ томахъ его павѣстныхъ Очерковъ; многія, появившіяся особенно въ послѣдніе годы, скоро дождутся своего объединенія, но къ систематическому обзору всѣхъ выводовъ Вс. Ф. приступилъ лишь въ послѣдній годъ. Преждевременная смерть унесла его въ разгаръ его научной работы, не дала возможности закруглить многолѣтнюю детальную работу.

И все же послѣ продолжительной и усердной дѣятельности Вс. Ф. Миллера изъ громадныхъ перемѣшавшихся развалинъ русскаго эпоса выростаетъ въ болѣе или менѣе ясныхъ чертахъ сложное долголѣтнее сооруженіе. Начавъ съ выработки методовъ и съ проектовъ нѣсколько смѣлой реставраціи, вытекающей изъ одной идеи, Вс. Фед. другую половину своей научной дѣятельности посвятилъ детальному, кропотливому изученію отдѣльныхъ частей. Въ результа тѣ Вс. Фед. выяснилъ сложную природу матеріала, технику его строителей, показалъ его разновременныхъ мастеровъ, обнаружилъ русскую національную почву и фундаментъ самаго зданія, указалъ тѣ части зданія, какія были созданы самыми разнообразными мѣстностями древней Руси, почему и все сооруженіе можно поистинѣ назвать общенациональнымъ, опредѣлилъ тѣ разновременные настройки и пристройки, приросшія къ зданію въ теченіе долгаго ряда вѣковъ, наконецъ уяснилъ украшающія детали и подробности и разнообразныѣ ихъ источники... Конечно, Вс. Ф. Миллеръ не успѣлъ возстановить все это величественное зданіе во всѣхъ его частяхъ и подробностяхъ, но этого и не могъ онъ сдѣлать по самой сложности и необычайной трудности этой задачи. Самъ Вс. Ф. заявилъ, „что работа только начата и еще не одно поколѣніе будетъ работать надъ тѣми же вопросами, на которые наше старается дать посильный отвѣтъ“. Вс. Ф. Миллеръ всю жизнь глубоко вѣрилъ въ преемственность и силу научной работы — имъ всегда руководила надежда на мощь и прогрессъ науки...

Кончина Вс. Θ. Миллера больно отозвалась въ сердцѣ всѣхъ искренно любящихъ науку и ея служителей, но для тѣхъ, кто былъ зачарованъ тѣмъ же міромъ пѣсенной поэтической старинѣ, для кого всякое новое слово ея талантливаго и чуткаго истолкователя доставляло чувство неподдѣльного удовольствія и наслажденія—для тѣхъ утрата Всеволода Θедоровича Миллера—незамѣнима.

Борисъ Соколовъ.

Москва.

Памяти

Всеволода Феодоровича Миллера.

Встрѣчаются удивительно гармоничные натуры, вся жизнь и дѣятельность которыхъ представляютъ одно цѣлое, пополняя, поясняя и оправдывая другъ друга. Къ разряду такихъ цѣльныхъ людей принадлежалъ и Всеволодъ Феодоровичъ Миллеръ.

При первой встрѣчѣ, въ первой бесѣдѣ насть привлекало въ В. Ф. какое-то особое изящество въ обращеніи съ людьми, изящество рѣчи, самой мысли и ся выраженія. Это изящество сказывалось въ тонкой отдѣлкѣ каждой фразы, въ художественно-простомъ построеніи цѣлой рѣчи и тонкомъ освѣщеніи предмета его научнаго изслѣдованія.

Свободная отъ ослѣпительныхъ научныхъ гипотезъ, пышныхъ сравненій, скрывающихъ нерѣдко бездоказательность основной мысли, простая въ своемъ изяществѣ и изящная въ своей простотѣ, всегда строгого научной рѣчи его дается легко пониманію читателей.

Недавно извѣстный ученый, говоря объ одной диссертациі, сравнилъ ее съ художественно сплетеннымъ кружевомъ.

Если позволительны поэтическія сравненія въ характеристицѣ научныхъ работъ, то я позволилъ бы себѣ сравнить большинство работъ В. Ф. съ художественными миниатюрами. Не объединяя длиннаго ряда своихъ научныхъ наблюденій въ одно большое цѣлое, В. Ф. далъ намъ блестящее собраніе тонко и красочно написанныхъ очерковъ и эскизовъ. Какъ талантливыя миниатюры, рисуя небольшія частности, даютъ намъ характеристику художественного вкуса и настроенія художника и его эпохи, такъ и статьи В. Ф. характеризуютъ тотъ періодъ исканий въ исторіи изученія русской народной словесности, который онъ пережилъ, тотъ знаменательный періодъ, когда мы устали уже отъ постоянныхъ странствованій отъ „хладныхъ финскихъ скаль до пламенной Колхиды“, отъ Нормандіи до Китая, отъ Бѣлаго моря до Царыграда, по безконечнымъ степямъ, гдѣ когда-то кочевали половцы и гдѣ теперь отъ нихъ ничего не осталось, по

таинственному Ирану, по далекой Монголии—и все въ поискахъ какого-то таинственного благодѣтеля, который удѣлилъ русскому народу крупницу отъ своихъ поэтическихъ сокровищъ, и этой крупницей счастлива и славна русская народная поэзія. В. Ф. былъ глубокоубѣжденъ, что существовали на Руси культурные центры, а въ этихъ центрахъ были значительныя группы интеллигентныхъ людей, которые творили и свое, а не только питались чужимъ добромъ, а если и брали чужое, то не слѣпо, а принаравливая это чужое къ своему родному.

Какъ сказано выше, художественность и увлеченіе—неотъемлемое достоинство всѣхъ научныхъ работъ В. Ф. За что бы онъ ни взялся, всегда изъ-подъ его пера выходитъ нечто такое, что оставляетъ слѣдъ въ наукѣ и производить впечатлѣніе даже на мало подготовленного читателя. А В. Ф. занимали самыя разнообразныя области.

Первые научныя симпатіи главнаго представителя нашей этнографической школы были отданы сравнительному языкоznанію, но и въ этотъ періодъ онъ уже удѣлялъ значительное количество времени народной поэзіи; такъ въ 1873 году имъ были напечатаны около 100 пѣсень и 20 сказокъ, записанныхъ во время поѣздки въ Литву для изученія литовскаго языка. Не перечисляя ряда мелкихъ его работъ, напечатанныхъ по-чешски, по-нѣмецки и по-французски, я укажу на его крупнѣйшіе труды. Такъ, въ 1876 году онъ защитилъ диссертацио на тему „Асвины-Дюскуры“. Въ 1877 году напечаталъ „Взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ“, трудъ, недостаточно безпристрастно оцѣненный въ свое время, но чрезвычайно интересный по новизнѣ и смѣлости нѣкоторыхъ мыслей. Въ 1879 и 1880 г.г. онъ вмѣстѣ съ М. М. Ковалевскимъ издавалъ „Критическое Обозрѣніе“. Къ этому же времени относится очень интересный періодъ въ жизни В. Ф. Онъ предпринимаетъ рядъ поѣздокъ на Кавказъ,—въ Осетію, Чечню, Кабарду,—для изученія быта, вѣрованій и языка этихъ племенъ, а также производить археологическія изслѣдованія въ названныхъ областяхъ, позже и въ Крыму.

Насколько обаятельно и сильно было впечатлѣніе, которое производилъ В. Ф. на горцевъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться, я могу судить по слѣдующему случаю. Путешествуя въ 1912 году по Кавказу, я прошелъ пѣшкомъ по Военно-Осетинской дорогѣ и побывалъ въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ мѣстъ, где былъ В. Ф. И вотъ, въ одномъ аулѣ, Тибѣ, гдѣ мнѣ пришлось заночевать, я познакомился съ мѣстнымъ священникомъ, осетиномъ, о. Александромъ. Вечеромъ мы услышали гдѣ-то въ горахъ пѣсню. Я спросилъ его, не знаетъ ли онъ содержанія пѣсни. Передавъ мнѣ содержаніе маленькой пастушеской пѣсни, о. Александръ неожиданно спросилъ меня, не знаю ли я ученаго, г. Миллера, который давно уже прѣз-

жалъ къ нимъ изъ Москвы, и записывалъ пѣсни. Трудно описать ту радость, которая отразилась на лицѣ священника, когда я отвѣтилъ ему, что знаю В. Ф. Странно было въ глухомъ, затерявшемся среди сѣнговыхъ горъ осетинскомъ аулѣ, около коптищей свѣтильни, наполненной бараньимъ жиромъ, въ обществѣ человѣка, съ замѣтнымъ трудомъ подыскивающаго русскія слова, вести далеко за полночь бесѣду о далекомъ московскомъ ученомъ, о народной поэзіи, о наукѣ, о возрожденіи осетинскаго самосознанія и т. д. И чувство глубокагоуваженія испытывалъ я, видя, какъ оживился осетинъ-священникъ при воспоминаніи о мелькнувшемъ, какъ метеоръ, носителѣ свѣта знанія, успѣвшемъ падолго освѣтить его умъ яркимъ огнемъ и вызвать такое глубокоеуваженіе къ наукѣ и къ личности представителя ея. Когда старикъ, церковный сторожъ, сидѣвшій тутъ-же въ саклѣ священника и пившій чай съ нами за однимъ столомъ, понялъ, о комъ идетъ рѣчь, онъ также что-то долго говорилъ мнѣ по-осетински, чего я, къ сожалѣнію, не понялъ, и что, какъ объяснилъ мнѣ священникъ, также было его воспоминаніями о добромъ и ласковомъ господинѣ изъ Москвы, который интересовался ихъ простыми пѣснями и сказками.

Результатомъ этихъ поѣздокъ на Кавказъ былъ рядъ трудовъ, посвященныхъ изученію Кавказа, значительная часть которыхъ составила три книги „Осетинскихъ этюдовъ“; двѣ первыя книги были его докторской диссертацией.

Продолжая заниматься этнографіей и погружаясь въ нее все больше и больше, В. Ф. въ то же время не оставлялъ и сравнительного языкоznанія, и результатомъ занятій послѣднимъ была вышедшая въ 1891 г., составленная имъ и Кнауеромъ книга: „Руководство къ изученію санскрита“. Руководство это было рекомендовано въ свое время, какъ лучшее и, кажется, тогда единственное. Во всякомъ случаѣ, длинный рядъ нашихъ филологовъ приноситъ почившему глубокую благодарность за эту книгу.

Съ 1890 г. въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ начинаютъ печататься его „Матеріалы по исторіи былинныхъ сюжетовъ“, а въ 1892 г., въ Москвѣ, появляются „Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса“. Съ этихъ поръ имя Всеволода Феодоровича Миллера становится близкимъ для каждого, кто интересуется изученіемъ русской народной поэзіи.

Затѣмъ, въ журналахъ появляются весьма различные по объему и глубинѣ, но всегда свѣжія и интересныя статьи В. Ф., посвященные русскому былевому эпосу, и все яснѣе становится точка зрения изслѣдователя.

Эти статьи составили два тома извѣстныхъ „Очерковъ русской народной словесности“. По поводу этихъ очерковъ я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ. „Во всѣхъ... детальныхъ разысканіяхъ я руко-

водствовался однимъ основнымъ правиломъ—говорить Миллеръ—дѣлать изъ фактовъ тотъ выводъ, который логически изъ нихъ вытекаетъ, и не стараться отыскивать въ нихъ то, что хотѣлось бы найти” (Очерки, т. II). И дѣйствительно, въ „Очеркахъ“ почти нѣть гипотезъ, хотя соблазнительно иногда было бы высказать гипотезу; но, вѣрный своему правилу, В. Ф. вездѣ дѣлаетъ только посильный логический выводъ изъ фактовъ.

Разбираясь въ работахъ другихъ ученыхъ, В. Ф. отдаетъ должное трудамъ своихъ предшественниковъ, хотя бы и принадлежащихъ къ другимъ школамъ. Оцѣнивая ихъ заслуги, важныя для состоянія науки въ ихъ время, онъ ясно видѣтъ ошибки ихъ. Ни миѳологическая основа эпоса, ни теорія до—исторического ни до—европейскаго, ни общеславянскаго или восточнаго происхожденія нашего эпоса, ни весьма вѣроятныя предположенія позднѣйшихъ заимствованій изъ Византіи или съ запада не разъяснили удовлетворительно вопроса о зарожденіи и развитіи эпоса.

„Я больше занимаюсь исторіей былинъ и отраженіемъ исторіи въ былинахъ,—говорить Миллеръ—начиная первую не отъ временъ до—историческихъ, не снизу, а сверху. Эти верхніе слои, не представляя загадочности, которою такъ привлекательна изслѣдователю глубокая древность, интересны уже потому, что дѣйствительно могутъ быть уяснены и дать не гадательное, а болѣе или менѣе точное представлѣніе о ближайшемъ къ намъ періодѣ жизни былины. Такъ, иногда мы найдемъ въ былинѣ слѣды воздѣйствія на нее лубочной сказки или письменной старинной книжной повѣсти, иногда яркіе слѣды скоморошьей передѣлки, иногда присутствіе того или другого собственаго имени, дающаго возможность для хронологическихъ заключеній. Для уясненія исторіи былинъ я старался изъ сопоставленія вариантовъ вывести наиболѣе архаической ея изводъ и, изслѣдуя историко-бытовыя данныя этого извода, опредѣлить по возможности періодъ его сложенія и районъ его происхожденія” (Очерки I). Это—цѣлая программа изслѣдованія.

По мнѣнію Миллера, присутствіе въ нашемъ эпосѣ значительнаго количества историческихъ именъ указываетъ на то, что въ основѣ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ былинъ лежали историческія пѣсни. Нашъ эпосъ въ основѣ своей всегда былъ историческимъ, какъ эпосъ иранскій и греческій, и никакія позднѣйшія внесенія въ него сюжетовъ фантастическихъ и романическихъ не могутъ затушевать его главный фонъ. Это основное положеніе высказывалъ онъ еще въ „Экскурсахъ“ (1892 г.).

Однако, вліяніе иныхъ теорій на нѣкоторое время сказалось на дальнѣйшей работѣ Миллера, который готовъ признать, что эпическія сказанія сосѣднихъ съ Русью степняковъ должны были оказать вліяніе на русскій эпосъ (Экскурсы, гл. VIII). Снова поднимая

вопросъ о вліяніи тюркскихъ мотивовъ на русскій богатырскій эпосъ, В. Ф. источники этого вліянія видѣтъ въ дошедшихъ до насъ, при посредствѣ тюрковъ, отзывахъ иранскаго эпоса, проникшаго на Русь черезъ Кавказъ и половцевъ. Но говоря объ этомъ вліяніи, Миллеръ замѣчаетъ: „Я не имѣлъ въ виду подробно и детально разсмотрѣть вопросъ о вліяніи тюркскихъ мотивовъ на русскій богатырскій эпосъ... Мы вступаемъ на почву, еще совсѣмъ не разработанную и которую мы сами, конечно, не имѣемъ притязанія разработать“ (Экскурсы). И онъ совершенно правъ... Вліяніе степи, на которое указывали уже многіе,—вопросъ очень красивый, но сомнительный и требующій очень серьезныхъ доказательствъ; В. Ф. освѣтилъ нѣсколько моментовъ въ этомъ вопросѣ и затронулъ его лишь съ цѣлью показать, что онъ нуждается въ обстоятельномъ изслѣдованіи (Экскурсы, VIII).

Такой путь колебаній, приведшій Миллера къ той же исторической почвѣ, о которой онъ говорилъ въ первыхъ своихъ трудахъ по русскому былевому эпосу, вполнѣ понятенъ каждому, кто занимается тѣми же вопросами, которыми занимался В. Ф.

Нѣть ни одного представителя любой изъ школъ, пытавшихся такъ или иначе рѣшить вопросъ о происхожденіи и сущности русскаго былевого эпоса, который въ чемъ-нибудь не сдѣлалъ бы уступки другой школѣ. Огромный русскій былинный материалъ въ настоящее время представляеть собою пеструю массу, ничѣмъ не связанныю. „Нашъ былевой эпосъ представляется мнѣ грандіозной развалиной, обширнымъ многовѣковымъ сооруженіемъ, полнымъ таинственныхъ ходовъ и переходовъ, съ пристройками и надстройками отъ разныхъ временъ. Въ этомъ зданіи жили нѣкогда князья, пристраивая къ нему терема и вышки, украшая его византійской мусей и восточными коврами. Въ свое время пограбили здѣсь половцы и татары; въ свое время проживали здѣсь московскіе бояре, ночевали казаки и, наконецъ, въ кое-какихъ еще обитаемыхъ закутахъ устроился не-прихотливый олонецкій крестьянинъ“ (Экскурсы стр. 6). Общее у этихъ разбросанныхъ произведеній не идея, а, вѣроятно, какіе-то еще неуясненные общіе законы творчества. Но если попытки открыть законы творчества отдѣльныхъ писателей, можно сказать, оканчиваются неудачей, то какъ же трудно открыть законы творчества тѣхъ массъ, черезъ творческій аппаратъ которыхъ прошелъ весь материалъ, который мы теперь имѣемъ.

Слѣдовательно, такая работа, какую можно было произвести надъ эпопеями другихъ народовъ, у насъ невозможна, это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, значительное количество и разнообразіе сюжетовъ требуетъ именно такого изслѣдованія отдѣльныхъ сюжетовъ. Поэтому, прежде чѣмъ можно будетъ построить что-нибудь цѣльное, необходимо произвести въ извѣстной мѣрѣ такую же предварительную работу, какую произвелъ Всеволодъ Феодоровичъ въ „Очеркахъ“.

Невозможно возсоздание утерянной — если она когда-нибудь существовала — эпопеи, но вполне возможно, хотя и очень трудно, решить вопрос: какая явления прошлой культурной жизни превратились в то, что народ теперь называет „старинками“; что сделала русская интеллигенция, когда-то очень близкая по своему развитию и своим интересам к простому народу, в развитии этого народа; в каких центрах кипела эта творческая работа и как, при чьей помощи, когда-то или грациозная бытовая повесть или героическое повествование растворилось в народных массах.

„Не отрицая высокого значения изследований бродячих сюжетов путем сравнительного метода, я вижу главный интерес наших былин в национализации этих сюжетов“ (Очерки, II).

Становясь на более прочную, историческую почву, Миллеръ указывает определенный путь наблюдений.

Большие успехи для правильной оценки былинъ достигнуты указаниями историческихъ пластовъ и следовъ, которые въ нихъ оказываются, и сказочныхъ странствующихъ сюжетовъ или литературныхъ отголосковъ, вошедшихъ въ составъ былевыхъ пѣсенъ въ силу процессовъ циклизации и историзации.

Изучение надо начинать, конечно, сверху; верхние слои могутъ быть уяснены легко и дать не гадательное, а точное представление о ближайшемъ периодѣ жизни старинъ. Снимая съ послѣднихъ следы книжныхъ влияний, скоморошьей передѣлки, можно, въ концѣ концовъ, дойти до древнѣйшаго извода и только здѣсь уже снова погрузиться въ область гаданий, — гдѣ впервые создали тотъ или другой сюжетъ. „Уловить пути распространения устной сказки за многое вѣка ея блужданія все равно, что ловить вѣтеръ въ полѣ“, потому что „какая-нибудь устная странствующая сказка не похожа на пересыпаемое изъ страны въ страну письмо, сохраняющее въ своихъ штемпеляхъ следы всѣхъ пройденныхъ государствъ“ (Очерки I, IV). Въ „Очеркахъ по истории русской народной словесности“ материалъ расположены въ такомъ порядке. Сначала сдѣланы указания на состояніе современной поэтической традиціи въ Олонецкомъ краѣ, опредѣлена ея устойчивость въ этой области. Оказалось, какъ заключаетъ авторъ, что весь репертуаръ зашелъ на сѣверъ извишь, черезъ посредство профессиональныхъ пѣвцовъ, какими были скоморохи. Традиція XIX в. восходитъ къ XVII—XVIII в., а, можетъ быть, и къ XVI, къ эпохѣ наиболѣе интенсивнаго развитія скоморошества. Въ крестьянской средѣ старины захудали, измѣнились, сократились. Современные сказатели, за весьма рѣдкими исключеніями, не въ состояніи схватить главный смыслъ старины, они обращаютъ вниманіе только на поразившую ихъ ту или иную чисто виѣшнюю подробность. Наоборотъ, въ эпоху скоморошества на Руси замѣчается наиболѣе интенсивный расцвѣтъ быловой поэзіи. Слѣдо-

вательно, прямо и твердо становится на очередь совершиенно еще не разработанный вопросъ о скоморохахъ на Руси и ихъ роли. Изъ наблюдений надъ географическимъ распространениемъ старинъ оказывается, что всѣ сюжеты (ихъ только 35—40) имѣютъ неодинаковое территориальное происхожденіе и могутъ быть раздѣлены на 2 группы.

Прежнее дѣленіе старинъ на 2 цикла—киевскій и новгородскій—не имѣютъ никакихъ ни хронологическихъ ни географическихъ достаточныхъ указаний. В. Миллеръ признаетъ, что имя кн. Владимира и упоминаніе города Кієва не можетъ дать никакихъ указаний на время и мѣсто составленія старинъ. Послѣднія могли быть составляемы и въ XVI и въ XVII в. въ пѣвцами, никогда не видавшими Кієва. Новгородъ же, въ силу особенностей своего положенія и жизни могъ оказаться центромъ созданія (а, можетъ, и передѣлки западныхъ изъ-за моря мотивовъ) несравненно большаго числа пѣсенъ, чѣмъ югъ, причемъ прежнее ограниченіе такъ называемаго новгородскаго цикла двумя—тремя старинами должно быть оставлено, какъ мало научное и не обоснованное.

Старины слѣдуетъ дѣлить не по присутствію въ нихъ именъ Кієва и Новгорода, а по характеру ихъ содержанія.

Не всѣ сюжеты былого эпоса посвящены описанію богатырскихъ подвиговъ. Такія богатырскія и воинскія старины представляютъ лишь наиболѣе замѣтную группу былинъ. Въ нихъ описываются битвы съ татарами, одиночные схватки на заставахъ, схватки богатырей съ Идолищемъ, Тугариномъ. Не менѣе богатъ второй отдѣлъ, заключающій старины не богатырскаго характера, но разсказывающій случаи изъ повседневной городской жизни, любовныя приключенія, похищенія невѣстъ, распри и дрязги—разсказы, напоминающіе новеллы, фабль. Таковы старины о Садкѣ, Ставрѣ, Чурилѣ, Дюкѣ, Потыкѣ. Конечно, существуютъ старины и смѣшаннаго характера, въ родѣ тѣхъ, гдѣ дѣло идетъ о добываніи женщинъ съ бою (Дунай, Добрыня и поленица), и ихъ трудно отнести безъ оговорокъ къ той или другой группѣ, но принципъ дѣленія былинъ наличности ихъ не меняетъ.

Оба эти отдѣла пользовались неодинаковой, по большей или меньшей извѣстностью въ разныхъ областяхъ Россіи. Не всѣ области, населенные великорусскимъ племенемъ, были одинаково богаты пѣснями, и не всѣ сюжеты сѣверной полосы Россіи были извѣстны въ южныхъ, центральныхъ и приволжскихъ великорусскихъ губерніяхъ. Сѣверъ, т. е. бывшая Новгородская область, по утвержденію Миллера, далъ старины специально не богатырскаго характера, которая въ общемъ и не выходили изъ предѣловъ сѣверной части Россіи, т. е. района своего происхожденія. Наоборотъ, старины богатырскаго характера сложены были въ районѣ южно-великоруссовъ и зашли уже впослѣдствіи на сѣверъ. Это—основныя положенія Миллера.

Отвергая прежнюю киевскую и новгородскую цивилизацию, В. Миллеръ признает существование областныхъ цикловъ, указывая также на то, что наиболѣе богатыя и культурныя области давали наибольшее количество поэтическихъ сюжетовъ. Такова, во-первыхъ, Галицко-волынская область. Изъ послѣдней дошли отголоски сказаній періода до—татарского, отразившіяся въ старинахъ о Чурилѣ, Потокѣ, Дунаѣ и Дюкѣ. В. Ф. Миллеръ признаетъ существование субстратовъ пѣсенъ, принадлежащихъ разнымъ областямъ и относящихся къ древнему времени. Эти субстраты передѣливались въ эпоху реставраціи русскихъ старинъ (XVI в.) специалистами—скоморохами по своему такъ, что иногда измѣняли свой характеръ до неузнаваемости. Однако, при внимательномъ изслѣдованіи наносныхъ слоевъ въ нихъ можно замѣтить отчетливые слѣды древней пѣсни, отзывающейся и стычками съ половцами, и подвигами киевскихъ или сузdalскихъ богатырей, подтверждаемыми лѣтописными рассказами. Таковы положенія, сразу намѣтившія рядъ вопросовъ, отвѣтъ на которые должна дать наука.

Основнымъ мотивомъ его очерковъ является установление за многими сюжетами новгородского происхожденія. Типы богатырскіе могли принадлежать иному мѣсту и времени, но созданіе нѣкоторыхъ старинъ, по Миллеру, является специальной заслугой именно Новгорода. Таковы старины о Добрынѣ, Вольгѣ и Микулѣ, Чурилѣ, Соловьевѣ Будимировичѣ, Хотѣнѣ, Иванѣ Гостиномъ сынѣ, Ставрѣ и Садкѣ. Здѣсь не мѣсто критикѣ, но считаю нeliшнимъ отмѣтить, что, какъ и у другихъ наслѣдователей, въ Очеркахъ остается въ тѣни самая крупная и самая загадочная фигура русского былого эпоса—матерой казакъ Илья Муромецъ. И даже послѣдняя статья его, посвященная Ильѣ Муромцу, не удовлетворяютъ насъ. Почему это случилось? Причина, полагаю, общая всѣмъ изслѣдователямъ. Илья Муромецъ не вмѣщается въ рамки исторической и этнографической школы. Теорія заимствованій, какъ она существовала до сихъ поръ только затмняла и такъ темный вопросъ. Можеть быть, правы тѣ, которые утверждаютъ, что нужно искать сродныхъ Ильѣ образовъ въ скандинавскомъ эпосѣ; можетъ быть, правъ одинъ извѣстнѣйший русскій ученый, который прямо сказалъ мнѣ въ бесѣдѣ объ Ильѣ: смотрите, не придется ли вамъ вернуться еще къ миѳологической школѣ. Словомъ, говоря объ Ильѣ Муромцѣ, нельзя было дать строгого логическихъ выводовъ, основанныхъ на фактахъ, а В. Ф. былъ очень остороженъ и сдержанъ въ своихъ заключеніяхъ.

Послѣ В. Ф. осталась цѣлая школа въ Москвѣ. Созданіе школы—фактъ огромной важности, когда мы говоримъ о томъ, какой слѣдъ оставилъ ученый въ исторіи нашего культурнаго развитія. Увлечь другихъ можно, только увлекаясь самому; заставить другихъ любить дѣло можно, только любя это дѣло.

Счастливы москвичи, которые слышали живое слово учителя, которые знали его въ полномъ расцвѣтѣ его силъ и энергіи.

Пусть каждого вдохновляютъ полныя вѣры и надежды слова его: есть надежда, говорить В. Ф. Миллеръ,—что современный научный періодъ—періодъ детальнаго изученія былинъ съ ихъ историко-литературной и бытовой стороны—приведетъ въ недалекомъ будущемъ къ построенію полнаго и прочнаго ученія объ этой области русскаго народнаго творчества.

Какъ все, что дѣлаетъ человѣкъ, несовершенно, такъ, конечно, не безъ недостатковъ теорія Миллера, и самъ В. Ф. эти недостатки сознавалъ и на нихъ указывалъ. На его ученикахъ и послѣдователяхъ лежитъ обязанность завершить начатое имъ учителемъ дѣло.

А. Розенфельдъ.

О собираниі сказокъ въ Орловской губерніи.

I. Условія, затруднявшія работу. II. Отношеніе къ народной литературѣ мѣстной интеллигенціи и духовенства. III. Внѣшнія затрудненія при собираниі народной литературы. IV. Гдѣ и при какихъ условіяхъ сохраняется сказка. V. Когда, гдѣ и кому рассказываютъ сказки. VI. Кѣмъ хранятся и рассказываютъ сказки и какія. VII. Что можетъ отразиться въ сказкѣ и отражается-ли въ ней рассказчикъ. VIII. Какъ разсказывается сказка и какъ къ ней относится разсказчикъ и слушатели. IX. Характеристика рассказчиковъ въ связи съ бытовыми условіями *).

Лѣтомъ 1913 года, по порученію Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, я собираль въ Орловской губерніи народную литературу. Я проработалъ съ перерывами почти все лѣто, и изъ этого времени рабочихъ дней я насчитываю полутора мѣсяца. Отдѣленіемъ мнѣ былъ предоставленъ фонографъ и валики, на которыхъ мнѣ удалось записать 60 напѣвовъ и, въ частности, четыре сказки. Записано мною 70 сказокъ, 200 частушекъ, около 50 загадокъ и 170 пѣсень въ Дмитровскомъ, Сѣвскомъ и Карабчевскомъ уѣздахъ Орловской губерніи. Будучи уроженцемъ этой губерніи, я прежде былъ хорошо знакомъ съ говоромъ крестьянъ, что давало возможность точно записывать всѣ оттѣнки рѣчи, улавливая ихъ безъ особыхъ затрудненій для слуха. Выѣхалъ я 10 іюня при самой неблагопріятной погодѣ, которая началась 2-го іюня и продолжалась съ маленькими перерывами въ день или два вплоть до 15-го іюля, затрудняя переѣзды изъ одного села въ другое. Всѣ дороги, не говоря уже о проселочныхъ и большакахъ, были размыты и крестьяне съ большимъ трудомъ соглашались везти меня, хотя бы и до ближайшаго селенія. Въ дождливые дни крестьяне не соглашались везти меня, мотивируя свой отказъ нежеланіемъ мучить лошадей по размытымъ дорогамъ, а въ ненастную погоду—занятостью лошадей,

*) Докладъ, читанный въ Имп. Р. Г. О.

какъ рабочаго скота, въ полевыхъ работахъ. Въ погожій день, болѣе удобный для переѣзда, все работоспособное населеніе уходило въ поле, спѣша убрать сѣно, которое, благодаря дождливому времени, на многихъ заливныхъ лугахъ оставалось не скопченнымъ и совер-шенно пропало во многихъ мѣстахъ, и въ эти дни не только почти невозможно было что-либо записать, но и трудно было раздобыть ло-шадь. Пользоваться же лошадьми крупныхъ землевладѣльцевъ, лю-безно предоставляемыхъ ими безвозмездно, представлялась возмож-ность довольно рѣдко. Съ 20-го юля, когда прекратились дожди, работа затруднялась еще болѣе тѣмъ, что одновременно съ уборкой хлѣбовъ была и запоздавшая уборка луговъ, и какъ въ тѣ, рѣдко выпадавшіе погожіе дни, такъ и теперь все работоспособное населеніе шло на работу съ ранняго утра и не возвращалось часто къ обѣду, оставаясь на полѣ до захода солнца. Въ такіе дни трудно было гово-рить о работѣ, ни отъ кого не добьешься ничего интереснаго, и ни-какія убѣжденія и просьбы разсказывать, хотя бы въ перерывы ра-боты, не могли оказать дѣйствія: въ очень рѣдкихъ случаяхъ мнѣ удавалось что-либо записать. Вотъ тѣ затрудненія въ работѣ, которыя мнѣ приходилось испытывать, благодаря неблагопріятной погодѣ, затруднявшей, какъ въ переѣздахъ, такъ и въ отысканіи лошадей, и одновременно наступившимъ всѣмъ полевымъ работамъ, отнявшимъ все свободное время у населенія. Кромѣ того большое затрудненіе было и въ недостаткѣ средствъ въ работѣ, требующей иногда большихъ издержекъ.

Отношеніе къ моей работѣ мѣстной интеллигенціи было очень хорошее. Всюду я пользовался внимательнымъ и серьезнымъ отноше-ніемъ къ моей работѣ и радушнымъ гостепріимствомъ. Когда заходилъ разговоръ обѣ ихъ отношеній къ народной литературѣ, къ обычаямъ и обрядамъ крестьянъ, то въ большинствѣ случаевъ они или вовсе не интересовались этимъ вопросомъ или у нихъ не было времени для этого и отзывались о нихъ шутя съ снисходительной улыбкой, какъ о некультурномъ пережиткѣ старины, который живеть еще въ русскомъ малокультурномъ народѣ.

Насколько ошибочно это мнѣніе можно видѣть изъ того, что теперь въ Англіи свято сохраняются всѣ историческая процессіи съ обрядами и дѣйствующими въ нихъ исторически-сложившимися лицами; и отношеніе общества къ такимъ процессіямъ, въ которыхъ оно само принимаетъ самое живое участіе, и неумирающій интересъ къ нимъ—говорять за себя.

Въ русскомъ обществѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще сохранились различные народные обряды, народная пѣсня и сказка, не прояв-ляется живого интереса къ пережиткамъ старины, которые теперь только скрашиваютъ сѣрую и трудовую жизнь крестьянства. Въ на-шемъ обществѣ слабо развито сознаніе необходимости поддержать

красивое зданіе творчества народной фантазіи, которое постепенно рушится подъ вліяніемъ города, фабрікъ и рудниковъ. Само крестьянство не въ состояніи поддержать это зданіе, и оно само начинаетъ отрицательно относиться къ нему; особенно сильное вліяніе въ этомъ отношеніи оказываетъ молодежь, побывавшая на заработкахъ и коснувшаяся культуры.

Люди, живущіе среди данной обстановки, такъ привыкаютъ къ ней, что почти не замѣчаютъ ея деталей и не интересуются ими, благодаря создавшейся привычка ихъ видѣть, а это имѣеть большое значеніе въ отношеніи общества къ народнымъ обрядамъ и народной литературѣ. Кромѣ этого я хочу еще указать на вліяніе нашего духовенства въ этомъ отношеніи. Оно всячески старается заглушить и побороть въ народѣ всѣ обряды и народную литературу. Оно думаетъ, что благодаря этому въ народѣ падаетъ религіозность; оно жалуется, что благодаря этому народъ становится невѣрующимъ. Оно думаетъ, что именно въ этомъ кроется сила, разрушающая вѣру и религіозность народа. По словамъ тѣхъ священнослужителей, съ которыми я неоднократно сталкивался во время работы и бесѣдовалъ по этому вопросу, замѣтивъ въ нихъ такое отрицательное отношеніе къ народному творчеству,—ими замѣчено, что два десятка лѣтъ тому назадъ этотъ же народъ усердно посѣщалъ церковь и молился,—а вѣдь тогда сильно жила въ его сознаніи необходимость обрядовъ старины и своей литературы, чѣмъ теперь, и приписывать этимъ причинамъ разрушеніе вѣры и религіозности—невозможно. Пользуясь авторитетомъ среди населенія, духовенство медленно разрушаетъ вѣковое зданіе народной фантазіи и является косвеннымъ виновникомъ движенія по новому пути къ уродливымъ формамъ, при содѣйствіи города и самого населенія, побывавшаго на заработкахъ. Представителями отрицательного отношенія къ народной поэзіи, среди духовенства, въ большинствѣ случаевъ, являлись люди пожилые и старые. Въ молодомъ духовенствѣ отношеніе къ этому вопросу, въ большинствѣ случаевъ, такое же, какъ и у остальной мѣстной интеллигенціи.

Теперь я перейду къ тѣмъ затрудненіямъ при собираніи народной литературы, которая встрѣчалась мнѣ со стороны самихъ крестьянъ—рассказчиковъ, и къ ихъ отношенію къ моей работе. Невольно возникаетъ вопросъ, возможно-ли установить какую-либо программу при собираніи народной литературы, т. е. возможно-ли указать какіе-либо пріемы при собираніи, чтобы при ихъ помощи заставить рассказывать. Я думаю, что какіе бы мы не устанавливали пріемы собиранія пѣсни или сказки теоретически, они всегда будутъ имѣть передъ собой противодѣйствующую силу на практикѣ, и побороть эту силу сможетъ не программа, а только исключительно умѣніе собирателя приоровиться къ данному случаю, способы которого останутся всегда

чисто индивидуальными. Первое и главное затруднение въ работѣ это— недовѣрчивое и опасливое отношеніе крестьянъ къ собирателю. Они не могутъ себѣ представить, зачѣмъ это понадобились ихъ сказки; они не знаютъ за кого принимать собирателя и боятся говорить, думая, что за этимъ кроется что-то другое, какая-нибудь фискальная цѣль. Приходится затрачивать массу труда и времени, чтобы убѣдить разсказать сказку, и обычно приходится слышать такого рода восклицанія: „не, баринъ, ета ты брось,— скажиши табѣ, а тамъ кабы и не вышла чаво“.

Крестьянство запугано и боится довѣрять неизвѣстному человѣку. Когда я ходилъ на село въ штатскомъ, то меня встрѣчали такими возгласами: „во баре та, дѣлать нечева іимъ и ходить за сасками, съ жири бѣсютца, мала видна книжакъ стала“, а въ одномъ слушаѣ меня даже приняли за агитатора, что непріятно отозвалось на работѣ. Когда я приходилъ на село въ формѣ, то меня хотя и принимали за чиновника, но относились гораздо лучше и болѣе серьезно, хотя и съ меньшимъ довѣріемъ. Вообще въ крестьянствѣ сложилось недовѣрчивое отношеніе къ каждому новому лицу въ формѣ, въ которомъ они всегда готовы видѣть чиновника, могущаго принести имъ вредъ. Крестьянинъ, если и приметъ собирателя за чиновника, то все же положеніе собирателя лучше тѣмъ, что, хотя крестьянинъ и будетъ относиться съ недовѣріемъ и опасливо, все же онъ станетъ разсказывать, такъ какъ въ крестьянской массѣ сложилось нѣсколько странное убѣжденіе, что, если не сдѣлать того, что просить чиновникъ добровольно, то могутъ тоже заставить сдѣлать, и отъ этого будетъ хуже. Правда, разсказчикъ не воодушевится сказкой, она его не можетъ увлечь, но все же онъ разскажетъ, что просятъ отъ него. Подобные случаи, конечно, рѣдки, но могутъ встрѣтиться при работѣ, и съ ними приходится быть осторожнымъ, чтобы имѣть возможность при дальнѣйшей работѣ возстановить къ себѣ довѣріе разсказчика. Возникнутъ подобные случаи, конечно, могутъ и не по винѣ собирателя, а совершенно случайно и неожиданно, въ зависимости отъ того, какъ будутъ принимать собирателя, если онъ въ формѣ. Кромѣ этого затрудненія въ работѣ, можетъ встрѣтиться еще затрудненіе и такого характера: если крестьянинъ случайно заподозритъ возможность эксплоатации его съ коммерческой цѣлью, то онъ начинаетъ торговаться, выпрашивать денежное вознагражденіе, и въ этомъ случаѣ не представляется абсолютно никакой возможности переубѣдить его, а такие случаи возможны, когда собиратель дѣлаетъ подарки разсказчикамъ. Подобный случай былъ со мною въ селѣ Литижѣ Сѣвскаго уѣзда. Начало работы въ этомъ мѣстѣ шло очень хорошо, и въ продолженіи пяти часовъ мнѣ удалось записать три бытовыхъ сказки, записать почти дословно, такъ какъ онъ разсказывались не спѣша, ясно и членораздѣльно. Въ перерывахъ между записываніемъ

сказокъ крестьяне вспоминали, какъ однородный случай, о поѣздкѣ Д. И. Святского, который ъѣзжалъ собирать костюмы для этнографического музея Александра III, и оставилъ по себѣ воспоминанія у мѣстного населенія. Благодаря этому, они скорѣе уяснили себѣ цѣль и моего пребыванія и охотно рассказывали сказки. Записавъ эти три сказки, я сдѣлалъ продолжительный перерывъ, въ теченіе которого ко мнѣ пришелъ крестьянинъ, Петръ Степаничъ, извѣстный въ селѣ, какъ балагуръ, весельчакъ и бывшій пѣсельникъ въ хороводахъ. Онъ предложилъ мнѣ сказать пѣсни, но когда я ему поставилъ напѣтый крестьянами вѣликъ, то онъ охотно согласился и пропѣть пѣсни въ рупоръ фонографа, при чемъ попросилъ, чтобы его передъ пѣніемъ угостили водкой, „што пѣсни голасъ зычнай быль“. Пѣсни пропѣлъ онъ отъ души и быль самъ очень доволенъ ихъ услышать, когда я воспроизвелъ ихъ. Я ему далъ „на чай“ и, какъ оказалось послѣ, онъ отправился на село, встрѣтилъ тамъ своего пріятеля, большого любителя выпить, и рассказалъ, что за пѣніе его угостили и дали пас водку и что „барину де сказки сказываютъ“, т. е. посовѣтовалъ самому отправиться и заработать пас водку. Этотъ пришелъ ко мнѣ и предложилъ мнѣ раз рассказывать сказки, только спросилъ—по чемъ я буду давать отъ сказки, назначивъ предварительно свою цѣну. Когда я пояснилъ ему, что я не плачу за сказки ничего, а только дѣлаю небольшіе подарки, по собственному усмотрѣнію, онъ мнѣ не повѣрилъ и началъ торговаться. Сказокъ раз рассказывать онъ не сталъ мнѣ и распустилъ въ селѣ молву, что я приѣхалъ надувать народъ. Послѣ этого, всѣ мои попытки снова начать работу ни къ чему не привели, и мнѣ пришлось на слѣдующій же день уѣхать изъ Литига. Правда, этотъ случай въ моей работѣ былъ единственный, но онъ очень характеренъ. Наученный имъ, впослѣдствіи я дѣлалъ подарки въ послѣдній день работы, въ данномъ мѣстѣ. Въ большинствѣ случаевъ крестьяне очень удивлялись, что за пѣсни и сказки ихъ дарятъ. Еще большую трудность въ работѣ представляетъ опросъ раз рассказчика о его лѣтахъ, о его жизни, о томъ—отъ кого онъ научился раз рассказывать сказку,—вообще опросъ біографическихъ данныхъ раз рассказчика. На это онъ или вовсе не хочетъ отвѣтить или даетъ путанные и неправдоподобные отвѣты, что выяснялось въ разговорѣ съ его сосѣдями—односельчанами. И только путемъ побочнаго опроса сосѣдей, возможно было изъ однородныхъ отвѣтовъ установить біографическія данные о раз рассказчикѣ. Какимъ путемъ возможно преодолѣть подобныя затрудненія—это вопросъ, разрѣшающійся чисто практическі, и дать опредѣленный отвѣтъ на него почти невозможно. Необходимо прежде всего пробудить интересъ къ себѣ и возможно ближе войти въ психологію собравшагося кружка или раз рассказчика, или воспользоваться создавшимся настроениемъ. Въ этомъ отношеніи мнѣ оказалъ немалую услугу фонографъ. Крестьянъ очень интересовало то, что

они могут слышать собственную рѣчь, собственное пѣніе и они очень часто съ удовольствіемъ мнѣ говорили и напѣвали валики. Когда, подъ вліяніемъ пробудившагося интереса къ собирателю, благодаря его фонографу, создавалось такое благодушное и веселое настроеніе собравшагося кружка крестьянъ, тогда обычно и удавалось начать записывать, сперва — слова спѣтой пѣсни для фонографа, такъ какъ, записавъ мотивъ, я обрывалъ пѣсню и конецъ ея записывалъ уже со словъ, а потомъ, когда видъ моего карандаша и тетради уже ихъ не пугалъ, то и какую-нибудь сказку записывалъ со словъ рассказчика. Послѣ этого крестьяне охотно рассказывали сказки, добродушно посмѣшиваясь, а когда рассказчику удавалось увлечь сказкой слушателей, то они даже участвовали въ моей просьбѣ—рассказывать для меня сказки. Крестьяне въ большинствѣ случаевъ смотрѣли на записываніе сказокъ, какъ на непроизводительную работу и отношение ихъ къ собирателю было, какъ къ взрослому ребенку.

Бывали случаи, что и фонографъ приводилъ крестьянъ въ немалое смущеніе, и, не смотря даже на то, что въ предварительно прослушанныхъ ими пѣсняхъ они и узнавали свои деревенскія пѣсни, убѣдить ихъ спѣть было очень трудно. Они боялись „чортовой машины“, какъ они называли фонографъ. А въ одномъ селѣ, гдѣ населеніе до сихъ поръ не имѣть понятія о граммофонѣ и не слышало его никогда, послѣ того какъ была уже записана мною пѣсня одной пожилой крестьянки, и когда я сталъ воспроизводить валикъ, то мужъ ея, прослушавъ нѣкоторое время, съ неподдѣльнымъ ужасомъ заявилъ мнѣ: „штошь ты, баринъ, съ бабай-та маей исдѣлалъ, вѣть ана таперь кликуха будеть“, и тотъ часъ же напустился на жену, упрекая ее въ томъ, что, не смотря на его предупрежденія не дѣлать угодибъ нечистой силѣ, она все-таки его не послушала, и вотъ теперь онъ долженъ будетъ весь вѣкъ маяться съ нею. И мнѣ еле-еле удалось убѣдить его, что ничего дурного не можетъ быть, объяснивъ примитивнымъ способомъ устройство „чортовой машины“. Конечно, подобные случаи единичны, но и съ ними приходилось сталкиваться. И чаще всего крестьянокъ заставляетъ пѣть женское любопытство, потому что, когда онѣ поютъ, то у нихъ и голосъ дрожитъ, и не хватаетъ воздуху, и на лицѣ суевѣрный страхъ. Единственный путь, который возможно указать, чтобы возбудить довѣріе къ собирателю—это посредничество мѣстной интеллигенціи. Рассказчикъ больше довѣряетъ просьбѣ и убѣжденіямъ лица, уважаемаго въ селѣ, за которымъ стоять авторитетъ, котораго онѣ знаеть и соглашается рассказывать, благодаря скорѣе его просьбѣ, нежели просьбѣ и доводамъ собирателя. Неоднократно во время начала работы, въ данномъ мѣстѣ, меня сопровождалъ кто-нибудь изъ мѣстной интеллигенціи, и при его посредничествѣ я начиналъ работать. Послѣ этого я уже работалъ самостоительно и въ большинствѣ случаевъ успѣшино.

Цѣль моей работы крестьянамъ я обычно объяснялъ необходимостью знать сказки для ученія, чтобы ихъ напечатать въ книжки, которая впослѣдствіи будутъ читать ихъ же внуки и правнуки. Необходимость этой работы я мотивировалъ передъ ними тѣмъ, что вотъ умретъ старикъ разсказчикъ, сказки его забудутъ и нечего будетъ разсказывать дѣтямъ. И старики обычно соглашались, говоря съ сожалѣніемъ о томъ, что въ старину лучше жили, и сказку любили слушать и пѣсни пѣли хорошія и что—теперь не то, не тѣ люди пошли. Вообще же причины сбиранія сказокъ приходилось объяснять, принаршиваясь къ разсказчику, къ его понятіямъ и взглядамъ, употребляя и ложь, какъ средство заставить разговориться. Перебивать разсказчика во время сказки не стоить,—онъ можетъ подумать, что его сказка не интересна, что его хотятъ торопить, и онъ скомкаетъ сказку или даже не станетъ ее продолжать и начнетъ новую. Видя интересъ ко всякой разсказываемой сказкѣ, разсказчикъ ободряется тѣмъ, что его разсказомъ интересуются, и это даетъ ему чувство самоудовлетворенія. Когда разсказчикъ начинаетъ повторять сказку сначала (это требуется, чтобы проверить точно ли записана она), то онъ её разсказываетъ не такъ уже охотно, потому что ему самому не интересно ее повторять, и онъ старается ее сократить и быстрѣе окончить; она утомляетъ его своимъ повтореніемъ и, жалая не повторяться и сохранить авторитетъ интереснаго разсказчика, онъ начинаетъ варьировать, добавляя уже изъ своей фантазіи. Я обычно не переспрашивалъ у одного и того же лица повторенія сказки, а прослушивалъ её отъ другого разсказчика въ томъ же селѣ. Если иногда и получался варіантъ сказки, то во всякомъ случаѣ онъ былъ оригиналомъ и почти всегда повторялся точно, какъ и у первого разсказчика, съ маленькими лишь измѣненіями предметовъ, употребляемыхъ дѣйствующими лицами сказки, но никакъ не въ происходящихъ въ ней дѣйствіяхъ, что можетъ случиться, когда одинъ и тотъ же разсказчикъ начнетъ варіировать и добавлять отъ себя.

Трудно войти въ довѣріе разсказчика; но какъ только это удалось сдѣлать, то онъ не только самъ охотно разсказываетъ, что знаетъ и помнить, но и помогаетъ найти другого односельчанина, который бы помогъ напомнить ему какую-нибудь сказку или же рассказалъ самъ, если помнить. Въ такихъ случаяхъ возможно и за короткій срокъ записать массу матеріала. Только послѣ этого отношенія между разсказчикомъ и собирателемъ становятся простыя и иногда даже любовно-душевныя и довѣрчивыя, что такъ необходимо при сбираніи народной литературы.

Теперь я перейду къ вопросу исключительно о сказкахъ и постараюсь детальнѣе освѣтить, въ какомъ состояніи находится сказка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мнѣ пришлось работать прошедшімъ лѣтомъ, кѣмъ и какъ она разсказывается, кто является хранителемъ ея и,

наконецъ, въ заключеніи приведу характеристики нѣкоторыхъ рассказчиковъ.

Какъ и должно было предполагать, сказка сохраняется въ болѣе глухихъ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ желѣзной дороги и торгово-промышленныхъ пунктовъ, но еще при условіи, что мѣстное населеніе не выходитъ на заработки на сторону. Въ такихъ мѣстахъ сохраняется сказка хорошо и мало варіируется. Гдѣ же существуютъ заводы и фабрики, и гдѣ на нихъ работаетъ пришлое населеніе, тамъ сказка почти исчезла, и её замѣнилъ анекдотъ или небылица съ небольшимъ элементомъ фантазіи.

Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ на заводѣ или фабрикѣ работаетъ мѣстное населеніе и пришлаго элемента нѣть, или его самый незначительный процентъ, тамъ сказка сохраняется и до сихъ поръ очень хорошо, съ тою только особенностью, что въ сказкахъ въ большей степени появляется бытовой элементъ, и сама сказка переходитъ изъ фантастической въ бытовую. И только старые люди помнятъ еще старинную сказку съ фантастическимъ элементомъ. Яркимъ примѣромъ можетъ служить одинъ изъ пунктовъ въ моей работѣ—село Литижъ, Сѣвскаго уѣзда. Въ селѣ находится большой винокуренный заводъ; на немъ почти исключительно работаютъ мѣстные крестьяне, и пришлымъ элементомъ является только администрація. Въ селѣ до сихъ поръ женщины носятъ паневы; въ немъ до сихъ поръ свято сохраняются все обряды съ пѣснями и хороводами, и особенность его жителей—нелюдимость и замкнутость. Жители сосѣднихъ сель отзываются о литижцахъ, какъ о грубыхъ, дикихъ и некультурныхъ людяхъ.

Встрѣчаются и такія села, гдѣ населеніе болѣе зажиточное уходитъ въ Сибирь, а неимущее—на заработки, благодаря плохой почвѣ и невозможности прокормиться на мѣстѣ. Примѣромъ можетъ служить село Авчухи, Дмитровскаго уѣзда,—въ немъ остался почти одинъ женскій элементъ, а изъ мужскаго—или неработоспособные, или тамъ, гдѣ женщина не можетъ вести хозяйства самостоительно. Въ такихъ селахъ сказка уже почти исчезла. Вообще же въ той губерніи, гдѣ я работалъ,—въ глухихъ мѣстахъ сказка сохранилась хорошо, ее любятъ и охотно слушаютъ. Вотъ въ какихъ условіяхъ находится сказка.

Сказка разсказывается не всегда. Можно отмѣтить особые періоды въ году, когда вспоминается сказка, и кто помнить ее и знаетъ—рассказываетъ. Однимъ изъ такихъ періодовъ является рождественскій постъ и праздники Рождества. Вечерами, „на посидкахъ“, когда въ избѣ собирается все семейство, а иногда и родные или сосѣди, время коротаютъ за домашней работой, слушая сказку. Въ Рождественскіе же праздники, когда молодежь веселится въ горницѣ (неотопляемая часть избы), то старуха или старицъ разсказываетъ дѣтямъ сказки

въ хатѣ, такъ какъ они не участвуютъ въ играхъ и гаданіяхъ молодежи. Или же подростки сами между собой, собравшись гдѣ-нибудь въ уголокъ, начинаютъ рассказывать другъ другу сказки, и если замѣтить ихъ старики или старуха, то подсаживается къ нимъ и продолжаетъ дальше рассказывать начатую сказку или же начинаетъ новую.

Рассказывается сказка и послѣ Рождества, вплоть до масленицы, а послѣ уже ее смыняетъ пѣсня грусти, неудачи и бездолья, такъ какъ веселыя пѣсни великимъ постомъ пѣть считается дѣломъ грѣховнымъ. Весной въ пѣснѣ мѣняются тона, она становится живой, радостной, а съ нею снова пробуждается и сказка, но рассказывается она уже не въ семейномъ кругу вечерами, а въ полѣ или лѣсу въ ночномъ. Обычно, въ ночноеѣздѣ подростки мальчики въ сопровождѣніи кого-нибудь изъ старшихъ. Въ почномъ разсказываются больше сказки чудеснаго содержанія, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются: лѣшій, водяной, русалки и вообще всякая нечисть, а также и звѣри. Этой сказкой развлекаютъ, отгоняютъ сонъ, а чтобы слушалась она съ большимъ интересомъ, разсказчикъ старается приподнять настроеніе страха у слушателей. Мне пришлось быть одинъ разъ въ ночномъ и слушать сказку умѣлаго разсказчика, и я хочу теперь подѣлиться съ слушателями тѣмъ впечатлѣніемъ, какое она оставила на мнѣ. Начинается она случайно, изъ разспросовъ какого-нибудь мальчика о томъ мѣстѣ, гдѣ въ данную минуту караулятъ лошадей, и маленькие слушатели непремѣнно ожидаютъ, что старій скажетъ что-нибудь необыкновенное, страшное и чудесное. И невольно вспоминается описание ночногоѣзды Тургенева „Бѣжинъ лугъ“. Постепенно создается настроеніе, и всѣ эти страхи и ужасы живутъ въ душѣ слушателей, а случайные звуки въ ночной тишинѣ еще болѣе ихъ усиливаютъ. Когда рассказываютъ сказку въ избѣ, то она не создаетъ такого настроенія, какое можетъ она создать въ ночной тишинѣ. Здѣсь ею живутъ слушатели, и въ ней самой живутъ образы, созданные народной фантазіей. И если, кромѣ того, разсказчикъ обладаетъ въ достаточной степени фантазіей, то онъ начинаетъ варіировать, создаетъ новые образы, разсказываетъ въ лицахъ, увлекается самъ сказкою и начинаетъ ею жить. Настроеніе повышается, напрягается слухъ и слушатели, затаивъ дыханіе, живутъ страхами сказки. Мне пришлось пережить такую сказку въ ночномъ, когда она невольно захватила меня, и мнѣ передалось настроеніе маленькихъ слушателей.

Иногда рассказываютъ сказку или чаще коротенькую пѣбылицу въ перерывѣ полевой работы; но это очень рѣдко.

Сказка рассказывается, какъ дѣтямъ, такъ и взрослымъ, но характеръ ихъ различенъ. Дѣтямъ чаще рассказываютъ сказки чудеснаго содержанія, взрослымъ же—бытовыя, а если онѣ и имѣютъ фантастический элементъ, то онъ въ большинствѣ случаевъ аллегори-

ченъ, и сама сказка иногда становится поучительной. Когда слушателями бывают дѣти и подростки, то сказки рассказываютъ чудеснаго содержанія, когда же слушаютъ сказку и взрослые и дѣти, то рассказываются сказки самаго разнообразнаго содержанія, и часто интересъ дѣтей предпочитается интересу взрослыхъ, такъ какъ, по словамъ рассказчиковъ, въ сказкѣ можно научиться „уму-разуму“. Также можно указать на сказки, которая разнообразнаго содержанія, хотя онъ подчасъ дышать юморомъ и народнымъ остроуміемъ. Вообще въ сказкахъ для нашего слуха встрѣчается масса неприличныхъ выражений, которая, совершиенно не замѣчаются слушателями деревни, такъ какъ безъ крѣпкаго словца вообще русскій человѣкъ не можетъ обходиться и даже любить вставить его во время, безъ зла, а—отъ всей души.

Сказки хранятся чаще всего въ семьяхъ болѣе обезиеченныхъ и зажиточныхъ, какъ и весь обрядовый укладъ жизни крестьянина. Такія семьи имѣютъ больше досуга; имѣютъ возможность собираться въ тѣсномъ семейномъ кругу и, когда хозяйственныя разговоры и работы дня окончены, то охотно слушается сказка за домашней работой. Члены такой семьи не ходятъ на заработки, и она находится подъ меныніемъ вліяніемъ всего наноснаго. Сказка разнообразна, какъ мужчинами, такъ и женщинами, хотя все же можно замѣтить градацію сказки среди рассказчиковъ. Женщинами разнообразны сказки по большей части чудеснаго содержанія, и фантастической элементъ въ нихъ преобладаетъ. Содержаніе ихъ сказки очень рѣдко измѣняется, а нѣкоторыя мѣста въ сказкахъ повторяются буквально, и все сказки женщинъ болѣе старого происхожденія. Объясняется это тѣмъ, что женщина очень рѣдко уходитъ на заработки, и тѣмъ, что, какъ болѣе консервативный элементъ, хранить устони семьи и жизни съ ихъ обычаями, обрядами, такъ же какъ и пѣсню и сказку. Онъ говорить, что ни изъ пѣсни, ни изъ сказки слова не выкинешь. Женщина болѣе всего имѣеть общенія съ дѣтьми, и еще дѣвочкой—подросткомъ она уже учится сказкѣ, какъ нянька своихъ меньшихъ братьевъ, и забавляетъ ихъ сказкой. Когда она становится матерью, а затѣмъ и бабушкой, то здѣсь опа еще больше имѣеть общенія съ дѣтьми. Сказкой она ихъ успокаиваетъ и, пугая страшными рассказами, со-средоточиваетъ ихъ вниманіе, чѣмъ отвлекаетъ ихъ слезы и убаюкиваетъ. Мужчины, какъ менѣе причастный элементъ къ воспитанію дѣтей, такихъ сказокъ знаютъ менѣе. Какъ бывалый элементъ, они болѣе могутъ видѣть и знать жизнь, изъ нея они могутъ большему научиться, и въ своихъ сказкахъ они поучаютъ и не только дѣтей, но и взрослыхъ.

Сказки мужчинъ съ фантастическимъ элементомъ это—о разбойникахъ и солдатахъ. Среди мужчинъ, конечно, скорѣе можно встрѣ-

тить сказочника, т. е. особенно интересующагося сказкой и посвящающаго почти весь свой досугъ сказкѣ, но такие сказочники очень рѣдки. Они съ удовольствіемъ сами прослушиваютъ новую сказку и иногда даже идуть въсосѣднее село, чтобы специально слушать сказку.

О такомъ сказочнике мнѣ недавно сообщили. Въ селѣ Вязилки-Варново, Баховскаго уѣзда, Орловской же губерніи, до сихъ поръ живѣ еще старикъ 107 лѣтъ, который почти уже ослыпъ, и средствомъ къ существованію служитъ ему сказка. Онъ ходить по селу по очереди въ болѣе зажиточная семья, собираетъ вокругъ себя маленькихъ слушателей и разсказываетъ сказки. Не только дѣти, но, какъ мнѣ передавали, и взрослые заслушиваются его сказками. Но такие сказочники очень и очень рѣдки. Вообще же сказки мужчинъ носятъ скорѣе поучительный характеръ, и весь фантастический элементъ въ нихъ сказкѣ, какъ я уже упоминалъ, аллегориченъ. Сказки изъ животнаго міра разсказываются, какъ мужчинами, такъ и женщинами; этотъ видъ сказки общъ и тѣмъ и другимъ.

Рассказываютъ сказки и старые люди, хотя, какъ я замѣтилъ, особенно хранять сказку, особенно ею интересуются, берегутъ и стараются передать люди средняго возраста. Въ сказкахъ отражается міровоззрѣніе крестьянъ, ихъ идеалы и семейный бытъ. Въ нихъ онъ критикуетъ жизнь и людей и имъ онъ поучаетъ „уму-разуму“. Въ сказкѣ одухотворена природа и животный міръ; она надѣляетъ животныхъ психическими свойствами человѣка, они живутъ въ ней интересами людей, и ихъ отношенія къ людямъ не безразличны. Даже сама природа въ сказкѣ не остается безучастной къ жизни человѣка, и въ сказкахъ съ фантастическимъ элементомъ она принимаетъ живое участіе въ его жизни—въ образахъ царевенъ, царевичей, кощяя бессмертного и другихъ образахъ; въ природѣ человѣкъ видитъ борьбу въ его же интересахъ.

Въ сказкѣ отражается не только указанное мною, но и самъ рассказчикъ. Онъ не можетъ, конечно, отразиться во всѣхъ сказкахъ,—такъ, напримѣръ, въ сказкахъ съ фантастическимъ содержаніемъ духовный міръ рассказчика не отражается вовсе; въ такихъ сказкахъ рассказчикъ является только точнымъ передатчикомъ того, что онъ слышалъ отъ другихъ. Въ немъ сложилось убѣжденіе, что въ такія сказки добавить своего онъ не можетъ, потому что „такъ ета ушь павелось отъ старыхъ людей“, „слова не выкинуть изъ етой скаски“ Нѣкоторыя части сказки, кто бы ихъ ни разсказывалъ, всегда повторяются точно, такъ, напримѣръ, въ сказкѣ о Наливномъ яблочкѣ слова—„каровушка-буровушка, у мене мать была, теперь мачеха, дала павесма замашекъ, чтопъ папрясть, паткать и трубочку скатать“ повторялись слово въ слово разными разсказчиками. Подобныхъ примѣровъ въ сказкахъ можно встрѣтить массу. Такія сказки всегда

почти передаются точно, мало варіруются и почти не зависятъ отъ фантазіи разскazчика. Въ немъ сложилось убѣжденіе, что въ такихъ сказкахъ онъ не имѣть права ничего ни измѣнить, ни убавить, а долженъ разскazывать такъ, какъ онъ ихъ самъ слышалъ. Къ этой же категоріи сказокъ можно еще отнести сказки изъ животнаго міра, гдѣ, хотя разскazчикъ и надѣляеть животныхъ психическими свойствами человѣка, но самъ почти не принимаетъ никакого участія и передаетъ точно содержаніе сказки.

Въ этихъ сказкахъ отразилось и міровоззрѣніе крестьянства и бытовыя условія его жизни, но указать на то, чтобы это зависило отъ разскazчика — невозможно. Какъ въ сказкахъ съ фантастичнимъ содержаніемъ, такъ и въ сказкахъ изъ животнаго міра, самъ разскazчикъ почти не участвуетъ. Излюбленными дѣйствующими лицами сказокъ животнаго міра являются тѣ животныя, съ которыми человѣкъ имѣть дѣло и въ жизни, это чаще всего домашнія животныя; изъ дикихъ — тѣ, съ которыми ему приходится или вести постоянную борьбу, или сталкиваться въ общежитіи. Въ остальныхъ сказкахъ очень часто разскazчикъ добавляетъ отъ себя. Въ бытовыхъ сказкахъ отражаются условія, въ которыхъ живеть самъ разскazчикъ; въ нихъ онъ часто описываетъ окружающую его обстановку, а иногда въ разговорной рѣчи дѣйствующихъ лицъ въ сказкѣ, онъ разскazываетъ такъ, будто однимъ изъ нихъ является онъ самъ. Въ такихъ случаяхъ и сама сказка въ его устахъ оживаетъ, и самъ разскazчикъ живеть ею. Въ такихъ сказкахъ отражается не только материальное обеспеченіе семьи разскazчика, жизнь его односельчанъ, окружающая его природа, название мѣста дѣйствія въ сказкѣ, знакомаго самому разскazчику, но также отражается его духовный міръ и отношеніе его къ людямъ. Въ сказкахъ небылицахъ и юмористического содержанія разскazчикъ точно также участвуетъ самъ или однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ, или косвенно — собственными сужденіями. И въ этихъ сказкахъ можетъ отразиться бытовая сторона крестьянской жизни и его міровоззрѣніе въ его отношеніи къ дѣйствующимъ лицамъ, по желанію самого разскazчика, въ зависимости отъ того — насколько онъ обладаетъ умѣніемъ разскazывать. Можно указать на небольшую часть сказокъ — это сказки о разбойникахъ. Насколько мнѣ пришлось наблюдать, эти сказки разскazываются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сохраняются лѣса, мѣстопребываніе разбойничихъ шаекъ. Гдѣ же нѣть лѣсовъ, тамъ довольно рѣдко можно встрѣтить и сказки о разбойникахъ. Орловская губернія въ этомъ отношеніи интересна тѣмъ, что по ней проходитъ граница между степью и лѣсною мѣстностью, въ ней мнѣ и пришлось подмѣтить это явленіе. Сказки же о солдатахъ распространены повсемѣстно, и по своему содержанію онъ довольно однообразны. Говоря о сказкахъ, по собственному наблюденію, я могу раздѣлить сказки на двѣ группы

по тому, что можетъ отразиться въ сказкѣ по желанію самого разсказчика и, что въ нихъ отразилось до него, гдѣ онъ остается только пересказчикомъ слышаннаго. Къ первой группѣ я отношу сказки съ фантастическимъ содержаніемъ и сказки животнаго міра; ко второй—бытовыя, о разбойникахъ, солдатскія и юмористическія. Разсказчикъ, передавая сказки первой группы, остается объективнымъ въ изложеніи,—во второй же группѣ онъ участвуетъ самъ или какъ дѣйствующее лицо, или косвенно, описывая бытовую сторону жизни дѣйствующихъ лицъ и обстановку, и отражается въ ней постольку, по скольку онъ ближе къ дѣйствительности, и поскольку самъ разсказчикъ можетъ участвовать въ сказкѣ, какъ дѣйствующее лицо.

Интересно отмѣтить и то, какъ разсказывается сказка, и какъ къ ней относится разсказчикъ и слушатели. Когда сказку разсказываетъ старый человѣкъ, то передъ сказкой скажетъ присказку, небольшую, коротенькую, но иногда очень остроумную. Больше всего къ сказкѣ дѣлаютъ присказки старухи. Одна изъ моихъ разсказчицъ, Серафима Сорокина, разсказывая сказки непремѣнно добавляла присказку. Въ концѣ сказки тоже добавляютъ, говоря, напримѣръ: „я тамъ была, меть, пиво пила, по губамъ тякло, а въ ротъ ни напала“, или—„такъ-та была у насъ у старинку, бывалъ мушъ сваю жинку“ и тому подобные присказы. Но не къ каждой сказкѣ разсказчикъ сдѣлается такое вступленіе или закончитъ ее коротенькимъ присказомъ. Насколько мнѣ пришлось наблюдать, то къ фантастическимъ сказкамъ, какъ болѣе старого происхожденія, почти всегда дѣлается присказка; также дѣлается присказка къ сказкамъ и бытовымъ, ноучительного характера, но только въ концѣ сказки, въ видѣ морального наставленія или вывода, такъ, напримѣръ, въ сказкѣ: „Баба отъ змяи взята“ въ въ концѣ разсказчикъ добавилъ: „ета дѣла кончена, баба отъ змяи взята; какъ была баба змей, такъ и осталась“.

Иногда такіе выводы дѣлаются въ концѣ сказки какой-нибудь пословицей. Не все сказки и разсказываются одинаково. Мнѣ пришлось слышать сказки, которые разсказываются особымъ складомъ, на распѣвъ, довольно монотонно, и таія сказки болѣе старыя, такъ какъ ихъ разсказываютъ одинаково большинство разсказчиковъ изъ лицъ преклоннаго возраста.

Это, напримѣръ, сказки: Аленушка и братецъ Иванушка, о Наливномъ Яблочкѣ. Сказки же о разбойникахъ, бытовыя, солдатскія и юмористическія, всегда разсказывались мнѣ говоромъ, и пи одно мѣсто изъ нихъ не говорилось на распѣвъ. Манера разсказывать сказку въ значительной степени зависитъ отъ самого разсказчика, но онъ всегда считается съ тѣмъ—какая сказка: можно-ли ее говорить обыкновенно или же—„по особому“. Если разсказчикъ знаетъ, что такая-то сказка старая, и она въ старину сказывалась по особому, то онъ считаетъ недопустимъ нарушить старину и будетъ разсказывать особенно. Когда я

спрашивалъ: почему онъ ее такъ разсказываетъ, обыкновенный отвѣтъ былъ тотъ, что „старые люди такъ завсегда сказывали“. Такие рассказчики въ большинствѣ случаевъ были люди старые, а молодое поколеніе съ этимъ уже не считается и разсказываетъ не растяжно, а кто какъ захочетъ. На распѣвъ разсказываются сказки болѣе старыя—фантастическая.

Сказокъ, которыя бы имѣли стихотворный складъ, мнѣ встрѣтить не пришлось.

Нѣкоторыя части сказки поются, такъ, напримѣръ, въ сказкѣ о Наливномъ Яблочкѣ поются слова: „каровушка-буровушка, у мене мать была—типерь мачеха“, и въ этой же сказкѣ: „катлы кинуть кипучіе, агни гарять гарючіи, нажи точуть булатныи, мише рѣзать хочутъ“.

Записать по фонографу мнѣ не удалось ни сказки, сказанной на распѣвъ, ни той части сказки, которая поется. Въ бытовыхъ сказкахъ рассказчикъ вводить иногда собственное замѣчаніе или дѣлаеть какой-нибудь выводъ, по собственному усмотрѣнію. И если рассказчикъ человѣкъ уже старый, надѣленный житейскимъ опытомъ и пользующійся уваженіемъ, то къ его замѣчаніямъ прислушиваются, такъ какъ изъ нихъ можно чему-нибудь научиться. Также вставляются замѣчанія рассказчика и въ юмористической сказки. Сказку вообще не принято перебивать, и если она понравилась слушателямъ, то ее выслушаютъ внимательно до конца, а кто не желаетъ слушать, то уходитъ, но перебивать рассказчика нельзя, это обижаетъ его. Если кто сдѣлаетъ замѣчаніе, то рассказчикъ отвѣтить на это пословицей: слушать не слушай, а вратъ не мѣшай. Я могу указать на одинъ родъ сказки, когда и рассказчикъ прерываетъ ее своими замѣчаніями, и слушатели ихъ дѣлаютъ—это сказки юмористическая. Если такая сказка разсказывается съ увлеченіемъ и умѣло, то слушатели отъ души смеются, дѣлаютъ замѣчанія, и это нисколько не мѣшаетъ сказкѣ, наоборотъ даже оживляетъ ее.

Разсказчики различно относятся къ сказкамъ. Разсказывая фантастическую сказку, онъ передаетъ ея содержаніе; образы его могутъ захватить, но самой сказкѣ онъ не вѣритъ; когда онъ разсказываетъ бытовую сказку или сказку о разбойникахъ, то онъ вѣритъ ей, вѣритъ тому, что это происходило на самомъ дѣлѣ, правда, люди прикрасили ее небылицей, но все же подобное можетъ случиться въ жизни, и если не теперь, то во всякомъ случаѣ, это было въ старину, иначе бы не стали разсказывать ее старые люди. До сихъ поръ живеть еще въ народѣ вѣра, что были и русалки, и лѣшій есть, и домовой, но только ихъ человѣкъ не можетъ видѣть и, разсказывая про нихъ сказку, онъ все-таки вѣритъ въ существованіе „всякой нечисти“. Точно также относятся къ сказкѣ и слушатели. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мнѣ пришлось работать, сказка еще не умерла, ее еще любятъ и слушаютъ.

Вотъ чѣмъ могу я подѣлиться о сказкахъ, по собственному наблюденію.

Теперь я дамъ небольшія характеристики двухъ рассказчиковъ, наиболѣе интересныхъ, встрѣтившихся мнѣ во время работы.

Серафима Владимирова Сорокина—живетъ въ селѣ Радогощь, Сѣвскаго уѣзда, Орловской губерніи. Село находится въ 50-ти верстахъ отъ уѣзднаго города Дмитровска и въ 40-ка верстахъ отъ уѣзднаго города Сѣвска. Отъ ближайшей, Московско-Кіево-Воронежской, ж. д., оно отстоитъ въ 11 верстахъ. Село стоять на рѣкѣ Нерусѣ, на границѣ Дмитровскаго уѣзда. Въ селѣ находится двѣ школы: церковно-приходская и земская. За Нерусою тянутся па большое пространство лѣса, гдѣ, по разсказамъ стариковъ, въ старые годы, было не мало разбойниковъ, и гдѣ, по преданію, и теперь скончено не мало кладовъ. За Нерусою непосредственно прилегаетъ къ с. Радогощь небольшой поселокъ, подъ именемъ „Монастырекъ“. Тамъ былъ въ ста-рину монастырь, упраздненный при Екатеринѣ Великой, и отъ него то носить название и поселокъ, хотя онъ и недавняго происхожденія. Въ селѣ Радогощь, съ недавняго времени построена спичечная фабрика, гдѣ работаетъ исключительно мѣстное населеніе. Въ четырехъ верстахъ отъ села находится большой сахароваренный заводъ, гдѣ также работаетъ мѣстное населеніе, такъ какъ работа на заводѣ почти не совпадаетъ съ полевыми работами крестьянъ, и они могутъ имѣть благодаря ему постоянный заработокъ. Крестьяне живутъ довольно зажиточно и чисто. Многія хаты крыты желѣзомъ, почти вездѣ досчатый полъ, нерѣдко устланный половиками. Населеніе рослое и здоровое: женщины ходятъ очень чисто и нарядно даже и въ будни. На заработки населеніе не выходитъ, имѣя постоянный заработокъ на заводахъ и хуторахъ Войкова.

Сорокина, 60-ти лѣтъ, небольшого роста и немного сутуловата. Изъ женщинъ ее считаютъ въ селѣ лучшей рассказчицей, и она извѣстна еще какъ зиахарка. Про нее въ народѣ говорятъ даже, что она съ „нечистой силой знается“. Знаніемъ зиахарства она не стѣсняется и даже гордится, такъ какъ увѣренна въ томъ, что она можетъ помочь односельчанамъ. На заработки изъ села она никогда не выходила и не грамотна. Сказки она разсказываетъ съ увлечениемъ. Сказки фантастического содержанія она разсказывала на распѣвъ и нѣкоторыя части ихъ даже пѣла, это,—какъ я уже упоминалъ,—въ сказкѣ о Наливномъ Яблочкѣ. Научилась разсказывать сказки отъ своей бабки и матери и рассказывала ихъ, еще когда была подросткомъ, какъ нянька своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ. Всѣ ея сказки фантастической, и только одна изъ животнаго міра „про лису“. Объ ней я узналъ отъ учителя земской школы, который и зазвалъ ее въ школу съ другими женщинами, когда бабы возвращались съ моленья. Въ деревнѣ существуетъ обычай у женщинъ молиться отдельно отъ мужчинъ объ

урожаѣ. Въ этотъ-то день я и пріѣхалъ въ Радогощъ. Крестьянки были подвыпивши, охотно зашли въ школу, спѣли мнѣ нѣсколько пѣсень, поскакали, и одна изъ нихъ, Сорокина, рассказала тутъ же одну сказку. Въ этотъ день она разсказывать больше не стала, а обѣщала разсказать на слѣдующій. Когда я пришелъ къ ней на слѣдующій день, то она долго не соглашалась рассказывать сказки, говоря, что она сказокъ не знаетъ и вчера „ета съ пьяну балтнула“. Но когда я предложилъ ей опохмѣлиться послѣ вчерашняго, она была довольна и, немного выпивъ, начала рассказывать.

Изъ женщинъ, рассказывавшихъ мнѣ сказки, пьющей была только Сорокина, хотя вообще въ деревнѣ женщины немного пьютъ почти всѣ. Вначалѣ на разсказъ она была скуча и только, когда я пообѣщалъ ей подарить платокъ, она продолжала рассказывать очень охотно и немного оживилась. Платокъ она попросила показать и, когда я показалъ, то она покрыла имъ голову, говоря, что онъ ей поможетъ разсказывать. Проговоривъ такимъ образомъ часовъ пять подрядъ она отказалась разсказывать, ссылаясь на усталость. На слѣдующій день, когда я къ ней зашелъ, то она разсказывать не стала больше, и я не могъ ничѣмъ ее соблазнить.

Сказки ея старыя; когда начинаетъ рассказывать, то говорить присказку; сказку говорить не торопясь и даже ожидала—пока я не остановлюсь писать. Выговоръ у нея отъ старости уже неясный, но рассказывала она очень хорошо. Разсказывать не торопилась, и прежде чѣмъ разсказать сказку, она припоминала ее, выбирай какая получше, постариннѣй. Запасъ у нея очевидно очень большой, но выпытать ихъ было невозможно и не было никакихъ средствъ искусить ея упрямство. Когда я стала просить и уговаривать ее сказать какую-нибудь сказку по фонографу, то ничего не помогло, и, къ сожалѣнію, ея на валикѣ я не имѣю. Вообще же она была одной изъ лучшихъ рассказчицъ, которыхъ мнѣ пришлось слышать въ эту поѣздку.

Иванъ Сыромятновъ. Въ томъ же селѣ Радогощѣ, мнѣ указали, какъ на хорошаго рассказчика, на старика 75 лѣтъ, Ивана Сыромятнова. Въ его избѣ мнѣ пришлось быть два раза, въ ней же мнѣ пѣли и пѣсни для фонографа его снохи. Старикъ Сыромятновъ къ моему посѣщенію въ первую минуту отнесся немножко недовѣрчиво, но послѣ непродолжительной бесѣды, началъ рассказывать. Онъ отличается гостепріимствомъ и не отпустилъ меня, не угостивъ чаемъ. Человѣкъ онъ непьющий, а если и пить, то очень рѣдко. Онъ послалъ самъ за водкой, желая угостить меня и сопровождавшаго меня на село сына учителя земской школы, студента, говоря что такой гость, какъ я—особенный. Онъ угостилъ всѣхъ членовъ семьи и, выпивъ очень немного самъ, началъ рассказывать. На слѣдующій день, когда я снова принесъ слушать его сказки и хотѣлъ угостить его, онъ отказался отъ этого, но съ удовольствіемъ принялъ подарокъ.

Это стариkъ высокаго роста, благообразный, немного сутуловатъ. Держится свободно и хотя не бывалъ въ городѣ на заработкахъ и не былъ подъ вліяніемъ городской культуры, но во всемъ чувствуетъ себя не слѣпымъ, и въ этомъ отношеніи ему помогаетъ большой природный умъ. Въ семъ его очень любятъ, не боятся, но уважаютъ и исполняютъ его совѣты. Какъ разсказчикъ онъ очень интересный, говорить ясно, членораздѣльно, не торопясь, ожидаетъ когда записываютъ. Особенность его разсказа—онъ не повторяется; его сказка носить простой и реальный характеръ, и всѣ превращенія чудеснаго свойства дышать въ его разсказѣ той же простотой и жизненностью, какой дышалъ и самъ онъ. Разсказъ свой онъ ведетъ въ лицахъ, живо и интересно и подчасъ дышить здоровымъ юморомъ. Онъ великолѣпно помнить крѣпостное право и охотно про него разсказываетъ. Самъ онъ неграмотный и изъ села никуда не выходитъ уже очень давно; на заработкахъ не былъ, такъ какъ имѣть достатокъ и единственно, когда онъ не жилъ въ селѣ—это во время солдатчины. Въ немъ соединился и здоровый духъ, и жизнерадостность и общительность. Въ обхожденіи онъ очень ласковъ и какъ собесѣдникъ очень интересный и разнообразный. Онъ охотно и самъ пѣлъ пѣсни и охотно рассказалъ небольшую сказку въ рупоръ фонографа. Изъ всей моей поѣздки онъ одинъ оставилъ у меня свѣтлое и хорошое воспоминаніе, какъ и сказочника, такъ и незауряднаго человѣка среди крестьянской массы.

Іосифъ Каллиниковъ.

Изъ быта бессарабскихъ румынъ.

II.

Погребальные обычай и обряды румынъ Бессарабіи.

Возвышенное, точнѣе говоря, отвлеченное ученіе христіанства поражало народную мысль, чисто первобытная фантазія помогла ему въ этомъ, и такимъ образомъ явились въ высшей степени оригинальные полуязыческие взгляды на смерть и на ея обстоятельства, которые упорно сохраняются до сихъ поръ. Въ особенности интересны взгляды на смерть у бессарабскихъ румынъ, какъ у народа мало просвѣщенного и, благодаря своей самозамкнутости и косности развитія, мало поддающагося культурѣ.

Еще во время тяжкой болѣзни румыны слѣдятъ за больнымъ съ цѣлью угадать близость смерти. Когда больной любить лежать больше лицомъ къ стѣнѣ и часто закрывать глаза, когда онъ смотрить на концы своихъ пальцевъ, когда на трубѣ того дома кричить сова, когда въ домъ приходить черная кошка, когда дворовая собака воеть и роеть ямы, когда лопаются безъ видимой причины обручи на бочкахъ, слынится странный гулъ, шумъ въ стѣнѣ, гаснетъ свѣча, когда, наконецъ, является больному у изголовья его смерть съ пропалившимся носомъ,—значить, близокъ конецъ.

Немалое вліяніе на близость смерти, по вѣрованію румынъ Бессарабіи, имѣютъ и сновидѣнія самого больного, его домашнихъ и знакомыхъ. Значеніе сновъ въ данномъ случаѣ не имѣеть ничего особенного сравнительно съ обыкновеннымъ значеніемъ ихъ: вообще, благопріятные сны означаютъ выздоровленіе больного, и наоборотъ. Такъ, напримѣръ, плохимъ сномъ считается у румынъ—купаться въ грязной мутной водѣ, и хорошимъ—въ чистой, прозрачной; деньги во снѣ—также плохой признакъ.

Умирать больному на кровати румыны, обыкновенно, не даютъ, а переносятъ его на полъ на большой кусокъ бѣлаго полотна. Существованіе этого обычая можно объяснить хотя бы тѣмъ, что впослѣдствіи весьма непріятно было бы ложиться на ту постель, гдѣ умиралъ больной. У изголовья умирающаго ставить на землю горшокъ съ

водой, къ краю его прилѣпливаютъ восковую свѣчу, другую свѣчу даютъ въ сложенныя на груди руки умирающаго и зажигаютъ свѣчи. Это называется „параклисомъ“. Самый моментъ смерти также любопытенъ для наблюденій домашнихъ; тяжело умирающій больной—великій грѣшникъ, спокойно и тихо—праведникъ. Если умирающій въ агоніи произносить чье-нибудь имя, то скоро и тотъ отправится за нимъ. Въ это уже время присутствующіе, а въ особенности родные, должны оплакивать умирающаго.

Когда удары церковнаго колокола оповѣстятъ румынское селеніе о смерти, близкіе покойника приступаютъ къ омовенію. Для этого необходимы четыре человѣка, обыкновенно старухи. Обмываютъ покойника пучкомъ соломы, намоченной въ теплой водѣ, а чаще въ винѣ, смѣшанномъ съ деревяннымъ масломъ *).

Женатому покойнику во время омовенія надѣваютъ на лѣвую руку обручальное кольцо, а дѣвицамъ дѣлаютъ кольцо изъ воску или просто обматываютъ палецъ стеблемъ пшеницы. Сосудъ и свѣча, стоявшіе у изголовья, кольцо, мыло, гребешокъ и полотенце отъ омовенія достаются старухамъ, омывающимъ мертвѣца; имъ даютъ также, разрѣзать на части, то полотно, на которомъ умиралъ больной.

Душа, по вѣрованію румынъ, также нуждается въ омовеніи. Для этого на окно, ближайшее къ образу, ставятъ стаканъ воды, и рядомъ вѣшается полотенце. То и другое не убирается въ теченіе сорока дней со смерти покойника.

Еще задолго до смерти покойникъ назначаетъ, въ какія вещи одѣть его. Эта одежда бережно хранится и передъ одѣяніемъ очищается. Замѣчательно, что для одежды покойника, собственно для бѣлья, грѣхомъ считается употребить полотно покупное, а не домашнаго приготовленія.

Въ передній уголъ, подъ образа большой комнаты („касъ мѣри“), кладутъ на столъ покойника, въ руки вкладываютъ свѣчу, выпрямляютъ голову и ноги. Когда у покойника не совсѣмъ закрываются глаза,—плохой признакъ: ему одному не хочется уходить, и онъ смотрѣтъ, кого бы взять на тотъ свѣтъ. Плохимъ признакомъ считается также, если у покойника страшное выраженіе лица: онъ, видимо, недоволенъ чѣмъ-нибудь: небрежно совершили надъ нимъ какой-нибудь обрядъ, мало хотятъ раздать милостыни, или плохо оплакиваютъ его. Изголовье покойника украшаютъ цветами; на голову молодого покойника или ребенка надѣваютъ вѣнокъ изъ цветовъ и листьевъ. Пожи-

*) Вино виноградное съ масломъ въ данномъ случаѣ или напоминаетъ случай съ сострадательнымъ самаряниномъ или есть остатокъ языческаго намазыванія тѣла масломъ. При этомъ грѣшно сжечь эту солому, а бросаютъ ее вмѣстѣ съ сосудомъ отъ вина въ прудъ или на дорогу. На этотъ обычай не разъ обращали вниманіе священники, указывая на вредъ его, такъ какъ, купаясь въ прудѣ, легко можно заразиться, если болѣзнь покойника была заразительна.

лому на голову надѣваютъ „кучму“ (баранью шапку), съ которой и хоронять, впрочемъ, снявъ ее съ головы и положивъ рядомъ.

Женщины должны оплакать достаточно покойника; это одна изъ главныхъ заботъ родныхъ и знакомыхъ покойника. Тѣ родственники, которые мало плачутъ, мало убиваются, заслуживаютъ плохую репутацію на селѣ. Трауръ выражается въ слѣдующемъ: мальчики ходятъ безъ шапки, дѣвочки—съ распущенными волосами. Причитанія бес-сарабскихъ румынъ (бочет) похожи на заплачки обще-славянскія. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

I.

Куда унесся ты,
Куда скрылся, родной?
Изъ какой страны далекой
Мнѣ ждать тебя?
За какими высокими горами,
За какими большими морями,
За какими долинами широкими
Находишься ты и не думаешь о насъ?

II.

Добрый отецъ, дорогой отецъ,
Кто досматривать будетъ насъ,
Кто будетъ учить уму,
Жалѣть и защищать отъ злыхъ людей?

III.

Зачѣмъ родились мы,
Несчастные, на свѣтѣ,
Зачѣмъ ты не взялъ насъ,
А оставилъ въ горѣ?

IV.

Тяжело жить сиротѣ,
Но вдовѣ гораздо хуже:
Сироту возьмутъ добрые люди,
А вдова всегда обижена,
И люди на селѣ плохо о ней говорять.

V.

За темные тучи,
За бѣлые горы,
За старые лѣса,
Свѣтлое солнце скрывается:
 Но показывается опять.
Какъ упавшій листокъ
Съ бѣлой акаціи, сохну я;
Какъ перекати-поле, хожу по кладбищу.
 Ты не явишься никогда!

VI.

Красавецъ мой, царевичъ,
Царевичъ изъ всѣхъ царевичей,
Насколько я тебя люблю,—
Насколько ты не любишь меня.

Покинулъ ты насъ навсегда
И оставилъ съ однимъ горемъ,
Бѣдныхъ стариковъ:
Меня и неутѣшнаго отца.

VII.

Что намъ дѣлать, когда
Никто не будетъ наставлять насъ,
Когда всѣ будутъ говорить:
„Бѣдны вы, сироты, безъ отца!“
 „Много хорошаго не знаете вы,
 „Изъ васъ только воры выйдутъ,
 „Которые спать въ ясные дни,
 „А темной ночью крадутъ“.

Кромѣ причитаній, которыхъ у румынъ множество, родственники покойнаго въ горѣ проклинаютъ себя и свою долю, дѣлаютъ себѣ пожеланія въ родѣ слѣдующихъ: „чтобы у меня повисли уши, какъ у свиньи“, „отпалъ носъ, какъ у смерти“, „глаза перемѣстились на голову“, „сгорѣлъ бы языкъ“, „перевернулись бы ноги пальцами назадъ“, „вылѣзли бы всѣ волосы и сдѣлались рыжими“.

Три дня, пока покойникъ находится въ домѣ, окружающіе стараются не нарушать молчанія. Главную роль въ этомъ играетъ „двойное“ воззрѣніе на душу умершаго. Всѣ мужчины, близкіе родственники покойника, ходятъ въ эти дни безъ шапокъ, несмотря даже на

непогоду, а женщины въ знакъ печали распускаютъ волосы и не собираютъ ихъ до самаго погребенія. Въ эти дни не подметаютъ также комнать и не приводятъ ихъ въ порядокъ, чтобы показать покойнику, какое горе принесъ онъ имъ своею смертью и такимъ образомъ нарушилъ ихъ обыденный образъ жизни съ его аккуратностью и чистотой (мoldоване Бессарабіи необыкновенно аккуратны и чистоплотны). Приходятъ знакомые и приносятъ съ собой свѣчи, ладанъ для окуривания и цвѣты для украшения покойника.

Румыны полагаютъ покойника въ гробъ обыкновенно въ день похоронъ. И здѣсь существуютъ примѣты. Если гробъ вышелъ длиненъ или коротокъ,—въ семьѣ будетъ скоро другой покойникъ, которому гробъ будетъ по мѣркѣ; если по ошибкѣ внесли въ комнату и крышку отъ гроба—тоже плохая примѣта. Въ гробъ, кромѣ священныхъ предметовъ (креста, разрѣшительной молитвы, иногда Евангелія) кладутъ, еще, тайкомъ отъ священника, предметы, ничего общаго съ предметами религіи не имѣющіе. Прежде всего необходимы деньги, которая кладутъ въ одну зажатую руку покойника, въ другую руку даютъ изъ воску крестикъ. Мoldоване объясняютъ этотъ обычай необходимостью купить ту землю, которую будетъ занимать покойникъ. Если у послѣдняго не окажется денегъ для черта („драку“), то нельзя будетъ ему и спокойно лежать въ гробу *). Кромѣ денегъ, иногда кладутъ въ гробъ и другіе предметы, которые покойникъ любилъ при жизни, и безъ которыхъ ему было бы скучно. Напримѣръ, кладутъ „дримбу“ **); затѣмъ—табакерку, трубку, кисетъ или что-нибудь другое въ этомъ родѣ. Бросаютъ въ гробъ еще горсть соли, завернутую въ бумажку. Эту соль берутъ затѣмъ обратно и насыпаютъ въ сѣно для коровъ и воловъ, чтобы, по выраженію самихъ румынъ, „покойникъ не унесъ съ собою благосостоянія на тотъ свѣтъ“, и такимъ образомъ счастье въ хозяйствѣ остается съ солью въ томъ же домѣ. Въ гробъ къ груднымъ дѣтямъ кладутъ два шарика воску, напитанные молокомъ матери, чтобы у матери не болѣли груди. Въ гробъ кладутъ также срѣзанные ногти покойника. Эти ногти, какъ объясняютъ румыны, помогутъ ему вѣзѣть на тѣ высокія ледяныя горы, которая стоятъ на пути въ загробный міръ. Предъ выносомъ развязываютъ узлы, развязываютъ ноги, руки и платокъ, которымъ обвязывали шею.

Послѣ отпѣванія гробъ выносятъ на кладбище. Во многихъ де-

*) Подобный обычай живо напоминаетъ собою обычай грековъ, клавшихъ въ ротъ умершему „оболъ“ для Харона, который перевозилъ души ихъ черезъ алекую реку.

**) Музикальный инструментъ, состоящій изъ пластинки, прикрепленной къ подковѣ. Прикладывая къ губамъ, дыханіемъ приводятъ въ дрожаніе пластинку, которая издаетъ звуки, измѣняющіеся вмѣстѣ съ измѣненіемъ формы рта.

ревняхъ существуетъ обычай не нести гробъ, а везти въ саняхъ, даже лѣтомъ, на волахъ. Повсюду и всегда возять на волахъ: на лошадяхъ грѣшно. Время для погребенія неустановлено, но только чтобы было солнце, т. е. нельзя хоронить рано утромъ или поздно вечеромъ, чтобы покойникъ могъ послѣдній разъ взглянуть на солнце. Когда выходятъ съ гробомъ изъ комнаты въ сѣни, то опускаютъ его три раза надъ порогомъ, слегка касаясь его. Это выражаетъ послѣднєе прощаніе покойника съ домомъ; то же самое повторяется и при выносѣ гроба изъ сѣней на улицу.

При выносѣ гроба на улицу разбиваютъ горшокъ; обычай этотъ выражаетъ желаніе румынъ, чтобы Смерть разбилась вмѣсть съ горшкомъ, т. е. потеряла бы свою силу надъ оставшимися въ живыхъ. Впереди шествія идетъ мальчикъ съ 9-ю калачами, нанизанными на платокъ; по бокамъ несутъ хоругви съ привязанными къ нимъ платками, въ уголки которыхъ зашиваютъ плату носильщикамъ. Впереди гроба несутъ крышку съ кускомъ полотна, калачемъ и свѣчей. Затѣмъ несутъ еще „поману“—вѣтку дерева съ навязанными на нее яблоками, конфектами, рожками и другими гостинцами, которые послѣ поминального обѣда раздаютъ дѣтямъ. По объясненіямъ священниковъ, „помана“ служитъ прообразомъ райскихъ деревьевъ.

У самыхъ дверей стелятъ коверъ или большой кусокъ полотна, на него кладутъ подушку, блюдо съ кушаньемъ (обыкновенно „сармали“—голубцы, можно сказать, самое любимое и распространенное кушанье румынъ Бессарабіи) и зажженной свѣчей, а по угламъ ковра—четыре калача, тоже со свѣчами и стаканомъ вина. Когда гробъ понесутъ надъ всѣмъ этимъ, священника просятъ благословить кушанье и калачи, которые сейчасъ же раздаютъ нищимъ. Обычай этотъ, т. е. перенесеніе гроба черезъ кушанья, имѣетъ значеніе; но вѣрованію народа, послѣдней трапезы покойника на землю.

По дорогѣ въ церковь, а оттуда на кладбище, шествіе нѣсколько разъ останавливается, и священникъ читаетъ заупокойныя эктени. Останавливаются обыкновенно на поворотахъ, на мостахъ, при воротахъ кладбища, не менѣе 12 разъ. Каждый разъ передъ гробомъ стелятъ кусокъ полотна или полотенце съ калачемъ и деньгами. Черезъ все это носильщики должны перенести гробъ, а затѣмъ отдаютъ вещи бѣднякамъ, сопровождающимъ покойника. Обычай существуетъ, какъ говорятъ румыны, съ цѣлью облегчить переходы души черезъ ирепятствія, ведущія къ 12 мытарствамъ, о которыхъ молдоване все же имѣютъ, хотя и смутное, понятіе. Кромѣ 12-ти обязательныхъ раздачъ, родственники покойного еще нѣсколько разъ раздаютъ бѣднякамъ милостыню, чаще всего живую курицу, утку, барана, окропленныхъ раны водой.

По приходѣ на кладбище происходитъ послѣднєе прощаніе съ покойникомъ. Когда гробъ опустятъ въ могилу, черезъ нее передаютъ

въ руки бѣдняку живого пѣтуха и, замѣчательно, съ несвязанными ногами *). Всѣ, сопровождавшіе покойника, считаютъ долгомъ бросить въ могилу горсточку земли, а пѣкоторые бросаютъ и деньги съ цѣлью того же „выкупа земли“. Могильщики обыкновенно получаютъ по куску полотна въ длину могилы.

Вотъ еще одна примѣта, по которой румыны отгадываютъ, грѣшень или праведеніе покойникъ: если погребеніе пришлось въ понедѣльникъ, значитъ, покойникъ грѣшникъ, въ другіе дни—праведникъ.

Всѣ, провожавшіе покойника до могилы, приглашаются къ по-минальному обѣду. Сначала должны „очиститься“—моютъ руки. Хорошой обстановкой и обиліемъ кушаній родственники выражаютъ свою любовь къ покойнику и свое горе по немъ. Священникъ благословляетъ кушанья, и начинается трапеза. Въ концѣ обѣда каждый получаетъ по калачу и свѣчѣ. Гости обыкновенно не помѣщаются въ, хатѣ и располагаются на дворѣ. Въ концѣ обѣда весь столъ обходитъ „апауз“ или „опоуз“ (стаканъ краснаго вина), точнѣе—рѣпѣус, отъ рѣпоса—„покойникъ“. Каждый изъ обѣдавшихъ долженъ отпить немного вина. Этотъ обычай, по объясненію мѣстныхъ священниковъ, означаетъ „предвкушеніе умершимъ благъ вѣчныхъ“. Впрочемъ, надо полагать, что объясненіе это ни на чёмъ не основано. Къ началу обѣда во дворѣ выкатываютъ изъ погреба бочку винограднаго вина.

Въ теченіе трехъ дней послѣ погребенія, каждое утро кто-нибудь изъ родственниковъ покойнаго ходить на могилу, окуриваетъ ладонью и выливаетъ немного вина на могилу, рѣдко приносятъ цвѣты.

На третій день послѣ похоронъ служатъ панихиду, а затѣмъ во время обѣда поднимаютъ „шюр“. Такъ называется обычай бессарабскихъ румынъ поднимать во время пѣнія „вѣчной памяти“ блюдо или сито, или, наконецъ, деревянный кружокъ съ девятью калачами и 3-мя свѣчами. Всѣ гости должны взять въ руки блюдо и колебать надъ столомъ. Этотъ обычай, по объясненію мѣстныхъ священниковъ, служитъ знакомъ „всеобщаго воскресенія умершихъ“ или „возненія души покойника на небо“. Такія же поминки съ панихидами и подниманіемъ „шюра“ бываютъ на 9-й и 40-ой день.

Въ теченіе 40 дней на окно кладутъ на ночь кусокъ хлѣба или

*) Этотъ обычай, всегда замѣчаемый въ Бессарабіи и упорно сохраняющійся, можно объяснить разно. Священники говорятъ вотъ что: какъ пѣтухъ своимъ пѣніемъ предвѣщаетъ разсвѣтъ каждый день, такъ точно служить онъ символомъ общаго разсвѣта для всѣхъ христіанъ—воскресенія изъ мертвыхъ. Сами румыны говорятъ иначе: подобно тому, какъ птица легко перелетаетъ черезъ пропасти, такъ и душа покойника свободно одолѣваетъ всѣ препятствія, которыя ей придется перейти на пути въ другой міръ, и легко полетитъ на небо. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ вышеприведенныя объясненія неудовлетворительны, и скорѣе всего пѣтухъ есть остатокъ язычества, въ обрядахъ кото-раго онъ игралъ какъ извѣстно, немаловажную роль.

мамалыги, стаканъ воды и полотенце, такъ какъ, по вѣрованію румынъ, душа покойника не можетъ сразу привыкнуть къ лишенію пищи и приходитъ по ночамъ побѣсть, выпить воды и умыться. По истеченіи 40-дневнаго срока родственники непремѣнно должны сдѣлать доброе дѣло въ память покойника. Обыкновенно въ Бессарабіи роютъ для этой цѣли колодецъ, гдѣ-нибудь при дорогѣ, строить мостъ, или же возобновляютъ загрязненный колодецъ, сломанный мостъ, и т. п. Обычаемъ румынъ строить колодцы въ память покойниковъ можно объяснить то обиліе колодцевъ, которое сразу замѣтно дѣлается лицу, въ первый разъ пріѣхавшему въ Бессарабію *). Затѣмъ поминовеніе покойника происходитъ обыкновенно въ годовщину смерти или погребенія, на Фоминой недѣлѣ, въ Родительскую субботу и на Благовѣщеніе. Въ особенности важна панихида въ послѣдній день. По народному представленію, въ этотъ день душа умершаго пробуждается вмѣстѣ со всей природой отъ зимняго сна. Въ день Благовѣщенія румыны стараются встать какъ можно раньше и развести огонь, хотя бы было и тепло, для того, чтобы покойникъ погрѣлся у огня, когда придетъ домой навѣстить родственниковъ.

Какъ особый видъ поминанія, отмѣчу слѣдующій: на бѣлняка, подходящаго по возрасту къ покойнику, шьютъ полный костюмъ. Въ память взрослого покойника даютъ бѣднымъ коковку и кружку.

Послѣ погребенія покойники могутъ навѣщать своихъ родственниковъ. Рассказываютъ, напримѣръ, что къ одной женщины мужъ являлся каждую ночь, какъ объясняла себѣ вдова, для того, чтобы сказать ей, чтобы она не выходила замужъ опять. Тогда она обратилась къ знахаркамъ, и тѣ посовѣтывали сказать мужу, когда онъ придетъ, что она выйдетъ за своего родного брата. Она такъ и сдѣлала: мужъ въ сердцахъ хлоннулъ дверьми и больные не являлся.

Въ заключеніе прибавлю, что Страшный Судъ будетъ происходить, согласно вѣрованіямъ бессарабскихъ румынъ, на заговѣніе Великаго поста. Послѣ суда на землѣ будетъ рай, т. е. все то же, что было и раньше, но совершенное, и не будетъ страданій. Передъ вторымъ пришествіемъ будетъ голодъ, засуха, болѣзни, и не будетъ ульевъ (стѣпій). Священникъ объяснилъ мнѣ, что это означаетъ, что тогда не будетъ свѣтей для церкви.

(†) П. А. Сырку.

*.) Румыны копаютъ колодцы для того, чтобы, по ихъ словамъ, утолить жажду покойника на томъ свѣтѣ, такъ какъ тамъ нельзя напиться никакимъ образомъ изъ чужого колодца; колодецъ превращается моментально въ чудовище.

Русские этнографические музеи и собрания.

III.

Троицкосавско-Кяхтинский Музей.

Троицкосавско-Кяхтинский Музей—одно изъ вспомогательныхъ учреждений Троицкосавско-Кяхтинского Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Потребность открытия въ Троицкосавскѣ музея сознавалась давно мѣстнымъ обществомъ. Еще въ 1890 году составился кружокъ любителей, главнымъ образомъ изъ числа мѣстныхъ педагоговъ, начавшихъ собирать коллекціи и просившихъ разрѣшенія на открытие музея. Это ходатайство какъ разъ совпало съ проѣздомъ черезъ Кяхту извѣстнаго сибирскаго дѣятеля и публициста Н. М. Ядринцева, возвращавшагося въ 1891 году изъ экспедиціи на р. Орхонъ. Ядринцевъ, со свойственной ему пылкостью, увлекся этой идеей и написалъ даже набросокъ рѣчи, которую хотѣлъ сказать при открытии музея. Однако же, по независящимъ обстоятельствамъ, открытие не состоялось. Два года спустя послѣ проѣзда Н. М. о той же идеѣ напомнилъ мѣстному обществу другой путешественникъ по Монголіи Д. А. Клеменцъ, прочитавшій здѣсь въ 1893 г. лекцію „О задачахъ мѣстныхъ музеевъ“. Наконецъ, давно назрѣвшей мысли суждено было осуществиться лишь въ юлѣ 1894 года, когда было открыто Троицкосавско-Кяхтинское Отдѣленіе И. Р. Г. О., и музей сталъ однимъ изъ его вспомогательныхъ учреждений.

Собранныя до того времени коллекціи сохранялись въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ тѣсной квартирѣ въ Троицкосавскѣ, при материальной поддержкѣ И. Д. Синицына и попеченіяхъ И. С. Михно. По открытии Отдѣленія И. Р. Г. О. (въ 1894 году), Распорядительный Комитетъ въ первомъ же засѣданіи избралъ комиссию изъ числа своихъ сочленовъ, которая приняла коллекціи, положила начало систематическому каталогу и нѣкоторое время завѣдывала музеемъ.

Всѣ коллекціи были тогда же перевезены въ Кяхту въ каменный домъ, пожертвованный Отдѣленію Коммерціи Совѣтникомъ А. Д. Старцевымъ. Хотя домъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію, находясь въ слободѣ Кяхтѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города,

что весьма затрудняетъ какъ наблюденіе за музеемъ (ни квартиры для консерватора, ни рабочей комнаты при музѣ не имѣется), такъ и его посѣщеніе горожанами въ холодное время года, тѣмъ не менѣе почтенный жертвователь своимъ даромъ упрочилъ благосостояніе вновь основаннаго учрежденія, коллекціи котораго могли бы не мало пострадать въ перемѣнныхъ наемныхъ помѣщеніяхъ.

Такъ какъ пожертвованное зданіе, довольно ветхое, не было приспособлено для удобнаго размѣщенія музейныхъ коллекцій, то пришлось, по мѣрѣ средствъ, постепенно его расширять и въ теченіе 19 лѣтъ неоднократно ремонтировать¹⁾.

При размѣщеніи въ музѣ перевезенныхъ коллекцій и распределеніи таковыхъ по инвентарю на отдѣлы, оказалось всего 470 номеровъ въ 2664 экземплярахъ. Изъ нихъ въ естественно-исторической отдѣль поступило всего 1809 экзем., въ антропологической—328 (по антропологии 35 и по этнографіи 293), въ отдѣль археологіи—105 экз., нумизматики—378, промышленности и сельского хозяйства—44 экземпляра.

По мнѣнію Комиссіи, принимавшей коллекціи, наиболѣе цѣнныемъ оказался отдѣль ест.-исторической, но таковой при перенесеніи изъ Троицкосавска въ Кяхту много пострадалъ: кости третичныхъ животныхъ и гербаріи были перепутаны, номера отдѣльныхъ минералловъ утеряны и т. п. Затѣмъ нѣкоторая изъ коллекцій по ботаникѣ и энтомологіи, отправленная въ первые годы существованія музея разнымъ лицамъ для опредѣленія, не были возвращены въ музей и числится также утерянными.

Слѣдующею по достоинству была найдена коллекція этнографическая, но такъ какъ она образовалась изъ случайныхъ пожертвованій самаго разнообразнаго характера, то страдала и вытекающими изъ этого недостатками.

Нумизматической отдѣль образовался изъ монетъ, собранныхъ безъ всякой системы и относящихся преимущественно къ позднѣйшему времени. Къ тому же, болѣе цѣнныя монеты (золотыя и часть серебряныхъ), хранившіяся въ Троицкосавскѣ вмѣстѣ съ образцами золота, были похищены ворами.

Въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ по открытіи Отдѣленія И. Р. Г. О. коллекціями музея завѣдывала Е. Н. Соколова, а послѣ ея отъѣзда изъ Кяхты, въ августѣ 1896 г. былъ избранъ консерваторомъ музея В. С. Моллесонъ. Съ этого собственно времени начинается развитіе музея, который сталъ постепенно приращаться все новыми коллекціями, какъ пожертвованными, такъ и собранными консерваторомъ и другими лицами изъ числа членовъ Отдѣленія. Создался довольно

1) Два подвала передѣланы въ жилыя помѣщенія, сложено пять новыхъ печей, передѣланы полы и проч.

цѣнныи отдѣль по доисторической археологии, чѣмъ музей многимъ обязанъ А. И. Мостицу и И. С. Михно, доставлявшимъ коллекціи каменного вѣка, собранныя въ песчаныхъ выдувахъ, по берегамъ р.р. Селенги и Чикая, а особенно трудамъ д-ра Ю. Д. Талько-Грынцевича и Я. С. Смолева, раскопки коихъ дали много интересныхъ предметовъ изъ мѣстныхъ кургановъ. Консерваторъ музей В. С. Моллесонъ, будучи охотникомъ и прекраснымъ препараторомъ, какъ любитель природы, обращалъ особенное вниманіе на отдѣлы орнитологіи и ботаники, пополняя ихъ чучелами мѣстныхъ птицъ и гербаріями монгольской и забайкальской флоры.

Но въ самый разгаръ усиленной работы по музею и библіотекѣ, созданной трудами В. С. Моллесона изъ пожертвованій разныхъ лицъ, обществъ и учрежденій, смерть преждевременно унесла этого незамѣнимаго труженика въ ночь на 1 Января 1899 г. Въ послѣдній годъ его жизни число музейныхъ коллекцій возрасло до 1290 номеровъ (почти втрое), а число посѣтителей достигло 1702 человѣкъ.

Трудность замѣщенія должности консерватора музея поставила Отдѣленіе И. Р. Г. О. въ весьма тяжелое положеніе, и лишь черезъ 8 мѣсяцевъ (въ концѣ августа 1899 г.) выборъ иалъ на жену покойнаго, соучастницу многолѣтнихъ его экспурсій. Съ тѣхъ поръ по настоящее время музей постепенно развивается, но тѣснота помѣщенія и недостатокъ средствъ для его расширенія и капитального ремонта невольно вызываютъ опасеніе за дальнѣйшее существованіе этого скромнаго очага знаній, находящагося на далекой окраинѣ, вдали отъ научныхъ центровъ.

Общее число коллекцій музея за 19-ти лѣтній періодъ существованія Отдѣленія И. Р. Г. О. достигло 2666 номеровъ въ количествѣ 16664 экземпляровъ, т. е. увеличилось почти въ 6 разъ. Онъ распредѣляются по отдѣламъ слѣдующимъ образомъ:

въ отдѣлѣ естествознанія	1389	и. въ	8662	экз.
" антропологіи и доисто-				
рич. археологіи	295	"	3022	"
" этнографіи	629	"	3284	"
" нумизматики	272	"	1535	"
" промышленности и сель-				
скаго хозяйства	81	"	161	"

Естественно-историческія коллекціи, по мѣрѣ ихъ поступленія въ музей, отсылаются для опредѣленія разнымъ ученымъ специалистамъ, которые помѣщаютъ описанія обработанного ими материала, какъ въ „Трудахъ“ Отдѣленія, такъ и въ другихъ научныхъ изданіяхъ („Ежегодникъ“ Зоологич. Музея И. Акад. Наукъ, „Русское Энтомологич. Обозрѣніе“ и друг.).

Этнографическій отдѣлъ значительно пополнился въ 1900 году, когда д. чл. Отд. М. Г. Киселевъ пожертвовалъ въ музей вывезенную

изъ Фу-чжоу коллекцію манекеновъ южныхъ китайцевъ и моделей китайскихъ рѣчныхъ судовъ, китайскія географическія карты южныхъ провинцій и нѣсколько альбомовъ съ фотографическими снимками китайскихъ храмовъ, дворцовъ и т. п.

Кромѣ того въ китайскомъ отдѣлѣніи есть небольшая коллекція костюмовъ, украшеній, музыкальныхъ инструментовъ, художественныхъ падѣлій изъ кости, дерева, мыльного камня и фарфора; принадлежности для жертвоприношенія, модели земледѣльческихъ орудій, цѣнная коллекція разныхъ сортовъ чая и модели орудій чайнаго производства.

Въ японскомъ отдѣлѣніи, весьма небогатомъ, представляютъ интересъ манекенъ воина, образцы оружія (сабля и кинжалъ въ костяныхъ ножнахъ художественной работы), образцы дерева, японскаго печенья, художественная издѣлія (черепаховыя и металлическія, картины, лакъ).

Въ монголо-бурятскомъ отдѣлѣніи обращаютъ на себя вниманіе манекены ламы и замужней монголки, исполненные по заказу въ Цетербургѣ. Кромѣ того, коллекція типовъ (фотографіи) бурята и халхасцевъ, виды Урги, модели юртъ, налакотъ, колыбелей, образцы лекарствъ, утвари, принадлежностей костюма; монгольские и бурятскіе шахматы, монгольскій лукъ со стрѣлами, модель поѣзда амбаня и друг.

Буддизмъ и ламаизмъ представлены принадлежностями буддійскаго богослуженія и алтаря: иконы, фотографическія и скульптурныя изображенія буддъ, докшитовъ, субургановъ и другихъ священныхъ предметовъ, амулеты, музыкальные инструменты, курильницы, священные сосуды и проч. Особенный интересъ представляетъ, пожертвованная чл.-сотрудн. Отдѣленія А. Д. Корнаковой, полная коллекція принадлежностей обряда погребенія монгольского ламы-гелюна.

Благодаря тѣснотѣ помѣщенія, перечисленныя этнографическія коллекціи музея размѣщены лишь въ трехъ небольшихъ комнатахъ: въ верхнемъ этажѣ помѣщаются въ одной комнатѣ китайской и японской отдѣлы, и въ двухъ, передѣланныхъ изъ подвала, комнатахъ нижняго этажа—отдѣленіе буддійскаго культа и этнографія монголо-бурята.

Что касается другихъ народностей, то послѣднія представлены въ музеѣ весьма бѣдно. По этнографіи ороченъ имѣется всего лишь 7 предметовъ: мѣховая куртка и перчатки, коврики для посуды, берестяное ведро, модель берестяной колыбели и турсука. По этнографіи якутовъ—2 предмета: женская лѣтняя обувь и костяной гребень (складной). Изъ Якутска доставлена также лѣтняя чукотская одежда изъ рыбныхъ пузырей. Изъ Маньчжуріи имѣется 5 предметовъ: верхняя одежда бонзы, модель женскаго костюма, 2 ножа и привѣтственный адресъ (иероглифы изъ чернаго бархата наклеены на красной „канѣ“, поднесенный Россійскому генеральному консулу на селен-

шемъ г. Гирина. Изъ Кореи—черная волосяная шляпа. Изъ Средней Азии—женскій головной уборъ сартянки.

Перечисленные предметы размѣщены частью въ китайско-японскомъ, частью въ монголо-бурятскомъ отдѣленіяхъ.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о коллекціи изъ быта забайкальскихъ старообрядцевъ, т. наз. „семейскихъ“. Этаотъ небольшой отдѣлъ представленъ манекеномъ замужней старообрядки съ р. Чикоя, нѣсколькоими образцами головныхъ уборовъ¹⁾, музикальныхъ инструментовъ и предметовъ домашняго обихода. Кромѣ того есть нѣсколько старообрядческихъ иконъ, лѣстовка и подручникъ. Перечисленные предметы выставлены въ помѣщеніи отдѣла промышленности и сельскаго хозяйства.

Въ отдѣлѣ „смѣсь“ вызываютъ интересъ вещи, принадлежавшія декабристамъ Бестужевымъ, жившимъ на поселеніи въ г. Селенгинскѣ, а именно: самоваръ, деревянное оклейное бюро работы М. А. Бестужева, акварельный портретъ о. Іакинфа Бичурина и двѣ картины масляными красками работы Н. А. Бестужева.

Къ концу 1913 года этнографическій отдѣлъ Троицкосавско-Кяхтинскаго музея состоить изъ 629 номеровъ (около 3300 экземпл.). Въ томъ числѣ:

по этнографіи „семейскихъ“	19	ном.
" " бурятъ	21	"
" " монголовъ	94	"
" " китайцевъ	214	"
" " маньчжуровъ	5	"
" " японцевъ	44	"
" " корейцевъ	2	"
" " орочень	7	"
" " чукчей	1	"
" " якутовъ	2	"
" " сартовъ	1	"
по буддійскому культу	128	"
" " шаманству	6	"
чайное производство	29	"
отдѣлъ „смѣсь“	56	"

Археологическій отдѣлъ состоить изъ объектовъ доисторической культуры (каменные орудія, утварь, бронзовыя и костяные издѣлія, бусы и проч.), происходящихъ главнымъ образомъ изъ раскопокъ древнихъ могилъ, лежащихъ по теченію р. Селенги, Хилка и Джилы въ Забайкальѣ, а также изъ случайныхъ находокъ въ песчаныхъ выдувахъ по берегамъ р. Селенги и Чикоя. Представляетъ

1) Женскія кички „семейскихъ“, живущихъ по р. Чикою, отличаются по формѣ отъ кичекъ старообрядокъ съ р. Хилка.

интересъ массивный бронзовый сошникъ, найденный близъ г. Урги въ Монголії. Есть небольшія коллекціи неолитовъ изъ Минусинска, Гродненской губ. и Южной Франціи, полученные въ обмѣнъ на дубликаты археологич. коллекцій музея.

Отдѣль Антропологіи заключаетъ около 600 экземпл. человѣческихъ костей и череповъ, происходящихъ преимущественно изъ раскопокъ д-ра Ю. Д. Талько-Грынцевича.

Д-ръ Талько-Грынцевичъ (нынѣ ординар. проф. антропологіи Краковскаго университета), первый правитель дѣль Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія И. Р. Г. О., былъ въ полномъ смыслѣ слова „душию“ этого учрежденія, и въ теченіе 14 лѣтъ носилъ не мало времени, труда и заботъ на пользу и развитіе музея, ежегодно обогащая его коллекціи новыми археологическими находками. Въ музеѣ хранятся двѣ цѣнныя для специалистовъ карты, составленныя Ю. Д. на основаніи произведенныхъ имъ изысканій: 1) карта распределенія древнихъ могильниковъ въ западномъ Забайкальѣ и 2) карта распределенія народностей Центральной Азіи до временъ Чингисъ-хана.

Благодаря все той же тѣснотѣ помѣщенія перечисленный выше матеріалъ по антропологіи и археологіи размѣщенъ въ одной общей комнатѣ съ палеонтологическими коллекціями, частью на полу, что крайне затрудняетъ какъ подробный осмотръ выставленныхъ коллекцій, такъ и содержаніе ихъ въ должной чистотѣ и порядкѣ. Въ послѣдніе годы тѣснота помѣщенія стала ощущаться особенно сильно вслѣдствіе значительного прироста библіотеки Отдѣленія, занимающей третью нижняго этажа зданія музея и ежегодно пополняющейся изданіями разныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій, русскихъ и иностранныхъ, состоящихъ въ обмѣнѣ съ изданіями Отдѣленія.

Неудовлетворительность помѣщенія, занимаемаго музеемъ и библіотекой, невольно приводить къ мысли о необходимости расширить это помѣщеніе или выстроить новое зданіе. Съ этой цѣлью въ 1911 году былъ открытъ Отдѣленіемъ И. Р. Г. О. сборъ пожертвованій, давшій до сихъ поръ лишь 500 рублей, полученныхъ отъ Г. Иокровителя Приамурскаго Отдѣла шталмейстера Н. Л. Гондатти. Неоднократныя ходатайства передъ Совѣтомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ Петербургѣ относительно увеличенія правительственной субсидіи (500 р.) Троицкосавско-Кяхтинскому Отдѣленію, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не увѣнчались успѣхомъ. Между тѣмъ, въ настоящее время необходимость расширенія зданія музея и, вмѣстѣ съ тѣмъ, капитального его ремонта ощущается еще сильнѣе въ виду возрастающей ветхости зданія, угрожающей самой цѣлости и сохранности музейныхъ коллекцій.

Чтобы музей дѣйствительно могъ выполнить и осуществить тѣ цѣли, для которыхъ онъ предназначенъ, необходимо систематически пополнять его коллекціи недостающими предметами. Предстоитъ про-

должительный и упорный трудъ, нужны и значительныя денежныя средства. Интересъ къ музею растетъ, и широкіе слои мѣстнаго населенія охотно его посѣщають по воскреснымъ днямъ, когда онъ бываетъ открытъ для публики съ 11 до 2 ч. дня. Съ 1 января по 20 ноября текущаго года посѣтило музей свыше 4-хъ тысячъ человѣкъ, что для окраиннаго городка съ 10-ти тысячнымъ населеніемъ представляеть весьма солидную цифру.

Завѣдывающая музеемъ

М. Моллесонъ.

Повѣрья, примѣты и заговоры жителей Новоградъ-Волынскаго и Заставскаго уѣздовъ.

Печатаемые ниже этнографические материалы извлечены мною изъ архива Городецкаго музея (Ровенскаго уѣзда Волынск. муз.) барона Ф. Р. Штейнгель. Большая часть заговоровъ и примѣтъ собраны въ С. Посягвѣ, представляющимъ одинъ изъ глухихъ угловъ Новоградъ-Вол. уѣзда, мѣстнымъ учителемъ Павловскимъ. Населеніе С. Посягвы-малоруссы, занимающіеся по преимуществу земледѣліемъ, сохранившіе въ чистотѣ старинныя народныя возарѣнія и понятія.

Повѣрья и примѣты.

1. Если въ селѣ есть мертвецъ, то сѣять что либо въ это время не годится, т. к. растенія „войдутъ въ землю“.
2. На „проводи“ нельзя печь „млинці“ (блины), потому что „душамъ буде чадити під ніс“.
3. Въ пятницу прасть нельзя, а шить можно.
4. Гдѣ растутъ подсолнечники, тамъ не будетъ лихорадки.
5. „Треба бити жинку“,—говорятъ крестьяне, „то у нейі печинки не будутъ гнити“.
6. Во время эпизотіи, бабы въ одну ночь должны сообща скатать кусокъ полотна, сколько успѣютъ; при выгонѣ коровъ въ „чедру“, бабы заставляютъ ихъ прыгать черезъ это полотно, что предохраняетъ скотъ отъ повальныхъ болѣзней.
7. Пасха здѣсь празднуется такъ: 1-й день почти всѣ и проводятъ на церковномъ погостѣ, привѣтствуютъ другъ друга, дарятъ крашанки, на 2-й день посѣщаются кумовьевъ на дому (обычай „волочильника“); 3 день пьютъ „могоричи“, 4-й день „намскій“, (навскій) „великденъ“,—праздникъ умершихъ; на 7-й день „проводи“, служатъ панихиды въ церкви и на кладбищѣ.
8. Если бываютъ кабана, то при разборѣ мяса обращаютъ вниманіе на кабанью *косу* (селезенку), если коса одинаковой ширины во всю длину, то говорятъ, что наступающая зима будетъ продолжительна и постоянна.

9. Если во время цветения ржи и пшеницы, цветки начинают появляться снизу колоса, то съеба въ этомъ году должна быть ранняя; если же посрединѣ колосьевъ,—съеба средняя, а если колосья начинаютъ цветти сверху, то съеба должна быть поздняя. Крестьяне строго соблюдаютъ это.

10. Ранній громъ по веснѣ предвѣщаетъ холодную весну. Если кто пойметъ „зінське щеня“ и подавить его за горло, тотъ получить способность излѣчивать горловыя болѣзни у людей; для излѣченія больного слѣдуетъ только коснуться горла и болѣзнь прекратится.

11. Терличъ трава употребляется при очарованіи парней дѣвушками: онъ носять у себя эту траву за пазухой, причемъ приговариваются: „Терлич, терлич! хлопців поклич“.

12. Когда зацвѣтѣтъ макъ, то скоро и чайки улетятъ изъ здѣшней мѣстности.

13. Громъ, разразившійся въ то время, когда земля еще не отаяла, является примѣтой неурожайного лѣта.

14. „Вирій“ (водоворотъ) по народному повѣрю является мѣстомъ, куда на зиму прячутся ласточки.

15. При зѣвотѣ дѣлаютъ крестное знаменіе для того, „щоб чорт не вскочив“.

16. При икотѣ говорятъ, что въ этотъ моментъ кто-то вспоминаетъ икающаго изъ родныхъ или знакомыхъ; можно даже узнать, кто именно вспоминаетъ, для этого, задумывая отсутствующихъ, касаются слегка пальцами вѣкъ своего глаза, если при этомъ выпадетъ волосокъ, то это служитъ вѣрной примѣтой того, что задуманное лицо дѣйствительно вспоминаетъ икающаго.

17. Если у кого умираютъ дѣти, то мать обращается съ просьбой къ знакомой женщинѣ, чтобы она сшила новорожденному ребенку рубанку изъ своего материала, послѣ чего дѣти не будутъ умирать, „а будуть годуватись“. Дабы вмѣсто выпавшаго зуба выросъ новый крѣпкій, бросаютъ первый на чердакъ и приговариваются: „мишко—мишко, на тобі зuba костяного, а мені дай желізного“. Существуетъ повѣрю, что въ нѣкоторыхъ мышинныхъ гнѣздахъ находятся камушки, изгрызенные мышатами, камушки эти служить средствомъ отъ боли зубовъ.

18. *Легенда о черепахѣ и ея происхожденіи.* Жили когда-то въ одной хатѣ двѣ невѣстки, которыхъ постоянно враждовали между собой. Случилось однажды, что одна изъ невѣстокъ пригласила къ себѣ гостей, для чего и курицу зажарила. Во время угощенія является другая невѣстка и говоритъ первой: „а що же ты не подаешь курки“? „Якoi куркi?“ отвѣчаетъ та, „я не цекла“. „Коли ж-бо брешешъ, бо пекла; там въ пічі стоитъ захована, ходи покажу“—затѣмъ обѣ направились къ печи; поднявъ покрышку, которой была покрыта жареная курица,

нашли тамъ живую черепаху. „На йіж“, сказала одна изъ невѣстокъ, указывая на черепаху.

19. Нельзя одолжать мялки безъ нитки, потому-что не будуть „конопли родити“.

20. На честного Христа (14 сент.) нельзя ходить въ лѣсъ, такъ какъ тогда „ужи в вирий идуть“.

21. Если взять лягушку, то бородавки появятся на рукахъ.

22. По народнымъ понятіямъ: „скількі родится людей по ціому світі, то стилько же и вмре“.

23. При передачѣ иголки, булавки и ножницъ другому лицу, нужно предварительно слегка уколоть его, иначе лица эти между собою поссорятся.

24. При подачѣ соли во время ъды, нужно засмѣяться, чтобы не произошло ссоры.

25. При зашиваніи на себѣ одежды, нужно держать въ зубахъ какой-нибудь предметъ, „щоб розум не зашився“, т. е., чтобы не поглупѣть.

26. Въ четвергъ нельзя ничего ни съять ни садить, потому-что все будетъ съѣдено червями.

27. Когда бываетъ въ семье покойникъ, тоже ничего нельзя садить и съять, потому-что съмена сгніютъ, а не прорастутъ.

28. Кошекъ нельзя возить жеребными кобылами, „бо кобила скине лоша“.

29. Когда у покойниковъ бываютъ открыты глаза, то то служить признакомъ, что вскорѣ въ этомъ же селѣ будетъ опять покойникъ.

30. У кого умерли дѣти, то лица эти никакихъ фруктовъ не ъдятъ до 6 августа, въ противномъ случаѣ ихъ дѣтямъ будетъ тяжело „на тім світі“, имъ не дадутъ тамъ яблочка.

31. Проесфору, полученную послѣ причастія, дѣлять между родными своими и знакомыми для того, „щоб по смерти зобачитись з ними на тому світі“, говорить народъ.

32. Въ дни Пасхи ходять нѣкоторые на могилы родственниковъ своихъ и закапываютъ тамъ крашенки (яйца), „щоб покойникам було чим разговитись на тому світі“.

33. Ярчукъ. Если сука впервые родить щенятъ, то щенятъ такихъ называютъ перваками, а если сука-первакъ родить впервые щенятъ, то называютъ ихъ ярчуками. Ярчуки по народному повѣрю всегда бываютъ очень злы и смѣлы; они и вѣдьму будутъ кусать и „вовкулака“ даже.

34. Если затеряется въ домѣ веиць, то, чтобы скорѣе отыскать таковую, перевязываютъ ниткой ножку стола, а также приговариваютъ: „чортику, чортику, пограйся, та и отдай“.

35. Чтобы собаки перестали выть, нужно въ комнатѣ опрокинуть стулъ кверху ножками.

36. При пожарѣ нельзя подымать кверху руки.

37. Если ласточка влетить въ комнату черезъ окошко, то это признакъ, что въ домѣ тотъ прибудетъ новая душа, а если черезъ дверь, то убудетъ.

38. Свѣчка, сдѣланная изъ жира покойниковъ, по народнымъ повѣрьямъ, употребляется ворами для того, чтобы во время воровства никто въ домѣ не проснулся.

39. Если кто изъ семьи долго не возвращается домой, то нужно позвать его черезъ комнатную трубу, послѣ чего онъ сейчасъ прѣдѣтъ.

40. *Народное мировоззрѣніе*. Земля представляется народомъ въ видѣ круглой площади, которая всюду по краямъ сходится съ небомъ, образующимъ какъ-бы крышу надъ землею. Лежить земля на водѣ, а вода на двухъ рыбахъ: самцѣ и самкѣ; каждая изъ двухъ рыбъ держить на себѣ землю по 3 года; при чередованіи этихъ рыбъ между собою, происходитъ землетрясеніе. Звѣзды, это свѣчи, которыми ангелы освѣщаютъ небо. Если злой духъ (чортъ) зажигаетъ на небѣ и свою свѣчу, то ангелы (добрѣе духи) сейчасъ же сбрасываютъ ее на землю, почему и бываютъ видны падающія звѣзды. Молнія происходитъ отъ того, что пророкъ Илія ѿздитъ по небу на огненной колесницѣ, при чёмъ всегда присутствуютъ при немъ три ангела; одинъ изъ нихъ поддерживаетъ Илію, другой правитъ лошадьми, а третій разсѣкаетъ мечомъ облака, и тогда открывается глазамъ нашимъ видъ настоящаго неба огненнаго (молнія). Громъ происходитъ отъ того, что Богъ поражаетъ злого духа, діавола огненною стрѣлою. Луна (мѣсяцъ) каждый мѣсяцъ нарождается новая и къ концу мѣсяца сгораетъ совершенно.

Новолуніе въ народѣ извѣстно подъ именемъ „молодыка“, четверти, фазы луны,—подъ названіемъ „кватиръ“ или „квадръ“, а полнолуние—подъ названіемъ „пидновня“.

Заговоры.

1. Отъ головной боли употребляется такой заговоръ: „сходитесь горы и долины, сходитесь кости до N (имя больного) головы“; эти слова повторяются 12 разъ, причемъ голова больного повязывается „крайкой“.

2. Для прекращенія кровотеченія произносятъ слова:

„Ишовъ чернецъ черезъ ломецъ (т.-е. больное мѣсто), сіяв руту щоб не зійшла, щоб не боліло, щоб кровь не йшла“.

3. Отъ ячменя (чирея), ворожки (знахарки) лѣчать такъ: раскладываютъ зерна ячменя на 9 кучекъ, по 9 зеренъ въ каждой; потомъ берется ячмень изъ каждой кучки отдельно и сыплются на больное вѣко.

4. „Врокъ“ у дѣтей ворожея лѣчить такъ: береть стаканъ съ водой и бросаетъ туда 9 угольковъ, затѣмъ этой водой умываетъ лицо ребенка, что то нашептывая.

5. Отъ лихорадки лѣчать такъ: отыскавъ цвѣтущій экземпляръ „коровяка“ (царскій скипетръ), пригибаютъ его къ землѣ и накладываютъ камнемъ, приговаривая: „тоді тебя пущу, як перестане мене трясца трясти, як перестанут мени зуби болить“.

6. Отъ рожи читаютъ такой заговоръ:

Святый Юрій на сивому кони вийїзжає,
Трох людей встрічає:
— Куди, добри люди, идете
С топорами, с сокирами, с Божими словами?
— Ідем до Мариськи рожи вимовляти,
Несчасну от болі збавляти.
Ты рожище, ты огнище,
Мы тебе ублагаем,
Жилки и составки вимовляем,
Щоб ты тут не шумила, не буила,
Червоной крови не ссала,
На густі води, на темні лози,
Тебе, роженько, ссилаю,
Щоб ты там миць мала,
Билой кості тут не ломала“.

(Село Антонини Засл. у.).

7. Отъ рожи употребляется еще такой заговоръ:

И шла Божая матішка, золотим ціпичком пидперязана. Здивав ее Іисус Христос, питаяця: „Куда Божая матінько ходила?“—„Не питайся Сину Назаранину, ходила на Кузьму-Димяна и на три девять ангели, рожи вимовляти. Рожа костяна, рожа деревянна, рожа чорна, рожа біла, рожа раба (рябая), рожа синя, рожа зелена, рожа бишихо, рожа та, що на дереві процвітає! Я тебе вимовляю, вибавляю, от рук, от ног, от крови, от кости, от сердця, от живота; заспану, зядяну, хожану, вброжану, подумляну, чоловицку, жиноцьку, шаро-боцьку, дивоцьку, взвиткі ти взялся,— с хативъ, з вітру, планет, з димів, иди собі на пущі, очерти, болота! Тут тобі не воевати, кості не ломати, крови не розливати, состав не ломати и червоной крови не пити! Иди собі на пущі, на сухи верби, на очерета, на болота! Я тебе замовляю, вапрохаю, и на ти сторони висилаю и нехай там буде аж до страшного суду“.—(С. Юначки Великіе, Заславск. у.).

Этотъ заговоръ сообщенъ волостнымъ старшиною Д. Никитюкомъ съ характернымъ замѣчаніемъ:

„Выговариванію крестьяне безусловно вѣрять и оно помогаетъ, что на практикѣ доказано. Знахарка эта крестьянка дер. Медцовъ Сиклитина Ковалюкова“.

8. Отъ грома, молніи, огня и наводненій:

Господня оружія на дьявола трасеца, на многая,
Господь нас ради воскресав
И своим чудом небо и землю потрасав.
Теперь грішнику ця кара посылаеця!
Че вин не опамятаеця.
Присвята Діва на Сіянській горі спала
И дивий сон видала,
Цо їїи сина грішники брали
На хресті распинали,
Червиву гиву (?) за ногти гнали,
Терновій виночек на голову клали.
Мати ж моя злюблена,
Сердцем сокрушенна —
Не дивись на мою муку,
Визьми Христа в руку.
Хто ці слова буде говорити
Того не буде гrim бити,
Той не буде в огнях погорати,
В водах потопати,
И Сам Бог у него буде в головах стояти!..

(С. Антонины Засл. у.)

9. Отъ „пристріта“: „замовляю пристріт из води из хмари, из бури из пламені, пичний, димний, от раба Божого Гордія от сердца, от души, от печени, от ялітей, от ундроб и всяких жил“.

Заговоры сопровождаются молитвами: „Отче нашъ“ и „Богородице дъво“. Повторяются они для вящего успеха по 3 раза, по 9 и даже по 70 разъ.

Сообщилъ Ив. Абрамовъ.

Способъ умыканія невѣстъ среди вотяковъ Елабуж- скаго уѣзда.

Свадебные обряды у вотяковъ въ общихъ чертахъ своихъ повсемѣстно сходятся. По смыслу, многіе обряды при свадьбѣ, вмѣстѣ съ обильными слезами невѣсты, служатъ выраженіемъ жалости и сожалѣнія ко всему родному—дому, мѣсту, гдѣ проведена молодость. Чувствуется въ искреннихъ слезахъ невѣсты и инстинктивный страхъ за будущее, страхъ предстоящей борьбы со свекровью, совмѣстная жизнь съ которой часто является жизнью въ берлогѣ двухъ медвѣдицъ.

Роль жениха на свадьбахъ почти ни въ чёмъ не выражается. Его присутствіе обязательно только при вѣнчаніи—тамъ, гдѣ принято вѣнчаться при свадьбѣ же. Вѣнчаніе случаетъ женихи даже не находятъ нужнымъ одѣться въ чистую праздничную одежду, такъ какъ на пирахъ вовсе не присутствуютъ. Комиченъ фактъ, бывшій въ одной деревнѣ Елабужскаго уѣзда: пока родственники ъѣздили за невѣстой, женихъ проработалъ въ лѣсу; пока же пировали въ домѣ жениха, онъ пролежалъ на полатяхъ въ другой избѣ. Положимъ, фактъ этотъ исключительный: жениху щель только восемнадцатый годъ, и онъ выглядывалъ мальчикомъ; женился не онъ, женили его родители: для дома нужна была работница. Однако и въ другихъ случаѣахъ женихи—если не ъѣзжать въ лѣсъ и не лежать на полатяхъ, то активнаго участія на свадьбѣ не принимаютъ. — Подробности вотяцкихъ свадебныхъ обрядовъ не разъ уже описывались различными этнографами¹⁾, и потому здѣсь я нераспространяюсь о нихъ.

Особенный интересъ представляеть способъ умыканія невѣстъ, часто практикуемый среди вотяковъ Елабужскаго уѣзда. Молодежь среди нихъ вполнѣ свободна въ своихъ сношеніяхъ. Отъ этого многія дѣвушки еще до брака имѣютъ дѣтей. Такой легкій взглядъ на физическую чистоту объясняется тѣмъ, что родившихъ или беременныхъ, вотячекъ нерѣдко охотнѣе берутъ замужъ. Можно предположить, что причина послѣдняго заключается въ томъ, что вотяки по природной чертѣ характера склонны къ семейной жизни, а

¹⁾ Существуетъ отдѣльная брошюра о свадебныхъ обрядахъ вотяковъ Казанскаго уѣзда Багина. О свадебныхъ же обрядахъ имѣется отдѣльная статья въ книгѣ Гаврилова: „Произведенія народной словесности среди вотяковъ“.

беременность служить доказательствомъ способности дѣвушки къ дѣтожденію ¹⁾.

Однако, христіанское пониманіе виѣбрачнаго сожительства, какъ безнравственности, начинаетъ постепенно прививаться къ міровоззрѣнію вотяка. Съ этой точки зрењія, беременная или родившая дѣвушка въ семье родителей дѣлается, если не лишнимъ членомъ, то павшимъ, достойнымъ сожалѣнія. Дѣвушка, очутившаяся въ такомъ положеніи, не дѣлается уже разборчивой невѣстой—часто богатыя выходятъ за бѣдныхъ. Женихи пользуются такимъ случаемъ, такъ какъ имъ тутъ не приходится или почти не приходится платить калыму.

Вотъ въ этихъ случаяхъ чаше практикуется способъ умыканія. Какъ только распространится слухъ о беременности той или иной дѣвушки, она становится уже беспокойною — боится выходить на игрища. Характеренъ способъ умыканія тѣмъ, что часто дѣвушка не знаетъ, что ее увезутъ и къ кому увезутъ. Желающій жениться находится скоро и ждетъ только случая умчать. Умыкаютъ невѣсту обыкновенно въ праздники во время „юмшана“, какъ вотяки называютъ увеселенія молодежи, происходящія чаше ночью на улицахъ и выражаящіяся въ пляскѣ подъ звуки „гармошки“. Умыкать невѣсту помогаютъ жениху его товарищи.—Разъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ умыканія.

Была праздничная ночь. На улицѣ стоялъ шумъ, хохотъ, крики, пискъ гармошки, пляска. Послышался звонъ колокольчика. Въ увлеченіи молодежь на это не обратила вниманія. Ёдущіе, два парня, прежде чѣмъ толпа успѣла сообразить въ чемъ дѣло, схватили заранѣе намѣченную жертву, посадили въ тарантасъ, и колокольчикъ вновь загремѣлъ. Съ первого момента я даже не понялъ, въ чемъ дѣло. Уже послѣ объяснили мнѣ, что увезли невѣсту.

Схваченная дѣвушка тогда только узнаетъ свою участь, когда привезутъ ее къ жениху. Чтобы она не сбѣжалась, ее запираютъ лѣтомъ въ клѣть, а зимой въ избу, нерѣдко вмѣстѣ съ женихомъ. Беременная дѣвушка, помня свое положеніе и не ожидая лучшей участіи, рѣдко протестуетъ противъ такого насилия. Смирившаяся дѣвушка на другой же день уже хоаяйка въ домѣ жениха; но не смирившаяся старается въ возможныхъ случаяхъ до вѣнца сбѣжать, и убѣгааетъ. Одинъ женихъ два раза умыкалъ, и въ оба раза невѣсты сбѣжали. Послѣдняя сбѣжала, проживъ полгода съ женихомъ.

Бываетъ и такъ, что женихъ съ невѣстой заранѣе уговорятся; тогда умыканіе практикуется только съ цѣлью избѣжать обычныхъ свадебныхъ расходовъ.

1) Послѣдствія свободныхъ сношеній до замужества не преминули сказаться. Среди вотяковъ Сарапульскаго уѣзда сильно распространены венерическія болѣзни, привезенные, вѣроятно, со службы солдатами.

Бываетъ, что и невинныхъ дѣвушекъ умыкаютъ насильно, безъ вѣдома ихъ. Но въ этихъ случаяхъ чаше встрѣчается сильный протестъ со стороны умыкаемыхъ, рѣшающихся всѣми мѣрами спасти свою честь и свободу.

Былъ такой случай. Одна дѣвушка понравилась парню изъ сосѣдней деревни, отстоящей въ 7 верстахъ. Не надѣясь на ея согласіе, рѣшилъ онъ ее умчать. Для этого было выбрано время общественнаго моленія, которое должно было произойти въ скоромъ времени и гдѣ должна была быть и намѣченная дѣвушка. Когда пріѣхали за дѣвушкой, она подъ горой на рѣчкѣ мыла почки жертвеннаго животнаго (мѣсто моленія было на горѣ). Одна изъ подругъ ея догадалась предупредить ее. Тогда она тотчасъ забросила свое дѣло, и вдоль по рѣчкѣ, по болоту да по грязи, уѣжала въ деревню, гдѣ и заперлась въ клѣтъ. Пріѣхавши за невѣстой догадались въ чемъ дѣло, поскакали скорѣе въ деревню, проѣхали вдоль всей деревни, невѣсты не нашли, и вернулись ни съ чѣмъ. Тогда женихъ заслалъ сватовъ, чтобы свадьбу справить обыкновеннымъ порядкомъ. Невѣста отказалась, но братъ ея рѣшился насильно выдать (отца не было въ живыхъ). Пропили, накупили матеріи и оставили невѣstu для питья на нѣсколько недѣль въ домѣ брата. Между тѣмъ невѣста тайно послала свою подругу въ другую сосѣднюю деревню сказать тамъ одному парню, который ей правился, что она выйдетъ за него замужъ, если онъ согласенъ взять ее. Парень согласился. Въ тотъ же день изъ той деревни пришли двѣ дѣвушки, и невѣста вмѣстѣ съ ними тайно отъ родныхъ ушла въ домъ ко второму жениху. Первый женихъ, узнавъ какимъ-то образомъ о продѣлкахъ дѣвушки, пріѣхалъ къ роднымъ ея, переполошилъ всѣхъ и вмѣстѣ съ ними поѣхалъ искать ее въ другую деревню, гдѣ и нашли ее, отъ испуга спрятавшуюся въ подпольѣ у второго жениха. Ее тотчасъ же повезли въ домъ первого жениха и, чтобы она впередъ не пыталась сбѣжать, тогда же мимоѣзомъ обвѣнчали въ приходскомъ храмѣ.

Настоящій фактъ передавала сама пострадавшая, повидимому, успѣвшая уже примириться со своимъ положеніемъ.

Примѣчаніе. Настоящія свѣдѣнія собраны въ дер. Комякѣ Можгинской вол. Елабужскаго у. Вятской губерніи; лица, съ которыми произошли описываемые здѣсь факты, живы и въ настоящее время.

Казань. 1914.

И. В. Яновлевъ.

Вотяцкія легенды,

записанныя въ Поршурекомъ приходѣ Елабужекаго
уѣзда Вятской губерніи въ 1902 и 1903 году.

(Записалъ и перевелъ *Ив. В. Яковлевъ*).

Пять настоящихъ легендъ (№№ 1, 3—6) записаны со словъ вотяка 45-ти лѣтъ, находящагося въ переходномъ состояніи отъ язычества къ христіанству¹⁾. Это—большой любитель сказокъ и легендъ—радъ послушать и самъ поразсказать. Будучи самъ неграмотнымъ, онъ съ книжкой ходить по сосѣдямъ-грамотѣямъ и просить ихъ почитать ему. Настоящія легенды онъ выслушалъ, по его словамъ „отъ старииковъ“.—Легенда о „появлѣніи свѣта“ (№ 2) записана со словъ „восяся“—жреца, главнаго лица на общественныхъ языческихъ моленіяхъ; это былъ крещеный вотякъ, но онъ въ церковь не ходилъ и языческую вѣру называлъ „Абраамовой“.

1. Происхожденіе горъ.

Давнымъ давно, много тысячъ лѣтъ тому назадъ, не было еще земли, не было и живыхъ существъ. Былъ только одинъ всемогущій Богъ и его противникъ діаволъ (шайтанъ). На мѣстѣ земли волновалось одно безбрежное море-океанъ. Рѣшилъ Богъ создать землю, чтобы потомъ гдѣ было жить человѣку и животнымъ. Сѣлъ Богъ въ маленькую каменную лодку, а вслѣдъ за нимъ поплылъ и противникъ его—діаволъ. Сказалъ Богъ діаволу: „достань земли со дна воды!“ Нырнулъ діаволъ до дна и принесъ въ горстяхъ земли. Взялъ Богъ землю отъ діавола и началъ сѣять ее по водѣ. Вышла земля вся, и Богъ вторично повелѣлъ діаволу достать земли со дна. Досталъ діаволъ, но всю землю не отдалъ Богу—часть ея утаилъ: оставилъ во рту у себя, чтобы потомъ дѣлать то же, что будетъ и Богъ дѣлать. Богъ опять посѣялъ эту землю по водѣ. Затѣмъ Всеизѣдущій, зная лукавство діавола, сказалъ ему: „всю ли землю, что досталъ со дна воды, ты отдалъ мнѣ?“

¹⁾ Религіозныя исканія этого вотяка описаны мною въ статьѣ „Изъ записокъ инородческаго миссіонера“ (Русская Школа 1907 г. и отдельно—въ сборникѣ моихъ статей „Современные вопросы инородческаго просвѣщенія“). (И. Я.).

Привыкшій къ постоянной лжи діаволъ скрылъ и на этотъ разъ истину и не сознался, что часть земли оставилъ во рту. Тогда Богъ благословилъ посѣянную землю, и земля начала расти и увеличиваться и покрывать собой воду. Но вмѣстѣ съ этой землей начала расти земля и во рту діавола. Не можетъ діаволъ говорить. Наконецъ, задыхаясь, сталъ онъ знаками просить у Бога помощи. Всегда добрый Богъ и здѣсь пожалѣлъ діавола. Повелѣлъ Онъ ему скорѣе изо рта выбрасывать землю. Началъ діаволъ вытаскивать землю изо рта комьями и бросать ихъ какъ попало... Земля на водѣ межъ тѣмъ росла и росла и покрыла собой всѣ воды, кроме рѣкъ и озеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ начали расти и комья, разбросанные діаволомъ, и превратились въ высокія дикія горы. Такъ появились у насъ на землѣ горы и неровности. Виновникъ ихъ появленія—діаволъ. Потому мы и теперь при подъемѣ и спускѣ съ горъ безсознательно поминаемъ имя виновника, діавола-чорта: „Экъ, чортъ, кыче жужыт!“ (какъ высоко, чортъ возьми!)... „Чортъ побери, какъ тяжело подниматься!“.. Такъ вѣчно отъ діавола исходитъ одно зло,—и тогда и теперь онъ нась не оставляетъ въ покоѣ.

2. Появленіе свѣта.

Много времени прошло послѣ сотворенія земли. Всѣ народы, какіе существуютъ на землѣ, были уже созданы. Не было только одного свѣта. Кругомъ была тьма. Собрались разъ народы и стали думать, какъ бы испросить у Бога свѣта. Рѣшили народы всякъ по своему умѣнію молиться. Первые начали молиться русскіе. Богъ не далъ свѣта. Молились потомъ черемисы, молились чувавши, татары. Не появлялся свѣтъ. Оставались одни вотяки. Начали послѣдними они молиться, животныхъ закалать. Закололи двѣнадцать жеребятъ—заялась заря; начали варить жертвы—показалось солнце; стали молиться („курыны“)—солнце поднялось на небо, и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени продолжаетъ оно съ утра до вечера освѣщать землю.

3. Происхожденіе табака и трубки.

„Было время, когда вотяки жили отъ русскихъ отдѣльно и не имѣли понятія ни о табакѣ, ни о трубкѣ. Вотяки народъ былъ здоровый и полный. Но русскіе взяли вотяковъ подъ свою руку, стали молодыхъ изъ нихъ въ солдаты забирать. Схватятъ молодого человѣка, отнимутъ его отъ отца—матери и ушлютъ туда, куда самъ русскій царь не ѻздитъ никогда.

Жилъ въ нашей деревнѣ вотякъ по имени Агдыльманъ. Былъ здоровый, толстый, по два мѣшка хлѣба подъ мышкой таскалъ. Всѣ молодыя вотяночки заглядывались на него и сами подсыпали свахъ: не хочетъ ли онъ жениться на такой то. Но Агдыльманъ не торопился жениться, точно предчувствовалъ, что не суждено ему будеть съ женой дома жить. И точно, скоро бѣда пагрянула.

Взяли Агдыльмана въ солдаты, забрили лобъ ему и отправили его такъ далеко, что онъ не могъ указать, въ какой сторонѣ его родина осталась. Уже возвратившись домой, рассказывалъ Агдыльманъ, что служилъ онъ гдѣ-то далеко, въ одномъ городѣ, гдѣ и зимы-то какъ слѣдуетъ не бываетъ, а лѣтомъ такъ жарко, выйти боишься.— „Должно быть оттуда до ада недалеко, оттого тамъ сильно и печеть“,— догадывались вотяки однодеревенцы, слушая разсказъ Агдыльмана.

Прослужилъ Агдыльманъ нѣсколько лѣтъ, выучился по-русски говорить, и немногого ему осталось служить. Идеть онъ разъ по городу, а навстрѣчу ему человѣкъ, черный, въ странной одеждѣ. Во рту у него какая то палочка съ утолщеннымъ концомъ, откуда такъ и валить дымъ; а дымъ этотъ былъ такой, что когда Агдыльманъ проходя мимо него хотѣлъ вдохнуть и нечаянно вдохнулъ дымъ, такъ заикался, что въ глазахъ синіе кружки пошли. Удивился Агдыльманъ такой силѣ дыма, рѣшился разспросить онъ человѣка и подошелъ къ нему. (Не зналъ Агдыльманъ, что это былъ чортъ, не зналъ и того, что плохо ему будетъ отъ него).

— „Что это за машина, баринъ?“ спросилъ его Агдыльманъ.

— „Это трубка“, отвѣчалъ чортъ.

— „А какая отъ нея польза, зачѣмъ она нужна?“ разспрашивалъ Агдыльманъ.

— „Видиши ли—началь объяснять чортъ:—на толстый конецъ трубки накладывають растеніе, а растеніе это называется табакомъ; потомъ этотъ табакъ закуриваютъ, и онъ начинаетъ дымить. И тя-нешь этотъ дымъ въ себя. Въ этомъ то дымѣ вся сила и заключается. Онъ заставляетъ сильнѣе сердце биться, облегчаетъ болѣзни, тоску-кручину отгоняетъ, и въ одиночествѣ веселитъ. Вотъ какую силу имѣеть дымъ отъ табака!“

— „Откуда же самъ табакъ добывается? У насть, помнится, не было такого растенія“,—продолжалъ разспрашивать Агдыльманъ.

— „Этотъ табакъ недавно на землѣ сталъ расти, и то не вездѣ. Можетъ быть и тебѣ нужно его? Я дамъ тебѣ его даромъ. Да и какъ не дать такому молодцу, какъ ты. Придешь домой, посѣшь табакъ, научишь и другихъ курить, и спасибо скажутъ тебѣ несчастные, оди-нокіе“,—объяснилъ чортъ.

Убѣдился Агдыльманъ этими доводами, да и самому тоску хотѣлось отогнать отъ себя,—такъ сильно въ послѣднее время онъ началъ скучать,—взялъ Агдыльманъ отъ чорта трубку и табакъ и тутъ

же закурилъ. А какъ закурилъ, такъ весело ему стало, что онъ чуть было не запѣлъ свою давно забытую родную грустнаго напѣва пѣсню, гдѣ свѣтлосиніе глаза вотяночки сравниваются съ синими цвѣтками въ поляхъ, а ихъ бѣлокурые волосы—съ чесанымъ льномъ,—но остановился, вспомнивъ, что онъ солдатъ да и въ городѣ находится.

Съ тѣхъ поръ Агдыльманъ началъ курить, и до самой смерти не бросалъ—не могъ прожить безъ табака и одного дня. Воротился Агдыльманъ на родину, да ужъ не тотъ Агдыльманъ: вмѣсто румянца на лицѣ однѣ кости, скулы повыдались, глаза потускнѣли, подбородокъ жиidenькой шерстью обросъ. Пожалуй бы и невѣсты не пошли за него замужъ, если бы онъ вздумалъ жениться. Воротившись домой, Агдыльманъ стала на огородѣ табакъ разводить, научилъ и однодеревенцевъ курить. Удивительно то, что кто ни начнетъ курить, никакъ не можетъ отстать. Скоро всѣ вотяки привыкли курить, только старики въ первое время воздерживались; теперь и старики сплошь и рядомъ курятъ.

Между тѣмъ Агдыльманъ на родинѣ не только не поправлялся, но съ каждымъ днемъ становился все хуже и хуже. Его постоянно мутилъ кашель съ мокротой. Подъ конецъ изъ горла стала показываться кровь. Силы его оставили, и онъ слегъ въ постель. Будучи въ постели, захотѣлъ Агдыльманъ узнать, съ чего это приключилась съ нимъ такая невиданная и неслыханная болѣзнь. Призвалъ онъ къ себѣ всезнающаго „тuno“ (ворожеца) и тутъ кстати разсказалъ ему исторію съ табакомъ на службѣ. А когда Агдыльманъ описалъ, отъ какого человѣка онъ принялъ табакъ, такъ „тuno“ руками замахалъ и сталъ произносить свои заклинанія. „Тuno“ объяснилъ Агдыльману, что табакъ онъ получилъ отъ чорта и что самому „тuno“ нерѣдко случалось видѣть чорта въ такомъ же видѣ, какимъ описалъ его Агдыльманъ, и болѣзнь-то, навѣрное, произошла отъ чортовой травы—табака.

Горько стало Агдыльману, когда узналъ, что онъ, по невѣдѣнію своему, непосредственно отъ чорта передалъ зло народу; тѣмъ болѣе стало горько, что онъ не въ силахъ остановить распространеніе этого ала и самъ даже погибаетъ отъ него. Развѣ только послѣднее да еще невѣдѣніе его будетъ служить ему оправданіемъ предъ Богомъ. Больно становилось ему, какъ бывало вспомнить, что сѣмена табака принесены были изъ ада. Отъ думъ еще хуже стало Агдыльману, и скоро его не стало въ живыхъ”...

Такъ закончилъ разсказъ старикъ-вотякъ и, неодобрительно покачавъ головой, прибавилъ еще: „Не знаю, простить ли ему Богъ на томъ свѣтѣ, хотя и по невѣдѣнію дѣлалъ онъ зло. Ужъ больно много зла отъ него стало на землѣ. Вотъ мой сынъ тоже курить, тоже что-то слабъ здоровьемъ. Да и самъ я въ молодости курилъ, но, слава Богу, сумѣлъ во время бросить“.

4. Вотякъ и богатырь.

Въ прежнее время на землѣ не было такихъ людей, каковы теперь мы. Населяли ее какіе-то великаны полулюди — Алангасары. Одинъ изъ этихъ великановъ со своею матерью жилъ въ лѣсу въ то время, когда на землѣ стали появляться настоящіе люди. Алангасаръ былъ вышиною аршинъ десять. Стали около него селиться изрѣдка вотяки. Алангасаръ вотяковъ принялъ за одну изъ породъ птицъ. Идетъ онъ разъ по лѣсу и видитъ — вотякъ долбить дерево, корыто себѣ дѣлаетъ. Алангасаръ подумалъ, что это дятель дерево долбить, схватилъ его, положилъ въ карманъ и принесъ домой. Дома онъ сталъ показывать матери: „смотри-ка, какого я дятла поймалъ“. Тогда мать говоритъ ему: „это не дятель, глупый ты мой, а новый человѣкъ; скоро насы на землѣ совсѣмъ не будетъ, наше мѣсто займутъ они; ступай оставь его тамъ, откуда взялъ“. Алангасаръ отнесъ вотяка обратно и оставилъ на прежнемъ мѣстѣ. Скоро Алангасаръ опять встрѣтился съ вотякомъ и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Въ концѣ разговора онъ сталъ его звать къ себѣ въ работники. Вотякъ согласился и пошелъ за Алангасаромъ. Дорогой Алангасаръ вырвалъ съ корнемъ огромную ель и понесъ ее домой на топливо, заставивъ и вотяка помогать себѣ. Алангасаръ шелъ впереди и несъ ель за вершину, а вотякъ сзади у корня — вмѣсто того, чтобы нести, подѣхалъ верхомъ на кориѣ и пѣсни запѣлъ. Какъ только Алангасаръ обернется, онъ соскочить съ корня, подставить плечо подъ ель да еще попукаетъ Алангасара: „ну, иди же, иди скорѣе“. Утомился Алангасаръ, а вотякъ все еще пѣсни распѣваетъ. Дивится Алангасаръ, какъ это въ такомъ маленькомъ существѣ такая сила, что зависъ береть. Пришли домой, поужинали, и утомленный Алангасаръ легъ спать. Легъ и вотякъ. Но не можетъ уснуть Алангасаръ — все его вотякъ со своей необъятной силой тревожить. Рѣшился онъ убить его. Вышелъ тихонько на дворъ и принесъ со двора бревно. А вотякъ догадливъ былъ: положилъ на мѣсто себя чурбанъ, кафтаномъ своимъ прикрылъ, а самъ улегся подъ печь. Ударилъ Алангасаръ бревномъ по чурбану — чурбанъ до потолка чуть не вспрыгнулъ. Ударилъ Алангасаръ еще раза два и, думая, что вотякъ убить уже, легъ спать. Тогда вотякъ вылезъ изъ подъ печи и улегся на постели. Проснувшись утромъ, Алангасаръ къ своему удивленію видѣть, что вотякъ живъ еще. Началъ онъ спрашивать вотяка, что ему во снѣ приснилось. Вотякъ отвѣчалъ: „видѣлъ, что меня кто то не то пальцемъ щелкалъ, не то прутомъ хлесталъ“. Испугался Алангасаръ такой силы вотяка и сталъ отсыпать его домой. А вотякъ ему говорить: „я тебѣ поработалъ“, поработай теперь ты мнѣ. Дѣлать нечего, послушаться вотяка-силача опасно, и пошелъ Алангасаръ за вотякомъ. Въ этотъ день вычистили

они большую площадь лѣса подъ пашню. Вотякъ только указываетъ, что и какъ дѣлать, а работаетъ все Алангасарь. Вечеромъ пошли къ вотяку ужинать. Вотякъ спрашиваетъ жену: „приготовила ты намъ ужинъ?“ Она отвѣчаетъ: „я ждала отъ тебя мяса свѣжаго“. Тогда вотякъ говоритъ: „вотъ я поймалъ большого звѣря, заколемъ его“. Испугался Алангасарь этихъ словъ и пустился бѣжать, позабывъ ужинъ и усталость. А вотякъ радъ, что легко отвязался отъ великаны-богатыря.—Такъ то вотъ, хотя люди въ прежнее время были и сильнѣе и здоровѣе, да догадки мало было, а теперь у маленькихъ слабыхъ людей ума оказывается больше. Такъ и должно быть: гдѣ сила не беретъ, тамъ умомъ возьметъ.

5. Отъ діавола зло.

Жили два брата. Старшій изъ нихъ былъ женатъ. Сталъ онъ младшаго брата обижать. Тяжело показалось младшему жить съ братомъ, и онъ ушелъ отъ него. Шелъ, шелъ онъ, зашелъ въ лѣсъ; стало вечерѣть, ноги устали. Легъ онъ подъ дубомъ на соломѣ и заснулъ. Ровно въ полночь прилетаетъ на этотъ дубъ „пери“ (діаволь). „У-у... ты здѣсь?“ разнесся его дикий голосъ по уснувшему лѣсу такъ, что весь лѣсъ застоналъ. Отвѣта не послѣдовало. Младшій братъ проснулся отъ этого крика и, боясь показаться на глаза пѣри, прислонился къ дубу и сталъ сидѣть ни живъ, ни мертвъ. Скоро недалеко послышался отвѣтный крикъ, и къ дубу подлетѣль другой пери. Сквозь вѣтки деревьевъ младшему брату удалось разглядѣть подлетавшаго иери. Весь онъ былъ черный, глаза сверкали огнемъ, голова отъ густыхъ волосъ казалась большою, на рукахъ и ногахъ вместо ногтей виднѣлись когти.

— „Ну, что ты успѣлъ сдѣлать за послѣднее время?“ спросилъ первый иери подлетѣвшаго.

— „Одинъ мужикъ—началъ разсказывать подлетѣвшій—умываясь, незамѣтно изъ грудного кармана въ лохань уронилъ кошелекъ съ деньгами. Помон изъ лохани потомъ вылили на дворъ, и деньги эти вмѣстѣ съ помоями проглотила бѣлая корова. Послѣ мужикъ спохватился денегъ, сталъ искать и не могъ найти. Деньги для мужика были большія, все сбереженіе было тутъ. Пошелъ онъ къ „туно“ гадать, куда пропали деньги. Туно я внушилъ сказать, что деньги у мужика украдены однимъ изъ его семьи. Мужикъ заподозрилъ свою сноху и сталъ пытать ее, а такъ какъ та не сознается, то мужикъ въ сердцахъ рѣшилъ убить ее. Вотъ радость-то для нась, однимъ грѣшникомъ больше будетъ... Ну, ты какъ?“

Сталъ говорить первый иери: „Одинъ купецъ строить плотину. Сколько днемъ выстроить, то ночью я прорываю. И такъ вотъ ужъ

нѣсколько дній подъ рядъ. Выведу его изъ терпѣнія. Согрѣшить онъ, не стерпить“.

— „А могутъ ли тебѣ помѣшать въ этомъ дѣлѣ?“

— „Могутъ. Стоитъ только найти „никаноровъ крестъ“ (траву¹) и положить его въ основаніе плотины— моему дѣлу конецъ. Кто только можетъ догадаться объ этомъ?“

Весь разговоръ этотъ слышалъ сидящій въ страхѣ подъ дубомъ младшій братъ. Рѣшился онъ разстроить козни пери— помочь мужику и купцу и себѣ этимъ что-нибудь выгадать. Пошелъ онъ къ потерявшему деньги мужику, вызвался найти потерянныя деньги и за услугу сталъ просить половину найденныхъ. Мужикъ обѣщалъ—все равно одному ему было не найти. Велѣлъ младшій братъ заколоть бѣлую корову и распороть ей животъ. Усумнился мужикъ: „ты мнѣ только корову испортишь: вѣдь туно сказалъ, что деньги украдены“. Но младшій братъ настоялъ на томъ, чтобы закололи корову. Во внутренностяхъ коровы действительно нашли деньги и раздѣлили пополамъ. Денегъ всего оказалось 500 рублей. Съ тѣхъ поръ мужикъ пересталъ вѣрить „туно“.

Тогда младшій братъ отыскалъ „никаноровъ крестъ“, помогъ купцу плотину устроить и за услугу тоже получилъ вознагражденіе. Разбогатѣвъ, младшій братъ вернулся домой. Сталъ старшій братъ разсирашивать, откуда онъ досталъ столько денегъ. Тотъ говорить ему: „Ступай, послушай въ лѣсу подъ дубомъ и узнаешь, какъ достать деньги“. Пошелъ старшій братъ и легъ подъ дубомъ. Въ полночь пери опять сошлись и начали говорить: „Плохи дѣла: кто то насъ подслушалъ и испортилъ наше дѣло. Надо осмотрѣть кругомъ, нѣть ли кого опять“. Нашли они подъ дубомъ старшаго брата. и тутъ соннаго его и замучили.

6. Въ мірѣ грѣхъ.

Жилъ въ одной деревнѣ старикъ. Сынъ и сноха у него умерли. Оставался только одинъ малолѣтній внучекъ. Тяжело показалось старику жить среди людей, гдѣ каждый тѣмъ и живеть, что у слабаго кусокъ почти изо рта вырывается. Жаль было ему и внучка, которому, прежде чѣмъ научиться отличать правую руку отъ лѣвой, пришлось бы испытать горечь жизни. Вѣдь некому его защитить. Ушелъ старикъ со внукомъ вмѣстѣ въ пустынію. Когда подросъ внукъ, старикъ рѣшился показать ему міръ. Пошли въ деревню, гдѣ раньше жили, и дорогой зашли въ кузницу. Кузнецъ началъ ковать раскаленное до бѣла желѣзо, и искры посыпались во всѣ стороны.

1) Вотяцкаго названія этой травы рассказчикъ не зналъ; цвѣтокъ у травы отличается крестообразнымъ строеніемъ лепестковъ.

Мальчикъ заинтересовался блестящими точками—искорками и сталъ ловить ихъ голыми руками. Кузнецъ закричалъ: „брось, обожжешься!“ Мальчикъ началъ спрашивать у дѣда: „что онъ, дѣдъ, говоритъ?“ Чистъ и безгрѣшенъ былъ онъ и грѣха не зналъ, а потому и искры не дѣйствовали на него. Отъ кузницы пошли они дальше. Видя—женщина несетъ воду съ рѣки. Мальчикъ спросилъ у дѣда: „какое это, дѣдъ, существо идетъ?“—„Это твоя тетка, она твоей матери сестра“.—Ребенокъ удовлетворился отвѣтомъ, хотя изъ сказаннаго ничего не понялъ.

Такъ они обошли всю деревню. Каждый вновь видимый предметъ возбуждалъ любопытство ребенка, и на каждый изъ вопросовъ внука дѣдъ давалъ объясненіе или дѣлалъ замѣчаніе. На обратномъ пути они опять зашли въ кузницу. Мальчикъ, какъ и прежде, хотѣлъ схватить сыплющіяся искры, но обжегся. Вотъ что значитъ побывать въ мірѣ, узнать міръ. Въ мірѣ грѣхъ. Невинный ребенокъ, и totъ успѣлъ, хотя мысленно, заразиться грѣхомъ. Самый воздухъ въ мірѣ вреденъ.

И. В. Яковлевъ.

Изгнаніе шайтана у вотяковъ.

Въ этнографической литературѣ есть указанія объ обычаяхъ изгнанія шайтана у вотяковъ¹⁾), но подробнаго описанія этого обряда нигдѣ нѣтъ. Мои личныя наблюденія этого обычая относятся къ дер. Кизекову, Алнашской вол., Елабужскаго уѣзда, Вятской губ.; кроме того, я пользуюсь разсказомъ воспитанника Казанской Учительской Семинарии Алексея Тихомирова, который лично видѣлъ совершеніе этого обряда въ дер. Иштугановъ Починокъ, Старо-Юмынинской вол., Мамадышскаго уѣзда, Казанской губ. Эти источники даютъ мнѣ возможность описать изгнаніе шайтана болѣе или менѣе подробно.

Сначала я опишу изгнаніе шайтана (шайтан ульльян) въ дер. Кизековъ, а потомъ, въ видѣ добавленія, опишу этотъ же обычай въ дер. Иштугановъ Починокъ.

Изгнаніе шайтана въ дер. Кизековъ бываетъ въ великий четвергъ. Молодежь въ этотъ день съ утра приготовляется: кто готовить колотушку, трещетку, кто—бересту и бумагу. Колотушка (нушки) дѣлается изъ обрубка бревна: обрубокъ, толщиною 3—4 вершка и высотою 2 или болѣе вершка, просверливается, и въ отверстіе вдѣлывается палка, служащая рукояткой; трещетка (тырэтон) имѣеть видъ ящичка, съ двухъ сторонъ открытаго; съ третьей стороны къ такому ящичку придѣлывается рукоятка, а съ четвертой—прикрѣпляется веревочка съ тяжестью; когда, держа за рукоятку, ящичкомъ машутъ, то веревочка раскачивается и ударяетъ тяжестью то въ дно, то въ крышку пустого ящичка, отчего и получается своеобразный шумъ. Для бересты мальчики нарочно ходятъ въ лѣсъ и потомъ раздаютъ ее тѣмъ изъ старшихъ, которые собираются итти на изгнаніе шайтана.

Съ наступленіемъ вечера начинаютъ собираться гдѣ-нибудь на улицѣ. Каждый беретъ съ собой дубину или палку. Карманы и пазухи набиты почти у всѣхъ берестой и бумагой, разорванной на кусочки. Накапливается человѣкъ 20 или 30. Кто-нибудь беретъ свою лампу, и тогда всѣ направляются въ баню. Народу становится все больше и больше. Наконецъ, баня наполняется²⁾, и иѣкоторымъ, за немѣніемъ

1) В. Бехтеревъ, Вотяки (Вѣстн. Евр. 1880, № 9, с. 161).

2) Нужно замѣтить, что вотяцкія бани строятся гораздо больше, чѣмъ русскія деревенскія бани: у вотяковъ въ одной банѣ обычно моются 4—5 семей сразу—сначала мужчины, а потомъ женщины.

мѣста, приходится стоять у входа. Сюда приходятъ не только молодые, но и пожилые, хотя стариковъ не бываетъ. Вскорѣ начинается игра во взносы податей (по-вотяцки выт тырон).—Надо сказать, что обрядъ изгнанія шайтана распадается на игры и собственно изгнаніе.

Игра во взносы податей происходитъ такъ. Описанное выше собраніе выбираетъ изъ своей среды „царя“, „наслѣдника“ его, „губернатора“, „земскаго начальника“, „станового“, „старшину“, „писаря“ и „разсыльнаго“. Всѣхъ этихъ лицъ выбираютъ крикомъ: сначала называютъ имя выбираемаго лица, потомъ прибавляютъ вѣжливое обращеніе „агай“ и затѣмъ—его новый чинъ, напр.: „Иванъ-агай губернаторъ“. При этомъ кричать такъ громко, что нѣкоторые закрываютъ уши.

„Царь“, „наслѣдникъ“ и „губернаторъ“ садятся въ банѣ на полку рядомъ. Около „губернатора“ стоять или сидѣть „становой“. Противъ полка на лавкѣ садятся „земскій начальникъ“, „старшина“, „писарь“. Послѣднія два лица составляютъ „волостное правленіе“. Средоточіе игры составляютъ „становой“, „земскій начальникъ“ и „волостное правленіе“. „Царь“ же съ „наслѣдникомъ“ и „губернаторомъ“ почти не участвуютъ въ игрѣ.

Послѣ выборовъ „старшина“ посыпаетъ „разсыльнаго“ извѣстить „общество“ (присутствующихъ) о „сборѣ податей“. Разсыльный ходить изъ угла въ уголь бани и кричитъ, что нужно „вносить подати“. Спешіального „сборщика податей“ не выбираютъ. Каждый подходитъ къ „земскому начальнику“, „старшинѣ“, „писарю“ и, вынимая изъ кармана или изъ-за пазухи кусочки бумаги и бересты, кладеть въ полу этихъ должностныхъ лицъ. Бумага и береста считаются деньгами. Печатная бумага при этомъ не годится. Неимѣющіе „денегъ“ говорятъ, что они записываются „мѣщанами“. Такихъ „мѣщанъ“ бываетъ, впрочемъ, очень немногі.

Послѣ двухъ, трехъ „взносовъ податей“, „волостное правленіе“ посыпаетъ разсыльного извѣщать „обществамъ“ о томъ, что нужно везти „деньги“ въ „казну“. Тогда въ „волостное правленіе“ подаютъ „тройку лошадей“. Эту тройку представляютъ три парня, за полы которыхъ держится четвертый парень—„ямщикъ“. „Деньги везутъ“ „земскій начальникъ“, „старшина“ и „писарь“. Подходятъ они къ полку и даютъ горстями каждому изъ сидящихъ на полку бересту и бумагу. Потомъ они возвращаются на прежнее мѣсто.

По возвращеніи опять начинаютъ „собирать подать“ и опять также на „тройкѣ“ „везутъ“ „деньги“. Кто-нибудь изъ сидящихъ на полку—„становой“ или „губернаторъ“, рѣже самъ „царь“—начинаетъ ругаться и спрашивается: „почему мало привозятъ податей?“ Иногда высшее начальство приказываетъ смѣнить „старшину“ и „писаря“, и тогда на мѣсто ихъ выбираютъ новыхъ. Случается и такъ, что „старшину“ или „писаря“ высшее начальство обвиняетъ въ растратѣ

„казенныхъ денегъ“. Тогда ихъ судить „губернаторъ“. Онъ присуждаетъ къ розгамъ, т.-е. къ ударамъ березовымъ прутикомъ. Исполняющимъ лицомъ при этомъ бываетъ „становой“.

Игра во взносъ податей продолжается до пѣнія пѣтуховъ. Въ продолженіе игры смыняются только „старшина“ и „писарь“, а также „разсыльный“. Другіе руководители выбираются на всю игру. Въ концѣ игры бумага и береста у многихъ истощается. Между тѣмъ, „сборъ податей“ все продолжается. Кто не платить „подати“, того „земскій начальникъ“ привлекаетъ къ суду. Судить онъ же. Кромѣ ударовъ прутикомъ, бываетъ болѣе тяжелое наказаніе: земскій начальникъ приказываетъ разсыльному навѣсить камень на шею осужденнаго, и осужденный нѣсколько разъ обходить баню съ камнемъ на шеѣ. Кромѣ этихъ наказаній, „садять въ тюрьму“, причемъ тюрьмою обыкновенно служить мѣсто подъ баннымъ полкомъ.

Кромѣ обвиненій со стороны „начальства“, каждый изъ присутствующихъ также старается обвинить въ чемъ-нибудь другого. Вотъ примѣрный эпизодъ. Гдѣ-нибудь въ углу раздается душу раздирающій крикъ: „ой, воръ, воръ!“ Вниманіе всѣхъ переносится на это происшествіе. Оказывается, что парень лѣтъ 20-ти схватилъ слабѣвшаго и притворяется, что на него нападаетъ воръ. Схватились за этого „вора“ еще нѣсколько человѣкъ и повели въ уголъ, гдѣ помѣщается „волостное правленіе“. „Земскій начальникъ“ началь судить „вора“. Поймавшій вора объясняетъ, что онъ вѣхалъ изъ города съ деньгами и что вотъ этотъ „воръ“ хотѣлъ его ограбить. Выступили и „свидѣтели“. Одинъ „свидѣтель“ говоритъ, что онъ везъ дрова и видѣлъ покушеніе „вора“. Другой „свидѣтель“ начинаетъ еще болыше сочинять. „Воръ“ оправдывается, но ему „земскій начальникъ“ не даетъ и говоритъ. „Земскій начальникъ“ присуждаетъ „вора“ къ розгамъ, т.-е. опять къ ударамъ прутикомъ. Исполнителемъ въ такихъ случаяхъ являются „разсыльный“ и его помощники.

Подобнаго рода обвиненіямъ нѣть конца. Обвиняютъ другъ друга въ кражѣ лошади, поджогѣ дома, изнасилованіи дочери и т. д. Обвиняютъ иногда въ такихъ фантастическихъ преступленіяхъ, какъ, напр., въ устройствѣ водяной мельницы подъ домомъ царскаго дворца.

Такимъ образомъ, почти каждый наказывается ударами прутика. Нѣкоторые наказываются разъ по пяти, по шести, такъ что общее число ударовъ доходитъ до 200. Во все время игры смыхъ и хохотъ не прекращаются. Въ банѣ становится душно, и дверь остается открытой.

Но вотъ пропѣли пѣтухи. Всѣ бросаютъ „деньги“ и выходятъ изъ бани. Каждый берется за свое орудіе и начинаетъ колотить баню съ крикомъ: „эу, эу, эу!“—Орудіями служать описанныя выше колотушки, а также и простыя палки (боды), иногда—небольшія бревна.—Отъ бани переходятъ къ ближайшему дому. Домъ колотятъ съ такимъ

же крикомъ; ударяютъ въ стѣны дома съ улицы, а хозяинъ своего дома заходить и во дворъ и тамъ также колотить постройки. Стукъ бываетъ настолько силенъ, что дребезжать оконныя стекла. Отъ одного дома переходить къ другому, пока не обойдутъ всю деревню. Десятки голосовъ смѣшиваются, и получается страшный гулъ. Въ иѣкоторыхъ домахъ слышны ружейные выстрѣлы. Въ концѣ деревни бросають свои орудія и мирно расходятся по домамъ.

Эти орудія долго потомъ валяются; ихъ никто не береть, такъ какъ они, послѣ обряда изгнанія шайтана, считаются нечистыми.

Въ дер. Иштугановъ Починокъ, Старо-Юмынской вол., Мамадышскаго уѣзда, Казанской губ., изгнаніе шайтана бываетъ въ среду на страстной седьмицѣ. Играть въ бани приходитъ только молодежь. „Царя“ и вообще руководителей игры выбираютъ такъ же, какъ въ Кизековѣ. Когда играютъ во взносы податей, то подходятъ къ „старшинѣ“ и говорять, что имѣютъ столько-то душъ земли. Соответственно количеству душъ платить и „подать“. „Подать“ здѣсь платить цатурой: приносятъ въ кошелькахъ моченый горохъ и даютъ старшинѣ горошинокъ по 10 за „душу“. Если кто придетъ безъ гороху, то „старшина“ заявляетъ обѣ этомъ „земскому начальнику“. Послѣдній присуждаетъ бить виновнаго мокрымъ вѣникомъ по лицу. Наказанія здѣсь бываютъ только за неуплату „податей“. Горохъ старшина кладетъ въ карманъ, а потомъ, послѣ сбора, раздаетъ „царю“ и „начальникамъ“ горстями. Тѣ этотъ горохъ ёдятъ. Сборъ „подати“ бываетъ только одинъ разъ.

Послѣ сбора „подати“ начинается игра въ солдаты. „Солдатъ“ учатъ „царь“ и „губернаторъ“. „Губернаторъ“ дѣлить присутствующихъ на пары, а „царь“ намѣчаетъ извѣстное разстояніе, которое „солдаты“ должны перепрыгивать. Кто перескочитъ меныше разстояніе, тотъ проносить своего товарища (изъ своей пары) отъ одной стѣнки бани до противоположной. Играютъ тоже до пѣнія пѣтуховъ послѣ чего начинается самое изгнаніе шайтана.

Обрядъ изгнанія шайтана начинается съ одного конца деревни. Съ крикомъ „верва шу“ подходятъ къ каждому дому и колотятъ избу, ворота, заборъ. Такъ проходятъ всю деревню и въ концѣ деревни бросаютъ свои орудія. Потомъ собираются въ группу и устраиваютъ бѣгъ отъ одного конца деревни до другого. При этомъ говорятъ, что первый прибѣжавшій къ концу деревни проживетъ очень долго, а послѣдній—нынче же умреть. Отсюда расходятся по домамъ.

Придя домой, зажигаютъ на полу вѣтку можжевельника (усо пу). Каждый изъ семьи перепрыгиваетъ черезъ пламя. Если въ семье есть дѣти, то ихъ обыкновенно матери переносятъ черезъ пламя. Все это дѣлается для очищенія отъ шайтана.—По вѣрованію ватяка, шайтанъ

можетъ поселиться въ человѣкѣ.—Съ цѣлью же изгнать шайтана, въ этотъ вечеръ стрѣляютъ изъ ружья черезъ плечо того больного, который, по ихъ мнѣнію, захворалъ отъ испуга.

Еще во время игры въ банѣ нѣсколько человѣкѣ уходять, чтобы описать желѣзной лопатой кругъ около всего дома того сосѣда, кото-раго они считаютъ за колдуна (ведон). По представленію вотяка, въ домѣ колдуна живеть шайтанъ. Шайтанъ въ эту ночь выходитъ изъ дома колдуна, чтобы заколдовать людей. И вотъ, съ тою цѣлью, чтобы шайтанъ и самъ колдунъ не выходили изъ дома, дѣлаютъ кругъ. Шайтанъ и колдунъ не могутъ ужъ выйти изъ этого круга и страшно, мучатся. Они губятъ домашнихъ животныхъ самого же колдуна.

Когда молодежь уходить играть, то оставшіеся дома натыкаютъ надъ дверями и окнами избы, клѣтей, конюшень вѣтки можжевельника, такъ какъ думаютъ, что шайтанъ боится можжевельника.

Въ этотъ же вечеръ на гриву лошадей, на шею коровы и др. скотины вѣшаютъ шарики, выстроганные изъ можжевельника, чтобы спасти скотъ отъ шайтана.

Можно думать, что игры во взносы податей и въ солдаты совершаются въ воспоминаніе какого-нибудь исторического события изъ жизни вотяковъ.—Вотяцкія названія руководителей въ этихъ играхъ, кромѣ „царя“, который называется по-вотяцки эксей, заимствованы изъ русскаго языка.

Трофимъ К. Борисовъ.

Матеріалы по киргизской и татарской музыкѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Собирая настоящій матеріалъ, я руководствовался преимущественно музыкальными соображеніями, тѣмъ болѣе что незнаніе языка меня весьма затрудняло при записываніи текста.

Къ сожалѣнію, вслѣдствіе краткосрочности моего иребыванія въ Семирѣчье, наиболѣе интересная по своей неизслѣдованности область киргизской пѣсни представлена очень бѣдно.

Весь собранный матеріалъ мною раздѣленъ на три части: 1) Киргизская пѣсни (записаны частью лѣтомъ 1910 года въ Копальскомъ уѣзда Семирѣченской области, частью зимой 1911 года въ Петербургѣ), 2) Пѣсни семирѣченскихъ татаръ¹⁾ (записаны лѣтомъ 1910 года въ г. Копаль Семирѣченской области) и 3) Пѣсни крымскихъ татаръ (записаны лѣтомъ 1910 и 1911 года, за исключеніемъ одной, въ Байдарской волости Ялтинского уѣзда Таврической губ.).

Исправленіе текста и переводъ пѣсень на русскій языкъ сдѣланы Александромъ Николаевичемъ Самойловичемъ, которому я и приношу глубокую благодарность.

Всев. Шнитниковъ.

Придавая важное значеніе для этнографіи турецкихъ племенъ изученію ихъ музыкального творчества, весьма мало намъ до сихъ поръ извѣстнаго²⁾, я охотно взялся за редактированіе текстовъ и переводовъ киргизскихъ и татарскихъ пѣсень, собранныхъ В. Н. Шнитниковымъ, обладающимъ специальной музыкальной подготовкой.

1) Семирѣченскіе татары являются выходцами изъ восточныхъ губерній Европейской Россіи (Казанской, Самарской и пр.), и ни языкомъ ни нравами не отличаются отъ казанскихъ татаръ. Живутъ преимущественно въ городахъ, не такъ обособленно, какъ киргизы, а потому и пѣсни ихъ не отличаются особенной самобытностью.

2) Литературу вопроса см. у С. Г. Рыбакова: „Музыка и пѣсни Уральскихъ мусульманъ“ (Спб. 1897), стр. 316—327, и въ Трудахъ Музыкально-Этнографической Комиссии (Москва, 1906 г. и сл.); библиографические указатели книгъ и статей по музыкальной этнографіи. Въ I томѣ названныхъ „Трудовъ“, а также въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ за 1901 г. (вып. 4) издана „Программа для собирания народныхъ пѣсень и другихъ музыкально-этнографическихъ матеріаловъ“.

Такъ, какъ самъ собиратель признаетъ, что основной интересъ его материа́ловъ—музыкальный, а не фольклорный, я, за неимѣніемъ свободного времени, ограничился возстановленіемъ текста и исправленіемъ перевода на русскій языкъ, а мѣстами и новымъ переводомъ только отрывковъ изъ собранныхъ В. Н. Пинитниковымъ текстовъ. Изъ 5 киргизскихъ мелодій текстъ имѣется при 2-ой и 3-ей; изъ 7 мелодій семирѣченскихъ татаръ текстъ записанъ для 5-ти (№№ 6—10); на 13 крымско-татарскихъ мелодій имѣется безъ текста 4 (№№ 13, 14, 15, 25); всѣ крымско-татарские тексты—безъ перевода.

А. Самойловичъ.

I. Киргизская пѣсни.

1. Записана въ іюнѣ 1910 г. у киргизъ Копальского уѣзда, Семирѣченской области. Пѣлась въ унисонъ, поочередно мужчинами и женщинами. Слова импровизировались во время пѣнья. Содержаніе пѣсни—состязаніе мужчинъ и женщинъ въ остроуміи на тему испытываемаго ими страха и почтенія передъ пріѣзжими господами (чиновниками).

2. Колыбельная. Эта пѣсня мнѣ любезно предоставлена Н. А. Лебедевымъ. Записана въ 1909 г. въ Каркаралинскомъ уѣздѣ Семипалатинской области.

Оспан-бајдың кыз едім мән Зулкыја,
Устаңаным колума җармоніја.

aldij—aj!

Еі қыдырџан бајағы есәр чакта,
Боз-бала-мән болуб-әм (?) кампанија.

aldij—aj!

Кој кој, бўпом, кој бўпом!
Цілама бўпом, алдіј—ај!

**

Кўп сіјірді бастаған сур кунацын.
Цаман џардан бетімә кірд’ау ажым.

алдіј—ај!

Лашынба лајык сункар едім
Кўдўроттү ісінә бар-ма лацым?

алдіј—ај!

Кој кој бўпом, кој бўпом!
Цілама бўпом, алдіј—ај!

Я была дочерью Оспанъ-бая, Зулькія,
Въ рукахъ я держала гармонику.

Баю-бай!

Когда я въ прежнее, беззаботное время гуляла по (своему)
народу,

Я водила компанію съ молодежью.

Баю-бай!

Полно, полно, мое дитятко, оставь, мое дитятко!
Не плачь, мое дитятко, баю-бай!

**

Многихъ коровъ вожачка, събрая трехлѣтка.
Отъ дурного друга (мужа) у меня на лицъ появились
морщины.

Баю-бай!

Я была кречетомъ, достойнымъ сокола.

Есть-ли у меня средство противъ дѣйствія судьбы?

Баю-бай!

Полно, полно, мое дитятко, оставь, мое дитятко!
Не плачь, мое дитятко, баю-бай!

[Пѣсня сочинена одиннадцатислоговыми четверостишіями въ по-
дражаніе книжному метру „ремель“; четверостишій всего—8; въ ка-
ждомъ четверостишіи имѣются малый припѣвъ послѣ второго и четвер-
таго стиховъ и большой припѣвъ—послѣ четвертаго. Въ з-емъ стихѣ
2-ого четверостишія недостаетъ двухъ слоговъ.]

Въ припискѣ къ пѣснѣ сообщается, что это—колыбельная пѣсня,
которую пѣла молодая женщина, убаюкивая сына, рожденного отъ
любовника; мужа своего она не любила.

Колыбельныхъ пѣсень среди турецкихъ племенъ собрано вообще,
къ сожалѣнію, крайне мало. Что касается, въ частности, киргизовъ,
то я, не наводя особыхъ справокъ, могу сослаться на двѣ работы
А. А. Диваева:

1) Киргизская колыбельная пѣсни (Отд. отт. изъ Изв. Туркест. Отд. И. Р. Геогр. Общ. за 1900 г.) и

2) Каракиргизская колыбельная пѣсни (Отд. отт. изъ Сборн. матер. для стат. Сыръ-Дар. области за 1905 г.). Въ обѣихъ этихъ работахъ тексты приведены только въ мусульманской транскрипціи и въ русскомъ переводѣ. Припѣвъ „баюшки-баю“ въ записяхъ А. А. Диваева, приблизительно, тотъ же, что и въ записи В. Н. Шнитникова „алдыј, алдыј, ал бўпом“ („ак бўпом“ или „шырабым“ и т. д.), „лама, балам, лама, ётаканъді кынаба!“ и т. д. Слово „алдыј“ (алдij) слѣдуетъ, очевидно, сопоставлять съ глаголомъ „алда“—радовать дѣтей, успокоить (Словарь Радлова, I, 413), а слово „бўпом“, переведенное въ словарѣ Радлова (IV, 1706) черезъ маленькое дитя, Диваевымъ переводится двояко: „дитя“ (Изв. Турк. Отд.) и „шапочка“ (Сб. матер.).

Третій стихъ второго четверостишія заимствованъ изъ рѣчей свата: „у вაсъ соколь, у нась кречеть“ (Диваевъ, О свадебномъ ритуалѣ киргизовъ, отд. отт. изъ Уч. Зап. И. Каз. У—та, 1900). — А. С.].

3. Записана въ апрѣль 1911 г. Пѣлась киргизомъ Копальского уѣзда Семирѣченской области Мурзаханомъ Толебаевымъ.

Табулбунуң түбүндө торбай-да бар.
Аңал үетсә џап сактар пер кајда бар?
Бр џаксы-мән бр џаман ар кајда бар.
Екі џаксы косулар күн кајда бар?

Подъ таволожникомъ жаворонки бываютъ.
Коли смерть придетъ, есть ли мѣсто, гдѣ душу утаить?
Вмѣстѣ съ хорошимъ плохой всюду бываетъ.
Когда бываетъ день, чтобы сошлись двое хорошихъ?

4. Записана въ апрѣль 1911 г. Пѣлась тѣмъ же. Слова импровизируются во время пѣнія.

5. Записана въ апрѣль 1911 г. Пѣлась тѣмъ же.

II. Пѣсни семирѣченскихъ татаръ.

Эти пѣсни записаны мною въ іюлѣ 1910 года въ гор. Копалѣ Семирѣченской области.

6.

Алм'аңашның алмасын
Жатлар кiлiп алмасын!
Хатка бүләк салмадым.
Цаным, хатрың калмасын!

* *

Самауар којдым, чајлар іштiм
Ічәсiм кiлгәнгä.
Жазу язун хатлар салдым
Сiн џанкајны сүjгәнгä.

* *

Кол џаулыбым џушар-ідiм,
Ішiк түбүм күл булса.
Сағат сәjін күрәр-ідiм,
Џар астындан јол булса.

Яблоко съ яблони
Чужiе, придя, не взяли бы!
Въ письмо подарка я не вложиль.
Душечка моя, не обижайся!

* *

Самоваръ я поставилъ, чаю напился,
Такъ какъ мнѣ пить захотѣлось.
Грамотку написавъ, письмо послалъ,
Такъ какъ люблю тебя, душечка.

* *

Я стиралъ бы свой ручной платокъ,
Если бы передъ моимъ крыльцомъ было озеро.
Часами бы я смотрѣлъ (на тебя),
Если бы подъ обрывомъ была дорога.

7.

Арасан јул' ўстүндән
Бајва чаба тур'-атлар.
Ізләсә—тапмас, чакырса—кilmäc
Хош кiлгәнсiз, кунаклар!

По Арасанскоi дорогъ
Состязаются въ бѣгѣ гнѣдые кони.
Искать—не найти, звать—не придутъ,—
(Такимъ) гостямъ добро пожаловать!

8.

Чилтрәп акан чiпмәнiң
Асты дарja болмасын!
„Сүjäm, сүjäm!“ дәп аjtкanyң
Сүjgәniң хajla болмасын.
У-ha-ha! трапака,
Мiлyj jaрлар nishlätä?
* * *

Оj, отryjыk, отryjыk,
Ыстол ўстүн толтрыjык!
Бү-гүн мунда раhat.
Taң atkanja отryjыk!
* * *

At бajlадым бajанja
Atым токтамaбaнja.
Камpanja häwäcäla!
Цыр ул цырламaбaнja.
* * *

Цiгәn atым—cawраска,
Сүjlij џаман напрасна,
Сүjlägәn џаман сүjlij-bärciң!
Бiз цүрijik сaвlasna!

Подъ журчащимъ ручьемъ
Какъ бы не было моря!
„Люблю, люблю!“ ты говоришь,—
Любовь твоя какъ бы не была уловкой.
У-ха-ха, трепака,
Милые друзья что подѣлываютъ?

* * *

Эй, сядемте-ка, сядемте!
Столъ полностью заставимъ!
Сегодня здѣсь спокойно.
До разсвѣта посидимте!

* * *

Коня привязалъ я къ коновязи,
Такъ какъ конь мой не стоитъ.
Компания не весела,
Такъ какъ пѣсенъ не поютъ.

* * *

Запряженный мой конь—савраска.
Дурное говорять напрасно.
Говорящіе дурное пусть говорять!
Будемте гулять согласно!

9.

Moderato.

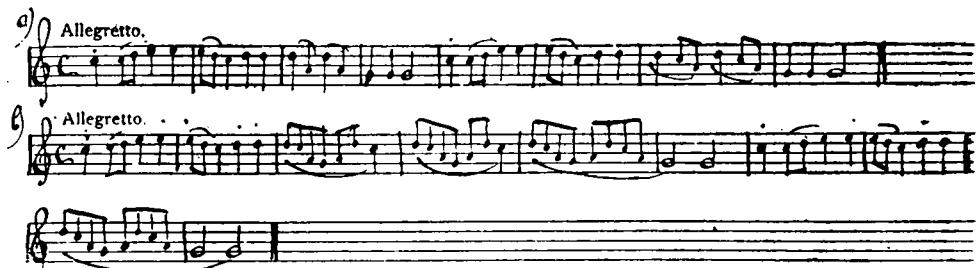
The musical score consists of two staves for the piano. The top staff is in common time (indicated by 'C') and the bottom staff is in 2/4 time (indicated by '2/4'). The tempo is marked 'Moderato'. The music features various note patterns, including eighth and sixteenth notes, with some dynamics like 'p' (piano) and 'f' (forte). The score is divided into measures by vertical bar lines.

Утурбанным урундык
Кордым јашыл шымылдык.
Барабыз онда, барабыз мунда.
Айрылбап кош біз болдык.

* * *

Сижу я на стулѣ,
Спустилъ зеленый пологъ.
Ходимъ тамъ, ходимъ здѣсь.
Мы стали разлученными птицами.

10.

Сандуваш алдым Копалдын,
Кара-кашлы баладын.
Сән тұмаңсансын анадын,
Цаным, інгән кашадын.

* * *

Сандық сандық сары алма
Кызлар ашіј бу алма.
Бәні ташлап јадны сағасаң,
Учмах ішігін таб'-алма.

Соловья купилъ я въ Копалъ
Отъ черноброваго молодца.
Не родилась ты отъ матери,
Душка моя, а спустилась съ неба.

* * *

Сундуки желтыхъ яблокъ.
Дѣвушки ъѣдять эти яблоки.
Меня если бросишь, а другого полюбишь,—
Чтобъ не смочь тебѣ найти дверей рай!

11. Слова не записаны.

12. Колыбельная. Пѣлась женщиной. Слова не записаны.

III. Пѣсни крымскихъ татаръ.

13. Записана лѣтомъ 1909 г. въ окр. Узеньбашикъ Симферопольскаго уѣзда.

Оксѣк мінарѣ,
Кашлары карѣ.
Алтын парѣ, кумუш парѣ
Жолладым ярѣ.

* * *
Екі адым атып
Артыма бактым.
. коргәп соң
Бајылдым (?) калдым.

* * *
Оксѣк мінарѣ
Түбүндән каштым.
А кыз сәнің ўфкарыңдан
Піваләр (?) іштім.

Высокій минареть.
Брови ея черныя.
Золотыя деньги, серебряныя деньги
Послалъ я другу.

* * *
Два шага ступивъ,
Назадъ я оглянулся.
Увидѣвъ
Я упалъ въ обморокъ (?).

* * *
Подъ высокимъ минаретомъ
Я пробѣжалъ.
О, дѣвушка! съ мыслями о тебѣ
Я выпилъ пива (?).

[Эта пѣсня была весьма популярной въ Крыму, въ частности—
въ Бахчисараѣ, въ 1912—13 гг.; она имѣеть много варіантовъ для
отдѣльныхъ куплетовъ.—А. С.].

14. Записана лѣтомъ 1910 г. Пѣлась татаркой Фатимѣ, изъ дер. Узунджа Байдарской вол. Ялтинскаго уѣзда. Слова не записаны.

15. Записана лѣтомъ 1911 г. Пѣлась татаркой изъ дер. Саватка Байдарской вол. Ялтинскаго уѣзда. Слова не записаны.

Слѣдующія пѣсни записаны лѣтомъ 1911 г., пѣлись татариномъ Сеферѣ Али Челеби-джанъ-оглу изъ дер. Саватка Байдарской вол.

16.

Бакың, дослар, бәнім кара жазыме.

Бү-дүңядә нәләр кәліп башыма

Бән ўлұрсам бәjіт жазың даشыма

Äjlän-a, сәvdүгүм, Mävlam керім-др.

Аман, Mävlam! Сән вәр бәнім мырадым.

Ja вәр мрадымы,

Ja ал џанымы!

* * *

Сабадан ојрадым бән бір гузәлә,

Гузәл ағләтмәді, күлдүрдү бәні.

Уммас ідім сәндән бән бу кәрәмі...

Взгляните, друзья, на мою черную судьбу!

Въ этомъ мірѣ что постигаетъ мою голову.

Если я умру, напишите стихи на моемъ (могильномъ)

камнѣ.

Подожди, моя возлюбленная, Господь милостивъ!

Пощади, Боже мой! Даруй Ты, что я желаю.

Или даруй, что я желаю,

Или возьми мою душу.

Поутру повстрѣчался я съ одной красавицей.
Красавица не огорчила меня, а разсмѣшила.
Я не ожидалъ отъ тебя такой милости.

17. Припѣвъ.

Jamur jañar, su bulanyr
. . . dañläri dolanyr
Jürapäcigim därt bañlanryr
Kadam sänic ülbäläriç
Bän çäzäjim dugmäläriç
* *

Jamur jañar dasch ustüna
Kaläm ojnar kash ustüna
Jap! nä däscäñ, basch ustüna
Kadam sänic mämäläriç
Bän saraýym iñca bälinc!

Dождь идетъ, вода мутится,
. . . . горы обходитъ.
Сердечко мое страданьемъ сковывается.

Счастье—твои ласки.
Я разстегну твои пуговицы.

Dождь идетъ на камни,
Калямъ играеть на бровяхъ.
Другъ! что бы ты ни сказалъ, я къ твоимъ услу-

гамъ.

Счастье—твои груди.
Я обойму твой тонкій станъ.

18.

Mäjhanänin shišäläri näpläjür
Doxhur bänim japälärim bañläjür

Гөмүр гөзлү баш уңунда аңläјур.
Сäylä, дохтур, бән ölääkmijim?
Ölmäсäm, ярымі горääkmijim?

* * *

Калатадан чäйүрдiläр јолумы
Баш он politc бајладылар колумы
Аман, politc гäүшäк бајла колумы,
Бән bilirim хапысханä јолуны.

Бутылки питейного дома блестять.
Докторъ мон раны перевязываетъ.
(Красавица) съ глазами, какъ уголь, у изголовья пла-
четъ.

Скажи, докторъ, не умру ли я?
Коли я не умру, друга моего увижу ли я?

* * *

Пресъкли мнъ путь изъ Галаты,
Пять-десять полицейскихъ связали мнъ руки.
Карауль! полиція, полегче связывай мнъ руки,
Я знаю путь въ тюрьму.

19. Колыбельная.

Чäлäк чапчак ёрасы—
Aj, nini!
Жухласын чäлäбінін баласы,
Aj, nini!

* * *

Aja дäсäң, јарашыр,
Aj, nini!
Гүлбакчајы долашыр,
Aj, nini!

* * *

Балта балта дäмipläp,
Aj, nini!
Алла värciñ ömüpläp!
Aj, nini!

Среди ведерь и кадокъ—
баю-бай!

Пусть спить дитя господина,
баю-бай!

* * *

Если уподобить его мѣсяцу, подходитъ,
баю-бай!

По цвѣтнику онъ гуляетъ,
баю-бай!

* * *

Топоръ, топоръ,— яелъао ¹⁾,
баю-бай!

Богъ да даруетъ жизнь,
баю-бай!

20. Тумалакъ.

Кашләрі карә каламә баңзэр,
Козләрі сіја зәјтуна баңзэр.

Олур-ісә, олсун—томалацык олсун!
Істәрим: јанағында чүфтә гул олсун!

* * *

Бән бір факыр жігітім, гіңә күндүз кәзәрім
Гүзәл чіркін сајламам, сәүдүгүмі гөрәмәм.

Олур-ісә, олсун—сәүдүгүм олсун!
Істәрим: јанағында чүфтә баң олсун!

Брови ея черны, на „калямъ“ похожи.

Глаза ея черны, на оливы похожи.

Если есть (такая), пусть будетъ, (только) пусть
кругленкая будетъ.

Я хочу, чтобы на ея щекахъ было двѣ розы!

* * *

Я—бѣдный парень, день и ночь шатаюсь.

Красивыхъ, уродливыхъ не разбираю, своей возлюблен-
ной увидѣть не могу.

¹⁾ Ср. „Для крупного куска жалѣза молотъ есть“. А. Диваевъ, Кирг. колыб. пѣсни, цит. изданіе, № 10.

Если есть (такая), пусть будетъ, (только) моей
возлюбленной пусть будетъ.
Я хочу, чтобы у ней на щекахъ пары родинокъ
была!

21.

Оксак мінарадан аттым бән бир таш.
Нә анам вар, не бабам вар, нә кардаш.

Съ высокаго минарета бросилъ я камень.
Ни матери у меня нѣть, ни отца, ни брата.

[Варіантъ этой пѣсни имѣется въ сборникѣ А. Олесницкаго:
„Пѣсни крымскихъ турокъ“ (= татаръ), стр. 5, № 5 и въ сборникѣ
Куноша „Oszmán-török népköltési gyüjtemény“ II, стр. 347, № 14.—А. С.]

22.

Чакырцы даудан ўнайур,
Корку нә-дир, білмайур.
Бана чакырцы дәрләр.
Яр фідан бојлы,
Мартінім фішәңг долы.

* * *

Арабам акін долы
Табакам дүтүн долы
Бана дәрләр чакырцы.
Яр фідан бојлы,
Атрафым душман долы

* * *

Мәһмәт дәрләр адына,
Шәкәр ујмас дадына,
Бәні уран бир наці.

Жар фідан бојлы,
Ірмасін мырадына!

Чакырджы съ горъ спускается,
Что такое страхъ, онъ не знаетъ.
Меня зовутъ „Чакырджы“.

Другъ—съ тонкимъ станомъ.
Мое ружье полно зарядовъ.

* *

Арба моя жатвы полна,
Мой кисеть табаку полонъ.
Меня зовутъ „Чакырджы“.

Другъ—съ тонкимъ станомъ.
Вокругъ меня—враговъ полно.

* *

Махметъ зовутъ его по имени.
Сахаръ ему не по вкусу.
Меня побившій—хаджи.
Другъ—съ тонкимъ станомъ.
Да не достигнетъ онъ своихъ желаній!

23.

Andantino.

Оълабым, холуму саллама,
Нäфилä бänім ўчүн аўламä,
Бänі бабам сана вäрмäјдäк.
Нäфилä корүңі ѡллама.

Ах, аман, аман!

* *

Дäрäдä јылан отäр,
Бајдатта курма бітäр,
Гүзäл јарың којнунда
Жапраксыз мäјва бітäр

Ах, аман, аман!

* *

Кабах кaiнар, туз iстäр,
Бänім цаным кыз iстäр
Кыз олмаса, тул олсун,
. . . . бäјаз олсун.

Ах, аман, аман!

Козленокъ мой, руки моей не тряси,
Напрасно изъ-за меня не плачь,
Меня отецъ мой за тебя не выдастъ.
Напрасно свахи не посытай.

Ахъ, пощадите!

* * *

По долинъ амъя ползеть.
Въ Багдадъ финики растуть.
На груди у красиваго друга
Безъ листьевъ плоды растуть.

Ахъ, пощадите!

* * *

Тыква варится, соли хочетъ.
Душа моя дѣвушки хочетъ.
Если не дѣвушки, такъ вдовушки.
. пусть бѣлымъ будетъ.

Ахъ, пощадите!

24. Зампара.

Аніја да бәнім älli дәрәм шәкәрім?
Сән сархуш, käl, бән цәфаны чәкәрім
Jүрі яурум, jүрі арслан яурум, jүрі!
Кäчмäдімі буралардан Конжалынын бірі?

Алдадылар чоңуқ вірмәділәр қазы
Жанағында калмыш, аман, дішләріпін ізі

* * *

Аніја да бәпім älli дәрәм јобуртум?
Конжалыдан бір чоңуцук дөвурдым.
Jүрі яурум, jүрі арслан яурум, jүрі!
Кäчмäдімі буралардан зампаранын бірі.

* * *

Аніја да бәнім älli дәрәм парасам?
Мұмнар жақып бән жарәмі ёрасам,
Jүрі яурум, jүрі арслан яурум, jүрі!
Кäчмäдімі буралардан сарыхушун бірі.

Гдѣ же мои пятьдесят драхмъ сахару?
Ты, пьяный, приди, я—страдаю!
Ну, птенчикъ мой, ну, левъ-птенчикъ мой, ну!
Не проходилъ ли здѣсь одинъ изъ Конійцевъ?
Обманули мальчика, не дали . . . (?).
На щекѣ у него остался, увы, слѣдъ его зубовъ.

* * *

Гдѣ же мои пятьдесят драхмъ югурта?
Отъ Конійца родила я одного ребеночка.
Ну.....
Не проходилъ ли здѣсь одинъ изъ волокитъ?
* * *
Гдѣ же мои пятьдесят драхмъ порея?
Поищу-ка я своего друга, зажгя свѣчи.
Ну.....
Не проходилъ ли здѣсь одинъ изъ пьяныхъ?

25. Плясовая.

*) По объясненію пѣвшаго, „хайтарма“ слѣдуетъ послѣ всякаго танца и заключается въ ускореніи танца. Темпъ ея значительно быстрѣе.

В. О. Миллеръ, какъ этнографъ.

(Рѣчъ на засѣданіи, посвященномъ его памяти, въ Этнографическомъ Отдѣленіи
И. Р. Географическаго Общества).

Еще одна область знанія претендуетъ на право и честь считать покойнаго Всеволода Федоровича Миллера въ числѣ своихъ наиболѣе заслуженныхъ и славныхъ дѣятелей.

Эта область знанія—этнографія.

За славой ираниста, сравнительно-языковѣда, изслѣдователя языковъ и народовъ Кавказа и историка былевого эпоса,—за славой, наконецъ, популярнаго профессора, замѣстителя славной каѳедры славнаго Буслаева, остаются какъ бы въ тѣни заслуги В. О., какъ этнографа.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности всѣ его работы, начиная со студенческой работы „По поводу сказки о ворожѣ“, продолжая Асвины-Діоскурами, Осетинскими и Татскими этюдами и кончая работами о былевомъ эпосѣ и сказкѣ, уже не говоря о такихъ чисто этнографическихъ работахъ, какъ «Систематическое описание коллекцій Дашковского музея», этюды о масленицѣ, объ обычномъ правѣ у карачаевцевъ или похоронныхъ обрядахъ у кавказскихъ народовъ и т. д.—развѣ всѣ эти главнѣйшія работы его жизни, являясь специальными работами въ области отдѣльныхъ дисциплинъ, въ то же время не являются такими же вкладами въ науку этнографіи?

Развѣ вопросъ о взаимодѣйствіи и миграціи сюжетовъ—не важнѣйший вопросъ также и этнографіи?

Или возьмите его Осетинскіе или Татскіе этюды.

Я уже не говорю о тѣхъ частяхъ этюдовъ, особенно осетинскихъ, которая трактуютъ о вѣрованіяхъ или сложныхъ историко-этническихъ проблемахъ древнѣйшихъ судебъ юга Россіи и Кавказа: значение этихъ частей для этнографіи очевидно.

Но даже чисто лингвистическая часть—транскрибированные тексты, переводъ столь ясный и въ то же время столь близкій къ по-длиннику и, наконецъ, богатыя фольклористическія примѣчанія къ текстамъ—развѣ это не образецъ того, что требуется отъ современаго ученаго этнографа, отъ которого прежде всего ждутъ глубокаго знанія языка, научной фонетической передачи текста, яснаго и лингвисти-

чески точнаго перевода, одухотвореннаго проникновеннымъ пониманиемъ быта и духа изучаемаго народа?

Не даромъ лингвистические этюды В. О. явились образцами для слѣдующаго поколѣнія этнографовъ.

Когда я 13 лѣтъ тому назадъ пріѣхалъ въ Петербургъ и впервые познакомился съ издаваемыми Академіей Наукъ фольклорными работами нашихъ этнографовъ Дальнаго Востока, Богораза и Іохельсона, то съ первого взгляда я съ глубокимъ удовлетворенiemъ убѣдился, что эти прекрасныя работы выполнены даже съ виѣпней стороны по образцу изданныхъ ранѣе Академіей же осетинскихъ и татскихъ этюдовъ.

И такъ во всѣхъ работахъ В. О.: всюду чувствуется этнографъ, и въ каждой изъ нихъ этнографъ найдетъ для себя что-нибудь важное, цѣнное.

И не случайно этотъ всесторонне талантливый человѣкъ, начавши со сравнительного языкознанія, все болѣе и болѣе проникался проблемами и интересами этнографіи.

Безспорно, на немъ сказалось вліяніе его знаменитаго учителя Буслаева, такъ много сдѣлавшаго для русскаго фольклора и этнографіи, но были причины и болѣе общаго характера.

То было время, когда сравнительное языкознаніе, съ котораго В. О. началъ свой научный путь, устремилось изъ тѣснаго круга чистой филологіи на заманчивый путь исканій въ области сравнительной культуры арійскихъ народовъ, основавъ двѣ новыхъ гуманитарныхъ дисциплины—Сравнительного изученія религіи и Сравнительной миѳологіи.

То было время, когда въ области исторического знанія съ такимъ блескомъ выступила такъ называемая антропологическая школа, произведшая такой глубокій переворотъ въ цѣлыхъ областяхъ гуманитарныхъ наукъ. Это было время, когда впервые въ явленіяхъ примитивной культуры стали видѣть настоящій ключъ къ пониманію позднѣйшаго, новѣйшаго,—ключъ къ попиманію самого процесса развитія культуры.

И эти новыя теченія не могли не сказаться на такомъ умственномъ-чуткомъ и разностороннемъ человѣкѣ, какимъ былъ В. О., и съ тѣмъ большей силой, что всѣ его интересы, какъ мы видѣли, съ первыхъ же шаговъ тяготѣли къ этнографіи.

У В. О. было такое же тяготѣніе къ этой области знанія, какъ и у его стараго друга и товарища молодости, здѣсь среди нась присутствующаго, славнаго государстровѣда и соціолога, М. М. Ковалевскаго.

И если М. М. это тяготѣніе привело къ эмбріологіи права, то В. О. оно привело къ эмбріологіи эпоса.

Ограниченнность времени, имѣющагося сегодня въ моемъ распо-

ряженіи, не позволяет мнѣ, къ сожалѣнію, очертить передъ вами хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ все то, что внесъ В. ѡ. своими общими трудами въ самая различныя области этнографіи. Это значило бы въ сущности коснуться всѣхъ главнѣйшихъ трудовъ всей столь научно-плодотворной жизни В. ѡ. Да въ этомъ и нѣтъ надобности: труды эти слишкомъ извѣстны и далеко за предѣлами одной этнографіи, и о нихъ тутъ, кромѣ того, говорили и будутъ говорить специалисты самыхъ различныхъ отраслей знанія.

Позвольте, поэтому, коснуться сегодня только той стороны дѣятельности В. ѡ., которая посвящена была исключительно специальнымъ интересамъ этнографіи.

Здѣсь именно мы яснѣе всего увидимъ то постоянное тяготѣніе В. ѡ. къ этнографіи, о которомъ я упомянулъ раньше, — тяготѣніе, проявившееся съ первыхъ шаговъ его научной дѣятельности.

Я имѣю въ виду его многолѣтнее руководительство двумя этнографическими учрежденіями въ Москвѣ—Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія и Дашковскимъ Этнографическимъ Музеемъ.

Начну съ послѣдняго.

Это было въ 1884 г. В. ѡ. успѣлъ уже защитить докторскую диссертацию, состоялъ профессоромъ въ университѣтѣ, быть предсѣдателемъ Этнографическаго Отдѣла, и нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ только-что вернулся изъ 3-ей поѣздки къ осетинамъ, гдѣ, сопутствующий М. М. Ковалевскимъ, занимался собираниемъ матеріала для осетинскаго словаря.

При такихъ обстоятельствахъ, среди разгара профессорской дѣятельности и кабинетныхъ работъ, поглощавшихъ все его время, онъ принимаетъ скромную должность хранителя Дашковскаго Этнографическаго Музея.

Что могло толкнуть В. ѡ., перегруженного занятіями, на скромную, кропотливую, черную работу хранителя музея, какъ не исключительное „тяготѣніе“ къ этнографіи?

Тяжелая задача выпала на его долю.

Прежде всего въ чисто техническомъ отношеніи. Изъ прекрасныхъ коллекцій, собранныхъ съ такимъ трудомъ и усилиями, только часть была выставлена, другая была запрятана въ сундукахъ, недоступная ни для обозрѣнія публики ни для научного изученія, а всѣ коллекціи въ совокупности были подъ вѣчнымъ страхомъ медленной гибели отъ пыли и моли.

Не надо быть музейнымъ работникомъ, чтобы представить себѣ, что долженъ быть испытывать такой пылкій этнографъ, какъ В. ѡ., получивъ въ такомъ видѣ драгоценный научный матеріаль.

Съ большинствомъ трудомъ В. ѡ. удалось отвоевать лишилъ и, благодаря расширенію помѣщенія, не только ввести большую систему

матичность въ выставленномъ материалѣ, но и спасти отъ забвения и тлѣна запрятанныя цѣнныя собранія, какъ передъ тѣмъ ему удалось спасти отъ вѣрной гибели послѣдніе остатки героического эпоса осетинъ.

Далѣе, предстала задача еще болѣе серіозная,—задача на этотъ разъ чисто научнаго характера.

Въ томъ видѣ, въ какомъ В. Ф. засталъ Музей, гдѣ предметы были выставлены въ грубо - географическомъ порядкѣ, Музей былъ совершенно лишенъ научнаго характера.

„Географическое размѣщеніе коллекцій,—писалъ В. Ф. въ 1887 г.¹⁾,— удовлетворяющее лишь бѣглому обзору типовъ народностей и бытовой обстановки, не соотвѣтствовало строго-научному методу изученія этнографіи. Необходимо было предпринять болѣе систематическое размѣщеніе коллекцій, при которомъ каждая народность съ бытовыми предметами, ей принадлежащими, занимала бы мѣсто среди ближайшеродственныхъ ей народностей того же племени.

„Такимъ образомъ, географическое размѣщеніе уступило мѣсто этнографическому. Проведеніемъ этнографического принципа имѣлось въ виду приспособить Дашковскій этнографический музей къ цѣлямъ систематического изученія этнографіи, которое, съ основаніемъ при университѣтѣ каѳедры географіи и этнографіи, должно разиться въ ближайшемъ будущемъ, какъ предметъ университетскаго преподаванія“.

Эта цитата очень характерна не только для пониманія роли В. Ф. въ дѣлѣ научнаго преобразованія Дашковскаго музея: она характеризуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно исключительное для того времени по своей широтѣ воззрѣніе на научное значеніе этнографіи вообще и этнографическихъ музеевъ въ дѣлѣ постановки университетскаго преподаванія въ частности.

Оставалось еще одно важнѣйшее и труднѣйшее дѣло—разобраться въ огромномъ материалѣ, собранномъ со всѣхъ концовъ лицами, чаще всего мало компетентными,—материалѣ, плохо каталогизированномъ и дефектно опредѣленномъ, научно разработать его и описать, сдѣлавъ его вмѣстѣ съ тѣмъ достояніемъ ученаго міра.

Эту работу В. Ф. выполнилъ въ своемъ „Систематическому описанію коллекцій Дашковскаго Этнографического музея“²⁾.

Подъ этимъ скромнымъ названіемъ скрывается обширный научный трудъ, потребовавшій отъ В. Ф. десяти лѣтъ работы, трудъ, который за два десятилѣтія, протекшія со времени его появленія, не только не потерялъ своей цѣнности, но остается пока единствен-

¹⁾ Предисловіе къ „Систематическому описанію Дашковскаго музея“, стр. XII, XIII.

²⁾ Всего вышло (1887—1895 гг.) 4 выпуска.

нымъ изъ работъ этого рода въ Россіи. И не только у насъ, ибо на западѣ, гдѣ этнографія сдѣлала столь блестящіе успѣхи, гдѣ имѣются сотни прекрасныхъ музейныхъ специалистовъ, труды этого рода крайне рѣдки. Я уже сказалъ, что скромное название этой работы совершенно не соответствуетъ ни цѣнности ея содержанія ни обширности вложенного въ нее труда. По тому времени составленіе даже простыхъ описаній этнографическихъ предметовъ представляло необычайныя трудности. Для нѣкоторыхъ отдѣловъ и самыхъ главныхъ, именно славянскихъ народностей Россіи — за отсутствіемъ музейно-регистраціонного и литературного матеріаловъ — пришлось прибегнуть къ специальнымъ анкетамъ. Такъ, III выпускъ, посвященный славянскимъ народамъ Россіи (великороссамъ, белоруссамъ, малороссамъ и полякамъ) составленъ исключительно на основаніи цѣлой тысячи отвѣтовъ народныхъ учителей на анкетный листъ, разосланный во всѣ концы Россіи В. ѡ. Разработанный на основаніи этихъ отвѣтовъ матеріалъ до сихъ поръ составляеть цѣнныій первоисточникъ среди скучной литературы по матеріальному быту славянскихъ народовъ Россіи. По другимъ отдѣламъ — инородческому и западно-славянскому — пришлось перерыть обширную специальную литературу на русскомъ и иностранномъ языкахъ. И въ результатѣ получился не каталогъ, а цѣлая описательная этнографія Россіи и славянскихъ народовъ, или, какъ выражался справедливо самъ В. ѡ., получилось „пособіе къ изученію виѣшняго быта народностей, населяющихъ Россію, поскольку бытъ послѣднихъ представленъ коллекціями музея“ ¹⁾.

Но В. ѡ. не ограничился одними описаніями. Помимо краткихъ характеристикъ для каждой изъ 119 народностей, вошедшихъ въ „Описаніе“, дана довольно обширная для того времени библіографія, предназначенная служить пособіемъ для будущаго поколѣнія этнографовъ.

Съ великой признательностью должны нынѣшніе этнографы, въ распоряженіи которыхъ теперь имѣются цѣнныіе обширные сборники по библіографіи, вспомнить ту кропотливую работу, которую выполнилъ въ свое время единолично В. ѡ. и ради которой ему пришлось съ великимъ трудомъ урывать время отъ другихъ своихъ самыхъ разнообразныхъ научныхъ работъ, единственno изъ сознанія, какъ онъ выражается, что эта работа „несомнѣнно можетъ быть полезна любителямъ и изслѣдователямъ этнографіи ²⁾.

Еще и теперь многие москвичи, работавшіе въ то время въ Румянцевскомъ музѣѣ, разскажутъ вамъ про то, какъ В. ѡ. не пропускалъ ни одного дня, чтобы не явиться сейчасъ послѣ университета

¹⁾ Предисловіе къ „Систем. описанію“, стр. I.

²⁾ Тамъ же.

въ библиотеку и часами рыться среди книжной и газетной пыли, откапывая материалъ для своей библиографіи.

Таково было его тяготѣніе къ дѣлу этнографіи въ Россіи!

Перехожу къ руководительству В. Ф. Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ.

Съ 1881 г., въ теченіе 33 лѣтъ, онъ безсмѣнно стоялъ во главѣ этого учрежденія, столь много сдѣлавшаго по фольклору и этнографіи Россіи и группировавшаго вокругъ себя всю такъ называемую московскую этнографическую школу, общепризнаннымъ главою и создателемъ которой былъ В. Ф.

Необыкновенно счастливо сочетались въ немъ всѣ данныя, необходимыя для научнаго руководителя вообще и въ области этнографіи въ частности. Прежде всего, особенно цѣнна была въ немъ, какъ руководителѣ, его необычайно разностороннія научная образованность, столь необходимая для того, чтобы самому ориентироваться и руководить въ такихъ энциклопедическихъ отрасляхъ знанія, какъ этнографія и фольклоръ. Въ этомъ отношеніи едва ли онъ имѣлъ равнаго себѣ въ Россіи. Во время дискуссій не разъ приходилось поражаться богатствомъ его знаній въ такихъ областяхъ, которыя казались совершенно чуждыми кругу его собственныхъ научныхъ интересовъ.

Вспоминаю его первое появленіе еще въ качествѣ гостя въ нашей средѣ—здѣсь, въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣленія. Дискутировался докладъ о примѣненіи статистическаго метода въ вопросѣ о заимствованіяхъ въ культурахъ африканскихъ негровъ. Одно замѣчаніе В. Ф. о древнѣйшихъ связяхъ между культурами Индіи и Африки, подкрѣпленное цѣнными данными изъ области исторіи и этнографіи, сразу перенесло вопросъ изъ области гаданій на твердую почву исторіи и фактовъ.

Эта же разносторонность поразила меня во время бесѣдъ при посѣщеніи имъ академическаго музея этнографіи. Въ каждомъ отдѣлѣ В. Ф. не только проявлялъ живѣйшій научный интересъ, но всегда какъ разъ болѣе всего останавливался на томъ, что особенно интересуетъ специалистовъ въ данной области.

Другая, не менѣе цѣнная черта—это его научная чуткость, широта и свѣжесть мысли, не дававшая ему, какъ это часто случается со многими специалистами, застаиваться на разъ навсегда принятыхъ теоріяхъ и доктринахъ,—даръ безпрерывнаго развитія и движенія. Онъ началъ въ фольклорѣ и миѳологіи съ Куномъ и сумѣлъ съ громаднымъ интересомъ и сочувствіемъ слѣдить до послѣдняго дня за всѣми новѣйшими теченіями антропологической школы. Отсюда его широкая научная терпимость, столь необходимая для руководителя смѣняющихся поколѣній, отсюда непрерывавшійся до конца жизни живой, радостный научный kontaktъ съ ученой молодежью.

Наконецъ, у него былъ цѣнный даръ привлекать людей. У него

было то природное благожелательство, которое не дается никакой тренировкой, которое является истиннымъ даромъ Божиимъ. Какъ тепло онъ умѣлъ относиться къ научнымъ работникамъ, даетъ иѣкоторое представлениѣ слѣдующая цитата изъ доклада его о положеніи этнографіи въ Россіи:

„Спросимъ теперь себя,—говорилъ В. Ф.,—откуда берутся эти многочисленные работники въ области этнографіи, эти лица, присылающія ученымъ обществамъ свои наблюденія, записи, коллекціи, обогащающія наши музеи. Эти скромные труженики, разсѣянные по всему лицу русской земли, эти добровольцы науки, совершающіе добровольныя, нерѣдко недобровольныя, поѣздки въ самыхъ отдаленныхъ захолустьяхъ Россіи,—принадлежать просвѣщенному классу народа, такъ наз. интеллигенціи. Интересъ къ этнографическимъ наблюденіямъ поддерживается и питается въ этомъ классѣ работниковъ не однимъ научнымъ влечениемъ, а главнымъ образомъ глубокимъ сочувствіемъ къ жизни низшихъ слоевъ народа, сохраняющихъ въ своемъ быту много переживаній старины, и высоко гуманнымъ отношеніемъ нашего общества къ инородческому населенію Россіи. Этой духовной работой нашей интеллигенціи мы имѣемъ полное право гордиться.

„Едва ли въ какой-либо другой культурной странѣ мы найдемъ такие кадры тружениковъ, работающихъ безвозмездно, ради идеи и поставленныхъ притомъ въ тяжелыя материальныя, иногда нравственныя условія. Едва ли въ другой европейской странѣ этнографія такъ мало обременяетъ государственный бюджетъ, какъ въ нашемъ отечествѣ“ ¹⁾.

Но благожелательство у В. Ф. не ограничивалось только „чувствами“ и добрымъ отношеніемъ къ людямъ: оно было въ полномъ смыслѣ слова дѣйственнымъ. Онъ привлекалъ людей не только своимъ энтузіазмомъ, своей любовью къ этнографіи, своей личной обаятельностью, но и всегдашней готовностью помогать всѣмъ и каждому своимъ совѣтами и трудомъ. Въ предисловіи къ 1 выпуску извѣстныхъ „Сборниковъ материаловъ по этнографіи, издаваемыхъ при Дашковскомъ Этнографическомъ музѣѣ“, В. Ф., призывая мѣстныхъ дѣятелей къ собиранию этнографическихъ материаловъ, сообщаетъ своимъ будущимъ сотрудникамъ, что „литературную обработку присланныхъ материаловъ редакція принимаетъ на себя“, и просить авторовъ, „не стѣсняясь формой изложенія, сосредоточить все свое вниманіе на точности сообщаемыхъ данныхъ“.

Всякій, кто имѣлъ дѣло съ грудами сырого этнографического материала, въ такомъ изобиліи присыпаемаго съ мѣстъ столь часто въ

1) „Вступительное слово при открытии подсекціи этнографіи на XII-омъ съѣзѣ естествоиспытателей и врачей“ (Этногр. Обозр., 1909, № 4, стр. 5).

самомъ примитивномъ вплоть до безграмотности видѣ, сумѣть оцѣнить ту громадную работу, которую принялъ на себя В. Ф., и ту силу поощренія, которую получалъ въ своей работѣ самый скромный работникъ на нивѣ этнографіи...

Если такъ тепло В. Ф. умѣлъ относиться къ „дальнимъ“, незнакомымъ ему людямъ, проявившимъ интересъ къ этнографіи, то что уже говорить о тѣхъ, которые окружали его въ родной Москвѣ. Здѣсь силой своей обаятельной личности и своего научнаго энтузіазма онъ сумѣлъ сгруппировать вокругъ себя для научной работы цѣлый кадръ какъ своихъ многочисленныхъ слушателей и слушательницъ, такъ и сотрудниковъ по Этнографическому Отдѣлу для дружной и совмѣстной работы. И безъ преувеличенія можно сказать: если въ Москвѣ выросъ широкій интересъ къ этнографіи, какъ нигдѣ въ Россіи, если въ Москвѣ возможно стало университетское преподаваніе этнографіи, если въ Москвѣ стали возможны такие преподаватели, какъ Николай и Вѣра Харузины, то этимъ она обязана главнымъ образомъ В. Ф.

Не могу при этомъ не напомнить про одну особенную заслугу В. Ф. въ этой области. Ему первому принадла счастливая мысль привлечь изъ среды учащейся молодежи представителей различныхъ народностей Россіи и славянскихъ странъ для изученія культуры и фольклора родныхъ имъ народовъ. Благодаря этой счастливой мысли, русская этнографія обогатилась цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ работъ лицъ, интимно знакомыхъ съ языкомъ и жизнью описываемыхъ народовъ. Дашковские сборники, издававшіеся В. Ф., наполнены статьями почти исключительно такихъ компетентныхъ работниковъ, которые заинтересовались своимъ собственнымъ народомъ только благодаря воздействию В. Ф.

Остается еще напомнить о славной дѣятельности руководимаго въ теченіе 33-хъ лѣтъ В. Ф. Этнографическаго Отдѣла Общества Любителей Естествознанія и объ его органѣ—„Этнографическомъ Обозрѣніи“, въ который В. Ф. вложилъ столько труда и какъ редакторъ и какъ авторъ безчисленныхъ статей и рецензій. Эта дѣятельность достаточно хороню извѣстна всей Россіи.

Ограничусь поэтому только нѣсколькими цифрами за одно ближайшее десятилѣтіе (1898—1908 гг.). На заѣданіяхъ Отдѣла за этотъ періодъ было сдѣлано болѣе 200 сообщеній,—не считая 50 сдѣланныхъ въ музикальной комиссіи этого Отдѣла, — вышло 40 томовъ „Этнографическаго Обозрѣнія“ и было предпринято до 70 этнографическихъ поѣздокъ ¹⁾...

Вмѣстѣ съ благодарной памятью о В. Ф., какъ о замѣчательномъ ученомъ, этнографѣ и фольклористѣ, навсегда останутся памятными

1) Ср. „Этногр. Обозрѣніе“, 1909 г., № 4, стр. 3.

незабвенныея услуги, оказанныя имъ въ качествѣ руководителя двухъ крупнѣйшихъ этнографическихъ учрежденій въ Россіи и главы и вдохновителя московской этнографической школы.

Позвольте въ заключеніе воздать должное памяти В. Ф. отъ имени нашего Этнографического Отдѣленія, которымъ онъ руководилъ со времени переѣзда своего въ Петербургъ. Не долго суждено было намъ пользоваться его руководительствомъ, но мы никогда не забудемъ глубокой разносторонности, которую онъ вносилъ въ многообразные вопросы, здѣсь обсуждавшіеся, горячаго интереса, проявленнаго имъ къ дѣламъ нашего Общества, и той атмосферы обаятельнаго благожелательства, которую онъ внесъ въ нашу среду. Еще двѣ недѣли тому назадъ въ этомъ самомъ залѣ, гдѣ мы теперь собрались для печального торжества, мы работали подъ его руководствомъ, и онъ, живой и бодрый, какъ всегда, дѣлился съ нами своими богатыми знаніями по веддійской міѳологии. Ничто не предвѣщало, что мы такъ скоро лишимся его.

Теперь его нѣть, но духъ его, его горячая любовь въ наукѣ, его научные завѣты и его научное наслѣдіе останутся съ нами.

Л. Штернбергъ.

Критика и библіографія.

5. Р. Кедрина. Обрядъ „крещенія“ и „похоронъ кукушки“ въ связи съ народнымъ кумовствомъ. „Этн. Обозр.“ 1912.

Послѣдній выпускъ „Этнографического Обозрѣнія“ (1912 г. № 1—2) представляетъ иѣкоторую цѣнность по своему содержанію: шесть статей (Н. С. Арсеньева, Р. Е. Кедриной, В. Н. Харузиной и А. А. Носовой, Е. И. Елеонской и Вл. Вл. Богданова) касаются одной или очень близкихъ между собою темъ. Г-нъ Арсеньевъ обозрѣваетъ тексты сакральныхъ плачей надъ умирающимъ богомъ, главнымъ образомъ въ древнихъ передне-азіатскихъ культуахъ. Вл. Вл. Богдановъ даетъ рецензію на книгу д-ра Арнаудова—Студии въ рѣчи бѣлггарскитѣ обреди и легенди,—касающіеся болгарскихъ празднествъ, аналогичныхъ адоніямъ и русскимъ купальскимъ обрядностямъ. Наконецъ, г-жа Кедрина предлагаетъ детальное изслѣдованіе обряда „крещенія“ и „похоронъ кукушки“ въ связи съ народнымъ кумовствомъ. При этомъ авторъ пользуется уже новыми записями обряда, напечатанными въ той же книжкѣ остальными изъ переименованныхъ лицъ. До послѣдняго времени обрядъ „похоронъ кукушки“ былъ совсѣмъ неизвѣстенъ изслѣдователямъ. Въ 1908 г. появилась запись обряда, напечатанная В. Я. Кошковымъ въ книгѣ „Географич. очерки Калуж. губ.“ (Кал. 1908 г.); въ 1909—1911 гг. были произведены еще четыре записи обряда г-жей Кедриной въ той же Калуж. губ., В. Н. Харузиной и А. А. Носовой въ Орловск. губ. и Е. И. Елеонской въ Тульск. и Кал. губ. До сихъ поръ съ именемъ „кукушки“ былъ извѣстенъ другой обрядъ—„крещеніе кукушки“ (библіограф. обзоръ его записей (17) данъ г-жей Кедриной на стр. 108). Обрядъ этотъ—пользуясь словами г-жи Кедриной—„въ общихъ чертахъ состоитъ въ слѣдующемъ: дѣвушки и молодыя женщины идутъ въ лѣсъ, однѣ безъ мужчинъ; тамъ находятъ себѣ травку „кукушку“, дѣлаютъ изъ нея куклу, нарядивъ ее въ сарафанъ, или просто сви-ваютъ ее вѣнкомъ; цѣлуются надъ нею, мѣняются крестами, яйцами, платками и становятся кумами. Потомъ слѣдуетъ общая Ѣда, причемъ въ числѣ необходимыхъ купаній—непремѣнно яичница, какъ это бываетъ во многихъ весеннихъ обрядахъ. Затѣмъ приходятъ мужчины,

присоединяются къ дѣвушкамъ, водять вмѣстѣ хороводы, поютъ обычныя весеннія пѣсни, и на этомъ празднество кончается. Здѣсь нѣть ни похоронъ ни вырыванія „кукушки“, и самая кукушка часто получаетъ видъ обыкновенного троицкаго вѣнка (Кедрина, стр. 111). Согласно новымъ записямъ обряда, помимо крещенія, совершаются похороны „кукушки“ (причёмъ, по свидѣт. г-жи Кедриной, въ Калуж. губ. первоначально подъ кукушкой подразумѣвалось чучело настоящей птицы—кукушки; теперь же это чучело замѣняется травою „кукушкины слезы“ и др.). Обрядъ похоронъ состоитъ въ томъ, что дѣвицы или молодыя бабы, какъ и въ обрядѣ крещенія, наряжаютъ корень травы (раньше чучело птицы) въ женскій костюмъ, кумуются надъ этой куклой и затѣмъ зарываютъ ее въ лѣсу (раньше на кладбищѣ), предварительно положивъ ее въ сдѣланный по заказу гробикъ (въ нѣкот. мѣстностяхъ въ какую-нибудь коробку). Въ Троицынъ день „кукушку“ вырываютъ; кумы дарятъ другъ другу бусы, орѣхи, подсолнухи и возвращаютъ платки, которыми обмѣнялись при крещеніи кукушки. Иногда кукушку оставляютъ на деревѣ, иногда уносятъ домой для будущихъ похоронъ. Таково въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе обрядовъ (Кедр., стр. 100—112). Въ своей статьѣ г-жа Кедрина пытается дать историческое и этнографическое объясненіе этихъ обрядовъ. Присмотрѣвшись къ времени совершеннія обряда, она приходитъ къ заключенію, что обрядъ похоронъ кукушки—весенний; цитируя нѣсколько разъ Фрэзера, г-жа Кедрина сближаетъ похороны кукушки съ извѣстными уже аграрными праздниками—русскими адоніями, купальскими обрядами (стр. 114—118). Ноэтому, слѣдовало бы ожидать, что, дѣляя указанный выводъ, г-жа Кедрина тѣмъ самыемъ дастъ блестящее подтвержденіе интересной гипотезѣ А. Н. Веселовскаго, возводившаго извѣстные на Руси виды кумовства къ купальской обрядности: мы видѣли, что въ похоронахъ кукушки кумовство играетъ огромную роль. Исходя изъ подробнаго анализа празднествъ въ честь Иоанна Кр. на Западѣ и основываясь на распространенности тамъ обычая кумиться въ Ивановъ день, на многочисленныхъ свидѣтельствахъ обѣ Иоаннѣ Крестителѣ, какъ покровителѣ кумовства, А. Н. Веселовскій и въ русскомъ кумовствѣ видѣлъ (правда, сильно измѣненные) пережитки эротического элемента въ купальскихъ обрядахъ, аналогичныхъ адоніямъ. Однако, прямыхъ свидѣтельствъ о кумовствѣ именно въ это время онъ не имѣлъ. „У насъ нѣть свидѣтельства—говорилъ А. Н. Веселовскій—обѣ ивановскому кумованію въ русскихъ обрядахъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи существуетъ обычай между женщинами кумиться и дружиться въ Петровъ день, на лугу, причемъ онъ водятъ хороводы, цѣлюются и мѣняются крестами“ (Веселовскій, „Гетеризмъ, побратимство и кумовство въ купальной обрядности“. Журн. М. Н. Пр. 1894, февр., стр. 316). Если же тѣсно сближать похороны кукушки съ похоронами

чучель Купалы (въ Ивановъ день) или аналогичныхъ ему чучель Ко-
стромы, Ярилы и, согласно Веселовскому (ів., стр. 310), не придавать
большого значенія хронологической разницѣ, то мы въ похоронахъ ку-
кушки находимъ то совпаденіе купальской обрядности и кумовства,
которое доказывалъ, но не могъ подтвердить наличными фактами покой-
ный ученый. Но г-жа Кедрина не раздѣлила точки зрењія А. Н. Весе-
ловского и выдвинула (см. стр. 122 и сл.) собственное объясненіе
кумовства, связанного съ „крещеніемъ“ и „похоронами кукушки“. По
ея мнѣнію, нельзя выводить обычай кумовства только изъ весенней
обрядности, какъ это дѣлалъ Веселовскій, считавшій, что кумовство
замѣнило „собою другія болѣе реальныя черты натуралистического
культа“. Г-жа Кедрина пытается разграниチть нѣкоторые виды ку-
мовства на Руси и кумовство на западѣ. Такъ, она утверждаетъ, между
прочимъ, что „позднѣйшее западное кумовство сохраняетъ тотъ же
характеръ ухаживанія, которое происходитъ между лицами разнаго пола,
и что браки между кумомъ и кумою очень обычны и не запрещаются
ни церковью ни народными воззрѣніями“ (стр. 122); между тѣмъ, въ
русскомъ кумовствѣ будто бы бросается въ глаза отсутствіе эротиче-
скаго элемента, и „оно слишкомъ тѣсно связано съ другимъ видомъ
духовнаго родства — побратимствомъ“ (стр. 123). Но это различие между
кумовствомъ западнымъ и русскимъ оказывается мнимымъ, такъ какъ
въ той же статьѣ Веселовскаго, о которой мы упоминали, можно
найти ясныя опроверженія мнѣнія г-жи Кедриной. И на западѣ
часто кумуются лица одного пола (и это, какъ указывается Веселов-
скій, является результатомъ „эволюціи бытовыхъ формъ“) — см. стр.
393, а также стр. 394 и 395 („двоє ребята одного пола“, кумовство
двухъ женщинъ, дѣвушекъ между собою и др.); любовная связь кума
съ кумой считается грѣхомъ (напр., въ Венеціи — см. Веселовскій,
о. с., стр. 396—397) и т. д. Съ другой стороны, и въ Россіи кумуются
также лица разнаго пола (см. Аничковъ, II, 204). Поэтому, видѣть въ
русскомъ кумовствѣ нѣчто особенное, исключительное не приходится;
также не приходится, вопреки мнѣнію г-жи Кедриной (стр. 123),
рѣзко раздѣлять и два вида кумовства: съ эротическимъ элементомъ
и безъ него, такъ какъ одинъ могъ тѣсно вытекать изъ другого,
следуя „эволюціи бытовыхъ формъ“. Раздѣливъ виды кумовства,
г-жа Кедрина идетъ далѣе и пытается отдѣлить другъ отъ друга,
казалось бы, тѣсно слитые обряды „крещенія“ и „похоронъ“ кукушки.
Въ связи съ этой попыткой, г-жа Кедрина дѣлаетъ обширный экс-
курсъ въ область исторіи кумовства и побратимства (стр. 124—133), а
затѣмъ выясняетъ вопросъ, почему предметомъ крещенія въ изу-
чаемомъ обрядѣ является кукушка (стр. 133—136). Согласно съ раз-
сужденіями г-жи Кедриной (вполнѣ допустимыми), „въ искусствен-
ное родство чаще вступали люди одинокіе, не имѣющіе настоящаго
родства“; кукушка — образъ одинокой женщины; „обрядъ же кумовства

это—средство найти себѣ подругу, сестру, куму". Далѣе авторъ выясняетъ, что, по его мнѣнію, въ обрядѣ крещенія кукушки скрѣпляло кумовство. Такими средствами, по его мнѣнію, могли быть: 1) трава, имѣвшая, навѣрное, любовное значеніе, 2) совмѣстное хожденіе за правою, 3) другіе обряды: поцѣлуи, обмѣнъ платками, кольцами, сплетеніе руками и т. д., 4) впослѣдствіи союзъ кумовства стали скрѣплять обрядомъ крещенія со всѣми его церковными атрибутами. Обмѣну подарками г-жа Кедрина придаетъ огромное значеніе, а во взаимномъ возвращеніи подарковъ видѣть ритуальный смыслъ—раскумленіе. Но имѣющіяся въ ея распоряженіи данныя не даютъ основаній дѣлать подобныя заключенія. Отдача подарковъ, можетъ-быть, вовсе не являлась существенной частью ритуала и не имѣла другого значенія, какъ просто—окончаніе праздника; кромѣ того, она могла быть явленіемъ позднѣйшимъ. Въ заключеніе своей статьи г-жа Кедрина формулируетъ такъ свои выводы: I. „Крещеніе кукушки“ можно разсматривать, какъ соединеніе двухъ обрядовъ: а. Первый обрядъ—похороны и вырываніе куклы—имѣетъ широкое значеніе: это—обрядъ весенній, аграрный, имѣющій цѣлью увеличить производительность природы. в. Второй обрядъ—„крещеніе кукушки“ (название относится только къ нему)—есть случай вступленія въ искусственное родство при помощи совмѣстного выполненія общаго дѣла (отысканіе травы), обмѣна поцѣлуями, предметами и крещенія куклы. II. Причина соединенія этихъ двухъ обрядовъ: а. Оба обряда состоять изъ двухъ моментовъ: похороны и вырываніе съ одной стороны, и кумовство и раскумленіе съ другой. в. Центральную роль въ обоихъ обрядахъ играетъ разукрашенная кукла, сдѣланная изъ зелени. с. Соединеніе въ пары мужчинъ и женщинъ въ аграрномъ обрядѣ—„весенне кумовство“ (приходъ парней къ девушкамъ—остатки его)—могло притянуть обрядъ „кумовства—побратьства“, который служить основой „второго празднества“ (стр. 139).

Но мы, какъ было сказано выше, не можемъ согласиться съ раздѣленіемъ одного обряда на два разныхъ, генетически связанныхъ видовъ кумовства на два совершенно чуждыхъ другъ другу, считаемъ искусственнымъ созданіе обряда (и термина) „раскумленія“, а также не можемъ думать, чтобы кукла была органичнымъ элементомъ для обряда побратьства, если бы даже и можно было считать его стоящимъ виѣ генетической связи въ весенней обрядности. Кукушка—могла быть позднѣйшей осмысленной (на основаніи символического значенія птицы кукушки) замѣтной купальскаго чучела съ другимъ названіемъ. (Признавая большое значеніе вновь записанного обряда нельзѧ не высказать, однако, сожалѣнія, что г-жа Кедрина не съ достаточнымъ вниманіемъ отнеслась къ глубокой по содержанію статьѣ акад. А. Н. Веселовскаго).

Ю. Соколовъ.

6. **Даниилъ Святскій.** Подъ сводомъ хрустального пеба. Очерки по астральной миѳологии въ области религіознаго и народнаго міровоззрѣнія. Съ 15 рис. въ текстѣ. Спб. 1913. 187. 8°.

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія вышелъ въ свѣтъ цѣлый рядъ книгъ, посвященныхъ „астральному“ или историко-астрономическому объясненію миѳовъ и легендъ, главнымъ образомъ—біблейскихъ сказаній. Разумѣемъ книги: Hugo Winkler, *Himmels- und Weltenbild der Babylonier als Grundlage der Weltanschauung und Mythologie aller Voelker*. Лейпцигъ 1903; Dr. Erich Bischoff, *Babylonisch-Astrales im Talmud und Midrach*. Лейпцигъ 1907; Eduard Stucken, *Astralmythen der Hebraeer, Babylonier und Aegypter*. Лейпцигъ 1907; Ernst Siecke, *Drachenkaempfe. Untersuchungen zur indogermanischen Sagenkunde*. Лейпцигъ 1907; пасторъ Alfred Ieremias, *Babylonisches im Neuen Testament*. Лейпцигъ 1905; онъ же, *Das alte Testament im Lichte des alten Orients*. Лейпцигъ 1906; польскій публицистъ A. Niemojewski, *Bóg Jezus w świetle badań cudzzych i własnych*. Варшава 1909; и иѣкоторыя другія. Изъ русскихъ авторовъ здѣсь долженъ быть названъ Н. Морозовъ, въ книгѣ котораго „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. Исторія возникновенія апокалипсиса“ (Спб. 1907) исторической элементъ, впрочемъ, очень слабъ, почему она для новаго метода не характерна. Другой русскій изслѣдователь, работающій на томъ же поприщѣ,—астрономъ Д. О. Святскій, заглавіе новой книги котораго нами выписано выше.

Въ легендахъ и миѳахъ перечисленные изслѣдователи видятъ отраженіе различнаго расположенія созвѣздій на небесномъ сводѣ и передвиженія среди нихъ солнца, луны и планетъ.

Родоначальниками своего метода перечисленные изслѣдователи „астрономики“ считаютъ старыхъ французскихъ авторовъ Dupuis и Volney; книга первого „Origine de tous les cultes ou religion universelle“ вышла въ печати въ Парижѣ еще въ 1794 году; трудъ второго „Les ruines ou mѣditations sur les rѣvolutions des empires“ etc. былъ не такъ давно (въ 1883 г.) переизданъ, также въ Парижѣ. Но этнографамъ эта старая родословная не говоритъ почти ничего. Этнографъ ясно, что въ трудахъ новѣйшихъ „астрономиковъ“ мы имѣемъ, въ сущности, возрожденіе старой миѳологической школы,—воскресеніе теоріи, казалось бы похороненной разъ навсегда.

Однако, между прежней миѳологической и новой историко-астрономической или „астральной“ теоріями объясненія легендъ и миѳовъ существуетъ и большая разница. Новая теорія воспользовалась всѣми выводами „теоріи заимствованій“ и отвѣчаетъ лишь на тѣ вопросы, о которыхъ молчать эта послѣдняя.

Заимствованія однимъ народомъ у другого, этимъ вторымъ у третьяго и т. д. рано или поздно приводятъ изслѣдователя къ чемуто оригинальному. Какъ и гдѣ сложилось, подъ вліяніемъ чего за-

родилось это оригинальное? — Разрешить эти последние вопросы „теорія заимствованій“ безсильна (если она не можетъ сослаться на какое-нибудь древнее произведение индивидуального творчества). Тутъ-то и выступаетъ на сцену „астральная теорія“, объясняющая намъ, часто весьма удачно, самыи процессъ зарожденія древнійшихъ миѳовъ, потомъ странствующихъ отъ одного народа къ другому.

Историки литературы и этнографы, сколько намъ извѣстно, еще не считаются съ этой новою, „астральную“ теоріею. Возможно, что ученыхъ изслѣдователей нѣсколько пугаетъ то юное увлеченіе, которое замѣтно въ трудахъ многихъ „астралистиковъ“. Какъ бы то ни было, но скоро и необходимо этнографамъ придется столкнуться съ этой новою (или хотя бы только обновленною) теоріею. Область примѣненія „астрального“ метода все расширяется и затрагиваетъ уже области, непосредственно относящіяся къ фольклору. Намъ, извѣстно, что профессоръ философіи въ Карлсруэ, Артуръ Древсъ (Drews) объяснилъ „астрально“ двѣ извѣстныи народныи сказки: „спящая царевна и семь разбойниковъ“ и „красная шапочка и сѣрий волкъ“; это туть самыи Древсъ, нашумѣвшія книги коего „Die Christusmythe“ и „Die Petruslegende“ (Лена 1909) имѣютъ къ историко-астрономическому методу лишь сравнительно очень слабое отношеніе.

Прекраснымъ пособіемъ для первого ознакомленія съ этой новою, „астральную“, теоріей можетъ служить книга г. Святскаго „Подъ сводомъ хрустального неба“. Въ этой книгѣ указаны почти всѣ главные труды представителей „новаго метода“ (такъ нашъ авторъ называетъ историко-астрономическую теорію); нѣкоторые изъ этихъ трудовъ отчасти здѣсь и изложены. Самому г. Святскому пришла счастливая мысль примѣнить новую теорію къ апокрифическимъ сказаніямъ и легендамъ, распространеннымъ въ русскомъ народѣ.

„Астральные сопоставленія библейской древности оставались долгое время замурованными толстымъ слоемъ иносказательного описанія. Теперь они раскрыты при свѣтѣ новаго метода изслѣдованія. И вотъ, эти же сопоставленія совершенно неожиданно обнаруживаются, почти въ подлинномъ своемъ видѣ, въ другой области — въ таѣ называемомъ „русскомъ народномъ творчествѣ“, оказывающемся на самомъ дѣлѣ отголоскомъ древней астралистики“ (стр. 111). Такъ пишетъ нашъ, нѣсколько увлекающійся, представитель „новаго метода“.

На астральной почвѣ г. Святскій объясняетъ народные миѳы о лунѣ, связанные съ именами Каина и Авеля; въ нихъ онъ видитъ „отголосокъ легендъ старинной апокрифической письменности, уже въ началѣ имѣвшихъ, въ извѣстной своей части, астральный смыслъ“ (стр. 28—38). „Спиридонъ поворотъ“, извѣстный моментъ русскаго народнаго календаря (12-е декабря), восходить ко времени не ранѣе XVI-го столѣтія: зимнее солнцестояніе приходилось на день памяти

св. Спиридона во времена великаго князя Василія Ивановича III (1479—1533); самое пріуроченіе „солицеворота“ къ имени св. Спиридона могло возникнуть только въ образованныхъ сословіяхъ, знакомыхъ съ греческимъ языкомъ (стр. 61).

Фениксъ и Халкедрій, чудесныя птицы старинныхъ апокрифовъ, образцы коихъ перешли къ намъ отъ грековъ, а въ дальнишемъ восходятъ къ египетскому искусству,—первоначально были обра-зами вечерней и утренней зари (стр. 69).

Изъ данныхъ въ книгѣ г. Святского историко-астрономическихъ экскурсовъ три только-что отмѣченныхъ нами наиболѣе интересны для русскихъ этнографовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, экскурсы эти и наиболѣе убѣдительны.

Конецъ книги г. Святского (стр. 131—185) посвященъ статьѣ „Звѣздная миѳология народовъ Россіи“; здѣсь мы имѣемъ дѣло уже не съ домыслами „астралистиковъ“, а съ простымъ изложеніемъ научныхъ фактовъ. Названная статья—одинъ изъ первыхъ въ нашей литературѣ опытовъ изложенія русской народной космологіи специалистомъ астрономомъ. До сихъ поръ этой области касались болѣею частью лица, чуждыя специальныхъ познаній въ астрономіи, почему описанія ихъ нерѣдко оказываются неточными и неудобопонятными.

Мы далеки отъ мысли признавать всѣ тѣ выводы, нерѣдко довольно скороспѣлые, какіе можно найти въ трудахъ новѣйшихъ „астралистиковъ“. Мы уже говорили, что „новая школа“ переживаетъ еще пору новаго увлеченія. Но тогъ историко-астрономической методъ, которымъ руководятся новые изслѣдователи, представляется намъ далеко не безплоднымъ. Методъ этотъ, конечно, не разрѣшить всѣхъ загадокъ, волнующихъ современаго фольклориста; но кое-что изъ этихъ загадокъ онъ, думаемъ мы, разрѣшить. И вотъ этого-то кое-чего мы будемъ отъ него ждать.

Дм. Зеленинъ.

7. Prof. Dr. Lubor Niederle. Život starých slovanů. Dilu I. svazek 2. Praha. 1913. Стр. 391—897. 8°.

Мы привѣтствовали въ свое время (Жив. Стар. 1912, № 1, стр. 212—214) появленіе первого выпуска названной работы извѣстнаго чешскаго ученаго. Теперь вышелъ второй выпускъ этого гран-діознаго труда.

Напомнимъ, что задачею новаго труда проф. Л. Нидерле служить выясненіе древней языческой культуры славянскихъ народовъ въ періодъ передъ принятіемъ ими христіанства.

Настоящій второй выпускъ состоить изъ двухъ большихъ главъ, изъ которыхъ первая посвящена славянской одеждѣ и украшениямъ,

а вторая—славянскому жилищу и другимъ постройкамъ. Въ первой (а по общему счету въ обоихъ выпускахъ—четвертой) главъ описаны матеріаль одежды (домашней выработки и привозный), одежда мужская и женская, верхняя и нижняя, обувь; прическа и головные уборы; орудія для шитья; княжеская одежда; украшениі: застежки и булавки, запонки и пряжки, украшениі на поясахъ, діадемы, височныя кольца и серыги, ожерелья съ привѣсками и шейныя гривны, оплечья, перстни и прочія мелкія украшениі.

Въ заключеніе этой главы дается слѣдующая обобщающая картина. Вплоть до Римской эпохи славяне не достигли въ выработкѣ предметовъ для украшениія ни особаго богатства, ни особаго разнообразія и изящества. Это явствуетъ изъ древнѣйшихъ погребеній эпохи сожженія въ славянской области; погребенія эти весьма бѣдны, и заключающіяся въ нихъ украшениія крайне несложны. Такъ и въ первыхъ столѣтіяхъ по Р. Хр. нельзя еще говорить о какомъ-либо развитіи мелкаго искусства у славянъ. Съ I-го и до V-го вѣка все заполнено издѣліями римскихъ и греческихъ фабрикъ—италійскихъ, провинціальныхъ и черноморскихъ, между которыми встрѣчаются также вещи происхожденія съвернаго, скиѳо-сарматскаго и азіатскаго. Тогдашнее время не благопріятствовало развитію доманинѣ художественной промышленности, нуждающейся въ спокойной работѣ. Славяне переживали тогда крайне беспокойное время, переселялись въ далекіе края, вели постоянныя войны и походы. Только когда все это прекратилось, когда въ VI—VII вв. народы во всѣхъ странахъ прочно осѣли и начали спокойную и благополучную жизнь, тогда только явились благопріятныя условія для развитія ремесль и искусствъ. Но полной безопасности все еще не было, и въ обиходѣ у славянъ все еще преобладали чужія издѣлія—италійскія и римскія; къ нимъ—чѣмъ позднѣе, тѣмъ въ большемъ числѣ—при соединяются на югѣ и на востокѣ издѣлія мастерскихъ византійскихъ, восточныхъ и съверныхъ. И такъ продолжается до самаго конца языческой поры. Только съ X-го вѣка начинаютъ и у славянъ—конечно, подъ вліяніемъ чужихъ образцовъ—появляться художественные произведенія мѣстной выработки, и въ нѣкоторыхъ славянскихъ центрахъ (въ Кіевѣ, Рязани, Суздалѣ, Новгородѣ, Переяславлѣ, Прагѣ и на Балтійскомъ побережье) возникаютъ мастерскія золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ и эмальирнаго искусства. Только теперь начинается развитіе домашняго мелкаго искусства, но не одинаково у всѣхъ славянскихъ народовъ.

Одежда славянская особою роскошью не отличалась; она не изобиловала украшениіями даже и въ концѣ языческой и въ началѣ христіанской эпохи, если сравнивать ее съ одеждой и украшениіями со сѣдей германскихъ, финскихъ, турецко-татарскихъ и даже литовско-латышскихъ, не говоря уже о византійскихъ. Отличается она общею

простотою и въ ту пору, когда у славянъ развились знаменитая промышленность золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ. Промышленность эта ограничивалась немногими главными торговыми центрами, гдѣ славяне жили богаче и одѣвались роскошнѣе, а прочій славянскій людъ—и въ Чехіи, и въ Польшѣ, и на Западѣ славянской Руси—былъ бѣденъ золотомъ и серебромъ. Погребенія конца языческой поры въ этихъ краяхъ всѣми изслѣдователями признаются скучными. (Причина бѣдности—отдаленность славянскихъ земель отъ центровъ древней культуры и отъ торговыхъ дорогъ). Типичны для нихъ украшения—бронзовыя и серебряныя (посеребренныя) височныя кольца, вплетенные въ волосы или же прикрепленные къ обнимающей волосы лентѣ; витые перстни, скрученные изъ одной или двухъ проволокъ; шейный шнуръ съ пѣсколькими бусами—стеклянными или каменными—и съ какой-нибудь металлической привѣской; серьги—вотъ и все. Всякаго рода другія украшения—запонки, пряжки, нарядные пояса, гривны и оплечья—были внутри славянскихъ земель исключениемъ.

Богаче развились промышленность и больше украшений стали носить только тѣ племена, которые были въ непосредственныхъ сношенияхъ съ соѣднями финскими, турецко-татарскими, литовскими и съ сѣверными русами, а также тѣ, которые сидѣли въ богатомъ, близкомъ къ римско-византійской культурѣ придунайскомъ краѣ. Было это, конечно, вліяніемъ тѣхъ же соѣдей; славяне активно реагировали на то, что у нихъ видѣли, и стали одѣваться пышнѣе, хотя и съ меньшимъ вкусомъ. У славянъ, которые здѣсь жили и соприкасались съ этими соѣднями, находимъ не только гораздо большее разнообразіе и богатство украшений, типичныхъ и для другихъ славянскихъ мѣстъ (т.-е. височныхъ кольца, діадемъ, перстней, пряжекъ и серегъ), но въ изобиліи встрѣчаемся и съ новыми украшениями, которые тамъ совсѣмъ отсутствовали—съ застежками, оплечьями и металлическими гривнами. При этомъ возникли новые и красивые типы мѣстного славянского производства, хотя и не вполнѣ самостоятельные, а созданные въ подражаніе восточнымъ и византійскимъ образцамъ (таковы кіевскія серьги, височные кольца московскаго и черниговскаго типа, сѣверянскія діадемы, богатѣйшая ожерелья южнорусскихъ кладовъ, серьги и височные кольца хорватскихъ славянъ и т. д.). Любимымъ материаломъ было серебро, а излюбленнымъ техническимъ прѣемомъ—спайка зернистой филиграны. Издѣлія отличаются легкостью, развитымъ вкусомъ и элегантностью, какъ въ своей формѣ, такъ и въ способахъ ношения. Серебро было уральское; алтайское золото составляло большую рѣдкость.

Совсѣмъ иное видимъ у соѣднихъ народовъ той же эпохи, начиная съ Ковы, Вильны, Витебска и до заволоцкой чуди, до финскихъ и болгарскихъ погребеній на Окѣ, Камѣ и Волгѣ. Здѣсь го-

раздо большие украшения, но все массивные, неуклюжие, безвкусные.

Глава вторая (но общему счету 5-ая) описывает доисторическое жилище въ средней Европѣ вообще, славянскій домъ въ пору по-лукочевого быта и въ пору полной осѣдлости: разсмотрѣны первыя историческія свѣдѣнія и археологическія находки отъ конца языческой эпохи, выяснены тогдашній типъ землянки и шалаша (колябы) и для сравненія привлеченъ этнографической матеріалью. Первоначальное развитіе славянскаго жилища сопровождается появленіемъ сѣпей и притвора, а потомъ и крыльца, при сохраненіи однокамерного типа домовъ. Для уясненія дальнѣйшаго развитія обрисованъ основной типъ германскаго дома. Въ славянскомъ жильѣ появляется изба съ печью, затѣмъ—кухня въ стѣняхъ и, наконецъ, клѣтъ, свѣтлица и комора. Вертикальное расчлененіе жилья и этажи; вопросъ о сѣверномъ вліяніи.—Княжескіе дворцы. Чердакъ и теремъ. Баня. Дворъ и хозяйственныя службы: житница, амбаръ, шинхерь, стодола и гумно, хлѣбъ, орнина, сушильня.—Вѣнчнѣе и внутреннее устройство жилища; постройки деревянныя и каменныя; срубъ, крыша, окна, дверь и запоры; завалина; огнище и печь. Постройки общественныя.

Въ заключеніи къ этой главѣ коротко излагается общій ходъ въ развитіи славянскаго жилища. Древнѣйшій типъ—однокамерная, слабо расчлененная землянка, съ плетеными изъ прутьевъ стѣнами; типъ этотъ держался долго; еще въ X—XII вв. встрѣчались на Кіевскомъ городищѣ дома-полуземлянки. Но прежде этой поры произошелъ важный переворотъ въ томъ смыслѣ, что дома стали ставить надъ землею изъ матеріала болѣе прочнаго и массивнаго—изъ срубленныхъ стволовъ, укрѣпляемыхъ въ уголъ или въ столбы. Этотъ переворотъ стоялъ въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что славяне (прежде VIII—IX в.) прочно осѣли и занялись земледѣліемъ. При этомъ же переворотѣ и даже, быть можетъ, въ связи съ нимъ славянское жилище подверглось впервые чужому вліянію. Къ этой порѣ нужно относить заимствованіе нѣсколькихъ важныхъ германскихъ названий: хызъ, буда, котъ, стѣна, хлѣбъ, стодола, доска, блюдо, перешедшихъ къ славянамъ при многочисленныхъ столкновеніяхъ ихъ съ германцами со времени первого Бастаринскаго наступленія на востокъ въ V—III вв. до Р. Хр. и до конца Готскаго и Герульскаго господства въ IV в. по Р. Хр. въ Польшѣ и на Руси, а еще въ большей мѣрѣ и съ давнѣйшими поры—при столкновеніяхъ съ разными германскими племенами въ восточной Германии между Эльбою, Дунаемъ и Вислою. Къ тѣмъ же столкновеніямъ, приблизительно въ первой половинѣ I-го тысячелѣтія по Р. Хр., надлежитъ относить сверхъ того и переходъ къ славянамъ германской *stuba*. Съ ними же перешла и банная печь, конструированная частью по образцу римскаго отопленія, а частью по образцу пекарняхъ печей,

возникшихъ передъ тѣмъ на сѣверѣ, можетъ быть, и самостоятельно.

Изба съ печью принялась у славянъ быстро и уже прежде X-го вѣка распространилась даже до самаго отдаленнаго востока. Только южные славяне, которые со времени христіанской эры продвинулись на югъ и въ VI-мъ в. окончательно отѣлились отъ сѣвера, хотя и выслушали и принесли съ собою термины изба и печь, но ушли съ сѣвера однако же прежде, чѣмъ ихъ быть сжился съ печью въ избѣ; и такъ какъ ничего подобнаго въ новомъ мѣстѣ своего жительства на Балканахъ они не нашли, то у нихъ и осталось открытое огнище внутри однокамерной кучи, въ то время какъ на сѣверѣ принялась и распространилась изба съ печью.

Второй періодъ сильнаго нѣмецкаго вліянія на славянскій домъ наступилъ со времени появленія въ Германіи, въ V—VI вв., мощнаго франконскаго государства. Это послѣднее имѣло оживленныя политическія сношенія съ западными и южными славянами; на почвѣ этихъ-то сношеній славяне и подверглись вліянію знаменитой франкской культуры, развившейся б. ч. на романской основѣ. Славяне снова стали передѣливать свои дома по образцу весьма цѣлесообразно устроенного (на римскій ладъ) франкскаго жилища. Произошло это прежде всего тамъ, куда направлялась первая нѣмецкая колонизация. Область распространенія франкскаго вліянія на славянское жилище не была особенно большою, такъ какъ славяне затѣмъ разселились на непомѣрно громадномъ пространствѣ и распались на отѣльныя политическія и культурныя части, черезъ что прежняя внутренняя связь между ними ослабѣла; при всемъ томъ область эта охватила весь западъ, до Вислы, Татръ и Савы. Слѣды франкскаго вліянія въ западно-славянскомъ домѣ: очагъ въ сѣняхъ, наружная (изъ сѣней) топка избы, кафленая кампа въ избѣ возлѣ прежней печи, особый аппаратъ для варки пищи на очагѣ, новая избяная утварь, новыя названія: кухня, комора, коминъ и нѣкоторыя мелкія детали.

Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ вліянія франковъ не было, славянскій домъ развился частью самостоятельно, частью подъ иными вліяніями. Самостоятельно развились клѣтъ съ горницею, которая постепенно расширялись и преобразовались въ новую свѣтлую избу. Подъ иными вліяніями, вѣроятно, произошло существенное видоизмѣненіе сѣверо-руссскаго (великорусскаго) жилища въ ярусный домъ съ нѣкоторыми сѣверными деталями (шолпыша, голбецъ) и съ ригою, овиномъ. Южному вліянію обязано возникновеніе западно-славянскихъ и русскихъ полатей и, быть можетъ, терема.

Южные славяне остались въ своихъ стародавнихъ „кучахъ“ сравнительно свободными отъ чужихъ западныхъ вліяній; но зато условія новаго горнаго края, въ коемъ они очутились, и затѣмъ со-

съдство византійского, а послѣ—восточнаго быта привели ихъ къ яруснымъ каменнымъ постройкамъ съ разными мелкими особенностями (напр., многочисленными верандами и т. п.); а на Адріатическомъ морѣ развился цѣликомъ домъ романскаго стиля. Нѣмецкому вліянію южные славяне поддали только въ новѣйшее время; выразилось оно въ присоединеніи къ старой кучѣ собы съ печью.

Но весь этотъ третій періодъ въ развитіи славянскаго жилища—а именно: окончательное проникновеніе франкскаго типа—принадлежитъ уже историческимъ временамъ. Къ концу языческой поры можно отоснить только начало этого періода, начало мѣстнаго преобразованія кѣбти въ комору, связанныю съ домомъ.

Что же касается двора, то для славянъ были издавна характерными отдельныя одинокія постройки, а не соединеніе ихъ съ жилымъ домомъ въ одну связь подъ одною крышею. Что до способа постройки, то сначала видимъ преобладаніе плетня, обмазанаго глиною, потомъ—вязку цѣпями и въ столбы, а на стрехѣ—типичную соломенную крышу.

Обиліе древнихъ, не позднѣе языческой поры, терминовъ свидѣтельствуетъ, что уже въ ту раннюю эпоху славянское жилище достигло большого культурнаго развитія.

Не нужно забывать, что большая часть этихъ обобщеній выведена проф. Нидерле впервые и что для доказательства ихъ привлеченъ громаднѣйший, почти необъятный, матеріалъ изъ разныхъ научныхъ областей.

Главными источниками для автора въ настоящемъ выпускѣ служили данныя археологии, исторіи и языкоznанія. Чисто этнографическая данныя привлекаются больше для сравненія и для дополненія. При всемъ томъ, эта новая книга проф. Нидерле представляетъ громадный этнографическій интересъ, весьма удачно разрѣшавъ одну изъ самыхъ назрѣвшихъ и очередныхъ задачъ славянской этнографіи.

Отмѣтимъ еще, что рассматриваемая книга снабжена предметнымъ указателемъ и весьма многочисленными рисунками, чертежами и планами; есть нѣсколько рисунковъ въ краскахъ.

Дм. Зеленинъ.

8. Die Schröpfköpfe bei den Slaven. Slav. baňa, baňka, lat. balnea. Von M. Murko. (Wörter und Sachen, kulturhistorische Zeitschrift für Sprach- und Sachforschung. Band V. Heft 1. 1913). Стр. 42. 4°.

Въ этнографической литературѣ уже довольно давно раздаются голоса въ пользу сближенія двухъ родственныхъ наукъ—языкоznанія и народовѣдѣнія. Журналъ Archiv für Religionswissenschaft съ 1904 года поставилъ таковое сближеніе одною изъ своихъ главныхъ задачъ

(томъ VII, вып. 1—2, статьи редакторовъ этого журнала А. Дитриха и Г. Узенера). Книгу Г. Рейха *Der Mimus. Ein literar-entwickelungs-geschichtlicher Versuch* (Берлинъ. 1903) этнографы, въ частности нѣмецкій этнографъ А. Фиркандтъ, привѣтствовали въ свое время, какъ прекрасный образецъ такого плодотворнаго сближенія двухъ научныхъ отраслей—языкознанія и народовѣдѣнія (*Globus*, т. 85, № 22, ст. A. *Vierkandt'a*). А. Дитрихъ взаимное отношеніе этихъ двухъ наукъ опредѣлялъ такъ: „методъ и пособія для изслѣдованія даютъ языкознаніе; цѣль и содержаніе изслѣдованія опредѣляется народовѣдѣніе“ (тамъ же, со ссылкою на статью А. Dieterich'a въ *Zeitschrift d. Hessischen Vereins für Volkskunde*).

Если прежде за сближеніе народовѣдѣнія и языкознанія выскакивались главнымъ образомъ этнографы, то въ послѣднее время съ проповѣдью того же сближенія выступили лингвисты, уже на иной нѣсколько почвѣ. Съ 1909-го года стала выходить журналъ *Wörter und Sachen. Kulturhistorische Zeitschrift für Sprach- und Sachforschung*, редакторами которого состоять профессора: Р. Мерингеръ, В. Меттеръ-Любке, И. И. Миккола, Р. Мухъ и М. Мурко. Этотъ журналъ въ самомъ названіи подчеркнулъ ту вѣрную и плодотворную мысль, что лингвистическая этимологія безъ сопутствующаго имъ изученія самыхъ вещей не даютъ прочныхъ выводовъ: необходимы параллельныя изслѣдованія исторіи словъ и исторіи выражаемыхъ словами предметовъ. Въ предисловіи къ первому тому названнаго журнала редакція его высказалась, между прочимъ, въ такихъ выраженіяхъ: „Исторія языка для выясненія словъ нуждается въ исторіи вещей (*Sachgeschichte*)“; „языковѣдѣніе есть только часть культуровѣдѣнія (*Kulturwissenschaft*)“; „въ соединеніи языкковѣдѣнія и вещевѣдѣнія (*Sachwissenschaft*) лежитъ будущее исторіи культуры“. (*Wörter und Sachen*, I, 1909, Vorwort).

Статьи одного изъ редакторовъ названнаго журнала, градецкаго профессора славяновѣдѣнія Матвѣя Мурко могутъ служить особенно характерными образцами этого новаго направленія въ лингвистикѣ. Разумѣемъ его статьи: *Das Grab als Tisch* (*Wörter und Sachen*, т. II, вып. 1, 1910 г., стр. 79—160) и ту, заглавіе которой выписано нами выше.

Эта послѣдняя статья посвящена чисто семасіологическому вопросу о различныхъ значеніяхъ славянскаго слова *бáня*, но она столь же интересна и для этнографа, сколь для лингвиста.—Статья эта спабжена 53-мя изображеніями и дѣлится на 6 главъ. Вотъ, въ краткихъ словахъ, ея содержаніе:

Сосуды и старинные хирургическіе снаряды для пусканія подкожной крови были известны у славянскихъ народовъ подъ разными названіями; между прочимъ, ихъ звали: *рогъ*, *рожбóкъ*, такъ какъ первобытнымъ орудіемъ для этой цѣли служили именно рога живот-

наго. Сосуды для кровопускания имѣютъ чаще форму кубка безъ ножки; у чеховъ, поляковъ и русскихъ они извѣстны подъ именемъ бѣнки, бѣнъки (уменьшительное отъ сл. бѣня); русское слово въ этомъ значеніи заимствовано съ запада, вѣроятно отъ поляковъ.—И слово бѣнъка, особенно же сл. бѣня имѣютъ въ славянскихъ языкахъ разнообразныя, на первый взглядъ не имѣющія между собою связи, значенія: „мыльня и ванна, сосудъ и куполь“. Выясненію и распространенію всѣхъ этихъ значеній сл. бана и бѣнъка въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ посвящена первая глава разсматриваемой работы.

Источникъ заимствованія славянского слова бана оставался до сихъ поръ спорнымъ. Проф. Мурко подробно излагаетъ исторію этого лингвистического вопроса, отвергаетъ, по лингвистическимъ основаніямъ, широкую распространенную этимологію этого слова изъ греческаго *βαλνεον* и выводитъ славянское слово изъ народнаго латинскаго *balnia* (глава 2-ая).

Глава третья посвящена „вещественнымъ доказательствамъ“ (*sachliche Begründung*) этой этимологіи. Греческія *βαλνεῖον* перешли въ Италію, нашли здѣсь для себя благопріятную почву и извѣстны здѣсь были подъ названіями *balineum* или *balneum*, а послѣ—*thermae* и *gymnasium*. Отличительною особенностью въ архитектурѣ этихъ римскихъ бани, какъ показываютъ помпейскія раскопки, были шарообразные купола надъ холодильниками съ водоемами; купола эти изображали голубое небо со звѣздами, а сверху имѣли отверстіе для свѣта. Бани такой архитектуры распространились потомъ у арабовъ, въ Византіи и у константинопольскихъ турокъ. Ту же архитектуру восприняли и христіанскіе храмы восточной церкви, такъ какъ при храмахъ устраивались крещальни (*baptisterium*) съ водоемами для коллективнаго крещенія и другихъ надобностей. Такого рода крещальни съ куполами надъ ними были, между прочимъ, въ италійскомъ городѣ Бари (IV в.), въ Черногоріи около Подгорицы (VI в.), въ Далматіи (VI в.), въ Истріи. Въ Россіи купола дали начало другимъ церковно-архитектурнымъ украшеніямъ—главамъ, маковкамъ и луковицамъ. Название этихъ церковныхъ куполовъ „баниями“ особенно распространено по старой римской дорогѣ, которая вела отъ Адріатического моря черезъ Старую Сербію съ одной стороны въ Македонію, съ другой—въ Болгарію. По этой же дорогѣ распространялись отъ Адріатического моря и латинскіе *dies rosae*, *rosalia*, которые дошли и до русскихъ.

Отъ металлическихъ церковныхъ куполовъ и маковокъ значеніе слова бана, бѣнъка перенесено было на полушаровидные и шарообразные предметы, въ частности—на пузатые сосуды. Выясненію формъ и употребленія такихъ сосудовъ и ихъ названіямъ посвящена четвертая глава разсматриваемаго труда.

Новое значение „рудникъ“ сл. бáня получило у словаковъ, чеховъ, поляковъ, малоруссовъ, мадьяръ и румынъ, а въ старое время также у болгаръ и сербовъ—вследствие той же шарообразной формы рудничныхъ ямъ.

Привлекаемыя въ одинаковомъ обиліи и съ одинаковою тщательностью лингвистическая и культурно-историческая данная дѣлаютъ выводы проф. Мурко почти неуязвимыми.—Касаясь хода и обстоятельствъ культурного вліянія однихъ народовъ на другіе, коротко изложенная нами статья проф. Мурко представляетъ большой интересъ для весьма широкаго круга ученыхъ читателей.

Дм. Зеленинъ.

Библіографія за 1911 годъ

по этнографіи, религії, языкознанію и фольклору.

Книги и журнальныя статьи, вышедшия въ Россіи
(за исключениемъ книгъ и статей на польскомъ, малороссійскомъ и финскомъ языкахъ).

Составилъ Б. Э. Петри ¹⁾.

Общее и разное.

269.

1. Ивановскій, А. А. Населеніе земного шара. Труды Антропологического отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э., т. XXVII.
2. Погодинъ, А. Л. Изъ новѣйшей литературы о культурѣ и родинѣ индо-европейцевъ. Ж. Мин. Нар. Просв. 1911, ноябрь, стр. 68.
3. Арнольди, В. По островамъ Малайскаго архипелага. Впечатлѣнія и наблюденія натуралиста. Москва, 1911.
4. Федоровъ, П. А. Гончарное производство. Съ 16 рисунками. СПБ. 1905 г.
5. Хомяковъ, М. М. Задачи антропологии на востокѣ Россіи. Казань, 1911.
6. Бартольдъ, В. Исторія изученія востока въ Европѣ и въ Россіи. Лекціи, читанныя въ Импер. СПБ. У—тѣ. СПБ. 1911.
7. Мацокинъ, Н. Материнская филіация въ Восточной и Центральной Азіи. Вып. 1-й. Мат. фил. у китайцевъ, японцевъ и корейцевъ. Извѣстія Восточн. Инст., т. XXXII.
8. Мацокинъ, Н. Материнская филіация въ Восточной и Центральной Азіи. Вып. 2-й. Матер. фил. у тибетцевъ, монголовъ, мяоцзы, лоло и тан. Изв. Восточн. Инст., т. XXXVI.
9. Максимовъ, А. (рецензія на книгу) Николай Мацокинъ. Материнская филіация въ Восточной и Центральной Азіи. Этнограф. Обозр., 1911, № 3—4, стр. 227.
10. А. Б. Изученіе восточныхъ языковъ въ Россіи. Средня Азія, 1911 г., янв., стр. 96.
11. Виташевскій, Н. Изъ области первобытнаго психонейроза. Этногр. Обозр., 1911, № 1—2, стр. 180.
12. Харузина, В. Объ участіи дѣтей въ религіозно-обрядовой жизни. Этнограф. Обозр. 1911, № 1—2, стр. 1.
13. Желизко, И. В. Нѣсколько примѣчаній къ аналогіи художественныхъ способностей налеолитического человѣка и нѣкоторыхъ примитивныхъ племенъ. Пер. съ чешскаго А. О. Кашпара. Извѣстія Таврической Ученой Архивной Ком. № 45, 1911, стр. 31.
14. Де-Ламартинъ. Путешествіе въ сѣверные страны. Перев. Семенковича М. 1911 г.
15. Бубновъ, Н. М. (сокращ. излож. до-клада). Какъ образовались и откуда взялись наши цифры. Чтенія въ Ист. Общ. Нестора Лѣтописца, кн. 22, вып. 1—2, отд. I, стр. 9. Киевъ, 1911.
16. Веселовскій, Н. Второе доношение къ статьѣ „Погрѣшности и ошибки при изданіи документовъ по сношенню русскихъ государей съ азіатскими владѣльцами“. Живая Старина 1911, I, 31.

1) Настоящая работа выполнена подъ руководствомъ Л. Я. Штернберга, которому принадлежать какъ общий планъ ея, такъ и распределеніе материала. Ред.

С л а в я н е.

(Общее. Западные и южные славяне).

35.

17. Бенешевичъ, В. Н. Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію, составляемое А. Л. Бемомъ, В. Н. Бенешевичемъ, Вс. И. Срезневскимъ, М. Р. Фасмеромъ и А. А. Шахматовымъ подъ ред. В. Н. Бенешевича. Вып. I и II. Изв. Отдѣл. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ. 1911 г., т. XVI, кн. 1, стр. 253—350, и кн. 4, стр. 283—356.
18. Флоринскій, Т. Д., проф. Славяновѣдѣніе. Лекціи, читанныя въ 1910—11 году. Кіевъ. 1911.
19. Поповичъ, Павелъ, проф. Обзоръ исторіи сербской литературы. (Древняя литер. Народная словесность.—Дубровницкая литер.). Пер. съ сербск. подъ ред. проф. П. А. Лаврова. СПБ. 1912 г.
20. Краткій очеркъ исторіи славянскихъ литературы и языковъ. Пер. съ нѣм. слушательницъ женскихъ курсовъ подъ ред. В. Порже-зинского и М. Сперанскаго. М. 1911 г.
21. Шахматовъ, А. Сполы—исковные сосѣди славянъ. Живая Старина 1911, вып. I, стр. 21.
22. Богдановъ, Вл. (реценз. на статью). A. Schachmatof. Zu den ältesten slavisch - keltischen Beziehungen. Berlin. 1911. Этногр. Обозрѣніе 1911, № 3—4, стр. 219.
23. Ягичъ, И. В. Вопросъ о рунахъ у славянъ. Энциклопед. Славянск. Филологіи. Вып. 3, стр. 1—36, СПБ. 1911.
24. Яцимирскій, А. И. (рецензія на кн.). И. Поповичъ, Приповѣтка о девоціи без руку. Извѣстія Отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. XVI, кн. 3, 328—360 (1911 г.).
25. Труесманъ, Г. Летто - славянскіе элементы въ этруссскихъ надписяхъ. Ревель. 1911.
26. Эндзелинъ, И. Славяно-балтійскіе этюды. Харьковъ. 1911.

27. Ильинскій, Г. А. Грамоты болгарскихъ царей. М. 1911.
28. Флоринскій, Т. Д. Рабство и торговля рабами въ Дубровникѣ по даннымъ Статута 1272 г. и его продолженій. Serta Boristhenica. Кіевъ. 1911.
29. Державинъ, Н. Болгарская „иѣснопѣйки“ А. В. Вѣрбански 1910 г. (крит. замѣтка). Жив. Ст., 1911, I, 145.
30. Соболевскій, А. И. (рецензія на книгу). С. Младеновъ. Старитѣ германскіи элементи въ славянскитѣ езици. Софія. 1910 г. Ж. Мин. Нар. Просв. 1911, май, стр. 157.
31. Соболевскій, А. И. (рецензія). Slavisches Etymologisches Wörterbuch von d-r Erich Beßneker. Heidelberg, 1908—10 г. Ж. Мин. Нар. Просв. 1911, ноябрь, стр. 187.
32. Талько-Грынцевичъ, Ю. Д., проф. Экскурсія въ Чехію и Моравію. Труды Троицкосавско - Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурск. Отд. Импер. Русск. Геогр. Общ., т. XIII, вып. 1, за 1910 г., 1911 г., стр. 7.
33. Зеленинъ, Дм. К. Rhamm. Die altslawische Wohnung (крит. замѣтка). Живая Старина 1911, II, 303.

Р о с с і я.

(Общее и разное)

432.

34. Хомяковъ, М. М. Этнологическая исторія Поволжья по новѣйшимъ литературнымъ даннымъ. Извѣстія Общ. Арх. Истор. и Этногр. при Имп. Казан. Унів., т. XXVII, вып. 1, стр. 1.
35. Флоринскій, Т. Д., проф. Этнографическая карта Западнаго Славянства и Западной Руси. Составлена по новѣйшимъ даннымъ. Кіевъ. 1911. Приложеніе. Оъясненія, источники и пособія. Статистическая данныя. Поправки. Кіевъ. 1911.
36. Соболевскій, А. И. Опытъ русской діалектологіи. Нарѣчія великорусское, бѣлорусское и малорусское, Кіевъ, 1911.

37. Погодинъ, А. Нѣсколько данныхъ для русской миѳологии въ XV вѣкѣ. Живая Старина. 1911. В. III, 425.
38. Марковъ, А. (Крит. зам.). Дурново И. и Ушаковъ Д. Хрестоматія по великорусской діалектологіи. М. 1910. Этнограф. Обозр. 1911, № 1—2, 269.
39. Бобринскій, А. А., гр. Народныя русскія деревянныя издѣлія. Вып. IV. М. 1911.
40. Чарушинъ, А. А. Крестьянскія переселенія въ бытовомъ ихъ освѣщеніи. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера 1911, № 18, стр. 500.
41. Чарушинъ, А. А. Крестьянскіе сходы въ бытовомъ ихъ освѣщеніи. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русскаго Сѣвера, 1911 г., № 21, стр. 740.
42. Перетцъ, В. Н. Къ исторіи польского и русскаго народнаго театра. Гл. XVIII—до конца. Изв. Отдѣл. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ, 1911, т. XVI, кн. 3 и 4.
48. Рядчинъ, А. По глухимъ уголкамъ Русскаго Сѣвера. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 11, стр. 876; № 13, стр. 21.
49. Рядчинъ, А. Жизнь въ гор. Холмогорахъ и его уѣздѣ. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 8—9, стр. 676.
50. Белдыцкій, Н. Въ низовьяхъ Печоры. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, №№ 4, 5, 8—9, 11.
51. Зобковъ, С. Поморская деревня, ея жизнь и нужды. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 11, стр. 860; № 12, стр. 972.
52. Мурманскій, А. А. О Мурманѣ (промышл.). Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 1, стр. 17.
53. Александровъ, А. Грамотность и пьянство въ Поморѣ. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 8—9, стр. 687.
54. Анисимовъ, А. Въ Зырянскомъ краѣ (промышленность). Извѣш. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 1, стр. 28 и № 5, стр. 361.
55. Журавскій, Андрей. Европейскій Русскій Сѣверъ. (Поморы, Самоѣды). Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 16, стр. 282.
56. Голубцовъ, Н. Къ исторіи города Колы, Архангельской губерніи. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 1, стр. 7 и № 5, стр. 392.
57. Калининъ, И. Онежане. Извѣш. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 5, стр. 378; № 8—9, стр. 659.
58. Зобковъ, С. Изъ путевыхъ набросковъ по Сѣверу (Мурманъ). Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911 г., № 1, стр. 21.
59. Керцелли, С. В. По Большеземельской тундрѣ съ кочевниками. Арханг. 1911.
60. Шидловскій, А. Ф. Библіографическій указатель литературы, касающейся Большеземельской тундры и оленеводства, по материаламъ, собраннымъ Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера. Арханг. 1911 г.

Архангельская губ.

451.

43. Цейтлинъ, Г. Поморскія народныя сказки. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера 1911, № 3, стр. 180.
44. Марковъ, А. В., Масловъ, А. Л., Богословскій, Б. А. Матеріалы, собранные въ Архангельской губерніи лѣтомъ 1901 г. Часть II: Терскій берегъ Бѣлаго моря. Съ прил. 62 великорусскихъ напѣвовъ. Духовные стихи; былины и историческія пѣсни, пѣсни протяжныя, хороводныя, плясовыя, рождественскія, величальныя; свадебная причитанія. Изв. И. О. Л. Е., А. и Э., т. CXIV. М. 1911 г., стр. 1—117.
45. Брянчаниновъ, А. Старины и былины Печорскаго края. Харьк. 1911.
46. Цейтлинъ, Г. Народныя игры въ Поморѣ. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 13, стр. 7.
47. Мамадышскій, Н. Н. Уссинскій край. Подворно-экономическое изслѣдованіе поселеній р. Уссы, Печорскаго уѣзда, въ 1909 г. Арханг. 1911.

Владимирская губ.

454.

61. Соболевъ, А. Причитанья надъ умершими Владимирской губерніи. Этногр. Обозрѣніе, 1911, № 3—4, стр. 191.
62. Назаровъ, М. И. Основы стариннаго пчеловодства по заговорамъ, собраннымъ во Владимирской губ. Этнограф. Обозрѣніе, 1911, № 3—4, стр. 58.

Вологодская губ.

436.

63. Поповъ, А. Н. Русскія народныя пѣсни Вологодской губерніи святочныя, протяжныя, скорыя. Изѣстія И. О. Л. Е., А. и Э., т. СХІV. М. 1911 г., стр. 329—340.
64. Б., Вл. Едемскій. Свадьба въ Кокшеньгѣ. Тотемскаго уѣзда, Вологодской губ. (Критич. замѣтка). Этногр. Обозр. 1911, № 1—2, 289.

Воронежская губ.

65. Поликарповъ, Ф. И. Народная жизнь въ изображеніи И. С. Никитина. Этнографическій очеркъ. Памятн. Кніж. Воронеж. губ. на 1911 г.

Вятская губ.

66. Ильинскій, Л. К. Народныя пѣсни (частушки) Вятской губ. (Уржумскій уѣздъ). Казань. 1911 г. Изв. Общ. Археологии, Истор. и Этногр. при Имп. Казанск. Ун., т. XXVII, вып. 4, стр. 299.
67. Бердниковъ, В. Ф. Старообрядчество исекантство въ началѣ ихъ появленія въ Воткинскомъ заводѣ. Историко-этнографическій очеркъ. Изѣстія Саранульск. Земскаго Музея. Вып. I, стр. 17—35, 1911 г.

Казанская губ.

68. Путинцевъ, Частушки - припѣвки села Кубаса, Чистопольскаго уѣзда,

Казанской губ. Изв. Общ. Археологии, Исторіи и Этнографіи при Имп. Казанск. Ун., т. XXVII, вып. 2, стр. 139.

69. Ильинскій, Л. К. Народныя пѣсни (частушки), записанныя въ Казанской губ. Изв. Общ. Археологии, Истор. и Этногр. при Имп. Казанск. Унив., т. XXVII, вып. 1, стр. 101.

Курская губ.

70. Рѣзанова, Ек. И. Материалы по этнографіи Курской губ. Труды Курской Ученой Архивной Ком., вып. 1, Курскъ, 1911.
71. Горянова, А. П. Пѣсни, собранныя въ с. Вышнемъ-Реутцѣ и прилежащихъ деревняхъ Обоянскаго уѣзда. Труды Курск. Уч. Арх. Комис. I, 250—259 и 12 стр. нотъ. Курскъ. 1911.
72. Марковъ, Р. Л. Голубецъ на Красной Полянѣ. Труды Курск. Уч. Арх. Комис. I, 138—162. Курскъ. 1911.
73. Златоверхниковъ, Н. И. Иконописаніе въ Курской губ. Труды Курск. Уч. Арх. Комис. I, 78—85.

Нижегородская губ.

74. Покровскій, Ф. Образцы народнаго говора Нижегородской губерніи. Жив. Ст. 1911, I, 35.
75. Никольскій, Н. В. Изъ архивныхъ дѣлъ Нижегородской Духовной Консисторіи. Извѣст. Общ. Арх., Ист. и Этнографіи, т. XXVII, вып. 6. Казань. 1911, стр. 503—527 (о рыболовствѣ и о крещеніи татаръ въ 1749 г.).

Олонецкая губ.

48, 425, 464.

76. Богданова, Н. С. Олонецкій фольклоръ. Похоронныя причитанія и вопленичи. Памятн. кн. Олонецкой губ. на 1911 г.
77. Шайжинъ, Н. С. Олонецкій фольклоръ. Похоронныя причитанія Олонецкаго края. П-водскъ, 1911.

Оренбургская губ.

78. Райскій, П., прот. Свѣдѣнія по исторической географіи Оренбургскаго края. Труды Оренбургской Уч. Арх. Ком., вып. XXV, 1911, стр. 213.
79. Скаловъ, Б. Естественно-исторический и хозяйственный очеркъ кочевыхъ волостей юга Темирского уѣзда. Изв. Оренб. Отд. И. Р. Г. О. 1911. XXII, 61.

Орловская губ.

432.

Пензенская губ.

432.

Пермская губ.

461.

80. Серебренниковъ. Свадебные обычай и пѣсни крестьянъ Андреевской волости, Оханскаго уѣзда, Пермской губерніи. Пермскій Научно - Промышленный Музей, 1911, вып. IV.

Псковская губ.

81. Іеропольскій, К. Пѣсни, записанныя въ Холмскомъ уѣздѣ Псковской губерніи. Труды Псковскаго Археол. Общ., вып. 7, 1910—11 г., стр. 119.

Саратовская губ.

82. Минхъ, А. А. Свадебныя, хороводныя и другія пѣсни Полчаниновской вол., Саратовскаго у. Труды Саратовской Учен. Арх. Ком. Вып. 28, 1911, стр. 51.
83. Смирноѳа, М. Родильные и крестильные обряды крестьянъ села Голицына, Курганской волости, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губ. Этногр. Обозр. 1911, № 1—2, стр. 252.

Тверская губ.

84. Ушаковъ, А. Крестьянская свадьба въ концѣ XIX стол. въ Старицкомъ уѣздѣ Тверской губ. Тверская Старина. 1911, янв., июнь и августъ.

Ярославская губ.

452.

85. Булычевъ, П. Замѣтки о говорѣ деревни Ваулихи, Ярославской губерніи, Ростовскаго уѣзда. Русск. Филог. Вѣстн., 1911, № 2 (т. LXV), стр. 281. Варш.
86. Костоловскій, И. В. Изъ свадебныхъ и другихъ повѣрій Ярославской губ. Этногр. Обозр., 1911, № 1—2, стр. 248.

Казаки.

432, 462.

87. Жакмонть, П. П. Уральцы и уралки. Ист. Вѣстн. 1911 г., июль, стр. 163.
88. Ильинскій, А. К. Пѣсни Оренбургскихъ казаковъ. Извѣстія Общ. Археологии, Исторіи и Этнографіи при Императорск. Казанск. Унив., т. XXVII, вып. 3.
89. Томаревскій, И. И. Пѣсни казаковъ. М. 1911.

Малороссы.

36, 106, 432.

90. Кравченко, В. Гр. Этнографические материалы, собранные въ Волынской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ, съ пред. М. Гладкаго. Труды Общества Извѣдователей Волыни, т. V, 1911.
91. Даниловъ, В. В. Среди кобзарей и лирниковъ. Ист. Вѣстн. 1911, окт., стр. 301.
92. Грушевскій, Мих., проф. Очеркъ исторіи украинскаго народа. Кіевъ, 1911.
93. Новицкій, Я. П. Народная память о Запорожьѣ. Преданія и разсказы,

- собранные въ Екатеринославщинѣ. 1875—1905 г. Лѣтопись Екатеринославской Уч. Арх. Ком., вып. VII, 1911, стр. 5.
94. М—въ, А. (рецензія на книги). Андрій Конощенко. „Украинськи письни зъ номами“. Одесса, 1902 г. и И. Демченко „Украинське вѣсилля“ (съ голосами). Одесса, 1905 г. Извѣстія И. О. Л. Е. А. и Э. т. CXIV, М., 1911, стр. 391.
- Бѣлоруссы.**
- 36, 106.
95. Степанцъ. Крестьянская свадьба въ южномъ Полѣсіи. Записки Сѣверо-Зап. Отдѣла И. Р. Г. О., 1910, к. I, стр. 161.
96. Романовъ, Е. Р. Бѣлорусскій сборникъ. Вып. VII. Пѣсни. Вильна. 1911.
97. Радченко, З. Сборникъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ пѣсень Могилевской губ. (180 пѣсень). СПБ., 1911.
98. Сержпутовскій, А. К. Сказки и рассказы бѣлоруссовъ - полѣшуковъ. (Матеріалы къ изученію творчества бѣлоруссовъ и ихъ говора). Изд. Отд. русск. яз. и слов. И. А. Н. Спб., 1911 г.
99. Сказки, легенды, пѣсни. Минская Старина, вып. 2-й, 1911, стр. 214—234.
100. Никифоровскій, Н. Я. Полуо словици и полупоговорки, употребляемыя въ Витебской Бѣлоруссии. Зап. С.-З. Отдѣла И. Р. Г. О., 1910 г., к. I, стр. 197.
101. Карекій, Е. Ф., проф. Бѣлоруссы. Историческій очеркъ словообразованія и словопизмѣненія въ бѣлорусскомъ нарѣчіи. Варшавскія Универ. Изв. 1911, вып. I, стр. 57—64 и дальше.
102. Петропавловскій, А. И. „Водяныя отиравы“ въ Могилевской губ. Этногр. Обозрѣніе 1911, № 3—4, стр. 184.
103. Wlast. Karotkajä Historyja Biełarusi. Вильна, 1910.
104. Салуновъ, А. П. Историческій очеркъ Витебской Бѣлоруссии. Полопко-Витебская Старина, 1911, кн. 1, стр. 1.
105. Поповъ, Ив. Бѣлоруссія и бѣлоруссы. М. 1911.
- Западный край.**
106. Каминскій, В. А. Отчетъ о поѣздкѣ въ Волынское Полѣсіе для изученія народныхъ говоровъ лѣтомъ 1910 года. Изв. Отд. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ, 1911, т. XVI, кн. 4, стр. 67.
107. Ткачъ, В. Очерки Холмщины и Подляшья. Говоры, обычаи, обряды, типы, нравы, пѣсни, хозяйственный бытъ и пр. Холмъ. 1911.
108. Крыжановскій, Е. М. Русское Забужье (Холмщина и Подляшье). Сборникъ статей. СПБ., 1911.
109. Тизенгаузенъ, бар. Нѣкоторыя статистическія данныя о народонаселеніи Западнаго края. Съ приложеніемъ статистическихъ таблицъ. Минская Старина, вып. II, 1911, стр. 1.
- Витебская губ.**
110. Ивановъ, В. Примѣты и повѣрья крестьянъ Витебскаго у., Витебской губ. Зап. С.-З. Отдѣла И. Р. Г. О., 1910 г., стр. 208.
- Гродненская губ.**
- 410.
111. Романовъ, Е. Р. Матеріалы по этнографіи Гродненской губерніи. Вып. I, Вильна, 1911.
- Литовцы.**
- 459.
112. Вольтеръ, Э. Литовскіе варіанты; легенды о женскихъ характерахъ. Живая Стар., 1911, стр. 433.
113. Вольтеръ, Э. Kalwaitis, W. Lietuwiszku wardu, klétele, Tilžeje, 1910 г. (крит. замѣтка). Живая Стар. 1911, II, 312.
114. Вольтеръ, Э. Lietuviu tauta Lie-

- tuviu Mokslo draugijos raštai (критич. замѣтка). Живая Стар. 1911, II, 309.
115. Богородицкий, В. А. Діалектологіческія замѣтки. VIII. Объ антропофоническомъ строеніи жемайтскаго слова по наблюденіямъ въ Полangenѣ. Русск. Филолог. Вѣстникъ, 1911 г., № 1 (т. XLV), стр. 111. Варш.
- Латыши.**
116. Новоселовъ, Ю. Латыши. Рига, 1911 г.
- Угро-финны.**
- 502.
117. Шахматовъ, А. А. Къ вопросу о финнско-кельтскихъ и финнско-славянскихъ отношеніяхъ. I, II. Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, VI серія, 1911 г., № 9, стр. 707; № 10, стр. 791.
118. Петровъ, А. Предѣлы угрорусской рѣчи въ 1773 г. Записки Историко-Филол. фак. Имп. СПБ. Унів., 1911, часть СV.
119. Богдановъ, Вл. Sirelius U. T. Ueber die primitiven Wohnungen der finnischen und ob-ugrischen Völker. Helsing. 1910 г. (крит. замѣтка). Этнограф. Обозрѣніе 1911, № 1—2, 262.
120. Жаковъ, К. Судьбы угро-финскихъ племенъ въ историческое и въ доисторическое время. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 17, стр. 409.
121. Prants, H. Soome sugu rahwaste ajalloline arunemine. (Прантсъ, Г. Историч. развитіе финскихъ народовъ). Ревель, 1911.
122. Погодинъ, А. Л. Изъ области русско-финскихъ отношеній. Изв. Отдѣл. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ, 1911, т. XVI, кн. 4, стр. 37.
123. Prants, H. Soomesugu rahwad Weneriigi rajamisel. (Прантсъ, Г. Финскія племена во время основанія Россіи). Ревель, 1911.
124. Сношенія архангельскихъ карелъ съ Финляндіей. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 7, стр. 561.
125. Е. Е. (рецензія на книгу). Antti Aarne: Finnische Märchenvarianten. 1911 г. Этнограф. Обозрѣніе 1911, № 3—4, стр. 223.
126. Руотеи, Н. Нѣсколько словъ о финляндской миѳологии. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 10, стр. 782.
127. Майковъ. Финляндія. СПБ. 1911 г.
- Эсты.**
128. Leetberg, K. Kui pikalt on kalewipoeg rahwa luulelus? Летбергъ, К. На сколько Калевипоегъ (эст. народн. эпосъ) является народной поэзіей? СПБ. 1911.
129. Eisen, M. I. Eesti ennemuisted jutud. (Эйзенъ, М. И. Эстонскія былины). Юрьевъ, 1911 г.
130. Eesti rahwanal. Эстонскія народные шутки. Ревель. 1911.
131. Eisen, M. I. Eestlaste sugu. II pool. (Эйзенъ, М. И. Эстонцы. II часть). Юрьевъ. 1911.
132. Grossschmidt, O. Eesti rahwa ajalugu. (Гроссшмидтъ, О. Ист. эстонского народа). Юрьевъ. 1911 г.
133. Hausmann, R. Prähistorische Archäologie von Estland, Livland, Kurland. Юрьевъ. 1910.
134. Eesti Rahwa Muuseumi Zuhatuzkiri Korjajatel. (Указатель эстонского народного музея). Юрьевъ, 1911.
- Лопари.**
- 14.
135. Рудневъ, А. К. B. Wiklund. Om lapparna i sverige, 1910 г., Stockholm (крит. замѣтка). Жив. Ст. 1911 г., I, 162.
136. Визе, В. Ю. Лопарская музыка. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера. 1911 г., № 6, стр. 481.
- Самоѣды.**
- 55, 59, 60, 148.

Зыряне.

137. Сорокинъ, П. А. Къ вопросу объ эволюціи семьи и брака у зырянъ. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русскаго Съвера, 1911, № 1, стр. 34 и № 5, стр. 356.
138. Белдыцкій, Н. П. О Печорскомъ краѣ. Пермскій Научно-Пром. Музей, 1911, вып. IV, стр. 56.
139. Сорокинъ, П. А. Современные зыряне. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Съвера, 1911 г., № 18, стр. 525; № 22, стр. 811; № 23, стр. 876; № 24, стр. 941.

Черемисы.

140. Васильевъ, В. Черемисско-русскій словарь. Пособіе при изученіи черемисскаго яз. Казань, 1911.
141. Хомяковъ, М. М. О физическомъ типѣ луговыхъ черемисъ. Приложение къ проток. засѣд. Общ. Естествоиспѣт. при Импер. Каз. Ун., № 265, Казань, 1911.

Мордва.

82.

Чуваші.

142. Никольскій, Н. В. Этнографическая замѣтка о чувашахъ Козьмодемьянскаго уѣзда, Казанской губ. Извѣстія Общества Археол., Истор. и Этногр. при Имп. Казан. Ун., т. XXVII, вып. 4, стр. 245.
143. Комиссаровъ, Г. Чуваши Казанскаго Заволжья. Извѣстія Общ. Археол., Истор. и Этногр. при Имп. Казан. Унив. XXVII, вып. 5, стр. 311.
144. Ашмаринъ, Н. И. Словарь чувашскаго языка. Вып. I. Казань, 1910 г.
145. Никольскій, Н. В. Краткій конспектъ по этнографіи чувашъ. Казань, 1911 г.
146. Архангельскій, Н. свящ. Гостепріимство въ семейномъ быту чувашъ. Извѣстія Общ. Арх., Истор. и Этнографіи, т. 26, вып. 6, стр. 640—644. Казань, 1911.

Остяки.

147. Богдановъ, Вл. (реценз. на книгу). В. Н. Пигнатти и др. Издѣлія остяковъ Тобольской губ. Тобольскъ, 1911 г. Этногр. Обозрѣніе, 1911, № 3—4, стр. 246.
148. Садовниковъ. Богатырь рѣки Сабуна, праваго притока рѣки Ваха. Ежегодн. Тобольскаго Губернскаго Музея. Вып. XX, за 1910 г., 1912 г.
149. Иванцевъ, П. Материалы по статистикѣ кондинскихъ остяковъ. Ежегодн. Тобольскаго Губернскаго Музея. Вып. XX, за 1910 г., 1912 г.
150. Пигнатти, Вас. Краткое сообщеніе о поѣздкѣ на рѣку Конду (М. Кондинская волость, Тобольск. уѣзда), лѣтомъ 1910 года. Ежегодн. Тобольскаго Губернскаго Музея. Вып. XX, за 1910 г., 1912 г.

Вогулы.

151. Каннисто, А. О драматическомъ искусстве у вогуль (перев. О. В. Циммерманъ). Пермскій Научно-Промыш. Муз., 1911, вып. VI, стр. 24.
152. Богдановъ, Вл. (реценз. на книгу). Каннисто, Артуръ. О драматическомъ искусстве у вогуль. Пермь, 1911 г. Этногр. Обозрѣніе, 1911 г., № 3—4, стр. 237.

Вотяки.

153. Хомяковъ, М. М. Эволюція вотскаго брака. Свадебный обрядъ глазовскихъ вотяковъ. Извѣстія Общества Археол., Ист. и Этногр. при Имп. Казан. Унив., XXVII, вып. 4, стр. 271.
154. Верещагинъ, Гр. Вотяки и ихъ произведенія устной словесности. Пам. Кн. Вятской губ., 1911 г.
155. Верещагинъ, Гр. Вотскіе боги. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Съвера, 1911 г., № 7, стр. 566.
156. Верещагинъ, Гр. Человѣческія жертвоприношенія вотяковъ. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Съвера, 1911, № 10, стр. 784; № 12, стр. 996.
157. Лупповъ, П. Н. Материалы для исторіи христіанства у вотяковъ въ

- первой половинѣ XIX в. Труды Вятской Ученой Архивной Комиссии, 1911, вып. III, стр. 1—318.
158. Лупповъ, П. Н. Христианство у вотяковъ въ первой половинѣ XIX в. Труды Вятской Ученой Архивной Комиссии, 1911, вып. I—II, стр. 1—568.
159. Хомяковъ, М. М. О краніологическомъ типѣ чепецкихъ вотяковъ въ связи съ общимъ развитиемъ вотской народности. Труды О-ва Естествонисп. при Имп. Казанск. У—тѣ, т. XLIII, вып. 3.
160. Хомяковъ, М. М. О краніологическомъ типѣ чепецкихъ вотяковъ. Казань, 1910 г.

Бесермяне.

161. Хомяковъ, М. М. Къ вопросу о краніологич. типѣ бесермянъ. Вятской губ. Казань, 1911. Матеріалы къ изученію Вятского края. Т. I, вып. I.
162. Зеленинъ, Дм. Матеріалы къ изученію Вятского края. Т. I, вып. I. Къ вопросу о краніолог. типѣ бесермянъ. Казань, 1911 г. (крит. замѣтка). Жив. Ст., 1911, I, 163.

Башкиры.

163. Белдыцкій, Н. На соколиной охотѣ (изъ очерковъ пермской Башкирнѣ). Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 1, стр. 41.

Пермяки.

164. Крупкинъ, Ал. (свящ.). Вѣрованія пермяковъ-инородцевъ. Изв. Арх. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 4, стр. 301; № 5, стр. 349.
165. Жаковъ, К. У иньвенскихъ пермяковъ. Арх. 1910 г.

Сибирь.

453, 456

166. Паткановъ, С. О приростѣ инородческаго населенія Сибири. Статистические матеріалы для освѣ-

щенія вопроса о вымираніи первобытныхъ племенъ. Изд. Академіи Наукъ. Спб., 1911.

167. Паткановъ, С. Статистическая дан-
ные, показывающія племенной со-
ставъ населенія Сибири, языкъ и
роды инородцевъ. Т. II, Тоболь-
ская, Томская и Енисейская губ.
Зап. И. Р. Г. О. Отд. статистики,
т. XI, вып. 2, 1911 г.
168. Б., Вл. Паткановъ, С. О приростѣ
инородческаго населенія Сибири
(крит. замѣтка). Этногр. Обозр.
1911 г., № 1—2, 275.
169. Майновъ, И. С. Паткановъ. О при-
ростѣ инородческаго населенія
Сибири. И. А. Н. 1911 г. (критич.
замѣтка). Живая Стар., 1911, II,
312.
170. Гартевельдъ, В. Н. Пѣсни сибир-
скихъ каторжанъ, бродягъ и ино-
родцевъ. Сиб., 1911. Изд. Ю. Г.
Циммерманъ.
171. Миллеръ, Веев. Дѣ сибирскія бы-
лины изъ записей С. И. Гуляева.
Жив. Стар., 1911, III—IV, стр. 445.
172. Муровъ, Г. Т. По русскому Даль-
нему Востоку. Люди, ихъ жизнь и
нравы. Дневникъ странника. Т. II.
М. 1911 г.
173. Хворостанскій, П. Чолаксайскій
русскій поселокъ въ Тургайскомъ
уѣздѣ. Изв. Оренбургск. Отд. И. Р.
Г. О. 1911, XXII, 120.
174. С., И. И. Распространеніе слѣпоты
среди сибирскихъ инородцевъ.
Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О.
1911 г., XLII, стр. 87.
175. Отчетъ объ Алтайской миссіи, за
1911 годъ. Томскъ, 1911.
176. Іохельсонъ, В. И. Изъ писемъ на-
чальника Этнологического Отд.
Камчатской экспед. Ф. П. Рябу-
шпинскаго. Спб. 1911. Отд. оттискъ
изъ Изв. Имп. Русск. Географ.
Общ., т. XI.V, вып. IX, 1909 г. Спб.
1911.
177. Анохинъ, А. В. Письма. Извѣстія
Рус. Ком. для изуч. Ср. и Вост.
Азіи. Серія II, № 1, стр. 113.

Монголія и монголы.

8, 352, 502.

178. Гурьевъ, Б. Экономическое положение Монголіи. Вѣстникъ Азіи, 1911, № 8, стр. 74.
179. Фрозе, Б. Восточная Монголія и ея колонизация. Вѣстникъ Азіи, 1911, № 10, стр. 90.
180. Козловъ, П. Монголо-Сычуаньская экспедиція Имп. Русск. Географ. Общ., подъ начальствомъ подполковника П. К. Козлова, 1907—09 гг. Русская Старина. 1911 г., июнь, стр. 453; юль, стр. 33.
181. Козловъ, П. К. Русскій путешественникъ въ Центральной Азіи и мертвый городъ Хара-Хото. СПБ. 1911 г.
182. Рамстедтъ, Г. И. Къ вопросу о Кайтакахъ. Этнограф. Обозр., 1911 г., № 1—2, стр. 238.
183. Владиміровъ, Б. Отчетъ о командировкѣ къ бантамъ Кобдоcкаго округа. Извѣст. Русск. Ком. для изуч. Ср. и В. Азіи, серія II, № 1, стр. 100.
184. Владиміровъ, Б. Я. Поездка къ кобдоcкимъ дербетамъ, лѣтомъ 1908 г. СПБ., 1911 г.
185. Долбенеевъ, Б. В. Дархатский округъ, ред. В. Л. Котвича. Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отдѣленія Приам. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XII, за 1909 г., 1911 г., стр. 96.
186. Самойловичъ, А. Монголо-шаманский обрядъ завораживанія бунчуковъ въ началѣ XVI вѣка. Живая Стар. 1911 г., стр. 429.
187. Хитрово, А. Д. Ганчжурская ярмарка. Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отдѣленія Приамурского Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XIII, вып. 2, за 1910 г., стр. 157, 1911 г.
188. Рудневъ, А. Плугъ у восточныхъ монголовъ. Живая Стар., 1911 г., II, 301.
189. Корнакова, А. Д. Официальный трауръ въ Монголіи. Труды Троиц-

косавско-Кяхтинск. Отдѣлен. Приамурск. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XIII, вып. 1, за 1910 г., 1911, стр. 60.

190. Сапожниковъ, В. В., проф. Монгольскій Алтай въ истокахъ Иртыша и Кобдо. Томскъ, 1911. Изв. Имп. Томскаго Универс., книга XLIV.
191. Рудневъ, А. Д. Материалы по говорамъ Восточной Монголіи. Изд. Факульт. вост. яз. Имп. Сиб. Ун-та 1911 г.
192. Владиміровъ, Б. Турецкіе элементы въ монгольскомъ языке. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. II—III, стр. 153, 1911.
193. Владиміровъ, Б. Объясненіе къ картѣ С.-З. Монголіи, составленной монголами. Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XLVII, 1911 г., вып. VII—X стр. 491.

Буряты.

194. Затопляевъ, Н. Нѣкоторые изъ онгоновъ, почитаемыхъ въ Аларскомъ вѣдомствѣ. Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., 1910 г., XL, стр. 116.
195. Мацокинъ, П. Г. О влияніи ламанизма на культурное развитіе бурятъ Забайкалья. Вѣстникъ Азіи, 1911 г., № 8, стр. 89.
196. Материалы для изученія бурятской народной словесности и языка. Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., 1911 г., XLII, стр. 111.
197. Сборникъ монголо-бурятской народной поэзіи. Вып. II, подъ ред. Алмасъ Нарнаi (на монг. яз.), Сиб., 1911 г.
198. Подгорбунскій, И. А. Нѣсколько замѣтокъ по фонетикѣ бурятского языка въ связи съ вопросомъ о транскрипціи бурятскихъ текстовъ. Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., 1910 г., XL, стр. 10.
199. Подгорбунскій, И. А. Материалы для грамматики разговорного бурятского языка. Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., 1910 г., XL, стр. 40.

Калмыки.

200. Джангаръ. Героическая поэма калмыковъ, съ приложениемъ вновь отысканной и впервые издаваемой третьей главы, въ оригин. калмыцкомъ текстѣ. Редактировалъ А. Позднѣевъ, № 7, СПБ., 1911 г., Имп. Акад. Наукъ.

Средняя Азія.

484.

201. Терентьевъ, М. А. Исторія завоеванія Средней Азіи. З тома. СПБ., 1911 г.
202. Павловъ, Н. Г. Исторія Туркестана въ связи съ историческими очеркомъ сопредѣльныхъ странъ. Ташкентъ, 1911 г.
203. Юферевъ, Вяч. Изъ исторіи Туркестана. Средняя Азія 1911 г., февр.—мартъ. Ташкентъ.
204. Андреевъ, М. С. и Половцовъ, А. А. Материалы по этнографіи иранскихъ племенъ Средней Азіи. Ишакашимъ и Ваханъ. Сборникъ Музея по Антроп. и Этногр. при И. Ак. Наукъ, в. IX.
205. Павловскій, Е. Н. Очерки Самаркандской области. Ист. Вѣстн., 1911 г., дек., стр. 1118.
206. Бржзицкій, И. А. Краткая статистическая записка о Пенджекентскомъ участкѣ, Самаркандского уѣзда. Средняя Азія 1911 г., XI, стр. 93.
207. Семеновъ, А. Ковры русского Туркестана. Этногр. Обозр. 1911 г., № 1—2, стр. 137.
208. Семеновъ, А. Указатель литературы о коврахъ Азіи. Этногр. Обозр. 1911 г., № 1—2, стр. 168.
209. Веселовскій, Н. Рецензія на изданіе: Ковровыя издѣлія Средней Азіи изъ собранія, составленного А. А. Боголюбовыемъ. Вып. I и II. СПБ. 1908—09. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. 1, стр. 89, 1911 г.
210. Шишовъ, А. Таджики (продолженіе). Этнографическое и антропо-

логическое изслѣдованіе. Средняя Азія 1911 г., январь—декабрь (кн. I—VI, VIII, XI—XII). Ташкентъ.

211. Вяткинъ, В. Отчетъ о раскопкахъ обсерваторіи Мирза Улугъ бека, въ 1908 и 1909 годахъ. Изв. Русск. Комит. для изуч. Ср. и Вост. Азіи. Серія II, № 1, стр. 76.
212. Амулеты у мусульманскихъ народовъ Крайняго Востока (пер. съ франц.). Средняя Азія 1911 г., VII, стр. 103.
213. Самойловичъ, А. Хивинская сатира на казак-киргизовъ. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. I, стр. 52, 1911 г.
214. Иноетранцевъ, К. А. О до-мусульманской культурѣ Хивинского оазиса. Ж. Мин. Народ. Просв. 1911 г., февр., № 2, стр. 284.
215. Иноетранцевъ, К. Коркудъ въ исторіи и легендахъ. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археолог. Общ., т. XX, вып. I, стр. 40, 1911 г.
216. Гинеъ, Г. К. Таранчи и дунгане. (Очерки изъ поѣздки по Семирѣчью). Ист. Вѣстн., 1911 г., авг., стр. 672.
217. Материалы по обслѣдованію туземнаго и русскаго старожильскаго хозяйства и землепользованія въ Семирѣченской области, собр. подъ руковод. П. И. Румянцева. Т. I, вып. I. Лепсинскій уѣздъ. Изд. Переселенч. упр. СПБ. 1911 г.
218. Анекдотъ кокандцевъ про ташкентскихъ сартовъ. Записаль П. С. П. Средняя Азія 1911 г., февр., стр. 127. Ташкентъ.

Тюреи.

283, 287.

219. Radloff, W. Alttürkische Studien. IV, V. Bull. de l'Académie Impériale des Sciences. 6-e Serie. 1911. p. 305—326; 427—452.
220. Radloff, W. Kuan-Si - im Pusar. Eine türkische Übersetzung des XXV. Kapitels, der chinesischen Ausgabe des Saddharma pundarika. Billiotheca Buddhica, XIV. СПБ. 1911 г.

221. Radloff, W. Nachträge zum Chustuanit (Chuastuanvt), dem Bussgebete der Manichäer (Hörer). Bull. de l'Académie Imperiale des Sciences. 6-e série. 1911. p. 867—896.
222. Щегловъ. Трухмены и ногайцы Ставропольской губерніи. Свѣдѣнія о хозяйствѣ осѣдлыхъ и кочующихъ инородцевъ, русскихъ крестьянъ и хуторянъ-овцеводовъ въ Трухменской и Ачикулакской степи Ставроп. губ. Т. I. Ставрополь, 1911 г.
223. Щегловъ, И. Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губерніи. Матеріалы по изслѣдованию полевого и скотоводческаго хозяйства въ Трухменской и Ачикулакской степи. Т. II, вып. 1 и 2, т. III, т. IV. Ставрополь, 1911 г.
224. Б., Вл. (рецензія на книгу). Щегловъ И. Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губ., т. I—IV, 1911 г. Этногр. Обозрѣніе, 1911 г., № 3—4, стр. 251.
225. Фарфоровскій. Трухмены (туркмены) Ставропольской губ. Извѣст. Общ. Археолог., Исторіи и Этногр. при Имп. Казанск. Унів., т. XXVII, вып. 3, стр. 181.
226. Маловъ, С. Отчетъ о путешествіи къ уйгурамъ и саларамъ. Извѣст. Рус. Ком. для изуч. Ср. и В. Азіи, серія II, № 1, стр. 94.
227. Самойловичъ, А. Къ вопросу о наречіеніи имени у турецкихъ племенъ. Живая Стар., 1911 г., II, 297.
228. Радловъ, В. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Выпускъ 24-й, т. IV, вып. VI. Изд. Ак. Наукъ, 1911 г.
229. Рахманкуловъ, Султанъ и Карамъ, А б д р а х м а нъ. Русче-татарче мукемель лугать. Русско-татарскій словарь. Казань, 1911 г.
230. Насыровъ, А. К. Лугегъ. „Полный русско-татарскій словарь“. Казань, 1911 г.
231. Полный русско-татарскій словарь. Буквы А—Т. Казань 1911 г.
232. Нугайбековъ, Гимадъ. „Урнэкларъ“. Образцы новой транскрипціи. Казань.
233. Ибрагимовъ, Галимдзянъ. Татаръ сарфи. Грамматика татарскаго языка. Казань, 1911 г.
234. Ибрагимовъ, Галимдзянъ. Татаръ нахви. Синтаксисъ татарскаго языка. Казань, 1911 г.
235. Иманаевъ, Шейхъ Аттаръ. „Татаръ телененгъ нахви уасарфи“. „Синтаксисъ и грамматика татарскаго языка“. Казань. 1910 г.
236. Гордлевскій, Вл. Матеріалы по османскому фольклору. Жив. Стар., 1911, I, 131.
237. Мартиновичъ, Н. Малоазійскіе сказки, разсказы и анекдоты (изъ матеріаловъ по османскому фольклору). Живая Старина, вып. III, 1910.
238. Гордлевскій, Вл. Османскія сказания и легенды. Этногр. Обозр., 1911, № 1—2, стр. 79.
239. Гордлевскій, В. А. Османскія сказки (краткое изложеніе). Этнографич. Обозр., 1911 г., № 3—4, стр. 203.
240. Гордлевскій, Вл. Анекдоты о ходжѣ Наср-эд-динѣ. Константинополь 1910 г. (1325). Жив. Ст., 1911 г., I, 152 (крит. замѣтка).
241. Гордлевскій, В. А. Тексты по османской народной словесности. Труды по востоконѣдѣнію, издав. при Лазаревскомъ инст. вост. яз., вып. XXXIV. М. 1911 г.
242. Ресимли, Латалоффъ. Ходжа Насреддинъ - Эфенди. Анекдоты о Насреддинѣ. Казань, 1911 г.
243. Абдулъ-Хамидъ-оглы, Али. Алкыкайтъ. Историч. разсказы и сказки (на қазықумукскомъ яз.). Темиръ-Ханъ-Шура, 1911 г.
244. Гордлевскій, Вл. Матеріалы для османскаго народнаго календаря. Живая Стар., 1911, стр. 439.
245. Лыкошинъ, Н. Дивана и Машрабъ (переводъ съ тюркскаго), продолженіе. Средняя Азія, 1911 г. мартъ—апрѣль. Ташкентъ.
246. Баруди, Гаминбаянъ. Китабъ—ель—салынъ леинъ — ель арбагинатъ—ель—мутесаль—силя. Третья книга изъ серій —преданій, ч. III. Казань 1910 г.

247. Гарифъ -бекъ, Мухаммедъ. Менгъ беръ хадисъ. Тысяча одно предание. Казань, 1910 г.
248. Куръезные и смѣшные анекдоты Насреддина Ходжи (на турецкомъ яз.). Одесса, 1911 г.
249. Кобловъ, Я. Д. О татаризации ино-родцевъ Приволжского края. Казань, 1910 г.
250. Самойловичъ, А. Рецензія на книгу: E. Denison Ross. A collection of poems by the Emperor Babur. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. 1, стр. 93, 1911.
251. Гордлевскій, Вл. Grotthe, Hugo. Geographische Charakterbilder aus der asiatischen Tûrkei. Leipz. 1909 г. (крит. замѣтка). Этнограф. Обозр., 1911 г., № 1—2, 260.
252. Гордлевскій. Dr. Rudolf Tschudi. Das Asafname des Lutfi Pascha (крит. замѣтка). Жив. Ст., 1911, I, 157.

Киргизы.

458.

253. Мякутинъ. Юридический бытъ киргизовъ. I. Вещное право. 2. Обязательственное право. Оренбургъ, 1910 г. Труды Оренб. Архивн. Комиссии, вып. XXV.
254. Хворостанскій, П. Норма земельного обезнеченія киргизъ 2-й Наурзумской волости Тургайского уѣзда. Изв. Оренбург. Отд. И. Р. Г. О., 1911 г., XXII, 139.
255. Скрябинъ, К. И. Лѣченіе ударами нагайки у киргизовъ. Исторический Вѣстн. 1911 г., августъ, стр. 598.
256. Горячкінъ, А. Объ играхъ киргизскихъ дѣтей во Внутренной Буковской Ордѣ, Астраханской губ. Изв. Общ. Археол. Истор. и Этногр. при Имп. Казанск. Унив., XXVII, вып. 4, стр. 307.
257. Русско-киргизскій словарь. Казань, 1911 г.
258. Краткій русско-киргизскій словарь. Казань, 1911 г.
259. Пахомовъ, И. Киргизское хозяйство на Акъ-Кабѣ и на верховьяхъ Кучума. Зап. Семипалатинскаго Подъ-

отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., вын. V, 1911.

260. Казакдынынг айтыскан улындырылыш. Изъ киргизскихъ сказаний. Казань, 1910 г.

261. Бекимовъ, М. Киргизская сказка. (Этнограф. матер.). Средняя Азія 1911 г., янв., стр. 92. Ташкентъ.

262. Бекимовъ, М. Почему сложилось мнѣніе у киргизъ, что земля держится на рогахъ быка. Средняя Азія 1911 г., мартъ, стр. 107. Ташкентъ.

263. Карутцъ, Р. Среди киргизовъ и туркменовъ на Мангышлакѣ. Переводъ Е. Петри. СПБ. 1911 г.

264. Калтаевъ. „Казақ ахвалиндан бахе иткян манзумасы“. Стихотвореніе объ обстоятельствахъ жизни киргизовъ. Казань. 1910 г.

Сарты.

265. Юферовъ, Вяч. и Бадынъ, А. И. Хозяйство сартовъ Ферганской области. Издание Переселенческаго Управл. Главн. Управл. Зем. и Земл. Ташк. 1911 г.

Якуты.

11, 468.

266. Radloff, W., Dr. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen. St. P. 1908. Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences. 8-e sér. vol. VIII, № 7.

267. Троцкій, В. Ф. Наброски о якутахъ Якутского округа. Подъ редакціей и съ примѣчаніями Э. К. Пекарскаго. Казань, 1911 г.

268. Пекарскій, Э. К. Образцы народной литературы якутовъ. Вып. V. Сказки. Изд. Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1911.

269. Анучинъ, Д. Н. О применѣніи фотографа къ этнографіи и въ частности о записи шаманскаго камлания. въ Среднеколымскѣ Якутской области (съ приложеніями). Извѣстія И. О. Л. Е. А. и Э., CXIV. М., 1911 г., стр. 267—297.

270. Михайловичъ, Вас. [Вс. М. Іоновъ]. Пекарскій Э. К. и Васильевъ В. Н.

Плащъ и бубенъ якутского шамана (критич. замѣтка). Этногр. Обозрѣніе, 1911 г., № 1—2, 284.

Тунгусы.

273.

271. Пекарский, Э. и Цвѣтковъ, Вл. Пріаянскіе тунгусы. Жив. Стар. 1911, II, 219 и 323.

Палеазіаты.

I. Юкагиры и чуванцы.

272. Сокольниковъ, Н. П. Болѣзни и рожденіе человѣка въ селѣ Марковъ на Анадырѣ. Этнографич. Обозрѣніе 1911, № 3—4, стр. 71.
273. Максимовъ, А. Рецензія на книгу Waldemar Jochelson. The Jukaghir and the Jukaghirized Tungus. P. 1, 1910 г. Этногр. Обозрѣніе, 1911, № 3—4, стр. 212.

II. Енисейскіе остыки.

274. Анучинъ, В. И. и Синельниковъ, Н. Л. Енисейскіе остыки. Труды Антрополог. Отд. И. О. Л. Е., А. и Э., т. XXVIII, выпускъ I.

Кавказъ.

482.

275. Миллеръ, Вс. О нѣкоторыхъ древнихъ погребальныхъ обрядахъ на Кавказѣ. Этногр. Обозр., 1911 г., № 1—2, стр. 125.
276. Марръ, Н. Крещеніе армянъ, грузинъ, абхазцевъ и алановъ Святымъ Григоріемъ. Эчміадзинъ.
277. Ткачевъ, Г. А. Ингушки и чеченцы въ семье народностей Терской области. Владикавказъ, 1911 г.
278. Карауловъ. Краткій очеркъ грамматики языка „болкаръ“. Сборникъ матер. для описанія мѣстн. и плем. Кавказа. Вып. 42. 1912.
279. Дирръ, А. М. Рутульскій языкъ. Сборникъ матер. для опис. мѣстн. и племен. Кавказа. Вып. 42. 1912 г.
280. Марръ, Н. Я. Гдѣ сохранилось сванское склоненіе. Извѣст. Имп.

Акад. Наукъ, VI серія, 1911, № 17, стр. 1199.

281. Сванскіе тексты. Просмотрѣль проф. Н. Марръ. СПБ. 1911. Изд. Факульт. Восточ. языковъ.
282. Сборникъ свѣдѣній о сѣверномъ Кавказѣ. Подъ ред. Г. Н. Прозорителева, томъ IV, съ приложеніемъ списка населенныхъ мѣстъ Ставропольской губ. (т. V „Сборника“). Ставрополь 1911.
283. Nemeth, J. Bericht über die Resultate meiner linguistischen Reise zu den tatarischen Stämmen des Kaukasus. Извѣст. Русск. Ком. д. изуч. Ср. и В. Азіи, серія II, № 1, стр. 66.
284. Туманскій. Арабскій языкъ и Кавказовѣдѣніе. Тифлісъ 1911 г.
285. Кипшидзѣ, И. Ал. Biti do bozo. Чанское стихотвореніе. Изв. Имп. Акад. Наукъ, VI серія, 1911, № 16, стр. 1123.
286. Кипшидзѣ, И. Дополнительныя свѣдѣнія о чанскомъ языѣ. (Изъ лингвистической экскурсіи въ Русскій Лазистанъ). 1911. Матеріалы по яфетическому языкоznанію, III, изд. Имп. Акад. Наукъ.
287. Востряковъ. Музыка и пѣсня у азербайджанскихъ татаръ. Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. и плем. Кавказа. Тифлісъ 1912 г., вып. 42.
288. Востряковъ. Сказки, записанные въ Елисаветпольской губ. Сборникъ матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, вып. 42, 1912 г. Тифлісъ.
289. Трубецкой, Н. С., кн. Редедя на Кавказѣ. Этногр. Обозр., 1911 г., № 1—2, стр. 229.
290. Барановъ, Евгений. Кабардинскія легенды. Цятигорскъ, 1911.
291. Хахановъ, А. С. Н. Шульгинъ. Изъ дагестанскихъ преданій о Шамилѣ и его сподвижникахъ. Тифлісъ, 1910 г. (крит. замѣтка). Этнограф. Обозр., 1911, № 1—2, 281.
292. Гордлевскій, Вл. Фир.-бекъ Кочарлинскій. Пѣсни „Саячи“. Пѣсня „Валеха“. Тифлісъ, 1910 г. (крит. замѣтка). Этногр. Обозр., 1911, № 1—2, 257.

293. Орбели, И. Развалины Ани. Исторія, современ. состояніе. Раскопки, пер. съ русск. архіеп. Гусинъ. Эчміадзинъ, 1911.
294. Харламовъ, М. А. Нѣкоторыя особенности живого говора города Майкопа, Кубанск. обл. Сборникъ матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа, вып. 42, 1912.
295. Марръ, Н. Еще о словѣ „челеби“. (Къ вопросу о культурномъ значеніи курдской народности въ исторіи Передней Азіи). Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. II—III, стр. 99, 1911.

Армяне.

296. Марръ, Н. Я. Объ армянской иллюстрированной рукописи изъ халкедонитской среды. Изв. Имп. Акад. Наукъ, VI серія, 1911 г., № 18, стр. 1297.
297. Марръ, Н. Я. Богъ Տաշիր у армянъ. Извѣстія Имп. Акад. Наукъ. VI серія, т. V, стр. 759.
298. Марръ, Н. Сирійское происхождение одного армянского слова. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археолог. Общ., т. XX, вып. I, стр. 64, 1911.
299. Марръ, Н. Я. Яфетические элементы въ языкахъ Арmenіи. Извѣстія Имп. Ак. Наукъ. VI серія, 1911, т. V стр. 137, 469.
300. Эллинскій этнографич. сборникъ издав. при Лазаревскомъ Инстит. вост. яз. Вып. IX. Очерки армянской діалектологіи. М., 1911.
301. Самуельянъ, Х. Армянское обычное право. Тифлисъ, 1911.
302. Адонцъ, Н. Г. О происхождении армянъ—цатовъ. Журн. Мин. Нар. Просв., 1911, апрѣль, стр. 238.
303. Бабаянъ, Л. Армяне въ Молдавіи и Буковинѣ. (Историко-этногр. обзоръ). Тифлисъ, 1911 (на армянскомъ яз.).
304. Палазъянъ, В. Исторія армянской литературы съ начала до нашихъ дней. Тифлисъ. 1911 (на армянскомъ яз.).

305. Дагбашянъ, А. Полный армяно-русскій словарь. V—VI вып. Тифлисъ, 1911.
306. Варданянъ. Карта историч. Арmenіи и сосѣднихъ странъ. Тифлисъ.
307. Lalayan, E. Institutions cérémonielles chez les arméniens (на армянскомъ яз.). Azgagrakan Handess XIII ann. 1911.
308. Lalayan, E. Vasnurakanъ. (Этнографія). Тифлисъ, 1911 (на армянскомъ яз.), изд. Армянск. Этногр. О-ва.
309. Thoramanian, P. Le nortex dans l'église arménienne (на армянскомъ яз.). Azgagrakan Handess. XIII ann. 1911.
310. Тороманянъ, Т. Историческая армянская архитектура—Храмъ Текора (на армянскомъ яз.). Тифлисъ, 1911.
311. Lalayan, E. L'épopée populaire de Van (на армянскомъ яз.). Azgagrakan Handess. XIII ann. 1911.
312. Абегъянъ, М. Армянскій эпосъ. Тифлисъ, 1911 (на армянскомъ яз.). Изд. Армянск. Этногр. О-ва.
313. Lalayan, E. Les monastères dans le gouv. de Van (на армянскомъ яз.). Azgagrakan Handess. XIII ann. 1911.
314. Отчетъ о дѣятельности Армянского Этнографического Общества за 1910 г. Тифлисъ, 1911.
315. Финкъ, Ф. Н. Языкъ армянскихъ цыганъ. Записки Имп. Акад. Наукъ по Ист.-Фил. Отд. VIII т., № 5.

Грузины.

316. Меликесетъ-Бековъ, Л. М. Родство грузинъ съ испанцами по древнимъ источникамъ. Тифлисъ, 1911.
317. Аракчіевъ, Д. И. Сравнительный обзоръ народной пѣсни и музыкальныхъ инструментовъ западной Грузіи (Имеретіи). Извѣстія И. О. Л. Е. А. и Э. СХІV. Москва, 1911, стр. 119—203.
318. Кипiani, Mih. Природа этимологического строенія грузинского языка. Тифлисъ.

319. Кипшидзе, И. Грамматика грузинского языка. (Лекции). Спб., 1911. Изд. И. О. Востоковъдѣнія.
320. Марръ, И. Я. Грузинскія приписки греческаго Евангелія изъ Коридіи. Извѣстія Имп. Акад. Наукъ, VI серія, 1911, № 4. стр. 211.
321. Бенешевичъ, В. Н. Четвероевангелие въ древнемъ грузинскомъ переволѣ. Имп. Акад. Наукъ, 1911.
322. Мерчуль, Георгій. Житіе св. Григорія Хандзійскаго. Грузинскій текстъ, перев. Н. Марра. Тексты и размысленія по армяно-грузинской филологии, кн. VII. Изд. Фак. Вост. яз. И. Спб. Унив.
323. Такайшили, Е. Грузинскія древности, т. III. Тифлісъ, 1911 г. Изд. Общ. Истор. и Этногр.
324. Азира. Патара ашутн. Сборникъ пѣсень (на грузинскомъ языке) Тифлісъ.
333. Алексѣевъ, В. М. О китайскомъ храмѣ. Спб. 1911.
334. Алексѣевъ, В. О нѣкоторыхъ главныхъ типахъ китайскихъ заклинательныхъ изображеній по народнымъ картинамъ и амулетамъ. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. II—III, стр. 1, 1911.
335. Алексѣевъ, В. О разговорномъ обозначеніи китайскихъ такъ называемыхъ ключевыхъ знаковъ. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. I, стр. 49, 1911.
336. Алексѣевъ, В. Стихотворенія въ прозѣ поэта Ли Бо, воспѣвающія природу. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. II—III, стр. 185, 1911.
337. Кириловъ, Н. Алхімія Китая. Извѣстія Вост.-Спб. Отд. И. Р. Г. О., 1911, XLII, стр. 93.
338. Стромиловъ, В. Легенда о горѣ Лао-бай-шань. Вѣстникъ Азіи 1911, № 8, стр. 127.
339. Веберъ, К. И. Указатель къ географическому отдѣлу большой китайской энциклопедіи Ту-шу-дзи-чэнъ. Записки Имп. Акад. Наукъ по Ист.-Фил. Отд., т. VIII, № 4.
340. Шифровый каталогъ китайскихъ книгъ Библіотеки Восточного Института. Владивостокъ, 1910.

Китай и китайцы.

7, 8, 220, 348.

325. Макгованъ. Китайцы у себя дома. Очерки семейной и общественной жизни. Пер. съ англ. В. В. Ламанского. Спб., 1910.
326. Фольбаумъ, Н. Китай и китайцы. Очерки. М., 1911.
327. Литтль, Арч. Сѣверные Альпы. Вѣстникъ Азіи. 1911, № 7.
328. Сазоновъ, В. По китайской границѣ (изъ путевыхъ замѣтокъ). Исторический Вѣстникъ, 1911, кн. III, стр. 991.
329. Ивановъ, А. И. Страница изъ истории Си-ся. Извѣстія Имп. Акад. Наукъ, т. V, VI серія, 1911, стр. 831.
330. Шлегело. Исторія проституціи въ Китаѣ. Пер. съ франц. А. Журавского. Вѣстникъ Азіи. 1911, № 7.
331. Титовъ, А. Чума въ Китаѣ. Вѣстникъ Азіи, 1911, № 8, стр. 117.
332. Рудаковъ, А., проф. Вырѣзки изъ китайскихъ газетъ, издаваемыхъ на разговорномъ языке. Пособіе къ лекціямъ по китайскому языку. Владивостокъ, 1910.

Японія и японцы.

7.

341. Мендринъ, В. М. Исторія сіогуната въ Японіи. Извѣстія Восточного Института, т. XXXVI, вып. I.
342. Мендринъ, В. М. Исторія сіогуната въ Японіи. Нихонъ гайсі. Сочиненіе Рай Дзіо Сисей, въ XXII книгахъ. Пер. съ японск. съ прим. и коммент. Книга I—II. Тайра. Владивостокъ, 1910.
343. Мендринъ, В. М. Соробунъ. Анализъ японскаго эпистолярнаго стиля. Ч. I. Введеніе и японскій текстъ въ полномъ начертаніи и скорописью. Владивостокъ 1910.

344. Спальвинъ, Е. Г. Нихонго-тоокухон. Японская хрестоматія. Отдѣлъ VII, ч. III, вып. 1-й и ч. II, вып. 2-й. Владивостокъ, 1911.
345. Спальвинъ, Е. Г. Нихонго-тоокухон. Японская хрестоматія. Отд. XVI, ч. II, вып. 2-й. Владивостокъ, 1911, и приложение: Ключевой указатель. Составилъ лекторъ япон. яз. М. Мацууда. Владивостокъ, 1911, изд. 2.
346. Спальвинъ, Е. Г. Обзоръ политич. устройства Японіи въ прошломъ и настоящемъ. Владивостокъ, 1910.
347. Спальвинъ, Е. Г. Обзоръ политического устройства Японіи въ прошломъ и настоящемъ. Вып. 2-й. Политическое устройство Японіи при конституционной монархії. Владивостокъ. 1911.
348. Позднѣевъ, Д. Новый іероглифический японо-корейско-китайскій словарь, какъ попытка определенія минимального числа іероглифовъ, общихъ для трехъ языковъ. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. II—III, стр. 77, 1911.
349. Позднѣевъ, Димитрій. Пособіе къ изученію японскаго офиціального языка. Спб. 1911.
350. Николаенко, П. М. Матеріалы по коммерческому образованію въ Японіи. Извѣстія Вост. Института, т. XXXVII, вып. II.
351. Ивановъ, П. Е. Въ интимныхъ уголкахъ и въ общественныхъ мѣстахъ у японцевъ (изъ записной книжки путешественника). М. 1911.

Корея.

7, 348.

Маньчжурія и маньчжурьы.

352. Давидовъ, Д. А. Колонизація Маньчжуріи и С.-В. Монголіи (области Тао-Нань-Фу). Владивостокъ, 1911 (то же въ Изв. Вост. Института, т. XXXVI, вып. 1. Владивостокъ, 1911).
353. Рудаковъ, А., проф. Маньчжурскіе разговоры съ китайскимъ перево-

домъ. Пособіе къ лекціямъ по маньчжурскому языку. Владивостокъ.

Евреи.

354. Вермель, С. С. Изъ патологіи евреевъ (рождаемость, смертность, заболѣваемость). М. 1911.
355. Берлинраутъ, Л. Я. и Раскинъ. М. С. Еврейское населеніе города Вологды. Опытъ статистического обслѣдованія экономического, правового и культурного состоянія еврейскаго населенія внутреннихъ губерній Россіи. Подъ ред. проф. И. А. Каблукова. М. 1911.
356. Ioffe, S., Dr. Regesten und Urkunden zur Geschichte der Juden in Riga und Kurland. Lieferung 2. Рига. 1911.
357. Полянскій, Е. Я. Эмиграція евреевъ въ Палестину и возможная послѣдствія ея. Казань. 1911.
358. Прилуцкій, Н. Идише фолкслідеръ (Еврейскія народныя пѣсни). Варшава. 1911.
359. Аи-скій, С. Новый сборникъ народныхъ пѣсень (Н. Прилуцкаго). Еврейск. Стар., 1911, вып. IV.
360. Бейлинъ, С. Х. О нѣкоторыхъ говоркахъ. Еврейская Старина, 1911, вып. I.
361. Клячко, М. Волынскія преданія. Еврейская Старина, 1911, вып. III.
362. Гольдштейнъ, С. М. Изъ съдлецкихъ древностей. Еврейская Старина, 1911, вып. 1.
363. Отчетъ Еврейскаго Историко-этнографического Общества за 1910 г. Спб. 1911.

Арабы.

364. Коковцовъ, П. К. Изъ еврейско-арабскихъ рукописей Императорской Публичной Библ. II. Къ критикѣ текста мелкихъ произведеній Ибнъ-Джапаха. Изв. Имп. Акад. Наукъ, VI Серія, 1911, № 18, стр. 1219.
365. Єримекій, А. Исторія арабовъ и арабской литературы, свѣтской и духовной (корана, фыкха, сунны и

- пр.). Ч. I, 1—5. Труды по востоковедению. Вып. XV, № 1. 1911. Изд. Лазаревского Института Восточных языковъ.
366. Али-ель-Кари. Шарх Мухтасар-ель-Викâя (Толкование на сочинение „Мухтасар-ель-Викâя“). Т. I. Казань. 1908.
367. Али-ель-Кари. Шарх - Мухтасар-ель-Викâя (Толкование на сочинение Шарх-Мухтасар-ель-Викâя). Т. II. Казань. 1910.
368. Крачковский, И. Ю. Исторический романъ въ современной арабской литературѣ. Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1911, юнь, стр. 260.
369. Крачковский, И. Поэтъ корейшитской плеяды. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. II—III, стр. 197, 1911.
370. Мустафа оглы, Ахмедъ. Латаифъуль-Лугатъ, арабскій словарь. Темиръ-Ханъ-Шура, 1911.
371. Ахмедъ, Динкузы. Грамматика арабскаго языка. Темиръ-Ханъ-Шура, 1911.
372. Либнани. Рашидъ Атые. Правила арабскаго языка. Вып. IV (на арабскомъ яз.). Казань. 1911.
373. Атали Мустафаи. Гилмы Нахвъ. Синтаксис арабскаго яз. Темиръ-Ханъ-Шура, 1911 (на арабскомъ языке).
374. Саббанъ, Магомедъ. Шархъ Адабъ. Грамматика арабская. Темиръ-Ханъ-Шура, 1911 (на арабск. яз.).

Копты.

375. фонъ-Леммъ, О. Э. Мелкія замѣтки по коптской письменности. ХСV—ХСIII. Извѣстія Имп. Акад. Наукъ, VI Серія, 1911, стр. 327, 453, 469, 927, 1135, 1237.
376. фонъ-Леммъ, О. Э. Мелкія коптскія замѣтки. L1—LV. Записки Имп. Акад. Наукъ по Ист.-Фил. Отд., т. VIII, № 12, 1911.

Иранъ и Персія.

377. Андреевъ, М. С. и Половцевъ, А. А. Матеріалы по этнографіи иран-

скихъ племенъ. Сборникъ Музея по Антр. и Этногр. Имп. Акад. Наукъ, IX.

378. Иноетранцевъ, К. А. Парсійскій погребальный обрядъ въ иллюстраціяхъ гузератскихъ версій книги объ Арта-Вирафѣ. Извѣстія Имп. Акад. Наукъ, т. V, № 7, серія VI, стр. 557.
379. Иноетранцевъ, К. А. Персидская литературная традиція въ первые вѣка ислама. Записки Имп. Акад. Наукъ по Ист.-Фил. Отд., т. VIII, № 13.
380. Залеманъ, К. Манихейскіе этюды. I. Средне-персидскіе тексты въ пересмотрѣнной транскрипціи со словаремъ и грамматическими примѣчаніями. Записки Имп. Акад. Наукъ по Ист.-Фил. Отд., VIII т., № 10.
381. Минорекій, В. Ф. Матеріалы для изученія персидской секты: „Люди истины“ или „али—иляхи“. Труды по востоковедѣнію, издаваемые Лазаревскимъ Инст. Вост. яз., вып. XXXIII. М. 1911.
382. Розенбергъ, Ф. Бурдж—намэ (по поводу позданія L. H. Gray). Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. I, стр. 55, 1911.
383. Орбели, И. Колоколъ съ анийскими орнаментальными мотивами XII—XIII в. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. I, стр. 23, 1911.
384. Бартольдъ, В. Персидская надпись на стѣнѣ анийской мечети Мануче. Анийская серія, № 5. Спб., 1911.
- ### Індія.
385. Мироновъ, Н. Д. Джиннитскія замѣтки. Извѣстія Имп. Акад. Наукъ. VI Серія, 1911, т. V, стр. 349, 501.
386. фонъ Сталь-Гольстейнъ, А., бар. Сюань-Дзанъ и результаты современныхъ археологическихъ изслѣдований. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археолог. Общ., т. XX, вып. I, стр. 9, 1911.
387. Блаватская, Е. П. Изъ пещеръ и дебрей Индостана. Спб., 1912.

388. Ачарьянъ, Г. (перев.). „Бхагавад-шта или Пъснь Блаженного“. Перев. съ индійского параллельно съ франц. пер. Эчміадзинъ, 1911.
389. Мироновъ, Н. Д. Каталогъ индійскихъ рукописей Имп. Пуб. Библ. (критич. замѣтка). Извѣстія Имп. Акад. Наукъ, VI серія, 1911, т. V, стр. 108.
390. Щербатекой, Ф. И. Краткій отчетъ о командировкѣ въ Индію. Извѣстія Русск. Ком. для изуч. Ср. и В. Азіи. Серія II, № 1, стр. 70.
391. Мироновъ, Н. Beiträge zur Kenntniss der indischen Namengebung, von Dr. Alphons Hilka, 1910 (критич. замѣтка). Живая Стар., 1911, I, 157.
392. фонъ Сталь-Гольстейнъ, баронъ. Докладъ о его трудахъ: „Gandistotra“, санскритскій текстъ, приписываемый Acvaghosa. Изв. Имп. Акад. Наукъ. VI серія, 1911, № 15, стр. 1044.
393. фонъ Сталь-Гольстейнъ, баронъ. Замѣтки къ Trikayastara. Изв. Имп. Акад. Наукъ. VI серія, 1911, № 11, стр. 837.
394. Риттеръ, Н. Г. Санскритъ. Изд. О-ва взаимопомощи студ.-филолог. Харьк. Унів. 1911.
397. Буланже, П. А. Жизнь и учение Сиддарты Готамы, прозванного Буддой, т.-е. Совершенѣйшимъ. Съ приложеніемъ извлечений изъ буддийскихъ писаній. Подъ ред. Л. Н. Толстого. М. 1911.
398. Ивановъ, А. И. (рецензія на книгу). Далай-ламы Лхассы и ихъ сношенія съ маньчжурскими императорами Китая, 1644 — 1908. В. В. Рокхилля. Труды Троицкого Кяхтинскаго Отдѣленія Пріамурск. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XII, за 1909 г., 1911, стр. 129.
399. Mahavyutpatti — издалъ И. П. Минаевъ. Приготовилъ къ печати Н. Д. Мироновъ. Собрание буддийскихъ текстовъ, издаваемыхъ Имп. Акад. Наукъ, т. XIII (на санскр. яз.). Спб. 1911.
400. Radloff, W. Kuan-si-im Pusar. Bibliotheca Buddhica, XIV. Имп. Акад. Наукъ. См. № 220.
401. Воробьевъ, Н. И. Опись собрания буддийскихъ статуэтокъ, пріобрѣтенныхъ въ Сіамѣ въ 1906 г. Сборникъ Музея по Антр. и Этнogr. при Имп. Акад. Наукъ, XII.

Религія и міеологія.

(Общее и разное).

126, 155, 156, 164, 297, 468, 471, 495, 499.

Шаманство.

177, 186, 194, 269, 270.

Буддизмъ и ламаизмъ.

195, 393.

395. Пишель, Р. Будда, его жизнь и учение. Пер. съ нѣм. съ дополнит. примѣч., подъ ред. проф. Д. Н. Анучина. М. 1911.
396. Б., Вл. (реценз. на книгу). Пишель, Р., проф. Будда, его жизнь и учение. Пер. подъ ред. проф. Анучина. М. 1911. Этнogr. Обозрѣніе, 1911, № 3 — 4, стр. 226.

Исламъ.

402. Залеманъ, К. Г. Мусульманскія рукописи, вновь поступившія въ Азіатскій Музей въ 1909—1910 гг. Извѣстія Имп. Акад. Наукъ. VI серія, 1911, № 4, стр. 251.
403. В. Б. (рецензія на книгу). Н. П. Остроумовъ. Исламовѣдѣніе. I. Аравія, колыбель ислама. Ташкентъ, 1910. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археолог. Общ., т. XX, вып. I, стр. 73. 1911.
404. Никольскій, М. Э. Паломничество мусульманъ въ Мекку. Историческій Вѣстникъ, 1911, апрѣль, стр. 256; май, стр. 603.
405. Гарлицкій, А. Броженія въ исламѣ (перев. изъ книги Шоля „Исламъ и его основатели“). Средня Азія 1911, апрѣль, стр. 97.
406. Гарлицкій, А. Правовѣріе и секты (перев. изъ книги Шоля „Исламъ

и его основатели". Средняя Азия 1911, январь, стр. 109. Ташкентъ.

Лингвистика.

10, 20, 30, 101, 115, 118, 192, 196, 198, 199, 219, 232, 266, 279, 280, 286, 295, 298—300, 315, 318.

407. Щерба, Л. В. Къ вопросу о транскрипции. Изв. Отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, 1911, т. XVI, кн. 4, стр. 161.

408. Мейе, А., проф. Введение въ сравнительную грамматику индо-европейскихъ языковъ. Перев. проф. Д. Кудрявскаго. Юрьевъ. 1911.

409. Истринъ, В. (рецензія на книгу). В. Поржезинскій. Элементы языковѣдѣнія и исторіи русскаго языка. М. 1910. Журн. Мин. Нар. Просв., 1911, № 3 (мартъ), стр. 154.

410. Вольтеръ, Э. А. Слѣды древнихъ пруссовъ и ихъ языка въ Гродненской губерніи. Извѣстія Отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ. 1911, т. XVI, кн. 4, стр. 151.

411. Соболевскій, А. И. Къ хронологіи одной особенности псковскаго говора. Русск. Филолог. Вѣстн. LXV, 1911, № 2, 403—408.

412. Буга, К. К. О происхождении литовскаго з. Русск. Филолог. Вѣстн. LXV, 1911, № 2, 302—330.

413. Буга, К. К. Baltica. Русск. Филолог. Вѣстн. 1911, № 3—4, 218—255.

414. Калима, Я. Первоначальное г въ нѣкоторыхъ сѣверно-русскихъ диалектахъ. Русскій Филолог. Вѣстн. 1911, № 1, 173—180.

Говоры.

36, 38, 74, 85, 90, 106, 107, 191, 294, 469.

415. Соболевскій, А. И. Русскіе говоры и польскій языкъ. Поповоду книжки К. Nitsch. Mowa ludu polskiego. Русск. Филолог. Вѣстн. 1911, № 3—4 (т. LXVI), стр. 401. Варшава.

Словари и грамматики.

31, 140, 144, 199, 228—231, 233—235, 257, 258, 278, 305, 319, 348, 371—374.

416. Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Импер. Акад. Наукъ. 4-го тома выпускъ 5-й (Когда — Колпакъ). СПб. 1911.

Фольклоръ.

44, 45, 93, 98—100, 112, 148, 151, 154, 171, 196, 197, 200, 213, 215, 218, 236—243, 245—248, 250, 260, 262, 289, 290, 291, 311, 312, 360, 361.

417. Кропоткинъ, Е. П., кн. Народная поэзія. Сборникъ въ 5 частяхъ. Ч. I. 1750—1800. Казань, 1911.

418. Ончуковъ, Н. Е. Сѣверные народные драмы. Сборникъ. Спб. 1911.

419. Рубецъ, А. И. Преданія, легенды и сказанія стародубской сѣдой старины, записанныя по рассказамъ дорогой для меня няни Варвары. Стародубъ, 1911.

420. Миллеръ, Вс. Ф. Материалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ: XVIII. Къ крестьянству Микулы Селяниновича.—XIX. Стрѣлянѣе Ильи Муромца по церквамъ.—XX. Елена королевична литовская. Этнографическое Обозрѣніе 1911, № 3—4, стр. 173.

421. Масловъ, А. Л. Былины, ихъ происхождение и мелодический складъ. Съ музыкальными приложеніями. Издѣованіе. Изв. И. О. Л. Е., А. и Э. СХIV. М. 1911.

422. Халанскій, М. Г. Отношеніе былинъ объ Ильѣ Муромцѣ къ сказаніямъ объ Олегѣ Вѣщемъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1911, сентябрь, стр. 40.

423. Миллеръ, В. Ф. О нѣкоторыхъ мѣстныхъ отголоскахъ въ былинахъ. Изв. Отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ. 1911, т. XVI, кн. 4, стр. 243.

424. Соболевский, А. И. Былина о Ставре Годиновиче из списка половины XVII в. Изв. Отдѣл. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ 1911, т. XVI, кн. 1, стр. 1.
425. А. К. Былина „о Василистѣ Микуличнѣ“. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера. 1911, № 7, стр. 572.
426. Святловский, В. Гайавата, какъ историческая личность и какъ герой поэмы Лонгфелло. Спб. 1911.
427. Чебанъ, С. Н. Румынскія легенды о Богочудотворцахъ. Этнограф. Обозрѣніе 1911, № 3—4, стр. 1.
428. Клингеръ, В. П. Яйцо въ народномъ суевѣріи. Serta Borysthenica. Сборникъ въ честь Ю. А. Кулаговскаго. Кіевъ. 1911.
429. Веселовский, А. Н. Собрание сочинений. IV, 2. СПБ. 1911.
430. Сперанский, М. Н. Къ исторіи сборника пѣсень Кирши Данилова. Русск. Филолог. Вѣстн. 1911, № 1, 198—211.
431. Назаревский, А. А. Къ исторіи легенды о происхожденіи картофеля. Русск. Филолог. Вѣстн. 1911, № 3—4, стр. 15—21.
435. Сперанский, М. Н. Къ исторіи сборника пѣсень Кирши Данилова. Русск. Филолог. Вѣстн. 1911, № 1, т. LXV, стр. 198. Варшава.
436. Симаковъ, В. И. Жизнь крестьянской девушки-сѣверянки по народнымъ частушкамъ. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, № 7, стр. 577.
437. Масловъ, А. (рецензія на статью). А. Зачиняевъ. „Къ вопросу о коломыткахъ“. Изв. И. О. Л. Е., А. и Э., т. CXIV. М. 1911, стр. 395.
438. Энгель, Ю. (рецензія на книгу). Е. Линева. Великорусскія пѣсни въ народной гармонизации. Вып. I и II. Этногр. Обозрѣніе, 1911, № 3—4, стр. 232.

Народная музыка.

- 136, 298, 317, 421, 438, 470, 474, 479, 502.
439. Абаза, А. Къ вопросу о пополненіи музыкального отдѣла въ Курскомъ археологическомъ музѣѣ. Труды Курск. Уч. Арх. Комиссии I, 1911, стр. 169—171.

Сказки.

- 29, 44, 63, 66, 68, 69, 80 — 82, 88, 89, 91, 94, 96, 97, 99, 107, 170, 292, 298, 317, 324, 358, 359.
432. Листопадовъ, А. И. Записи народныхъ пѣсень въ 1904 г. (Донская область, казачья и малорусская пѣсни и великорусская пѣсни Орловской и Пензенской губ.). Изв. И. О. Л. Е., А. и Э., т. CXIV. М. 1911.
433. Аракчиевъ, Д. П., Славинскій, М. Е. и Кастаньскій, А. Д. Выкрики и наигрыши. Записи съ пред. Н. А. Янчука. Изв. И. О. Л. Е., А. и Э., т. CXIV. М. 1911, стр. 386.
434. Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Новая серія. Подъ ред. В. Ф. Миллера и проф. М. Н. Сперанского. Вып. I. (Пѣсни обрядовые). М. 1911.
- 43, 98, 99, 125, 237, 261, 268, 288.
440. Смирновъ, А. М. Современное положеніе вопроса о русской народной сказкѣ и задачи ея научной разработки. Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XLVII, вып. VII—X, стр. 371; 1911.
441. Смирновъ, А. М. Систематический указатель темъ и варіантовъ русскихъ народныхъ сказокъ. Изв. Отдѣл. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ. 1911, т. XVI, кн. 4, стр. 95.
442. Смирновъ, А. М. Схематический перечень варіантовъ сказокъ Архива Имп. Русск. Геогр. Общ. I—XI. Жив. Ст. 1911, I, 97.
443. Васильевъ, А. Шесть сказокъ, слышанныхъ отъ крестьянина Ф. Н. Календарева. (Издалъ А. М. Смирновъ). Живая Стар. 1911, I, 117.

444. Кулжинекій, Я. С. Какъ сложилась сказка о Кириллѣ Кожемякѣ (о превращеніи исторіи въ сказку). Кіевъ. 1911.
445. Е—ая, Е. Roche. Contes limousins recueillis dans l'arrondissement de Rochechouart. Paris, 1910 (критич. замѣтка). Этногр. Обозр. 1911, № 1-2, 268 (французскія нар. сказки).
446. Каменскій, В. И. Сказка о Лукерѣ и Иванѣ „Медвѣжьи Уши“. Со словъ крестьянинна А. Рябкова. Спб. 1911.
447. Боголѣповъ, С. Г. Этнографические этюды. Пять рассказовъ изъ путешествій по Россіи и двѣ сказки. М. 1911.

Обряды. Заговоры. Повѣрья.

- 12, 46, 61, 62, 76, 77, 83, 86, 102, 107, 110, 186, 189, 428.
448. Зеленинъ, Дм. „Обыденныя“ полотенца и обыденные храмы. Живая Старина, 1911, вып. I, стр. 1—20.
449. Зеленинъ, Дм. Обрядовое празднество совершеннолѣтія дѣвицы у русскихъ. Живая Старина, 1911, II, 233.
450. Зеленинъ, Дм. Къ вопросу о русалкахъ. Живая Старина, 1911, III—IV, стр. 357.
451. С. Е. Изъ народныхъ суетѣрій въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губ. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера. 1911, № 7, стр. 564.
452. Коштоловскій, И. В. Народное повѣріе о бесплодіи близнецовыхъ. Живая Старина 1911, III—IV, стр. 499.
453. Бирюковъ, Я. Сибирскіе заговоры. Алтайскій Сборникъ, т. XI, 1912.
454. Перелецкій, П. О старинной картинѣ „Похороны Костромы“. Вѣстникъ Археологии и Истории, изд. Имп. Археол. Инстит., вып. XX, стр. 90.
455. Клингеръ, В. Животное въ античномъ и современномъ суетѣріи (окончаніе). Университетскія Извѣстія. Кіевъ, 1911, № 3, мартъ.

Обычное право.

41, 253, 301.

Семья и родъ.

7, 8, 137, 153, 325, 436, 471, 495.

Свадьбы.

44, 64, 80, 82, 84, 86, 95, 153, 436, 461, 467.

Похороны.

275, 378.

Народная медицина.

255, 337.

456. Красноженова, М. Материалы по народной медицине Енисейской губ. Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. 1911, XLII, стр. 65.

457. Шниткиндъ, Е. Р. Основы операций обрѣзанія. (Ея происхождение, сущность и производство у всѣхъ обрѣзывающихся народовъ). Историко - хирургическо - санитарный этюдъ изъ области древнихъ культовъ и современной медицины. М. 1911.

458. Скрябинъ, К. И. Лѣченіе ударами нагайки у киргизовъ. Ист. Вѣстн. 1911, авг., стр. 598.

459. Петкевичъ, Г. Материалы по народной медицине литовцевъ. Живая Стар., 1911, II, 107.

460. Блиновъ, Н. Н. Лѣчебникъ XVII вѣка. Памятн. Кн. Вятск. губ. на 1911 г., стр. 58—73.

Матеріальная культура.

- 3, 4, 33, 48, 51, 52, 79, 119, 147, 172, 173, 188, 207 — 209, 222 — 224, 254, 259, 263, 265, 377.

Сектантство.

461. Чесноковъ, А. Свадебные обряды и пѣсни „кержацовъ“. Жив. Ст. 1911, I, 57.

462. Гребенщиковъ, Г. Д. Рѣка Уба и убинскіе люди. (Литературно-этнографический очеркъ). Алтайскій Сборникъ, т. XI. 1912 г.
463. Прозрителевъ, Г. Къ исторіи раскола и сектантства на Кавказѣ. Скопцы. Ставрополь. 1911.
464. Лихачевъ, А. О старообрядцахъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ. Петрозаводскъ. 1911.
465. Бондарь, С. Д. Адвентизмъ 7-го дня. Очерки сектовѣдѣнія, издаваемые подъ ред. А. Н. Харузина. Вып. II. Спб. 1911.
466. Лебедевъ, А. Къ исторіи старообрядчества на Иргизѣ (отд. оттискъ изъ журнала „Старообрядческая Мысль“). М. 1911.

Программы.

467. Волковъ, Ф. Программа для собирания свѣдѣній о свадебныхъ обрядахъ у великоруссовъ и инородцевъ Восточной Россіи. Жив. Ст. 1911. Вып. I, стр. 27.
468. Трощанскій, В. Ф. Опытъ систематической программы для собирания свѣдѣній о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ. Жив. Стар. 1911, II, 247.
469. Труды Московской Діалектологической Комиссіи. Программа для собирания свѣдѣній по сѣвернымъ великорусскимъ говорамъ. Сводъ материаловъ, собранныхъ комиссией; Разанская губ.—обработалъ Н. Н. Дурново; Саратовская губ.—обработали А. С. Мадуевъ и Н. Н. Дурново; Тамбовская губ.—обработалъ Н. Н. Дурново. Рус. Филолог. Вѣстникъ 1911, № 3 и 4, т. LXVI, стр. 177. Варш.
470. Воробьевъ, Н. Программа для собирания народныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Жив. Стар. 1911, II, 293.
471. Штернбергъ, Л. Я. Программа для собирания этнографическихъ материаловъ. Составлена и издана его слушателями по лекціямъ, читаннымъ въ 1911—12 уч. году. (Изд. Общ. изуч. Сиб. и улучш. ея быта).

Описанія музеевъ.

134, 439.

472. Штернбергъ, Л. Я. Русскіе этнографические музеи и собранія. I. Музей Антропологии и Этнографіи имени Императора Петра Великаго. Живая Стар. 1911, III—IV, стр. 453.
473. Могилянекій, Н. М. Русскіе этнографич. музеи и собранія. II. Этнографический Отдѣль Русскаго Музея Императора Александра III. Жив. Стар. 1911, III—IV, стр. 473.
474. Масловъ, А. Л. Иллюстрированное описание музыкальныхъ инструментовъ, хранящ. въ Дашковскомъ Этногр. Музеѣ, въ Москвѣ. Извѣстія И. О. Л. Е., А. и Э., т. CXIV. М. 1911, стр. 205—268.
475. Тенишева, М. К. Историко-этнографический музей кн. М. К. Тенишевой въ Смоленскѣ. Смоленскъ 1911.
476. Московскій Публичный Румянцевскій музей. Иллюстрированный путеводитель по Этнографическому музею. I. Отдѣленіе иностранной этнографіи. II. Дашковскій Этнограф. Музей. М. 1911.
477. Данилевичъ, В. Е. Этнографический музей Харьковскаго Историко-Филологического Общества. Харьковъ. 1911.
478. Историко-этнографический музей княгини М. К. Тенишевой въ Смоленскѣ. Прибавленія къ общему каталогу. Смоленскъ 1911.

Бібліографические указатели.

60, 340, 389.

479. Бібліографич. указатель книгъ и статей по музыкальной этнографіи. Извѣстія И. О. Л. Е., А. и Э., т. CXIV. М. 1911, стр. 397.
480. Ольденбургъ, С. Каталогъ бібліотеки Этногр. Отд. Р. М. И. Александра III. Спб., 1911. (крит. замѣтка). Живая Стар. 1911, II, 308.
481. Каталогъ бібліотеки Этнографического Отдѣла Русскаго Музея Имп. Александра III. Спб. 1911.

482. **Библіографич. указатель** книгъ, сочиненій и статей, относящихся къ статистикѣ, исторіи и этнографіи Сѣвернаго Кавказа. Ставрополь губ. 1911.
483. **Залеманъ, К. Г.** Мусульманскія рукописи, вновь поступившія въ Азіатскій Музей въ 1909—1910 г. Извѣстія Имп. Ак. Наукъ, т. V, стр. 251.
484. **Г., Вл.** Бібліогр. замѣтка о Кауфманскомъ сборникѣ. М. 1910 г. Этногр. Обозрѣніе 1911, № 3—4, стр. 225.
485. **Грушевскій, А. С.** Наукове Товариство імені Т. Шевченка и его изданія 1905—1909. Изв. Отдѣл. русск. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ. XVI, 3, 1911, 56—132.
493. **Эварницкій, Д. И.** Къ біографіи малороссійскаго этнографа Н. В. Закревскаго 1805—1871. Историческій Вѣстникъ 1911, апрѣль, стр. 211.

Критика и бібліографія.

494. **Богдановъ, Вл. Weule, K.** Die Kultur der Kulturlosen. (Крит. замѣтка). Этногр. Обозр. 1911, № 1—2, 265.
495. **Максимовъ, А.** (Реценз. на книгу). Lord Avebury. Marriage, Totemism and Religion. An Answer to Critics. 1911. Этногр. Обозрѣніе 1911, № 3—4, стр. 214.
496. **Максимовъ, А.** (Реценз. на статью). Hugo Kunike, Das sogenannte „Männerkindbett“ (Zeitschr. f. Ethnol. 1911. Heft III u. IV). Этногр. Обозрѣніе 1911, № 3—4, стр. 215.
497. **Виташевскій, Н.** Kwartalnik etnograficzny „Lud“, т. XV, 1909 (крит. замѣтка). Жив. Ст. 1911, III—IV, стр. 508.
498. **Богдановъ, Вл.** (Реценз. на книгу). J. Lehmann. Flechtwerke aus dem Malayischen Archipel unter Zugrundelegung der Sammlungen des Städtischen Völker-Museums. Frankf.-ам-М. 1912. Этногр. Обозрѣніе 1911 г., № 3—4, стр. 217.
499. **Вильямсъ, Г. Р. W. Schmidt.** Grundlinien einer Vergleichung der Religionen und Mythologien der austro-nesischen Völker. Wien, 1910 (крит. замѣтка). Живая Стар. 1911, II, 317.
500. **Зеленинъ, Дм.** Матеріали по этнографіи Россіи. Т. I. Изд. Этнограф. Отд. Р. Муз. И. Ал. III. 1911 (крит. замѣтка). Живая Старина 1911, III—IV, стр. 503.
501. **Богдановъ, Вл.** (Реценз. на книгу). Довнаръ-Запольскій, М. В., проф. Исторія русскаго народнаго хозяйства, т. I. Киевъ, 1911. Этногр. Обозрѣніе 1911, № 3—4, стр. 242.
502. **М-въ, А.** Рецензіи на работы, посвященные въ сборникъ въ честь 70-лѣтія Г. Н. Потанина. Спб. 1909 г. — С. К. Буличъ. „Нѣсколько финно-славянскихъ музыкально-этнографическихъ параллелей“ и А. Д. Рудиевъ, „Ме-

- людін монгольскихъ племенъ. Из-
вѣстія И. О. Л. Е., А. и Э., т. CXIV.
М. 1911, стр. 391.
503. Гордлевскій, Вл. Библіогр. замѣтка
о журналѣ „Міръ ислама“. Спб.
1912. Этногр. Обозрѣніе 1911, № 3—4,
стр. 224.
504. В. Б. Рецензія на журналъ „Сред-
няя Азія“. Ташкентъ. 1910. Зап.
Вост. Отд. Имп. Русск. Археол.
Общ., т. XX, вып. I, стр. 82. 1911.
505. Зеленинъ, Дм. Памятная Книжка
Вятской губ. 1911 г. (крит. замѣтка)
Жив. Ст. 1911, I, 165.
506. Зеленинъ, Дм. Труды Курской Гу-
бернск. Уч. Арх. Ком. 1911. Вып. I
(крит. замѣтка). Живая Стар. 1911,
III—IV, стр. 507.
507. Рудневъ, А. Сообщеніе о дѣятель-
ности Ф. Ф. (Международной Фе-
дерации Фольклористовъ). Жив. Ст.
1911, I, 105.
508. Гордлевскій, Вл. Федерация фольк-
лористовъ (крит. замѣтка). Этногр.
Обозр. 1911, № 1—2, 258.

Примѣчаніе: Цифры, помѣщенные непосредственно подъ заглавіемъ того
или другого отдѣла безъ указанія соотвѣтствующихъ имъ названій работъ,
обозначаютъ, что эти послѣднія вошли въ другіе отдѣлы, но имѣютъ отношеніе
и къ данному отдѣлу, подъ заглавіемъ котораго приводятся ихъ №№.

I. ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.		Стр.
Общее и разное	441	Башкиры	444
Славяне	442	Пермяки	—
Россия (общее и разное)	—	Сибирь	—
Архангельская губ.	443	Монголія и монголы	450
Владимірская	444	Буряты	—
Вологодская	—	Калмыки	451
Воронежская	—	Средняя Азія	—
Вятская	—	Тюрки	—
Казанская	—	Киргизы	453
Курская	—	Сарты	—
Нижегородская	—	Якуты	—
Олонецкая	—	Тунгусы	454
Оренбургская	445	Юкагиры и чуванцы	—
Орловская	—	Остяки енисейские	—
Пензенская	—	Кавказъ	—
Пермская	—	Арміяне	455
Псковская	—	Грузини	—
Саратовская	—	Китай и китайцы	456
Тверская	—	Японія и японцы	—
Ярославская	—	Корея	457
Казаки	—	Маньчжурія и маньчжуры	—
Малороссы	—	Евреи	—
Бѣлоруссы	446	Арабы	—
Западный край	—	Копты	458
Витебская губ.	—	Іранъ и Персія	—
Гродненская	—	Індія	—
Литовцы	—	Религія и міфологія	459
Латыши	447	Шаманство	—
Финно-угры	—	Буддізмъ и ламанзмъ	—
Эсты	—	Ісламъ	—
Лопари	—	Лінгвістика	460
Самоѣды	—	Говоры	—
Зыряне	448	Словари и грамматики	—
Черемисы	—	Фольклоръ	—
Мордва	—	Пѣсни	461
Чуваши	448	Народная музыка	—
Остяки	—	Сказки	—
Вогулы	—	Обряды. Заговоры. Повѣрья	462
Вотяки	—	Обычное право	—
Бесермяне	449	Семья и родъ	—

	Стр.		Стр.
Свадьбы	462	Программы	463
Похороны	—	Описанія музеевъ	—
Народная медицина	—	Бібліографіческіе указатели	—
Матеріальна культура	—	Біографії, некрологи и пр.	464
Сектантство	—	Критика и бібліографія	—

II. Указатель отде́ловъ въ алфавитномъ порядке.

	Стр.		Стр.
Арабы	457	Латыши	447
Армяне	455	Лингвистика	460
Архангельская губ.	443	Литовцы	446
Башкиры	449	Лопари	447
Бесермяне	—	Малороссы	445
Бібліографіческіе указатели	463	Маньчжурія и маньчжуры	457
Біографії, некрологи и пр.	464	Матеріальна культура	462
Буддизмъ и ламаизмъ	459	Монголія и монголы	450
Буряты	450	Мордва	448
Бѣлоруссы	446	Народная медицина	462
Вітебская губ.	—	Народная музыка	461
Владимірская губ.	444	Некрологи	464
Вогулы	448	Нижегородская губ.	444
Вологодская губ.	444	Обряды	462
Воронежская губ.	—	Общее и разное	441
Вотяки	448	Обычное право	462
Вятская губ.	444	Олонецкая губ.	444
Говоры	460	Описанія музеевъ	463
Грамматики	—	Оренбургская губ.	445
Гродненская губ.	446	Орловская губ.	—
Грузини	455	Остяки	448
Евреи	457	Остяки енисейскіе	454
Заговоры	462	Палеазіаты	—
Западный край	446	Цензенская губ.	445
Зыряне	448	Пермская губ.	—
Індія	458	Пермяки	449
Іранъ и Персія	—	Персія	458
Ісламъ	459	Повѣрья	462
Кавказъ	451	Похороны	—
Казаки	445	Программы	463
Казанская губ.	444	Ісковская губ.	445
Калмыки	451	Пѣсни	461
Киргизы	453	Религія и міеологія	459
Китай и китайцы	456	Россія	442
Копты	458	Самоѣды	447
Корея	457	Саратовская губ.	445
Критика и бібліографія	464	Сарты	453
Курская губ.	444	Свадьбы	462
Ламаизмъ	459	Сектантство	—

Стр.		Стр.	
Семья и родъ	462	Фольклоръ	460
Сибирь	449	Черемисы	448
Сказки	461	Чуванцы	454
Славяне	442	Чуваши	—
Словари и грамматики	460	Шаманство	459
Средняя Азия	451	Эсты	447
Тверская губ.	445	Юкагиры и чуванцы	454
Тунгусы	454	Якуты	453
Тюрки	451	Японія и японцы	456
Финно-угры	447	Ярославская губ.	445

Матеріалы для своднаго списка періодическихъ изданий по этнографіи, антропологіи, фольклору и археологіи въ петроградскихъ библіотекахъ.

Печатаемый ниже сводный список періодическихъ изданий по этнографіи, антропологіи, фольклору и археологіи (СеніїЭЛФА) составленъ мною на основаніи данныхыхъ, собранныхъ въ библіотекѣ И. Русского Географического общества Е. В. Разумовскою, въ университетской библіотекѣ И. П. Мурзинымъ, въ Музѣѣ Александра III В. А. Егуновымъ, въ Имп. Публичной Библіотекѣ В. И. Саитовымъ, въ библіотекѣ Имп. Археол. Комиссії А. С. Раевскимъ (и по печатнымъ каталогамъ), въ Имп. Арх. Обществѣ В. Н. Бенешевичемъ и Дм. Вл. Николаевымъ, въ библіотекѣ Имп. Акад. Художествъ Эдг. А. Шульцемъ, въ Императорскомъ Эрмитажѣ Як. Ив. Смирновымъ, въ библіотекѣ Музея Антропологии и Этнографіи И. Академіи Наукъ по указаніямъ Е. М. Романовой и въ библіотекахъ Академіи Наукъ и Университета по печатнымъ каталогамъ. Описание раздѣляется на три части:

I. Пи — Періодическая изданий, напечатанныя славяно-русскими буквами.

II. Пи — Періодическая изданий, напечатанныя латинскими буквами.

III. Списокъ изданий по ЭАФА, въ Петроградѣ не разысканныхъ, но имѣющихся въ Берлинской, Мюнхенской Придворныхъ или Вѣнскихъ библіотекахъ. Свѣдѣнія этого отдѣла почерпнуты изъ изданий: a) Alphabetisches Verzeichniss der laufenden Zeitschriften, welche von der K. Hof- und Staatsbibliothek München und einer Anzahl anderer Bibliotheken Bayerns gehalten werden. München 1909. 8°. XIV + 427 AVZM.

b) Königliche Bibliothek zu Berlin Alphabetisches Verzeichnis der laufenden Zeitschriften März 1908. 8°. V + 461 + 2 бѣл. (KBB AVZ).

c) Generalkatalog der laufenden periodischen Druckschriften an den oesterreichischen Universitts und Studienbibliotheken, den Bibliotheken der technischen Hochschulen, der Hochschule für Bodenkultur, des Gymnasiums in Zara, des Gymnasial-

museums in Troppau und der Handels und nautischen Akademie in Triest. Herausgegeben im Auftrage des K. K. Ministerium für Cultus und Unterricht von der K. K. Universitätsbibliothek in Wien unter der Leitung von Dr. Ferdinand Grassauer. Wien. 1898. 8°. V + 796. Gkper. oest. Gr.

При обработкѣ материала для СеппноЖАФА мы использовали:

1. Каталогъ библіотеки Этнографического Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III (за время съ 1 декабря 1909 г. по 30 ноября 1910 г.). (Кѣ Ж ОРМАН). 4°. 46.

Изъ «Отчета Русскаго Музея Императора Александра III» (ОРМАН).

2. Списокъ русскихъ новременыхъ изданий съ 1703 по 1899 годъ со свѣдѣніями объ экземплярахъ, принадлежащихъ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ. Корректурное издание. СПБ. 1901. 8°. 2 + 1114. (Син Ак.).

3. Каталогъ русскихъ книгъ библіотеки Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, т. I. 1897; т. II. 1902 (Кѣк. СП. У.).

4. Списокъ главнѣйшихъ періодическихъ изданий, имѣющихся въ библіотекѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. СПБ. 1909. 8°. 2 + 100. (Син СН. У.).

5. Sectio II-ra Bibliothecae Academiae Imperialis Scientiarum Index Librorum periodicorum. I Ephemerides et series quibus Bibliotheca per annum MDCCXCVII aucta est.

II-е Отдѣление Библіотеки Императорской Академіи Наукъ. Списокъ періодическимъ изданиемъ. I. Журналы и серіи, получавшіяся въ 1897 г. СПБ. 1897. 4°. 32. (ИЛр.).

6. Каталогъ Императорской Археологической Комиссіи СПБ. 1904. (КИАК).

Отступая отъ прежде принятаго обычая, «многими доселѣ соблюдавшаго по старой памяти» (см. предисловіе Вс. Срезневскаго къ Син Ак.), мы помѣстили заглавія по первому слову, независимо отъ его грамматического значенія, при иностраныхъ заглавіяхъ за исключеніемъ члена. Лиць, желающихъ познакомиться съ обоснованіемъ этого распорядка, мы отсылаемъ къ статьѣ Градмана Über das Ordnungswort im alphabetischen Katalog. Von R. Gradmann въ Zs f Bw Bd. 25 Leipzig. 1908, стр. 289. Основою этого новаго порядка можетъ служить тезисъ Градмана на стр. 291:

Das Ordnungswort ist das erste Wort, das kein Artikel ist. Für die weitere Ordnung sind die folgenden Wörter genau in der gegebenen Reihenfolge massgebend.

Ограничиваюсь обыкновенію при перечисленіи заглавій основною частью заглавія безъ объяснительныхъ словъ «Revue, Materiaux» и т. п., мы должны отмѣтить, что только заглавіе «Globus» должно быть сопровождаемо опредѣлителями III. Zs für Länder u. Völkerkunde, такъ какъ существуетъ еще:

Der Globus. Fachzeitschrift für Händler, Markt- und Messreisende, Schausteller, Hausierer. Nürnberg и Le Globe. Journal Géographique. Genève.

Нами примѣняются нижеслѣдующія сокращенія: ИРГО. = Императорское Русское Географическое Общество; БАН. = Библіотека Академіи Наукъ; МЭАН. = Музей Этнографіи Академіи Наукъ; ИАК. = Императорская Археологическая Комиссія; БИАХ. = Библіотека Императорской Академіи Художествъ; МАш. = Музей Александра III; ИФИ. = Историко-Филологический Институтъ; МДУ. = Музей Древностей Имп. Петроград. Унив.; У. = Бібл. ИСП. Унив.; ИПБ. = Импер. Чубличная Библіотека; ИРАО. = Импер. Русск. Археол. Общество; ИФО. = Нео-Филологическое Общество; СОБАН. = Славян. Отд. Библіотеки Академіи Наукъ; ИЭ. = Императорскій Эрмитажъ; МА. = Библіотека Азіатскаго Музея Императорской Академіи Наукъ; БМФ. = Библіотека Министерства Финансовъ.

Для цитирования сокращенія этнографическихъ журналовъ употребляются такія же, какъ, напр., въ «Kulturgeschichtliche Bibliothek Herausgegeben von Dr. W. Foy» въ Кельнѣ. AfR = Archiv für Religionswissenschaft, PM = Petermanns Mitteilungen и т. д.

Э. А. Вольтеръ.

I.

Азаграканъ - Аидесь (Этнографический Сборникъ). Тифлисъ.	Бѣлорусскій Сборникъ.
МА.; У.; ИАК.; ИПБ.	ИРГО.
Азіятекій Вѣстникъ (изд. прекращено).	Византійскій Временникъ.
ИАК.; У.; ИПБ.	ИЭ.; БАН.; У.
Алтайскій Сборникъ.	Віленскій Временникъ.
ИРГО.; МАш.; БАН.; ИАК.; ИПБ.; Т. 1—10. 1894—1910.	МАш.; БАН.; ИПБ. 1901—1904.
Археографический Сборникъ.	Военно-Исторический Вѣстникъ (съ прил. Дѣятельности Кіев. Общ. охраны памятниковъ старины).
ИРГО.	ИАК.; ИПБ.
Археологич. Извѣстія и Замѣтки (изд. прекращено).	Воронежская Старина. Изд. Воронеж. Церковно-Археологического Общества.
ИАК.; У.; ИПБ.	ИАК.
Астраханскій Сборникъ, изд. Петровскаго общ. изслѣд. Астраханскаго края.	Временникъ Общ. ист. и древн. Росс. (изд. прекращено).
ИРО.; 1896; Вып. I. ИРГО.; ИАК.; У.; МАш.; ИПБ.	ИПБ.; ИАК.
Босанскa Вила.	Временникъ Эстляндской губ.
СОБАН.	ИАК.; ИПБ.

Вѣстникъ Азіи.	ИРГО; ИРАО. 1909—1911, №№ 1—7, МА; МЭАН.; 1909, 1910; МАш; У; ИРГО.	Ежегодникъ Кавказскаго Горнаго Общества въ Пятигорскѣ. ИРГО; ИАК.; ИРБ.
Вѣстникъ Археологии и Исторіи.	ИАК.; У; МАш; ИИБ.; ИРГО.	Ежегодникъ Казанскаго научно-пром. Общ. ИАК.; ИРБ.; ИРГО.
Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ. (изд. прекращено).	ИРГО.; ИАК.; МАш; ИРБ.	Ежегодникъ Россіи (изд. Центр. стат. ком.). ИАК.; МЭАН. 1904, 1905, 1906. ИРБ.; ИРГО.; ИРАО. 1904—1905, 1907—1908.
Вѣстникъ народнаго дома (Львовъ).	ИАК.; У; ИЛБ.	Ежегодникъ Русскаго Антропологическаго Общества. ИРГО; У; МАш; МЭАН. 1904, 1905—1907, 1908; ИРБ. 1905—1909. Т. 1—3.
Вѣстникъ Общ. древне-русскаго искусства.	ИАК.; ИРБ.; ИРГО.	Ежегодникъ Тобольскаго губ. музея. БМФ.; ИРАО. Вып. I—V; VII, XVI, 1893—1907, ИРГО.; МЭАН. 1894, 1905, 1906, 1909; МАш; ИАК.; ИИБ. 1893—1911. В. 1—19. У.
Географическія Извѣстія (изд. прекр.).	ИРНО.	Ежегодникъ Ферганской области. ИАК.; ИИБ.; ИРГО.
Дагестанскій Сборникъ.	ИАК.; МАш; ИИБ.; ИРГО.	Екатеринославское Научное Общество. ИАК.; У; ИРГО.
Древн. Сакардвел. Древняя Грузія. Сборникъ Грузинскаго Общества исторіи и этнографіи.	МАш; ИАК.; ИИБ.	Етнографичній Збірникъ. Видае Етнографична Комісія Наукового Товариства імені Шевченка. ИРГО. (Х, XI, XIV, XVI, XXI, XXV—XXVIII); СОБАН.; У; МАш; МЭАН. XXIII, XIX, XXI (неп.). ИИБ.
Дневникъ Антропологическаго Отдѣла (изд. прекр.).	ИРБ.	Живая Старина. Етнографическо (фольклорио) списание Руссе 1891—1894, кн. 1—6. СОБАН.
Древности. Труды Имп. Московскаго Археологическаго Общества.	ИРАО. 1865—1901, тт. I—XXI. ИАК.; У; МАш; ИРБ.; ИРГО.; БИАХ.; ИЭ. 1861—1890.	Живая Старина. Періодическое изданіе Отдѣленія Этнографіи Имп. Русск. Геогр. Общ. ИРГО.; У; МАш; МЭАН. 1894—1908 (нѣть 1907); БАН.; ИАК.; ИФО. 1890—1 ИРБ. 1890—1910. ИРАО. 1904. Вып. II—III.
Древнія и новая Россія (изд. прекр.).	ИРБ. 1875—1881; МАш; БАН.; ИАК.; БИАХ.; ИРГО.; У; ИРБ.	Живописная Россія (сборникъ и журналъ). Изд. прекращено.
Дѣйствія Нижегородской Арх. Ком.	ИРАО.; 1888—1892, 1910. ИАК.; ИРГО.; У; МАш; ИРБ.	БАН.; ИИБ.
Еврѣйская Старина. Трехмѣсячникъ Евр. историко-этнограф. Общества.	ИРБ. 1909—1910; МАш; БАН.; ИИБ.	Журналы засѣданій Костромской Архивной Комиссіи. ИРГО.; ИРАО.; 1893—1898.
Ежегодникъ Имп. Русскаго Географическаго Общества (изд. прекращено).	ИАК.; МЭАН.; 1894 и 1896. ИРГО.; У; МАш; ИРБ.	

Журналы заседаний Нижегородской Архивной Комиссии.

ИРГО.; ИРАО. 1893, XX зас.

Журналы заседаний Рязанской Архивной Комиссии.

ИРАО.; 1885—1886.

Журналы заседаний Симбирской Архивной Комиссии.

ИРАО.; 1895—1896.

Журналы заседаний Тамбовской Архивной Комиссии.

ИРАО.; 1885—1886; 1901—1902.

Журналы заседаний Тверской Архивной Комиссии.

ИРАО.; 1884, 1887—1903, ИРГО.; ИАК.; ИПБ.

Записки Бессарабского Областного Статистического Комитета (изд. прекр.).

ИПБ.

Записки Виленской Археологической Комиссии (изд. прекращено).

ИАК.; ИПБ.

Записки Восточного Отделения Имп. Русск. Археол. Общ.

ИРАО.; 1886—1911 тт. 1—19, 20, вып.

1—3. ИПБ.; ИАК.; У.; МЭАН. (неп.). ИРГО.

Записки Восточно-Сибирского Отделения Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. Этнографии.

ИРГО.; БАН.; У. (неполн.); МАш.; МЭАН. 1886, 1889, 1890 (неп.); БАН.; ИАК.; ИПБ. 1889—1890, 1896. Т. 1—3. ИРАО. 1885, т. XII. 1886, т. XVI.

Записки Зап.-Сибирск. Отд. И. Г. Общ.

БМФ.; ИРГО.; МЭАН. 1886, 1904, 1906, 1907; ИРАО. 1879—83; 1886; 1888—91—1909. БАН.; МАш.; ИПБ. 1879—1910. Кн. 1—35; У.

Записки Имп. Одесского Общ. истории и древностей.

ИРГО.; ИАК.; У.; ИПБ.; ИРАО.; 1844—1907, тт. 1—3, 4 (отд. II—III), 5—27. И. Э.

Записки Имп. Русск. Археол. Общества, т. 2—8, 10, 11, 12 (неп.).

ИРАО.; 1886—1901, тт. I—XII (новая серия). ИРГО.; МЭАН.; У.; МАш.; ИАК.; ИПБ.

Записки И. Р. Геогр. Общ.

БМФ.; ИРГО.; МЭАН. Томъ 30, 31, 32, 30, 34; БАН.; ИАК.; МАш.; ИПБ. 1867—1909. Т. 1—34; У. ИРАО.; тт. 2, 4—13, 15—19, 20 (неп.), 21, 22 (неп.), 23—28, 29 и 30 (неп.), 31 (неп.), 32—33, 34 (неп.), 35—36, 37 (неп.), 38, 41—42, 47.

Записки Имп. Рус. Географ. Общ. по Отд. статистики.

ИРГО.; ИПБ.; СОБАН.

Записки Имп. Р. Геогр. Общ. по Отд. Этнографии.

БМФ.; ИРГО.; БАН.; У.; МАш., МЭАН. 1864, 1878, 1884, 1885, 1886—1889, 1887, 1882—1888, 1888, 1890, 1891, 1894, 1895, 1897, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1906 (неп.); ИАК.; ИПБ. 1867—1909. Т. 1—34. ИРАО. 1811—84; 1885; 1889—91; 1894—95; 1900; 1902—904; 1906—1909. ИРАО. 1871—1909, тт. 3—12, 13 (неп.), 14, 15 (неп.), 17—20, 21 и 22 (неп.), 24, 25 (неп.) 26—29, 31—34.

Записки Кавказского Отделения И. Р. Г. О.

БМФ.; ИПБ. 1852—1911. Т. 1—29; ИРГО.; МЭАН. 1880, 1902—1910; БАН.; ИАК.; МАш. У. ИРАО. 1862—1866, кн. V—VI, VII, вып. I.

Записки Класс. Отд. И. Р. Археол. Общ.

ИРГО.; МЭАН.; У.; МАш.; ИАК.; ИПБ.

ИРАО.; 1904—1910, тт. I—VI.

Записки Красноярского Подъотделения Вост.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. по этнографии.

ИПБ. 1902. Т. 1; ИРГО.; БАН.; МАш.; ИАК.; МЭАН. 1902, 1905, 1906, и 1 2 в.; ИРАО. 1905—1906 т. I. вып. I.

Записки Московского Археологического Института.

ИАК.; У.; ИПБ.

Записки Наукового Товариства имени Шевченка.

ИРГО.; МЭАН. 1908; МАш.; СОБАН.; У.

Записки Шумизмат. Отд. И. Р. Археол. Общ. (неп.).

- ИРГО.; МЭАН.; У.; МАи; ИАК.; ИРАО.; 1906—1910 тт. I, II. Вып. 1—2.
- Записки Общ. изучения Амурского Края. ИАК.; МАи; ИПБ.; ИРГО.
- Записки Общества истории, археологии и права при Имп. Варшавском Унив. ИАК.; У.; ИИБ.; ИРАО. 1902—1911; 1—5.
- Записки Общества Любителей Кавказской археологии. ИАК.
- Записки Оренбургского Отдела Имп. Русск. Географич. Общества. БМФ.; ИПБ.
- Записки Отд. р. и слав. археологии И. Р. Арх. Общ. ИИБ. 1851—1909. Т. 1—8; ИРГО; У.; БАН.; ИАК.; МАи; МЭАН. (неп.). ИРАО.
- Записки Приморского Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. БМФ.; ИРГО; МЭАН., томы 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7; БАН.; ИАК.; МАи; ИИБ. 1894—1909. Т. 1—7. ИРАО. тт. I—III; IV ч. 1—2, 4; V. ч. 1.
- Записки Семипалатинского Подъотдела Зап.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. ИИБ. 1908—1911. Т. 1—5; ИРГО.; МЭАН. 1907, 1909; БАН.; ИАК.; МАи. ИРАО. 1908—1911. Вып. 1—5.
- Записки Северо-Западного Отдела Имп. Русск. Геогр. Общ. ИАК.; ИПБ.; ИРГО.; ИРАО. 1910. Кн. 1.
- Записки Украинского Научного Товариства в Киеве. ИИБ. 1909—1911. Кн. 1—8; ИРГО.; СОБАН.; У.; МАи.
- Записки Уральского Общества Любителей Естествознания. ИИБ.; ИАК.; У.; ИРГО.; МАи; (неп.). ИРАО. 1874—1910 тт. 1 и 2 неп. 4—7; 8 и 9 неп. 10—13, неп., 15—17, 18 неп. 19 неп., 20 неп., 21, 23, 27—30.
- Записки Читинского Отделения Прим. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.
- ИПБ.; ИРГО.; МЭАН. Вып. 1—4; БАН.; ИАК.; МАи; ИРАО. 1901, 1905, 1907. 2—6, 8.
- Записки Юго-Западного Отдела Имп. Русского Геогр. Общ. (изд. прекращено) (Киевъ). ИРГО.; ИАК.; МАи; ИПБ.; ИРАО. 1874, т. II.
- Землеведение. Периодич. изд. Геогр. Отделения Имп. Общ. Люб. Ест., Антроп. и Этнографии (Москва). ИРГО.; БАН.; У.; МАи; МЭАН. 1903, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1909, 1910; ИПБ. 1894—1910. Кн. 1—16.
- Извѣстия на Етиографическия Музей въ София. ИРГО.; СОБАН.
- Извѣстия на Българското археологическо дружество. ИАК.; СОБАН.
- Извѣстия Архангельского Общества изучения Русского Севера. ИИБ.; ИАК.; ИРГО.; МАи. ИРАО. 1909—1911.
- Извѣстия Восточного Института во Владивостокѣ. БМФ.; ИИБ. 1899—1910. Т. 1—18, 21—33, 35; ИРГО.; У.; МЭАН. 1899—1910; БАН.; ИАК.; МАи; ИРАО.
- Извѣстия Вост.-Сибирск. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. ИИБ. 1870—1910. Т. 1—41; ИРГО.; МЭАН. 1879—1890, 1893, 95, 96, 97, 1903, 1904—1908; БАН.; ИАК.; МАи; У.; ИРАО. тт. X—XVII, XIX—XXXI, XXXIV—XL.
- Извѣстия Имп. Археол. Комис. 1901—1911 (СПБ.). ИПБ.; БИАХ.; ИАК.; МЭАН.; У.; ИРГО.; МАи. ИРАО. 1901—1911. Вып. 1—38.
- Извѣстия Имп. Общества любит. Естествознания Антроп. и Этнографии при Имп. Моск. Университетѣ. Труды Антропологического Отдела.

ИРГО.; МЭАН., 1879, 1888, 1894, 1899, 1901, 1903, 1904, 1905, 1906, 1908 (неп.); МАш; БАН.; ИАК.; У.; ИПБ.

Извѣстія Имп. Ообщ. Любителей Естество-
занія, Антропологии и Этнографіи при
Имп. Моск. Университетѣ. Труды Этно-
графического Отдѣла.

ИПБ. 1866—1911. Т. 1—122; ИРГО.;
У.; МАш; БАН.; ИАК.; МЭАН. (неп.).

Извѣстія Имп. Русск. Археол. Общ. (изд.
прекращено).

ИРГО.; ИАК.; МАш; ИПБ.; ИРАО. 1859—
1884 тт. I—X.

Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.

БМФ.; ИПБ. 1865—1910. Т. 1—18; ИРГО.;
МЭАН., 1868, 1869, 1882, 1894, 1895, 1897—
1902, 1908 гг.; БАН.; ИАК.; МАш; У. ИРАО.
1865—73; 1875—1911, тт. 1—8, 11—12 и
13 неп.

Извѣстія историко-филологического инсти-
тута кн. Безбородко (Шѣхинъ).

ИФИ.; ИПБ.; ИАК.; У.; МАш; ИРГО.;
ИРАО. 1877—1909 тт. 1—26.

Извѣстія Кавказскаго Музея (Тифлісъ).

ИРГО.; МЭАН., томы II—V; БАН.;
ИАК.; МАш; У.; ИПБ.

Извѣстія Кавказскаго Общества исторіи и
археологии.

ИАК.; ИПБ.; ИРГО.; ИРАО. 1904—1907,
тт. 1—2.

Извѣстія Кавказскаго Отдѣла Имп. Русск.

Геогр. Общ.

БМФ.; ИРГО.; ИПБ. 1872—1909. Т. 1—
20; МЭАН., 1902—1909; БАН.; ИАК.; МАш.

Извѣстія Кавказскаго Отдѣленія Имп. Мо-
сковскаго Археологического Общества.
ИАК.; ИПБ.; ИРГО.

Извѣстія Калужской уч. арх. Комиссіи.
ИАК.; ИПБ.

Извѣстія Красноярскаго Поддѣл. В.-Слѣ-
Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.

1902—1906. ИПБ. 1901—1909. Т. 1—2,
ИРГО.; МЭАН., 1908, 1909; БАН.; ИАК.;
МАш. ИРАО. 1902—906 тт. I—II, неп.

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и
Этнографіи при Имп. Каз. Университетѣ.

ИРГО.; 1878 (неп.); 1879 (неп.); 1884;
1888 (неп.); 1889; 1890 (неп.); 1891 (неп.);
1892—94—1909. БАН.; У.; МАш; МЭАН.,
1884, 1886, 1889, 1890 (неп.); ИАК.; ИПБ.
1878—1914. Т. 1—27. ИРАО. 1879—1910,
т. 1 неп. 2, 5, 6 неп. 7, 8 неп. 9 неп. 10—
11, 12 неп. 13—26.

Извѣстія Общества любителей изученія Ку-
банской области.

БМФ.; ИРАО. 1899—1902. Вып. 1—3;
ИАК.; ИПБ.; ИРГО.

Извѣстія Общества любителей Кавказской
археологии.

ИРГО.; ИАК.; У.; ИПБ.

Извѣстія Оренбургскаго Отдѣла Имп. Русск.
Геогр. Общ.

БМФ.; ИРГО.; МЭАН., 1902, 1903, 1905,
1909; БАН.; ИАК.; МАш; ИПБ. 1893—1909.
Т. 1—19, 21. У.

Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и словесн.
Имп. Ак. Наукъ (СНБ.).

ИАК.; У.; МАш; ИПБ.; ИРГО.

Извѣстія Русскаго Археологическаго Ин-
ститута въ Константиноополѣ.

ИАК.; У.; ИПБ.; ИРГО.; ИРАО. 1896—
1909.

Извѣстія Русскаго Комитета для изученія
Средней и Восточной Азіи.

У.; ИРГО.; ИАК.; МЭАН.; ИПБ.; ИРАО.
1903—1909 №№ 1—8.

Извѣстія Тавріческой уч. Арх. Комиссіи.
ИАК.; МАш; ИПБ.; ИРАО. 1887—1911
№№ 2—45.

Извѣстія Тамбовской уч. Арх. Комиссіи.
ИРГО.; ИАК.; У.; МАш; ИПБ.; ИРАО.
1887—1909. Вып. 13—43.

Извѣстія Туркестанскаго Отд. Имп. Русск.
Геогр. Общ. (Ташкентъ).

ИРАО. Тт. I—II, III кн. 1, IV кн. 2—9;
V—VII. 1898—1909. ИРГО.; МЭАН., 1898,
99, 1900, 1902, 1903, 1906, 1907, 1908, 1909;
БАН.; МАш; ИПБ. 1900—1908. Т. 1—7.

Исторический Вѣстникъ.

У.; ИПБ.; БАН.

Кавказская Старина (Тифлисъ).

ИАК.; ИПБ.; ИРГО.

Калужская Старина.

ИАК.; ИПБ.; ИРАО. 1901 — 903, 905, 910, тт. I—V.

Караціїн. Істор за српски народни живот, обичаје, предање. Алексинац.

СОБАН.; У.

Киевская Старина (прекр.).

ИРГО.; МАиц.; БАН.; ИАК.; ИПБ. 1882—1906. У.

Коллекції Этнографического Отдела Русского Музея Императора Александра III.

МАиц.; ИПБ.

Костромская Старина.

ИПБ.; ИАК.; ИРГО.; У.; МАиц. ИРАО. 1894—906. Вып. III—VI.

Кубанский Сборникъ (изд. Куб. Области. Стат. Ком.).

ИРГО.; ИАК.; МАиц.; ИПБ.

Курскій Сборникъ (изд. Курск. Губ. Статист. Комитета).

ИРГО.

Летопис Матице Српске.

МАиц.; СОБАН.; У.

Летопис Србеки.

ИРГО.

Летопись Екатеринославской ученой Архивной Комиссии.

ИАК.; ИПБ.

Материалы къ изученію Вятского края.

Изд. Кукарского Образовательного Общества.

ИАК.; ИПБ.; ИРГО.

Материалы по археологии Россіи. Изд. Имп. Арх. Ком. № 1 — 33.

ИПБ. 1866—1910. №№ 1—33; ИРГО.; БАН.; У.; ИАК.; БИАХ.; МАиц.; МЭАН.; ИРАО. 1890—1907, 4—30; 32.

Материалы по изученію Пермского края.

Изд. Перм. научно-пром. музея.

ИАК.; МАиц.; ИПБ.; ИРГО.; ИРАО. 1906. Вып. III.

Материалы по этнографіи Россіи. Изд.

Этнограф. Отд. Русского Музея Императора Александра III.

ИРГО.; БАН.; У.; МАиц.; МЭАН., т. I, 1910; БИАХ.; ИАК.; ИПБ.; ИРАО. 1910, т. I.

Матеріали до Українсько - руської етнографії.

ИРГО.; МЭАН., 1899, 1900, 1901, 1902, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908; ИАК.; МАиц. СОБАН.

Матеріали до української етнографії.

У.; МЭАН. 1909; СОБАН.; МАиц.

Минская Старина.

ИПБ.; ИАК.

Нижегородскій Сборникъ (изд. Нижегород.

Губ. Стат. Комитета).

ИПБ.; ИАК.; МАиц.; ИРГО.

Новгородскій Сборникъ. Издание Новгородского Статистическ. Комитета 1865—1866 гг. (изд. прекр.).

ИРГО.

Олонецкій Сборникъ. Материалы для исто-

рии, географіи, статистики и этнографіи Олонецкаго края. (Изд. Олонецк. Губ.

Ст. Комит.). Вып. I — IV (1875—1902).

ИРГО; БАН.; У.; МАиц.; МЭАН. 1886 (неп.); ИПБ. 1875—1902. Вып. 1—4. ИРАО. 1875—94. Вып. I—III.

Периодическо Списание на Българското книжовно дружество въ София.

ИРГО.; СОБАН.

Пермская Старина (изд. прекр.).

ИРГО.; ИАК.; ИПБ.

Пермский Край (изд. прекр.).

ИАК.; ИПБ.; ИРГО.

Пермский Сборникъ (изд. прекр.).

ИАК.; ИПБ.; ИРГО.

Протоколы засѣданій Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи.

- ИИБ.; ИАК. МЭАН.; У.; ИРГО.; ИРАО. 1903—905 1906 неп. 1907—1908 1909 неп.
- Протоколы засѣданій Туркестанск. Кружка .Любителей Археологии.
- ИРГО.; ИАК.; МЭАН.; ИИБ.; ИРАО. 1896—1909 1—14.
- Исковская Старина.
- ИАК.; ИИБ.
- Родопски Напрѣдъкъ.
- ИРГО.; СОБАН.; У.; МАш.
- Русский Антропологический Журнал.
- ИРГО.; БАН.; МЭАН. 1900—1905, 1907; МАш.; У.; ИИБ. 1900—1905, 1908.
- Русский Филологический Вѣстникъ.
- ИИБ.; НФО.
- Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей принадлежащихъ, издаваемый В. А. Дашковымъ. Кн. I (1868), II (1873).
- ИРГО.; БАН.; МАш.; У.; ИИБ. 1868—73. Кн. 1—2 (изд. прекр.).
- Сборникъ Археологического Института (изд. прекращено).
- ИАК.; ИИБ.; ИРГО.; ИРАО. 1878—80. Кн. 1—4.
- Сборникъ Дагестанскій.
- ИРГО.
- Сборникъ за народны умстворения, наука и книжнинна. 1888 (Софія).
- ИРГО.; У.; МАш.; СОБАН.; ИИБ.
- Сборникъ Имп. Правосл. Иерусалимскаго Общества.
- ИАК.; ИФИ.
- Сборникъ истор.-филол. Общ. при институтѣ кн. Безбородко.
- ИАК.; У.; ИИБ.; ИРАО. 1896—1911, тт. 1—4 6—7.
- Сборникъ материаловъ для описанія мѣстностей и именъ Кавказа.
- ИРГО.; ИИБ. 1881—1910. Вып. 1—40; У.; БАН.; МА; ИАК.; БИАХ.; МАш.; МЭАН. ИРАО. 1881—1910; 1—XXXVI, XXXVIII—XL.
- Сборникъ материаловъ для статистики Сырь-Дарынскай области.
- ИРГО.; ИАК.; МАш.; ИИБ.; ИРАО. 1902—1907 тт. I—XIII.
- Сборникъ материаловъ по этнографіи, издаваемый при Дашковскомъ Этнографическомъ Музѣ. Вып. I (1885), II (1887), III (1888) (изд. прекр.).
- ИИБ. 1885—87. Вып. 1—3; ИРГО.; БАН.; МАш.; ИАК.; У.; ИРАО. 1885—1887; I—II.
- Сборникъ Музея (по) Антропологии и Этнографии при Имп. Ак. Наукъ.
- ИИБ. 1901—1911. Вып. 1—9; МЭАН., МАш.; ИРГО.; БАН.; У.; МАш.
- Сборникъ Новгородскаго Общества любителей древности.
- ИАК.; ИИБ.; ИРГО.; ИРАО. 1908—1910. Вып. I—III.
- Сборникъ Общества древне-руск. искусства.
- ИАК.; У.; ИИБ.; ИРГО.
- Сборникъ Отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ.
- ИРГО.; ИАК.; У.; МАш.; ИИБ.; ИРАО. 1867—1910 тт. I—III, V, VII—LXXXI LXXXIII—LXXXVIII.
- Сборникъ Пензенскаго Губ. Стат. Комитета (изд. прекр.).
- ИАК.; ИИБ.; ИРГО.
- Сборникъ Рязанск. Губ. Стат. Комитета.
- ИРГО.
- Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ (изд. прекр.).
- ИРГО.
- Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ.
- ИРГО.; ИАК.; МАш.
- Сборникъ свѣдѣній о сѣверномъ Кавказѣ, изд. Ставропольскимъ Стат. Ком.
- ИРГО.; ИАК.; МАш.; ИИБ.
- Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Ставропольской губ., изд. Ставропольск.

- Губерн. Статист. Комитета (изд. съ 1868 г. прекр.). ИИБ.
- Сборникъ Тверского Общества любителей исторіи, археологіи и естествознанія. ИАК.; ИИБ.; ИРАО. 1903. Вып. 1.
- Сборникъ Трудовъ членовъ Петровскаго Общ. изслѣд. Астрахан. края. ИИБ.; ИАК.; У.; МАш.
- Сборникъ Харьковскаго историко-филологического Общества. ИРГО.; ИАК.; У.; ИИБ.; ИРАО. 1890—1909, тт. 1—15.
- Сборникъ Черниговскаго Земства. ИИБ.
- Сибирскій Вѣстникъ (изд. прекращено). ИАК.; ИИБ.
- Сибирскій Сборникъ. ИИБ. 1886—1904; ИРГО; МЭАН. 1886, 1887, 1891; МАш.
- Смоленская Старина. ИАК.; ИИБ.; ИРАО. 1909—1911. Вып. I—II.
- Српски Етнографски Зборникъ. Српска Краљевска Академија. МАш; СОБАН.; У.
- Старинар српског археолошког друштва. Београд 1884. СОБАН.; У.
- Тверская Старина.** ИАК.; ИИБ.
- Труды Антропологического Общества при Имп. В.-Медиц. Академіи. МЭАН., томы I—VI; БАН.; ИАК.; ИИБ. 1894—1900. Т. 1—6. ИРГО.
- Труды Архангельского Статистического Комитета (изд. прекращено). ИИБ.
- Труды Астраханского Губерн. Статистического Комитета.
- Труды Бессарабской уч. Арх. Ком.
- ИАК.; ИИБ.; ИРГО.; ИРАО. 1900—1902, тт. I—II.
- Труды Варшавскаго Статистич. Комитета. ИРГО.; ИАК.; МАш; ИИБ.
- Труды Витебской ученой Арх. Комиссіи. МЭАН., 1910; ИАК.; ИИБ. 1910. Кн. 1.
- Труды Владимирскаго Губернскаго Статистического Комитета. 1863—1871. ИИБ.
- Труды Владимирской уч. Арх. Ком. ИРГО.; ИАК.; МАш; ИИБ.; ИРАО. 1899—1910. Кн. I—XII.
- Труды Воронежской уч. Арх. Ком. ИАК.; МАш; ИИБ.; ИРАО. 1902—1904. Вып. I—II.
- Труды Восточнаго Отдѣленія Имп. Русск. Археологического Общества (изд. прекращено). ИАК.; У.; ИИБ.; ИРАО. 1890—98, 1855—74; чл. 1—17, 20—22.
- Труды Вост.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. ИИБ.; ИРГО.; БАН.; У.; МАш; ИАК.
- Труды Вятской ученой Архивной Ком. ИРГО.; ИАК.; МАш; ИИБ.; ИРАО. 1905—1911.
- Труды Донского Войскового Статистического Комитета (изд. прекр.). ИИБ.
- Труды Казанскаго Губернскаго Статистического Комитета (изд. прекр.). ИИБ.
- Труды Курскаго Губ. Статистического Комитета (изд. прекр.). ИИБ.
- Труды Курской г. Арх. Ком. ИАК.; МАш; ИИБ.
- Труды Общества Естествоиспытателей при Имп. Каз. Унив. Отдѣлъ Этнографіи. МЭАН. 1873; БАН.; ИИБ. 1871—1910. Т. 1—43. У.
- Труды Оренбургской ученой Архивной Комиссіи.

<p>ИРГО.; МЭАН., 1904, 1906—1911; БАН.; ИАК.; МАш; МЛ.; ИИБ. 1897—1910. Вып. 1—21. ИРАО. 1897—1911; II—XXII. У.</p> <p>Труды Орловской уч. Арх. Ком.
ИПБ.; ИАК.; МАш; ИРГО.; ИРАО. 1893. Вып. II.   Труды Пензенской уч. Арх. Ком.
ИРГО.; ИАК.; МАш; ИПБ.; ИРАО. 1903. Кн. 1.   Труды Пермской Арх. Комиссии.
ИПБ.; ИАК.; МАш. ИРАО. Вып. I—IX.   Труды Подольского Епархиального Истор.-археолог. Общ.
ИРГО.   Труды Полтавской уч. Арх. Ком.
ИАК.; МАш; ИПБ.   Труды Псковского археологич. Общества.
ИАК.; У.; МАш; ИИБ.; ИРАО. 1901—1910.   Труды Рязанской уч. Арх. Ком.
ИПБ.; ИАК.; МАш; ИРГО.; ИРАО. тт. II—XXI, XXII. Вып. 2. XXIII. Вып. 1.   Труды Саратовской уч. Арх. Ком.
ИРГО.; ИАК.; МАш; ИПБ.; ИРАО. 1888—94 1902—1911, тт. I, II—III, неп. IV. Вып. 22—28.   Труды Ставропольской Арх. Комиссии.
ИАК.; ИПБ.   Труды Томского Общества естествовис-
тателей.
ИАК.; ИПБ.; ИРГО.   Труды Троицкосавско-Кяхт. Отдѣленія При-
амурск. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.
ИРГО.; МЭАН. 1898—1904, 1906—1909; БАН.; ИАК.; МАш; ИИБ. 1899—1911. Т. 1—12. ИРАО. 1898—1909, тт. 1—8, 9. Вып. 2. У.</p>	<p>Труды Туапсинского научно-промышлен-
ного музея.
ИАК.; МАш; ИИБ.   Труды Херсонского Губ. Стат. Комитета.
ИАК.; ИПБ.   Труды Черниговской уч. Арх. Комиссии.
ИАК.; МАш; ИПБ.; ИРАО. 1902—1911. Вып. 2, 4—8.   Труды Ярославской уч. Арх. Комиссии.
ИРГО.; ИАК.; МАш; ИПБ.; ИРАО. 1890—92, 1899—1909, тт. I—III, V.   Україна.
МАш; СОБАН.; ИПБ.   Харківський Сборникъ.
ИРГО.; ИАК.; МАш; ИПБ.   Чтения въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древ-
ностей Россійскихъ.
ИРГО.; ИАК.; У.; МАш; ИПБ.; ИРАО. 1846—1848 неп. 1858, 1859—60, неп. 1861—1911.   Змінський Этнографіческий Сборникъ.
МАш; ИПБ.   Етнографіческий Сборникъ, издав. Имп.
Русск. Геогр. Общ. Вып. I—VI (изд.
прекращено).
ИРГО.; У.; МАш; БАН.; ИИБ. 1853—
1864. Вып. 1—6. ИРАО. 1853—54. I—III.   Етнографическое Обозрѣніе. Изд. Этногр.
Отд. Имп. Общ. Люб. Естеств., Антроп.
и Этногр., сост. при Имп. Моск. Унив.
ИРГО.; У.; МАш; МЭАН. 1889—1903
(неп.); БАН.; ИАК.; МАш; ИИБ. 1889—
1911. Кн. 1—87. ИРАО. 1889 кн. 2; 1890
кн. 5; 1891—1896.</p>
<p>II.</p> <p>Arbøger for Nordisk oldkyndighed og hi-
storie. Kjøbenhavn.
ИАК.; ИРАО.   Abbildungen von Alterthümern des Main-
zer Museums. Mainz.
ИАК.</p>	

Abhandlungen der hist.-philolog. Classe der K. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Göttingen.	Acta societatis Scient. Fenniae. Helsingfors. ИРАО; ИАК.
ИРАО.	
Abhandlungen der K. Böhmisichen Gesellschaft der Wissenschaften.	Actas das Sessoesda Academia Real das Sci-encias de Lisboa. ИРАО.
ИРАО.	
Abhandlungen (Acta Nova) der Kais. Leopold-Carol-Deutschen Akademie der Naturforscher.	Actes X Congrès International des Orientalistes. Session de Genève. 1894. Leides. ИРАО.
ИРГО.; Bd. LXXX. № 1 и 2; Bd. LXXXIV. № 1, 1907; МЭАН.; У.	
Abhandlungen der philosophisch-historischen Classe der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin.	Alemannia. Zs f. Sprache, Litteratur u. Volkskunde des Elsasses. Иг. von Berlin-ger. Bonn 1873. БАН. I Ge. 75.
ИРАО.	
Abhandlungen der philosophisch-historischen Classe der K. Bayerischen Akademie der Wissenschaften. München.	Almanach de l'archéologie français, ed. par les membres de la Société française d'archéologie de Caen. Caen. ИАК.
ИРАО.	
Abhandlungen der phil.-hist. Classe d. K. Sächsischen Gesellschaft d. Wissenschaften. Leipzig.	Almanach. Magyar Tud. Akademiae. ИРГО.; МЭАН. 1908, 1909, 1910.
ИАК.	
Abhandlungen der Schlesischen Gesellschaft für vaterländische Kultur. Philos.-hist. Abtheilung. Breslau.	American Anthropologist. ИРГО.; МЭАН., 1894—97, 1905 — 1910 и др.
ИРАО.	
Abhandlungen des Archäologisch-epigraphischen Seminaires der Universität. Wien.	American Archaeology and Ethnology Uni-versity of California Publications. ИРГО.; У.; МЭАН. и др.; МАН.
БАН.	
Abhandlungen für die Kunde des Morgen-landes Leipzig.	American Journal of Archaeology. The Journal of the archaeolog. Institute of America. ИАК. 1897—1902. ИЭ. I—XI (1885—96). I—XIV (1897—1909).
ИРАО. 1898—1901.	
Abhandlungen zur Landeskunde der Prov. West.-Preussen. Graudenz.	American Museum Journal. 1903—1911. МЭАН.
ИАК. 1890—95.	
Abrégé du Bulletin de la Société Hongroise de Géographie.	Amtlicher Bericht über die Verwaltung der Naturh., Arch. und Ethnol. Samml. des Westphäl. Provincial-Museums. 1894—1909. МЭАН.
ИРГО.; МЭАН., съ 1898 — 1908 (неп.).	
Académie d'archéologie de Belgique.	Am Ur-Quell. Monatschrift für Volkskunde. МАН; ИПЕ.
ИАК. 1868—1902.	Analecta archaeologica Fennica. Gelsingfors. БАН.

- Analecta Bollandiana. Paris-Bruxelles-Genève.
ИРАО. БАН.
- Annalen des K. K. Naturhistor. Hofmuseums.
МЭАН.; Jf 1885, 86, 87 — 1893, 1896;
МАи.
- Annalen des Vereins für Nassauische Alterthumskunde und Geschichtsforschung.
Wiesbaden.
ИАК. 1881—1902 ИРАО.
- Annaler for Nordisk oldkyndighed og historie. Kjøbenhavn.
ИАК. 1853, 1854.
- Annales Academici. Lugduni-Batavorum.
ИРАО.
- Annales archéologiques. Paris.
ИАК.; ИРАО. ИЭ. I—XXVIII (1844—81).
- Annales de l'Académie d'Archéologie de Belgique.
ИАК. 1865—1893; 1895 —1900; ИРАО.
ИЭ. БАН.
- Annales de l'Académie de Reims. T. I — II, 1843—44.
ИЭ.
- Annales de la Société archéologique de Namur. Namur.
ИАК. 1865—1902; ИРАО.
- Annales de la Société d'Agriculture, Sciences, Arts et Commerce de Puy. Puy.
ИРАО.
- Annales de la Société d'archéologie de Bruxelles. Bruxelles.
ИАК. 1887—1903.
- Annales de la Société d'emulation du département des Vosges. Épinal.
ИРАО.
- Annales de la Société d'histoire, d'archéologie et des beaux-arts du Chaumont. Dijon.
ИАК. 1893—94.
- Annales del Museo de la Plata. 9. Sección
Antropología. 10. Etnología. 11. Sección
de Arqueología.
БАН., I Ab. XXX.
- Annales del Museo Nacional de Mexico.
ИРАО.
- Annales du cercle archéologique de Mons.
ИАК. 1875—1902.
- Annales du Midi. Revue de la France Méridionale fondée sous les auspices de l'Université de Toulouse. Toulouse.
ИРАО.
- Annales du Musée Guimet.
ИРГО.; У.
- Année Géographique. 1869, 72, 73, 74, 76.
ИРГО.; МЭАН.
- Annuaire de la Société archéologique de la province de Constantine.
ИАК. 1854—57; ИРАО. ИЭ. 1858—62.
- Annuaire de la Société d'archéologie de Bruxelles.
ИАК. 1895—1903.
- Annuaire de la Société des antiquaires de France.
ИАК. 1849, 1851—55.
- Annuaire de la Société française de numismatique et d'archéologie.
ИАК. 1866—74.
- Annuaire de la Société royale des antiquaires de France. 1848—54.
ИЭ.
- Annual reports of the trustees of the Peabody Museum of American archaeology and ethnology. Cambridge.
ИАК. 1875—1876.
- Anthropologie. Matériaux pour l'histoire de l'homme, revue d'anthropologie, revue d'ethnographie réunis.
МАи; МЭАН. (1894); БАН.; ИЭ. (1893—1911); IV—XXII.
- Anthropos. Revue internationale d'ethnologie et de linguistique.

- ИРГО. (В. II, Н. 1); У.; МАи; БАН.; МЭАН.
- Antiquarisk Tidskrift, udg. af det Kong. Nordiske Oldskrift-Selskab. Кjøbenhavn. ИЭ.; ИАК. 1843—1863.
- Ανθρωποζυτεία. Jahrbücher für folkloristische Erhebungen und Forschungen zur Entwicklungsgeschichte der geschlechtlichen Moral. МАи; ИИБ.
- Anzeiger d. finnisch-ugrischen Forschungen. У.
- Anzeiger der Ethnographischen Abtheilung des Ungarischen National Museums. ИРГО. (JнH. 1); МАи; МЭАН. 1903, 1904, 1905, 1908.
- Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums. Nürnberg. ИЭ. 1886—1910. ИАК. 1884—1889; 1900.
- Anzeiger für Kunde der Deutschen Vorzeit. Organ des Germanischen Museums. N. F. I—XXX (1853—1882). ИЭ.
- Anzeiger für schweizerische Alterthumskunde. Indicateur d'antiquités suisses. Zürich. 1869. 1. 2; 1871—1910. ИЭ.
- L'archeografo Triestino. Trieste. I—IV. 1829. ИЭ.
- Archaeologia Aeliana. Newcastle. I—IV (1822—55) I—XVI (1857—94) XVII—XXV (1893—1900 ff.). ИЭ.
- Archaeologia Cambrensis. The Journal of the Cambrian archaeological association. I—IV (1846—49) I—V (1850—54), I—XV (1855—69), I—XIV, (1870—83), I—III (1884—86). ИЭ.
- Archaeologia; or miscellaneous tracts relating antiquity. Published by the Society of antiquaries of London. ИАК. 1843—1883.
- Archaeologai értesítő (на венг. яз.). A magyar tudományos Akadémia archaeol. biroddásgának és az orsz. rödészeti s emb. társulatnak körlöngé. Budapest. ИАК. 1876—1901. БАН.; ИРГО.; МЭАН. (1905—1910).
- Archaeologai közlemények (на венг. яз.). ИРГО. ИАК. 1871—97.
- Archaeologisch-epigraphische Mittheilungen aus Oesterreich-Ungarn. Wien. БАН.
- Archaeologische Zeitung. Berlin. I—XLII (1843—83). ИЭ.; ИАК. 1868—85.
- Archiv des Vereins für Geschichte und Alterthümer der Herzogthümer Bremen und Verden und des Landes Hadeln zu Stade. ИАК. 1880—86.
- Archiv für Anthropologie. ИРГО.; МЭАН. 1870, 72, 73, 76, 77, 79, 1904—1910 и др.; МАи; БАН.; У.; ИЭ. Bd. 25—28 (1899—1904), N. F. I (1903). ИАК. 1866—1901.
- Archiv für Landes- und Volkskunde der Provinz Sachsen. Halle. БАН., IX. №. 42ab.
- Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete. I—V, 1900. ИЭ.
- Archiv für Religionswissenschaft. Freiburg i. B. Red. Achelis. Leipzig. БАН.; ИЭ. VII—XIV (1907—1911).
- Archiv für Slavische Philologie. ИРГО.; БАН.; У.; МАи.
- Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Hrgg. von A. Erman. Berlin. БМФ.

- Archives des Missions scientifiques et littéraires. Paris.
ИЭ.
- Archivio per l'Anthropologia e la Etnologia.
ИРГО.; МЭАН. 1873; МАН; БАН.
- Archivio per lo studio delle tradizioni popolari. Palermo-Torino.
БАН.; III Gc 19*; НФО. 1885—1911.
- Archivio storico, artistico, archeologico e letterario della citta e provincia di Roma. I—IV. 1875—80.
ИЭ.
- Argo. Zs für krainische Landeskunde. Laibach.
БАН.; X En. 8*.
- Assyriologische Bibliothek.
МА.
- Ἀθηναῖον. Αθῆναι. I—X, 1872—81.
ИЭ.
- Atti della Reale Accademia di archeologia, lettere e belle arti. Napoli.
ИАК. 1866—86. БАН. I Fd/52.
- Atti della societá di archeologia e belle arti per la provincia di Torino. I—VII (1875—87).
ИЭ.
- Atti Istriani. Tergeste. I—II. 1843.
ИЭ.
- Das Ausland. Wochenschrift für Erd- und Völkerkunde.
ИРГО. (I. 43—55, 64); У.
- Ausonia. Revista della societá italiana di archeologia e storia dell'arte. Roma. I—IV. 1906.
ИЭ.
- The Australasian anthropological Journal (Anth. Society of Australasia). Sydney.
БАН. VIIIIF. 20т.
- Baltische Studien. Herausg. v. d. Gesellschaft für Pommersche Geschichte und Alterthumskunde. Stettin.
ИАК. 1881—1902.
- Beiträge zur Anthropologie u. Urgeschichte Bayern s. Organ d. Münchener Ges. für Anthropologie, Ethnologie u. Urgesch.
БАН.; VIII Аа. 13*; IIIБ. Bd. 1—4, 9, heft. 3.
- Beiträge zur Assyriologie und semitischen Sprachwissenschaft. Bd. I—VIII. 1899.
ИЭ.
- Beiträge zur deutsch-böhmisichen Volkskunde. Ilgg. v. d. Ges. z. Förderung dentscher Wiss. Kunst u. Literatur in Böhmen. Праг.
БАН. I. Fe. 128*; IIIБ.
- Beiträge z. Landes- u. Volkskunde v. Elsass-Lothringen.
У.
- Beiträge zur vaterländischen Geschichte. Basel.
ИАК. 1901. B-de I—V.
- Beiträge zur Volks- u. Völkerkunde. Berlin 1893.
У.; IIIБ.
- Bericht des Mus. für Völkerkunde in Leipzig.
МЭАН. (1875, 1883); БАН. VIII F. 19* (продолжение Jahrbuch d. Städt. Museums f. V. zu Leipzig). ИАК. 1891—1901.
- Bericht über die Tätigkeit der von d. Deutschen Anthropologischen Gesellschaft gewählten Kommission für Prähistorische Typenkarten. Berlin (также въ Zs. für Ethnologie).
МЭАН. 1905 и 1906.
- Berichte des Kön. Ethn. Mus. in München.
МЭАН. 1908.
- Berichte d. Kgl. Gesellschaft für die Sammlung und Erhaltung vaterländischer Alterthümer in Kiel. Kiel.
ИАК. 1857, 1869—71, 72, 73.
- Berichte d. k. Schleswig—Holstein—Lauenburgischen Gesellschaft für die Sammlung und Erhaltung vaterländ. Alterthümer. Kiel.
ИАК. 1841—69.

- Berichte und Mittheilungen des Alterthums-Vereins zu Wien. Wien.
ИАК. 1870—78.
- Berichte zur Alterthumskunde Schleswig-Holsteins. Kiel.
ИАК. 1878—85.
- Biblioteca Anthropologico-Giuridica. Torino. y.
- Biblioteka Wisły. Warszawa.
у.; СОБАН.
- Bibliothèque des Sciences religieuses.
у.
- Bidrag till Kändedom af Finlands natur och folk atgisna af finska vetenskapsocieteten. Helsinki 1838.
ИРГО.; БАН., X. Yr. 40^{б.}; у.
- Boletein do Museu Paráense (Goeldi) de Historia Natural e Ethnographia.
ИРГО. (Vol. III. V).
- Bremisches Jahrbuch, herausg. von d. histor. Gesellschaft des Künstlervereins. Bremen.
ИАК. 1895—1902.
- Bulletin archéologique de l'Athènaeum français. Paris. Janvier 1855—octobre 1856.
ИЭ.
- Bulletin de correspondance africaine. Antiquités Libyques, Puniques, Grecques et Romaines. Alger. I—V. 1882—86.
ИЭ.
- Bulletin de correspondance hellénique. Δελτίον Ἑλληνικῆς ἀληθογραφίας.
ИАК. 1886—99.
- Bulletin de l'Académie d'archéologie de Belgique. Anvers. III-e série des Annales, 2 partie №№ 1—20. IV série des Annales, 1 partie №№ 1—24. 2 partie №№ 1—30. V série des Annales, 1—4.
ИЭ. БАН.
- Bulletin de la commission des antiquités de la Seine-inférieure.
ИАК. 1868—1901.
- Bulletin de la Société archéologique d'Alexandrie. Alexandrie. I—XII (1898). ИЭ.
- Bulletin de la Société archéologique du midi de la France.
ИАК. 1886—1901.
- Bulletin de la Société archéologique et historique du Limousin.
ИАК. 1882—1903.
- Bulletin de la Société archéologique, scientifique et littéraire de Beziers.
ИАК. 1883—1902.
- Bulletin de la Société d'anthropologie de Lyon.
ИРГО.; ИЭ. T. XI, 1892.
- Bulletin de la Société d'histoire et d'archéologie de Genève.
ИАК. 1892—1902.
- Bulletin de la Soc. Hongroise de Géographie. International (на разн. языках).
ИРГО.; МЭАН., 1905, 1907, 1908, 1909.
- Bulletin de la Société Khédiviale de géographie du Gaire.
ИРГО.
- Bulletin de l'Association Intern. pour l'Expl. histor., archéol., linguist. et ethnographique de l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient.
ИРГО.; у.; МЭАН. №№ 1—8.
- Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême Orient.
ИРГО.; МЭАН., 1903—1910 (неп.). у.
- Bulletin de l'institut archéologique liégeois.
ИАК. 1852—1902.
- Bulletin des commissions royales d'art et d'archéologie. Bruxelles. Années III—XXII, XXVII—XLIII 1864.
ИЭ.; ИАК. 1862—72 (т. 7-й не полонъ).

- Bulletin des Musées. Paris. I—IV (1890).
ИЭ.
- Bulletin d'histoire ecclésiastique et d'archéologie religieuse. Romans.
БАН.
- Bulletin du Comité des travaux historiques et scientifiques. Section d'archéologie.
ИАК. 1883—1902.
- Bulletin du Muséum d'histoire naturelle.
ИРГО.; МЭАН., 1904—1910 и дал.
- Bulletin et annales de l'Académie d'archéologie de Belgique. Anvers. Vol. I—VII. (1843—50).
ИЭ. БАН.
- Bulletin et mémoires de la Société archéologique du départ. d'Ille-et-Vilaine.
ИАК. 1870—1894.
- Bulletin Hispanique. Des Annales de la Faculté des Lettres de Bordeaux et des Universités du Midi. II—XII. 1900—1910.
ИЭ.
- Bulletin Monumental. Paris. I—LXIII (1835—1898).
ИЭ; ИАК.
- Bulletino archeologico italiano. (1862).
I. Napoli.
ИЭ.
- Bulletino archeologico napoletano. Napoli. I—VI (1843—48), n. s. I—VIII (1852—63).
ИЭ.
- Bulletino archeologico Sardo. Cagliari. I—X (1855—64), n. s. I (1884).
ИЭ.
- Bulletino della commissione archeologico municipale di Roma. Рóма. I—XXXIX (1899—1910).
ИЭ.
- Bulletino della commissione di antichità e belle arti di Sicilia. Palermo. 1864—74.
ИЭ.
- Bulletino dell' Imperiale Instituto Archeologico Germanico. Sezione Romana.
БАН.
- Bulletino di Archeologia. Christiania. (1863—1894).
ИЭ.
- Bulletino di Archeologia e Storia Dalmata. Spalato. I—XVII (1878—94).
ИЭ. БАН.
- Bulletino di paleontologia Italiana. Parma. МАи.
- Bulletin of the Madras Government Museum.
МЭАН., 1894, 1896, 1897, 1899, 1900—01, 1901—1903, 1903.
- The Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. New York. 1905 I—III.
ИЭ.
- Bulletin of the Am. Mus. of Nat. History.
МЭАН.
- Bulletin Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology.
ИРГО. (№ 25—42); У.; МАи; МЭАН. № 25, 26, 27, 28, 29, 32, 35, 36, 38, 39, 41, 48. ИИБ. №№ 28, 29, 32—34, 38—39.
- Bulletin Smith. Inst. U. States National Museum.
МЭАН.; МАи.
- Bulletin Philippss Academy Dep. of Arch.
МЭАН.
- Bulletins et Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris.
ИРГО.; У.; МАи; МЭАН., 1894, 1905—1910 и далее. ИИБ.
- Bydragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch-Indië.
ИРГО.
- Byzantinische Zeitschrift. München. I—XX (1892—1911).
ИЭ.
- La Calabria. Rivista di letteratura popolare.
1889—1904.
НФО.

Cambridge Antiquarian Society. Octavo Publications. №№ XXVIII—XXXI (1896—98). ИЭ.	Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles—Leteres 1890—97, 1900—1911. МЭАН.; У.; ИЭ.
Carniola. Izvestja Muzejskega Društva za Kranjsko. ИРГО.; СОБАН.	Congrès archéologiques de France. ИАК. 1877—1900.
Časopis Maciey Serbskeje. ИРГО.; СОБАН.; У.; МАШ.	Congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques. Compte-rendu. ИРГО. 1892; ИПБ.; У.; ИЭ. 1905, 1909.
Časopis Matice Moravské. СОБАН.	Contributions to North American Ethnology. Vol. II, VI. МЭАН.
Časopis Moravského Musea Zemského vyd. Mor. Musejní společnost. Brno. СОБАН.	Contributions from the Un. St. National Herbarium. Vol. XII, XIII, XIV, XV. МЭАН.; МАШ.
Časopis Musea království Českého v Praze. ИАК. 1877—1894, 1898, 1899.	Correspondenz-Blatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. ИЭ. XVII (1886), XX (1889) XXV (1894), XXVI (1895). МЭАН. съ 1894—99 (неп.); МАШ. ИАК. 1870—74; 1880—84; 1885—87; 1889—90; 1892—97 (годы 1876—79, 1888 и 1898—неполные).
Časopis Muzeálnej slovenskej spoločnosti. Turčiansky sv. Martin 1898. СОБАН.; ИРГО.	Cvetje z vertov sv. Frančiska. Časopis za verno katoliško ljudstvo, zlasti za ude tretjega reda sv. Frančiska. Gorica. СОБАН.
Časopis Společnosti Přátel Starožitnosti českých v Praze. Příloha: Obzor prae-historický. СОБАН.	Dania Tidsskrift for folkemål og folkeminder. Kjøbenhavn 1891. НФО. 1899—1902.
Časopis Vlasteneckého spolku musejního v Olomouci. СОБАН.	Δελτίον της ιστορικής και εθνολογικής Εταιρίας της Ελλάδος. У.; НФО. 1885—1906; ИПБ.
Catalogue Intern. of Scientific Literature 1903, 1904, 1906, 1907, 1908, 1910. МЭАН.; ИРГО. I—VII.	Δελτίον ἀρχαιολογικὸν. Ἀθῆναι. IV—VIII. (1888—1892). ИЭ.
Český Lid. Sborník věnovaný studiu lidu Českého. МАШ; СОБАН.; У.; ИПБ.; ИРГО.	Denkmäler, Antike. Hgg. v. d. Deutschen archaeologischen Institut. Berlin. БАН.
Chronik der Ukr. Ševčenko Gesellsch. 1907—1910. МЭАН.; У.	
Comité de conservations des monuments de l'art arabe. Le Caire. Exercices. 1882—1904. ИЭ.; ИАК. 1884—89.	
Comptes-rendus de la Com-Imp. d'Archéologie 1863—1872. МЭАН.; У.	

Dirva Lithuanian Quarterly Publication.	Fataburen Nordiska Museet.
Shenandoah. 1898.	ИРГО.; МЭАН., 1907—1910 и д.; МАН.
У.	Finnisch-Ugrische Forschungen.
Dirva-Zinynas. Shenandoah.	МЭАН., 1901—1908; МАН; У.
У.; ИЭ.	Földrajzi Közlemenek.
Dissertazioni della pontificia Accademia romana di archeologia. Roma.	ИРГО.; МЭАН., 1904, 1906.
ИАК. 1881.	Foreningen for Norsk Folkemuseum.
Dissertazioni dell'Accademia romana di archeologia. Roma. I—XV (1821—55).	МАН. ИРГО.
ИЭ.	Forschungen zur deutschen Landes- u. Volkskunde. Stuttgart.
Dom in svet, ilustrovan list za umetnost in znanstvo. Ljubljana.	БАН., X Еф 2в; ИПБ.
СОБАН.	Gazette Archéologique. Paris. I—XIV (1875—89).
Δύω γενικαὶ συνελεύσεις τῶν ἐταιρῶν τῆς ἐν Ἀθήναις ἀρχαιολογ. ἐταιρίας.	ИЭ.; ИАК. 1878—1889.
Ἐν Ἀθήναις.	Geographen Kalender.
ИАК. 1862, 1867, 1868, 1870.	МЭАН. МАН. ИРГО.
École française de Rome. Mélanges d'archéologie et d'histoire. Paris-Rome.	Geographisches Jahrbuch.
ИАК. 1881—1901 (недостает 1893, fasc. 1—2; 1896, fasc. 3—4; 1901, fasc. 3).	ИРГО.; МЭАН., 1876, 1878; ИПБ.
Ethnographia (на венг. яз.).	Giornale Ligustico di Archeologia, Storia e Belle Arti. Genova. I—XIX (1874—92).
МЭАН., 1903, 1905—1910.	ИЭ.
Etnografiskas siñas par latweescheem. «Deenas Lapas» peelikums. I—IV. Rihgā. 1891—1894.	Glasnik zemaljskog muzeja u Bosni i Ilerzegovini. Sarajevo. 1889 и сл.
БАН.	СОБАН.
Ethnologica.	Globus. Illustrirte Zeitschrift für Länder- und Völkerkunde.
МЭАН., 1909. МХIII.	ИРГО. (В. III, XVII, LII—LVIII, LXXXIV); МАН; МЭАН., 1910; БАН.
Ethnological Survey Publications Manila.	Göttingische gelehrte Anzeigen. 1895—1911.
ИРГО. (Vol. I, II, p. 1).	ИЭ.
Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn.	Gryf. Pismo dla spraw Kaszubskich. Kościerzyna Westpr. 1909.
БАН.; МЭАН. (1891—2, 1896); ИПБ.	СОБАН.
Ethnologisches Notizblatt.	Hessische Blätter für Volkskunde.
ИРГО. (В. I, 1—3, II, 1); У.; МЭАН. 1894, 95, 99.	У.; ИПБ. Bd. 3—4.
Ἐφημερίς Ἀρχαιογιανή. Αθῆναι. 1837—48, 1862—74, 1883—1910.	Hlas. Mesačník pre literatúru, politiku, otázku socialnu.
ИЭ. БАН.	СОБАН.

Indogermanische Forschungen.	Jahresbericht der Geogr. - Ethnogr. Gesellschaft in Zürich.
БАН.; У. ИФИ.	ИРГО.
Internationales Archiv für Ethnographie.	Jahresbericht d. Vereines f. siebenbürgische Landeskunde. Hermanstadt. 1853.
Leiden.	БАН. X. Къ. 3; ИПБ.
ИРГО.; У.; МАН; МЭАН., Bd. XVII, XVIII, XIX; БАН. ИПБ.	Jahresberichte der histor. und antiquarischen Gesellschaft zu Basel. Basel.
Internationales Zentralblatt für Antropologie, Etnologie u. Urgeschichte, раньше Z. f. A. E. U.	ИАК. 1893—1900.
Izvestja muzejskega društva za Krajnska v Ljubljani. 1891.	Jahresberichte der Kgl. Böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. Prag.
СОБАН.	ИАК. 1897—1898.
Jahrbuch d. Bukowiner Landes - Museums.	Jahresberichte d. Schweizerischen Landesmuseum in Zürich. Zürich.
Czernowitz.	ИАК. 1898—1901.
У.	Jahresberichte des K. Sächsischen Alterthumsvereins über die Jahre 1880—1; 1882—3; 1883—4; 1884—5; 1885—6; 1887—8; 1893—1902.
Jahrbuch der Gesellschaft für bildende Kunst und vaterländische Alterthümer zu Emden. Emden.	Dresden.
ИАК. 1884—93.	ИАК.
Jahrbuch der Kunsthistorischen Sammlungen des Allerhöchsten Kaiserhauses. Wien. I—XXIX (1883—1911).	Jahreshefte des Oesterreichischen Archäologischen Instituts in Wien. Bd. I—XIII (1898—1910).
ИЭ.	ИЭ.
Jahrbuch des Kais. Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin.	Jahreshefte d. Gesellschaft für Anthropologie u. Urgeschichte d. Oberlausitz Görlitz.
ИАК. 1887—1902. БАН.	БАН. X. Ео. 10*.
Jahrbuch der Gesellschaft für Lothringische Geschichte und Alterthumskunde. Metz.	Jahreshefte des Würtembergischen Alterthums-Vereins. Stuttgart.
ИАК. 1888—1901.	ИАК. 1844—1879.
Jahrbuch des städt. Mus. zu Leipzig.	Jelgawas Latweeschu Beedribas Rakstneebas Nodałas Rakstu krahjums. Mītava (Jelgawâ). 1890.
МЭАН., 1907 — 1908, 1909.	БАН.
Jahrbuch der Kaiserl. Königl. Central-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Baudenkmale. Wien.	Journal de la Société Finno-Ougrienne.
ИЭ; ИАК.	ИРГО.; МЭАН., 1906 — 1909; БАН., II
Jahrbücher des Vereins von Alterthumsfreunden im Rheinlande. Bonn. I—CXVIII (1842—1910).	Оа *1. У.
ИЭ; МДз. У.	Journal of American Folklore.
	МЭАН., 1894 — 98, 1906—1910 и д.
	НФО. 1888 — 1906; ИПБ.

Journal of Anthropology.	schen Denkmale. Wien. I—IV (1907—1910).
У. (I. II. 465).	ИЭ.
Journal of the Anthropological Society of Bombay.	Kwartalnik etnograficzny «Lud» (16. 1910). Cf. Lud.
МЭАН., 1910.	СОБАН.
Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. London.	Letopis Matice Slovenskej vo Viedni (1864); v B. Bystrici (1869); v Turč sv. Martině (1870—74).
У; МАш; МЭАН., 1904—1910 и далее; БАН. VIII Аа. 14д. ИРГО.	У; СОБАН.; ИРГО.
The Journal of the British archaeological Association. London.	Lietuvių Tauta. Laikraštis, skiriamas lietuvių praeities ir dabarties tardymui. Vilniuje. 1907.
ИАК. 1846—1887.	БАН.; ИРГО.
Journal of the Buddhist Text and Anthropological Society (Sarat Chandra Das). Calcutta.	Lud. Organ Towarz. Ludozn. we Lwowie.
У.	Cf. Kwartalnik etnograficzny «Lud».
Journal of the Ethnological Society.	1895.
У.	ИРГО.; СОБАН.; У.
Journal of the Folk-Lore.	Magazin herausgegeben von der Lettisch-Litterärischen Gesellschaft. Mitau.
У.; ИИБ.	БАН.; ИРГО.
The Journal of Hellenic studies. London.	Materyały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne Kom. Antrop. Ak. Um. w Krakowie. 1896.
ИАК. 1883—1903.	ИРГО.; СОБАН.; ИИБ. ИАК. 1896—1900.
Journal of the Anthropological Institute of New Jork.	Mélusine. Recueil de mythologie, litterature populaire, traditions et usages.
ИРГО.	МАш; НФО. 1878 и 1885—1900; ИИБ. У.
Journal of Indian Art. №№ 1—24 (1884—88).	Memnon. Zeitschrift für die Kunst- und Kulturgeschichte des Alten Orients. Bd. I—V (1907).
ИЭ; ИИБ. У.	ИЭ.
Königsberger Studien. Historisch-Philologische Untersuchungen. Heft 1. 1887.	Mémoires de la commission des antiquités du dép. de la Côte d'Or.
ИЭ. БАН.	ИАК. 1841—66.
Közlemenek (на венг. яз.).	Mémoires de la Société académique d'archéologie, sciences et arts du départ. de l'Oise.
МЭАН., 1902, 1905, 1906, 1908, 1909, 1910. БАН.	ИАК. 1894—1902.
Kρυπτάδια. Recueil de documents pour servir à l'étude des traditions populaires.	
МАш; У. (неп.); ИИБ.	
Kunstgeschichtliches Jahrbuch der K. K. Zentral-Kommission für Erforschung und Erhaltung der Kunst und histori-	

- Mémoires de la Société archéologique de Montpellier.
ИАК. 1899—1903.
Mémoires de la Société archéologique de l'Orléannais. Orléans. I—XXVII.
(1851—1892).
ИЭ.; ИАК. 1879—1892.
Mémoires de la Soc. d'Anthrop. de Paris.
ИРГО.; МЭАН., 1893, 1895; МАН.
Mémoires de la Société d'Archéologie et de Numismatique de St. Pétersbourg.
ИРГО.; ИЭ. I—VI (1847—52).
Mémoires de la Société des antiquaires de la Morinie. Saint-Omer. I—XIX
(1833—83).
ИЭ.; ИАК. 1879—1902.
Mémoires de la Société des antiquaires de la Normandie. Paris. I—X (1824—36), I—X (1837—53), I—X (1853—80), I—III (1881).
ИЭ.; ИАК. 1841—67.
Mémoires de la Société des antiquaires de l'Ouest. Poitiers. Années 1833—97
(XX), XXI—XXIII.
ИЭ.; ИАК. 1875—1902.
Mémoires de la Société des antiquaires de Picardie. Amiens-Paris.
ИАК. 1851—1899.
Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.
ИРГО.; У.; МЭАН., 1905, 1908, 1909; БАН., III Оа. **1.
Mémoires de la Société royale des antiquaires du Nord. Copenhague. 1840—44, 1848—51, 1858—60, 1866—1896.
ИЭ.; ИАК. 1836—1860, 1866—77.
Mémoires de la Société royale des antiquaires du Nord. Section Russe. 1840—43.
ИЭ.
Mémoires et Bulletins de la Société nationale (royale) des antiquaires de France. Paris. (1817—1911).
ИЭ.
Mémoires et documents d'histoire et d'archéologie de Genève.
БАН.
Memoirs of the American Museum of Natural History.
ИРГО.; МЭАН. 1898, 1899, 1905, 1907.
Memoirs of the Peabody Museum.
МЭАН., 1896, 1897, 1898, 1901, 1902, 1903, 1904, 1908, 1910; МАН.
Memorie della regale Accademia Ercolanea di archeologia. Napoli. I—IX
(1822—62).
ИЭ.
Memorie Romane di antichità e di belle arti. Roma I—III, Pesaro IV (1824—27).
ИЭ.
Mittheilungen an die Mitglieder des Vereins für Geschichte und Alterthumskunde in Frankfurt. Frankfurt.
ИАК. 1871—81.
Mittheilungen aus dem Germanischen Nationalmuseum. Nürnberg.
ИАК. 1884—1889.
Mittheilungen aus dem Museum f. deutsche Volkstrachten und Erzeugnisse des Haugewerbes zu Berlin.
МАН.
Mittheilungen aus dem Museum für Völkerkunde in Hamburg.
МЭАН. 1906, 1908.
Mittheilungen aus dem Städtischen-Museum für Völkerkunde zu Leipzig.
ИРГО. (В. I, II. 1. 1905); ИИБ.
Mittheilungen der Anthropol. Gesellschaft in Wien.
ИРГО.; МЭАН., 1894, 1895, 1897, 1900; БАН.; ИИБ. ИАК. 1871—81; 1882—1902 (недостает т. 24 вып. 4; т. 25 вып. 2—3; т. 30, вып. 7).

Mittheilungen der antiquarischen Gesellschaft zu Zürich. Zürich. I—XXVII (1841 ff.).
ИЭ.; ИАК. 1841—1903.	Mittheilungen des Germanischen National-Museums. Nürnberg. (1886—1910).
ИЭ.
Mittheilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens in Tokio.
ИРГО.; У.; БАН. (Yokohama).	Mittheilungen des historisch-antiquar. Vereins für die Städte Saarbrücken und St. Johann und deren Umgegend. Saarbrücken.
ИАК. 1846—59; 1899—1901.
Mittheilungen der Gesellschaft für vaterländische Alterthümer in Basel. Basel.
ИАК. 1843—62.	Mittheilungen des K. Deutschen Archäologischen Instituts. Athen.
ИАК. 1876—1902.
Mittheilungen der historischen und antiquarischen Gesellschaft zu Basel. Basel.
ИАК. 1894.	Mittheilungen d. K. Sächs. Vereins für Erforschung und Erhaltung der vaterl. Alterthümer. Dresden.
ИАК. 1853—78.
Mittheilungen der k. k. Central-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Kunst und Historischen Denkmale I—XXVIII (1873—1901), I—X (1902—11).
ИЭ.	Mittheilungen des Vereins für Geschichte und Landeskunde von Osnabrück. Osnabrück.
ИАК. 1882—98.
Mittheilungen der k. k. Geographischen Gesellschaft in Wien.
ИРГО.	Mittheilungen des Vereins für Kaschubische Volkskunde. Leipzig.
ИПБ.
Mittheilungen der Litauischen Literarischen Gesellschaft. Heidelberg.
БАН.; У.	Mittheilungen des Vereins für Nassauische Altertumskunde und Geschichtsforschung an seine Mitglieder. Wiesbaden.
ИАК. 1899—1903.
Mittheilungen d. Litterarischen Gesellschaft Masovia. Lötzen.
БАН.	Monadsblad Kongl. Vitterhets Historie och Antiquitets Akademiens. Stockholm. 1882, 1884, 1885, 1888, 1887.
ИЭ.
Mittheilungen der prähistorischen Commission der Kais. Akademie der Wissenschaften. Wien.
ИАК. 1888—1901.	Monatsblätter. Herausg. v. d. Gesellschaft für Pommersche Geschichte und Alterthumskunde. Stettin.
ИАК. 1887—1902.
Mittheilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft (in Berlin), I—XVI, 1896—1911).
ИЭ.	Le Monde Oriental.
ИРГО.; У.; МЭАН., 1906, 1907, 1909, 1910; ИПБ. МА.
Mittheilungen des antropologischen Vereins in Schleswig-Holstein. Kiel.
ИАК. 1899.	Monumenta Hungariae archaeologica. Pest.
ИАК. 1869—79.
Mittheilungen des Freiberger Alterthumsvereins. Freiberg.
ИАК. 1867—79.	Monumenta Hungariae archaeologica aevi medii. Budapest.
ИАК. 1883.

Monumenta Hungariae archaeologica aevi praehistorici. Budapest. ИАК. 1881, 1884.	Notizie degli scavi di antichità. Roma. 1876—1911. ИЭ.
Monumenti antichi, pubblicati per cura della Reale Accademia dei Lincei. Milano. I—XIX (1890). ИЭ.	Nouvelles Archives des Missions scientifiques et littéraires. Paris. I—VIII. ИЭ; М. Д. У.
Μουσείον καὶ βιβλιοθήκη τῆς εὐαγγελικῆς Σχολῆς. Συμύρη. (1873—85). ИЭ.	Nuovo Bulletino di archeologia cristiana (1899—1910). ИЭ; БАН.
Le Musée. Revue d'art antique. Paris. I—II, (1904—05). ИЭ.	Nyare Bidrag till Käunedom om de svenska Landsmålen och svenska Folklif. ИРГО. (1878—1903). НФО. 1904—11 (нѣть 1906); ИПБ.
Le Musée. Revue d'art mensuelle. Paris. III—VI (1906—1909). ИЭ.	Oriens Christianus. Rom. II—V (1902—1908); I (1911). ИЭ.
Museum der Alterthumswissenschaft. Berlin. 1807, 1808. ИЭ.	Orientalisches Archiv. Leipzig. I—IV (1910—1911). ИЭ.
Le Muséum et la Revue des religions. Louvain. МЭАН.	Original-Mittheilungen aus der ethnologischen Abtheilung der Kgl. Museen zu Berlin. у.
Museumskunde. Zs f. Verwaltung u. Technik Öffentl. u. privater Sammlungen. Berlin. МАш; МЭАН.	Oesterreichische Monatschrift f. den Orient. ИЭ. XXII—XXVII (1896—1901). МА; ИРГО.; У. XIII (1887) и сл.; I. III. 288.
Mythologische Bibliothek hrsg. v. d. Gesellschaft f. vergleichende Mythenforschung. Leipzig. ИПБ.	Památky archaeologické a místopisné vydávané od Archaeologického sboru Musea království Českého. МАш; СОБАН. ИАК. 1885—1903.
Národopisný Věstník Českoslovanský v Praze. 1897—1906. ИПБ.; СОБАН.; ИРГО.; У.; МАш; МЭАН. 1906, 1907, 1908, 1909, 1910.	Papers Anthropological of the American Museum of Nat. History. МЭАН., 1907—1910.
Niederlausitzer Mittheilungen. Zs. d. Niederlausitzer Ges. f. Anthropologie u. Alterthumskunde. Guben. БАН.	Papers of the Peabody Museum. МЭАН., Vol. I, II, III, IV, VI, и д.; МАш
Norsk Folkemuseum. Kristiania. 1903. МАш; ИРГО.	Τὰ Περισταθέντα τοῦ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικοῦ Φιλολογικοῦ Συλλόγου. Κωνσταντινούπολις. IV—VII. (1865—74). ИЭ.

- Petermanns ver. mit Globus Mittheilungen. МЭАН., 1911. МАН; У.; ИПБ.
- Portugalia. Materiaes para o estudo do povo portuguez. ИАК. т. I. fasc. 1—2.
- Prachistorische Zeitschrift. I. 1909. Berlin. МАН; ИПБ.
- Πραχτικὰ τῆς ἐν Ἀθήναις ἀρχαιολογί-
κῆς ἐταιρίας. Αθῆναι. 1871—83. ИЭ.
- Pravěk. Ústřední list pro prähistorii a an-
thropologii zemí Českých. Olomouc.
СОБАН.
- Proceedings of the Cambridge Antiquaria
Society № XXXVI—XL (1895—
1898). ИЭ.
- Proceedings of the United States National
Museum. МЭАН., Vol. I, III, IV, VII, VIII, IX, и сл.
XIV—XXXVI. У.
- Przegląd archeologiczny. Lwów.
ИАК. 1882—90.
- Psychologische Studien. Hrsg. v. Wilhelm
Wundt. Leipzig.
У.
- Publications de la Société d'Ethnographie.
Section orientale.
У.
- Publications de la Société pour la recherche
et la conservation des monuments his-
toriques dans le Grand Duché de Lu-
xembourg. Luxembourg. I—XLV
(1845—97). ИЭ.
- Publications of the Field Columbian Museum.
МЭАН., Vol. III, V, VI, VII, VIII, IX, XI,
года 1903, 1904, 1905, 1907, 1908, 1909, 1910;
БАН., I Ab. 350.
- Publications The Folklore Society.
У.
- Quellen u. Forschungen zur deutschen
Volkskunde. Wien.
МАН; ИПБ.
- Rad jugoslavensko Akad. znanosti i umjet-
nosti.
ИРГО.; СОБАН.; У. ИАК. 1896—98.
- Rakstu-krajums izdots no Rigas Latveešu
Reedribas Zinibu Kommisijas, № 1—
15 сл. Rigā. 1876—1911.
БАН.
- Records of the Australian Museum.
МЭАН., 1909, 1910.
- Recueil des notices et mémoires de la So-
ciété archéologique de la province de
Constantine. Constantine. Alger. Paris.
VI—XXX (1863—96). ИЭ; ИАК. 1879—1902. тт. 19, 20, 22—35.
- Religionsgeschichtliche Versuche und Vor-
arbeiten. Giessen. I—IX (1903—
1910). ИЭ.
- Rendiconto (Società Reale di Napoli) dell'
Accademia di archeologia, lettere e belle
arti. Napoli.
БАН.
- Report of the Archaeological Survey of
Western India.
БАН.
- Reports of the American Museum of Nat.
History.
МЭАН.
- Reports Annual of the Bureau of American
Ethnology (Sm. Inst.).
ИРГО; МЭАН., Vol. XVI—XXVI; МАН;
БАН.; У.
- Reports Annual of the Bureau of Ethnology
(Smiths. Inst.).
МЭАН., Vol. II—XV; БАН., I Fo. 58.
МАН; У.; ИПБ.
- Reports Annual of the United States Natio-
nal Museum (Smiths. Inst.).

МЭАН., 1887—1892, 1895—1909. МАи.;
у.	Revue des études grecques. Paris. I—XXIV
(1899—1911).
Revista de archivos, bibliotecas y museos.	ИЭ.
Madrid. 3 época. I—IX (1897—
1903).	Revue des traditions populaires.
ИЭ.	МАи; НФО. 1889—1911. ИИБ.
Revista Lusitana. Archivo de estudos philo-
log. e ethnol. relat. a Portugal.	Revue d'ethnographie; продолжение см. R.
d'Anthropologie.
у.; НФО.	ИИБ.
Revue Archéologique. Paris. 1844—
1911.	Revue d'Ethnographie et de Sociologie (Paris).
ИЭ.; ИАК. 1845—1911.	Revue historique et archéologique du Maine.
Revue Belge de numismatique.	Mamers et le Maus. I—XVIII (1876—
1885).
ИАК. 1875—1890.	ИЭ.
Revue Biblique internationale. Paris. VII—
XII (1898—1903); I—VIII (1904—
11).	Revue Orientale pour les études Ouralo-
altaïques.
ИЭ.	ИРГО (Evf I—VII); МЭАН., 1902, 1905,
1906, 1908, 1909; МАи; у.
Revue d'anthropologie (Topinard).	La Revue Slave.
у.; МАи.	БАН.
Revue d'Assyriologie et d'archéologie orien-
tale. Paris. IV—VIII (1897).	Rijks Ethnogr. Museum te Leiden. 1894—
1911.
ИЭ.	МЭАН.
Revue de droit international et de législa-
tion comparée. Bruxelles et Leipzig.	Roczniki Towarzystwa Naukowego w To-
runiu.
БМФ.	СОБАН. (1—15. 1878—1908 г.).
Revue de Hongrie.	Römisch-Germanisches Korrespondenzblatt.
МЭАИ., Vol. I и II.	Trier (1908). I—IV.
Revue de la numismatique Belge.	ИЭ.
ИАК. 1869—74.	Ruś. Czasopismo poświęcone dziejom i kul-
turze Ukrainy, Podola, Wołyńia i Rusi
Revue de l'art chrétien. Bruxelles. 1883—
89, 1893—1911.	Czerwonej. Lwów. 1911.
ИЭ.; ИАК.	СОБАН.
Revue de l'école d'anthropologie de Paris.	Séances et travaux de l'Académie de Reims.
МАи.	Reims. T. 1—77 (1845—85).
Revue de l'histoire de religions.	ИЭ.
НФО. 1885—1911. ИРГО.; у.; МАи; МА.	Le Sicilia artistica ed archeologica. Pa-
lermo. I—III (1887—89).
Revue des études ethnographiques et socio-
logiques publiée sous la direction de	ИЭ.
Arnold Van Gennep. Paris.	Sitzungsberichte d. Alterthumsgesellschaft
Prussia.
ИРГО.; МАи; МЭАН.	БАН.; ИАК.; ИЭ. 1880—81; 1884—85.

Sitzungsberichte der Anthropologischen Gesellschaft in Wien.	T'oung pao. Archives pour servir à l'étude de l'histoire, des langues, de la géographie et de l'ethnographie de l'Asie orientale.
МЭАН., 1901, 1902, 1904, 1905, 1906.	ИПБ.; У.
Sitzungsberichte d. gelehrten estn. Gesellschaft zu Dorpat.	Towarzystwo Naukowe w Toruniu. Societas literaria Torunensis Fontes.
ИРГО; БАН I Gi. 91; МАи; МЭАН. 1896, 98, 1900 — 1910.	СОБАН. (I. 1897 г. — XII 1908).
Sitzungsberichte d. Kgl. Böhmischen Gesellschaft. d. Wissenschaften. Prag.	La Tradition. Paris.
ИАК. 1892, 1896 — 1902.	ИПБ.
Society County Folklore.	Transactions of the Anthropological Society.
— Journal.	ИРГО (Vol II, III); У. ИАК.
ИПБ.	Transactions of the Ethnological Society.
— Printed extract.	У.; ИПБ.
— Publications.	Transactions of the royal society of literature of United Kingdom. London. Vol. I—III, 1827—39, I—XIV, 1849—85.
— Record.	ИЭ.
— the Folklore.	Travaux ethnographiques de la Société Finno-Ougrienne.
— The Internat. FLCongress Papers et Transactions.	МАи; ИРГО.
— Transactions.	Die Umschau. Uebersicht über die Fortschritte und Bewegungen auf dem Gesamtgebiet der Wissenschaft, Technik, Litteratur und Kunst. Frankfurt. V—VIII, 1901.
У.; I. II. 1116 — 1119.	ИЭ.
Sprawozdania Komisyi do badania historyi i sztuki w Polsce. Kraków. Wydawnictwo Akademji Umiejętności w Krakowie	Verhandlungen d. Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte.
СОБАН.	МЭАН., 1885—1890, 1892—1902; МАи; БАН.; У.
Studi e materiali di archeologia e numismatica, pubblicati per cura di Luigi Adriano Milani. Firenze. I—II. 1899.	Verhandlungen d. Gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat.
ИЭ.	ИРГО; БАН. I Fi. 90 II X Ir 169**. МАи; МЭАН. 1880, 83, 84, 91, 94, 1900, 904, 907, 910.
Studien u. Forsehungen zur Menschen u. Völkerkunde. Stuttgart.	Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin.
МАи.	ИРГО; МЭАН., 1890 — 1901; БАН.; У.; ИПБ.
Svenska Landsmål ock Svenska Folklif.	
ИРГО. (1904 — 1908); МЭАН. 1905 II посл. ИПБ.; МАи.	
Światowit. Rocznik. 1 — 7. Warsz. 1899 — 1914.	
У.; СОБАН. XXIX в. 778. ИПБ.	
Tijdschrift voors Indische Taal-, Land- en Volkenkunde.	
ИРГО.; МАи.	

- Verhandlungen der Versammlungen deutscher Philologen und Schulmänner. I—L (1838—1909).
ИЭ.
- Verhandlungen des II intern. Kongresses f. allg. Religionsgeschichte.
У.; ИЭ.
- Veröffentlichungen aus dem Kgl. Museum für Völkerkunde.
У.; МЭАН. 1890, 1901.
- Veröffentlichungen aus dem Städtischen Völker Museum. Frankfurt am Main.
МАМ; ИПБ.
- Veröffentlichungen des Städtischen Museums für Völkerkunde zu Leipzig.
ИРГО.
- Věstník Českoslovanských Musei a spolků archeolog. Čáslav.
У.; СОБАН.
- Věstník slovanské filologie a starožitnosti. Praha.
У.; СОБАН.
- Vienac. Zabavi i pouci. Zagreb.
СОБАН.
- Volkskunde Tijdschrift voor Nederlandsche Folklore.
ИФО. 1890—1908.
- Volkskundliche Zeitschriftenschau für 1904, herausgegeben im Auftrage der hessischen Vereinigung für Volkskunde. Leipzig. 1907.
ИЭ.
- Volksmund. Alte u. neue Beiträge z. Volksforschung. Leipzig.
ИПБ.
- Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst. Trier. I—XXX (1882—1911).
ИЭ.
- Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. Kraków.
ИАК. 1892—1902.
- Wieś ilustrowana. Warszawa 1910.
СОБАН.
- Wisła.
ИРГО.; СОБАН.; У.; МАМ.
- Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien u. der Hercegovina. Hsg. vom Bosn.-Herc. Landesmuseum in Sarajevo. 1893.
БАН.; У.; МАМ. ИЭ.
- Wissenschaftliche Veröffentlichungen der deutschen Orient-Gesellschaft. Heft. 3, 6, 8, 9. 1903.
ИЭ.
- Wörter und Sachen.
У.; БАН.; ИПБ.
- Ymer.
ИРГО.; ИПБ.
- Zapiski Towarzystwa Naukowego w Toruniu. 1910.
СОБАН.
- Zbiór wiadomości do antropologii krajowej Kom. Antr. A. Um. w Krakowie. I и сл. 1877.
СОБАН.; ИПБ.; ИАК. 1878—1895.
- Zbornik. Na svetlo daje Slovenska Matica v Ljubljani. I. 1899 и сл.
ИРГО.; СОБАН.
- Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Zagreb 1896, I сл.
ИРГО.; СОБАН.; У.; ИПБ. ИАК. 1897—98.
- Zeitschrift d. Gesellschaft für Beförderung d. Geschichtsalterthums und Volkskunde von Freiburg, dem Breisgau u. d. angrenzenden Landschaften (продолжение — Alemannia).
БАН. X Ea. 36^б.
- Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin.

ИРГО.; МЭАН., 1902 — 1910; БАН. 1901 — 1910; МАи; ИПБ.; У.	der alten Kunst. Göttingen. I — III (1817—1818). ИЭ.
Zeitschrift des römisch-germanischen Cen- tralmuseums und des Vereins zur Erfor- schung der rheinischen Geschichte und Alterthümer. Mainz. I—V. 1906— 1910. ИЭ.	Zeitschrift für historische Waffenkunde. Leipzig I—V (1891—1911). ИЭ.
Zeitschrift des Vereins für Völkerkunde. МАи; БАН.; III Аа. 7 ^a ; ИПБ.	Zeitschrift f. Morphologie u. Anthropologie. (G. Schwalbe). Stuttg. У.
Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. (N. F. der Zeitschrift für Völkerpsycho- logie und Sprachwissenschaft). У.; МАи; ИПБ.	Zeitschrift f. oesterreichische Volkskunde. Supplement-Heft. Wien. ИПБ.
Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete. Weimar. I—XXV. ИЭ.	Zeitschrift f. österr. Volkskunde red. Haber- landt. Wien 1893. ИПБ.
Zeitschrift für christliche Kunst. Düssel- dorf. IX, XXIV (1896—1911). ИЭ.	Zeitschrift f. Vaterländische Alterthums- kunde. Zürich. 1842. ИЭ.
Zeitschrift f. deutsche Wortforschung (F. Kluge). Strassburg. У.	Zeitschrift f. Völkerpsychologie u. Sprach- wissenschaft. БАН. III Аа. 7 ^a ; МАи; У.; ИРГО.
Zeitschrift f. Ethnologie. Organ der Berli- ner Gesellschaft für Anthropologie, Ethno- logie und Urgeschichte. ИРГО. (I — XXVIII); У.; МАи; МЭАН. 1869—1896 гг. съ 1869—1879, 1881—84, 1893—1896, 1903—1910; БАН. VIII F. 17 ^b ; ИПБ.; ИЭ. I—XLIII (1869—1911). ИАК. 1869—97.	Zeitschrift f. Volkskunde hrsg. Veckenstedt. Lpzg. 1889 — 1892. НФО.
Zeitschrift für Geschichte und Auslegung	Zentralblatt f. Anthropologie. 1905—1911. МЭАН.
	Zentralblatt für Anthropolgie, Ethnologie u. Urgeschichte. У.
	Žinyčia Kvartalinis laikraštis. Tilžéje. 1900—1902. БАН.

III.

Список изданій по ЭАФА, въ Петроградѣ неразыеканныхъ.

Abhandlungen u. Berichte des Königl. zoolog. u. anthropologisch-ethnographi- schen Museums zu Dresden hg. von Meyer. Berlin. 1877.	Altdeutsche Blätter. Bonn.
Actes du Congrès international d'histoire des religions.	Annalas della Societad rhaeto-romansche. Cuera.
	Annuaire des traditions populaires Soc. des trad. pop. an palais du Trocadéro. Paris.

Anzeiger d. Vereins f. österr. Volkskunde.	Bulletin de Folklore, organe de la Société du Folklore wallon dirigé p. E. Monsieur. Brux.
Red. Haberlandt. Wien 1896.	
Anthropologisches Journal, hgg. von Schmid.	
Archaeological Journal for the encouragement and prosecution of researches into the arts and monuments of the early and midale age. London.	Bulletino del Vulcanismo italiano period., geolog. ed. archeolog. per l'osservazioni ela storia oei fenomeni endogeni nel suolo d'Italia. Roma.
The Archaeological Review. 1888—90.	Chrestomathies orientales. 1841—49.
Archiv des Vereins für Siebenbürgische Landeskunde.	Congrès international paléoethnologique. Compte rendu. Paris. 1866.
Archiv für Anthropologie u. Geologie Schleswig-Holsteins u. der benachbarten Gebiete. Kiel u. Leipzig.	Dep. of the Interior. Ethnological Survey Publications. Manila.
Atsume Gusa pour servir à la connaissance de l'Extrême Orient.	Erdélyi Múzeum kiadja az Erdélyi Múzeum-Egyesület. Klausenburg (Седмиградскій Музей).
Atti bella Pontificia Accademia Romana di Archeologia. Roma.	Etnografiska Bidrag af svenska missionärer i Afrika. Stockholm.
Bayerische Gebirgs und Volkstrachtenzeitung. Beiträge zur Anthropologie Elsaß-Lothringens. Straßburg.	Etudes religieuses, philosophiques, historiques et littéraires. Revue fondée en 1856 par des pères de la Compagnie de Jésus.
Beiträge z. Geschichte Landes u. Volkskunde d. Altmark. Stendal.	Jahresbericht d. Vereins f. Oesterr. Volkskunde. Wien 1896.
Bericht der Ges. für Völker- u. Erdkunde zu Stettin. Greifswald.	Jahresbericht des wissenschaftlichen Vereins f. Volkskunde u. Linguistik in Prag. 1893.
Bibliothek für Volks- u. Heimatkunde. Sonderheft zu den Deutschen Gauen. Kaufbeuren.	Japan und China. Monatssehrift, hrgg. Kurwiwa.
Blätter der Vereines für Landeskunde von Nieder-Österreich. Wien.	Journal des Museum Godeffrog. Geographische, ethnograph. u. naturwissenschaftl. Mittheilgn. Hamburg.
Boletin folklórico español. Sevilla.	Journal of the American oriental society.
Braga und Hermode neues Magazin für d. vaterländ. Alterthümer der Sprache, Kunst u. Sitten. Leipzig.	Journal of the Indian Archipelago. Singapore.
Budapest régiségei régészeti és történeti évkönyv (Ежегодникъ древностей, легенда и истории Будапешта).	Journal of the Polynesian Society.
	Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland.

Λαογραφία (Volkskunde). Vierteljahrsschrift der griech. Gesellschaft für Volkskunde. (Ig. I) 1909.	Société ethnographique hongroise Budapest (A magyar néprajzi társaság szakosztályának Kiadványai).
Man. A monthly Record of anthropological science. London.	Publikationen aus dem Kön. Ethnographischen Museum zu Dresden.
Mélanges japonais.	Revue du monde musulman.
Mémoires de la Société ethnologique.	Revue mensuelle de l'École d'anthropologie de Paris.
Memoirs of american folklore society.	Revue orientale et américaine.
Memoirs of the American Anthropological Association. Lancaster.	Rivista orientale.
Memoirs of the Geological Survey of New South Wales. Sydney. Departement of Mines and Agriculture. Ethnological Serise.	Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift. Breslau.
Mittheilungen d. Vereins für Sächsische Volkskunde. Dresden.	Schriften d. Schweizerischen Gesellschaft f. Volkskunde: cf. Publications.
Mittheilungen u. Umfragen zur bayrischen Volkskunde. Würzburg.	Schriften des Bayerischen Vereins für Volkskunst u. Volkskunde. München.
Mittheilungen zur jüdischen Volkskunde. Berlin.	Veröffentlichungen der Grossherzoglich Badischen Sammlungen für Alterthums u. Völkerkunde in Karlsruhe u. d. Karlsruher Alterthumsvereins.
Neue Carinthia. Zs f. Geschichte, Volks u. Alterthumskunde Kärnthens. Klagenfurt 1890.	Volkskunst und Volkskunde. München.
Przegląd Zakopiański. Zakopane-Kraków. Publications de la Société suisse des traditions populaires. Zürich.	Zs d. Vereins f. das Museum schlesischer Alterthümer. Cf. Schlesiens Vorzeit in Bild u. Wort.
Publications de la Section orientale de la	Zs f. Missionskunde u. Religionswissenschaft. Heidelberg.

Примѣчаніе. Настоящіе «Матеріалы» представляютъ собою опытъ сводки колективной регистраціи специальныхъ журналовъ по ЭАФА. и потому являются далеко не полными. Желательно, чтобы замѣтки и дополненія для 2-го исправленного изданія присыпались въ ИРГО на имя составителя.